

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2-С

Лазаревскій, Александр Матвеевич,
1834-1907

**ОЧЕРКИ,
ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ**

НО

ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

163

888

А. Лазаревского.

IV.

Съ рисунками.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мил. ун. д. № 4-7.

1898.

Slav 3227.429 (4-5),
✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAY 8 1969

DK508
:7
L29

Дозволено цензурою Києвъ, 3 февраля 1898 года.

Оттискъ изъ „Кіевской Старини“ 1896—1898 гг.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. По поводу ста лѣтъ отъ дня смерти гр. П. А. Румянцева. Стр. 1—76.
 2. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Пастернакомъ. Изд. К. Я. Грота. Тома 2 и 3. Сиб. 1896. (Рецензія). Стр. 26—31.
 3. Памяти Н. М. Бѣловскаго. Стр. 31—34.
 4. Вас. Григ. Рубанъ. Стр. 36—37.
 5. Кому принадлежить редакция Сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г.? Стр. 37—39.
 6. Чаша Богдана Хмельницкаго. Стр. 39.
 7. Александръ Михайловичъ Маркомичъ. Біографическій очеркъ. Стр. 40—94.
 8. Какъ основалась Кіевская Старина. Стр. 94—95.
 9. Главнѣйшіе моменты изъ исторіи Запорожскаго козацества, Д. Н. Зваричкаго. (Рецензія). Стр. 95—98.
 10. Поездка въ Полтаву. Стр. 98—103.
 11. О Малороссійскихъ перенесенныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Шингорова (Библиограф. замѣтка). Стр. 103—110.
 12. Два поддѣльныхъ историческихъ документа. Стр. 111—117.
 13. Гетманскіе дома въ Глуховѣ. (Къ рисунку). Стр. 117—124.
 14. Универсалъ гетмана Гаврилы Крутевича, 1603 года. Стр. 124—127.
 15. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кубанскаго козацкаго войска. Собранный и издаванъ Н. И. Дмитренкою. 3 тома. Сиб. 1896. (Рецензія). Стр. 127—134.
-

1. По поводу ста лѣтъ отъ дня смерти графа П. А. Румянцева.

8 декабря 1796 года, въ деревенской тиши и въ одиночествѣ, умеръ одинъ изъ главныхъ Екатерининскихъ полководцевъ и администраторовъ—гр. П. А. Румянцовъ, получившій за свои побѣды надъ турками прозваніе Задунайскаго. Но въ Малороссіи гр. Румянцовъ памятенъ не военными отличіями, а своею административною дѣятельностью: онъ поставленъ былъ во главѣ этого края въ к. 1764 года, когда было упразднено „гетманское правленіе“, и правилъ имъ 25 лѣтъ. Въ его управленіе Малороссія окончила свою автономную жизнь и была сравнена по управленію съ другими областями имперіи.

Въ настоящій моментъ, въ столѣтіе со времени смерти гр. Румянцева, уместно было бы помянуть его болѣе или менѣе обстоятельнымъ жизнеописаніемъ, но мы говорили раньше¹⁾ о полной бѣдности матеріаловъ для такого труда. Не повторяя уже сказаннаго по этому предмету, мы здѣсь приведемъ лишь нѣкоторыя черты изъ той дѣятельности гр. Румянцева, которая касалась Малороссіи.

Гр. П. А. Румянцовъ родился въ глухомъ молдавскомъ селѣ Строенцахъ, въ 1725 г. „Это случилось (говорить со словъ самого Румянцева его бывшій адъютантъ Ясновскій) тогда, когда мать его, Румянцева, выѣзжала встрѣчать мужа, бывшаго тогда посломъ въ Константинополь“²⁾. Родился Р—въ, повидимому, въ самомъ началѣ января, такъ какъ мать его уже 8 января,

¹⁾ „Кіев. Стар.“ 1895 г., мартъ, 885.

²⁾ Т. ж., 899.

1725 года писала къ императрицѣ Екатеринѣ I, прося ея быть восприемницею „новорожденного сына Петра“¹⁾. Въ 1738 году отецъ этого сына, извѣстный любимецъ Петра В., А. И. Румянцовъ, былъ назначенъ правителемъ Малороссіи и оставался на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ лѣтъ. Съ отцомъ жилъ въ Малороссіи и его сынъ. По возрасту въ это время молодому Румянцову нужно было учиться. Онъ и учился, при чемъ учителемъ для него былъ выбранъ мѣстный педагогъ Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ. Это былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ ученыхъ монаховъ Сенютовичей (изъ нихъ Іоанникій—извѣстный печерскій архимандритъ), проходившій курсъ сначала въ Черниговскомъ „коллегіумѣ“, а потомъ изучавшій „въ иностранныхъ земляхъ разные языки“²⁾. Возвратившись на родину, Сенютовичъ занялся обученіемъ „дѣтей въ школахъ“. Въ это время онъ и былъ приглашенъ „быть учителемъ“ молодого Румянцова. Ученіе шло повидимому успѣшно; по крайней мѣрѣ, Сенютовичъ настолько угодилъ отцу ученика, что не смотря на то, что учитель былъ „посполитаго званія человекъ“, въ 1739 г. его поставили Черниговскимъ полковнымъ судьей.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительные отроческіе годы оставили въ молодомъ Румянцовѣ слѣды его пребыванія въ Малороссіи на всю жизнь. Любовь къ мѣстному языку, о чемъ имѣются свѣдѣнія (см. ниже), должна была получить свое начало въ эти же отроческіе годы.

Первую извѣстность молодой Румянцовъ приобрѣлъ въ семилѣтнюю войну. Военные таланты его настолько уже обозначились въ эту войну, что, по преданію, Фридрихъ II тогда же говорилъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова! прочіе (русскіе генералы) для насъ не опасны“. Румянцову въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ Тепловскихъ свѣдѣній о происходящихъ въ Малороссіи „непорядкахъ управленія“, Екатерина II рѣшила уничтожить гетманство. На мѣсто отставляемаго гетмана нужно

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, изд. 7-го „Общ. Польза“, IV, 840.

²⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь, 322.

было выбрать человека, который сумел бы тихо и спокойно ввести въ этомъ краѣ общерусскіе порядки. Умѣніе Екатерины выбирать людей по мѣсту—обнаружилось и въ этотъ случай: выбранъ былъ сорокалѣтній Румянцовъ, которому и поручена была Малороссія въ управленіе съ обширными полномочіями.

Указомъ 10 ноября 1764 года учреждена была, вмѣсто гетманскаго правленія, Малоросійская коллегія, и президентомъ ея назначенъ гр. П. А. Румянцовъ. Послѣдній получилъ при этомъ отъ императрицы обширную инструкцію относительно управленія краемъ, требовавшимъ, по мнѣнію правительства, кореннаго переустройства. Въ инструкціи читаемъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширности, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества, но, напротивъ того, не менѣе извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понинѣ не имѣла. Сверхъ того, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразное смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ; отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привелегій и вольностей узаконеніе, а въ настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредныя, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣньность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великоросійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію“.—Затѣмъ, Румянцову поручалось обратить особое вниманіе на прекращеніе „переходовъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто“ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на утвержденіе планъ—„какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить“. Въ заключеніе инструкція указывала главную задачу новому правителю края—сглаженіе того антагонизма, который существуетъ между двумя народно-

стами.—„Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Стоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобмыкаетъ оказывать не непримѣтное въ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои опасаясь видѣть когда нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, страдая его сперва нечувствительною, а современнымъ и совершенною утратою правъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ наче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ беспорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственной корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ лъвнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устройемъ лучшихъ во всемъ порядковъ, увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однако жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостію, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность“.

Приведенные отрывки изъ инструкціи указываютъ, что правительство рекомендовало Румянцову главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы народъ „увидѣлъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его маленькихъ тирановъ“, т. е. защитить народъ отъ произвола старшины ¹⁾. На сколько же Румянцовъ исполнилъ эту задачу?—Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ заклю-

¹⁾ Вспомните, что ту же задачу давалъ и Петръ В., въ 1722 г., Вельяминову при учрежденіи тогдашней Малороссійской коллегіи.

чатся въ подообномъ обзорѣніи его дѣятельности по управленію Малороссіи. Но для такого обзорѣнія матеріалы далеко еще не собраны. Одно можно сказать, что выборъ Румянцова былъ очень удаченъ въ томъ отношеніи, что новый правитель былъ уже достаточно знакомъ съ тѣмъ краемъ, правителемъ котораго его назначили.

Въ званіи „главнаго малороссійскаго командира“, Румянцовъ прибылъ въ Глуховъ 7 апрѣля 1765 года и былъ здѣсь встрѣченъ пушечными выстрѣлами въ знакъ той большой власти, которая въ немъ совмѣщалась.—Въ то же лѣто Румянцовъ отправился объѣзжать Малороссію для личнаго знакомства съ краемъ, и употребилъ на этотъ объездъ два мѣсяца. Вернувшись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ уже въ началѣ сентября предложилъ Малороссійской коллегіи—произвести „произвести генеральную опись“ Малороссіи. Опись эта хорошо извѣстна людямъ, занимающимся исторіей Малороссіи. Между прочимъ, это была первая подробная перепись *всего податнаго* народонаселенія, при чемъ, кромѣ того, показано было и его имущество: движимое—въ скотѣ и недвижимое. Главнѣйшій результатъ этой переписки заключался въ томъ, что она полнѣе прежнихъ ревзій закрѣпила принадлежность лицъ къ тому или другому сословію и послужила на долгіе затѣмъ годы справочнымъ документомъ для „исканія вольности“—неправильно закрѣпленнымъ козакамъ. Другихъ результатовъ эта перепись не имѣла, да и имѣть не могла, потому что правительство, произведя эту „новую ревзію“, никакой задачей при этомъ, повидимому, не задавалось.

Обозрѣвая дальнѣйшую дѣятельность Румянцова въ Малороссіи, мы видимъ, что она распадается на два періода: первый, до введенія здѣсь общаго учрежденія губерній въ 1782 году, и другой,—послѣ открытія намѣстничества. Въ первомъ періодѣ Румянцовъ представлялъ собою, такъ сказать, того же гетмана, а Малороссійская коллегія—ту же генеральную канцелярію. Формы новаго управленія были очень похожи на прежнія. Но Румянцову указаны были задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ долженъ былъ немедленно приступить: облегчить народный бытъ и улучшить судъ. Относительно облегченія народныхъ тяжестей Ру-

мянцовъ немедленно же сдѣлалъ попытку переложенія натуральной повинности по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска, установивъ „квартильный“ денежный сборъ (по 1 р. 2 к. съ хаты). Авторъ „Исторіи Русовъ“ говоритъ, что этимъ распоряженіемъ Румянцовъ „успокоилъ разорявшій народъ воинскія команды, проходившія и квартировавшія“. Для сбора „квартильных“ денегъ учреждены были особые комиссары, на обязанность которыхъ возложенъ былъ сборъ этихъ денегъ и кромѣ того имъ поручалось „провожденіе войскъ переходящихъ и защищеніе жителей отъ обидъ“. Относительно суда—Румянцовъ измѣнилъ личный составъ генер. суда: вмѣсто погодно засѣдавшихъ въ немъ (въ помощь генер. судьямъ) выборныхъ отъ полковъ членовъ¹⁾, Румянцовъ въ 1767 г. назначилъ „непремѣнныхъ членовъ“ въ генер. судъ, при чемъ такими членами были назначены: Григорій Фридрикевичъ, Александръ Безбородко, Петръ Симоновскій и Сергѣй Дергунъ.—Всѣ эти лица, можно сказать, были лучшіе тогдашніе дѣльцы въ Малороссіи, при чемъ и репутація ихъ (покрайней мѣрѣ—первыхъ трехъ) была, повидимому, безупречна... Слѣдуетъ добавить, что этимъ новымъ членамъ Румянцовъ назначалъ жалованье, чего прежде не бывало. Генеральнымъ судьей Румянцовъ засталъ Илью Журмана, быть можетъ единственнаго изъ генеральн. судей XVIII в., не имѣвшаго пятенъ... При такомъ составѣ суда правосудіе въ немъ должно было быть, хотя до нѣкоторой степени, обезпечено...²⁾.

¹⁾ По распоряженію Разумовскаго 17 ноября 1760 года.

²⁾ Но и этотъ составъ суда не всегда удовлетворялъ Румянцова, какъ видно изъ слѣд. его „ордера“, выданнаго неизвѣстному впрочемъ намъ случаю. „Ордеръ. Господанъ членовъ суда генеральнаго. Господина коллежскаго совѣтника и Малороссійской коллегіи прокурора Семенова послалъ при семъ поданное мнѣ представленіе. Да изволитъ всакъ изъ васъ мнѣ подать объясненіе въ обстоятельствахъ его касающагося. Когда правда и законъ, хранитель оныя, должны одинъ управлять совѣстьми судей и ихъ дѣлами, то отъ чего между васъ сн несогласіи и разности мислей, которые описываетъ г. прокуроръ въ своемъ докладѣ? Прежде нежели еще я вижу, что вы скажете за свои поступки, одинъ только видъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе. Не воображайте! сколько будетъ моей тогда чувствительности, если бы испитаніе собственное меня удостовѣрило, что вы не тѣмъ путемъ слѣдуете, который пролагаетъ безпристрастіе, лучшая надежда и довѣренность къ вамъ. Генер. Г. Румянцовъ. Въ Глуховѣ. 1768 года, 1-го юля“. (Оъ подлинника).

Несомненно, что эти двѣ мѣры Румянцова принесли народу немедленно благіе результаты и современникъ (не оптимистъ) имѣлъ полное основаніе сказать, что Румянцовская коллегія „вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно...“. Одною изъ общихъ мѣръ первыхъ лѣтъ управленія Румянцова было запрещеніе въ 1767 г. выборовъ козаками сотенной старшинамъ. Дѣло въ томъ, что по „рѣшительнымъ пунктамъ“ Апостола было постановлено „въ сотни выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ“. Это постановленіе верховнаго тайнаго совѣта 1728 г. генеральная канцеларія очень часто не исполняла, замѣщая сотничьи вакансіи своими канцеларистами. Но Румянцовъ, повидимому, желалъ, чтобы существовавшее распоряженіе исполнялось точно, и когда въ 1767 г. въ Карабутовской сотнѣ открылась сотничья вакансія, то коллегія предписала Прилуцкой полк. к-ріи—при замѣщеніи этой вакансіи—исполнить правило 1728 года.—Выборы были произведены и два кандидата были представлены на утвержденіе въ Глуховъ, какъ и слѣдовало по „рѣшительнымъ пунктамъ“. Но вмѣстѣ съ представленіемъ полк. канцеларіи, Румянцовъ получилъ подробное описаніе той обстановки, при которой производились выборы въ Карабутовѣ сотника: оказалось, что при выборѣ перваго кандидата—вознаго Федоровскаго—главная часть выборщиковъ почти цѣлый день у него—„огорычъ пила“. Случилось такъ, что въ это время Румянцовъ выѣзжалъ на Бѣловежскую степь осматривать поселявшихся тамъ колонистовъ. Тутъ онъ услышалъ еще больше подробностей о Карабутовскихъ выборахъ. Всѣ эти свѣдѣнія заставили его сдѣлать распоряженіе о „недозволеніи нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось“, по тому основанію, что „они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе...“¹⁾. Взамѣнъ прежняго порядка, Румянцовъ распорядился, чтобы кандидатовъ въ сотенную стар-

¹⁾ Приводимъ здѣсь полный текстъ этого распоряженія.—„Познавши изъ некихъ аршіровъ предъсудительный обычай, который въ нѣкоторые времена ведется при выборѣ въ сотняхъ сотенныхъ старшинъ, что именуемо быть оними, стараются преклонять голоса козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія: вышествованія, которыми наговариваютъ даже до потеренія всякаго чувства собирающимся при

шину избирала полковая старшина вмѣстѣ съ сотниками и затѣмъ представляла бы ихъ на утверждение ему, Румянцову. Трудно сказать—какой порядокъ былъ лучше, но во всякомъ случаѣ „битые могоричей“ при выборахъ доходило до крайностей и такіе порядки требовали уничтоженія.

Мы не знаемъ ни одного частнаго случая гдѣ бы Румянцовъ проявилъ свою власть въ защитѣ народа отъ „маленькихъ тирановъ“, хотя нужда въ такой защитѣ, повидному, и действительно встрѣчалась, хотя бы, напр., при порабощеніи козаковъ с. Кличинецъ, генер. писаремъ Туманскимъ¹⁾. Можетъ быть, не всегда удобно было защищать народъ отъ этихъ „маленькихъ тирановъ“ уже и потому, что нѣкоторые изъ нихъ занимали мѣста ближайшихъ помощниковъ Румянцова по должности членовъ коллегіи...²⁾ Изъ восьми членовъ послѣдней, четыре были назначены изъ мѣстной

той козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общинъ здѣсь приклется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссію, не устыдился и во мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, жаловаться толики нѣкихъ козаковъ съ просьбами, чтобы я ихъ свередѣлялъ сотника, въ такомъ видѣ или одобреннаго. Съ крайнихъ негодованіемъ, смотря на сіи неблагопріятности, списходилъ однакожь до сего времени полубезвѣжеству, во въ послѣднюю битвостъ мою на Бѣловѣжской стѣнѣ подали мнѣ уже и формальныя о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корбутовской сотничьей вакансіи, возный Федоровскій, ища биты на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстивъ во обихованіи также козаковъ оныхъ властвують, отыскала отъ стороны войскового канцеляриста Соловского, согласовавшихъ на его избраніе и, словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того смыхать, старались превозмутить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ ина. — Въ такомъ состояніи дѣла, гдѣ столь подлая страсть превозмощаетъ надъ всѣмъ, во видно ли каждому, коль тернить правда, честность и заслуга лучшихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставитъ власть произвожденія на произволеніе нечѣжеству, которое ради всегда командира нѣтъ себѣ подобнаго. Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отыснуть обычай поводитъ до сего бывшій въ возмненіи худшихъ и во услажденіи достойныхъ людей, когда степеня адѣмнхъ чиновъ кон принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну властванія... „Записки Чернилъ Стат. Ком., II, 246.

¹⁾ См. „Чтенія въ Общ. Исторіи лѣтоп., XI, отд. 2, стр. 158 и слѣд. Въ этомъ случаѣ коллегія въ нояб. 1766 г. постановила рѣшеніе явно незаконное и, повидному, пристрастное въ пользу генер. писара и члена коллегіи Туманскаго.

²⁾ Пріятель, при доступности Румянцова, отомениа эти переходяи въ особубу пріятель съ этими помощниками, какъ указываютъ приводимыя ниже письма Румянцова къ тому самому Туманскому, который несомнѣнно былъ однимъ изъ „маленькихъ тирановъ“...

старшины, при чемъ первенствующимъ значеніемъ межъ ними пользовался генер. писарь Туманскій. Остальные четыре члена, назначенные изъ великорусскихъ чиновниковъ, будучи мало знакомы съ порядками края, повидимому, не имѣли особаго значенія въ дѣятельности коллегіи.

Вообще, отношенія Румянцова, какъ правителя края, къ крестьянскому населенію послѣдняго, пока представляются неясными. Извѣстно, что Румянцевъ очень скоро, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, явился обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Уже въ 1767 году онъ приобрѣлъ около Кролевецъ—с. Вишенки и ревностно занялся устройствомъ этого имѣнія, при чемъ усерднѣйшимъ помощникомъ въ его хозяйствѣ явился членъ коллегіи кн. Мещерскій¹⁾. Затѣмъ въ 1770 и 1775 г.г. Румянцовъ былъ пожалованъ обширными имѣніями²⁾, получивъ которыя, онъ сталъ въ положеніи той же владѣльческой старшины... При этомъ имѣемъ авторитетное свидѣтельство, что Румянцовъ былъ „скупъ и корыстолюбивъ“³⁾. Тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, была для него роль надзирателя за „маленькими тиранами“... Скопля земельныя богатства, Румянцовъ иногда позволялъ себѣ дѣйствія несовмѣстимыя съ его общественнымъ положеніемъ. Такъ, намъ извѣстенъ слѣдующій случай: желая округлить свои Кролевецкія имѣнія присоединеніемъ къ нимъ с. Добротова, Румянцовъ поручилъ Осипу Туманскому, (одному изъ своихъ приближенныхъ), спросить Добротовскаго владѣльца (б. тов. Матвѣя Холодовича)—не продастъ ли онъ ему эту маетность. Туманскій въ своемъ объ этомъ письмѣ къ Холодовичу, между прочимъ, добавилъ, что своимъ предложеніемъ купить Добротовъ „гр. Румянцовъ тѣмъ самымъ полагаетъ удовлетворить“ его, Холодовича, „такъ какъ

¹⁾ См. ниже—письмо Мещерскаго къ Румянцову.

²⁾ При этомъ Румянцову пожалованы были—въ *Нажинскомъ полку*: с. Кочуровка, Литвиновича, Райгородокъ, Царевка, Сохачи, Рожновка, Максимова, Володькова Дѣвица съ деревнями, Вел. Комелевка; въ *Стародубскомъ*: Тосальская волость, с. с. Чопковъ, съ деревнями, Донисковичи, Синій Колодезъ, Занншестъ; въ *Черниговскомъ*: с. с. Разлети, и Бужанка. Въ *Прилуцкомъ*: Парафіево съ деревнями и въ *Переяславскомъ*: с. с. Цибля, Барловка, Вергуни, Чоботки, Ясени, Канустици... Перечень этотъ, кажется, неполонъ.

³⁾ Кіевск. Стар. 1895 г., мартъ, 387.

задача Добротова не так утвердительно, чтобы наследники X—ча могли обнадежены быть спокойнымъ оного владѣніемъ“. Приведенныя фразы переводятся такъ: „главный правитель“ края, предлагая одному изъ его обывателей—продать ему маестность, тутъ же, для лучшаго воздѣйствія, добавляетъ, что тотъ универсалъ, который имѣется у владѣльца на эту маестность, недостаточно вѣропокъ, т. е. можетъ де оказаться и недѣйствительнымъ...

Съ другой стороны, ставъ въ положеніе мѣстнаго владѣльца и при томъ такихъ обширныхъ имѣній, Румянцовъ сталъ ближе къ краю и къ его интересамъ. Малороссія (лѣвобережная) стала для Румянцева не только его генераль-губернаторствомъ, но и тѣмъ краемъ, въ которомъ были сосредоточены его имущественные интересы... Малороссія не была его родиною, но отсюда получалъ онъ тѣ блага жизни, къ которымъ, какъ говорили, былъ былъ очень прилѣпленъ... Поэтому и весь тогдашній общественный мірокъ Малороссіи былъ Румянцову близокъ, какъ мірокъ людей во многомъ тождественныхъ интересовъ... Такимъ положеніемъ Румянцева въ его генераль-губернаторствѣ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что подручныхъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ почти исключительно изъ людей мѣстныхъ, и выбиралъ, слѣдуетъ сказать, искусно. Лучшіе его секретари взяты были имъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. Видно, что онъ внимательно относился къ работѣ даже и мелкихъ чиновъ. Вспомнимъ Безбородка, Завадонскаго, Чепу, Ясновскаго... Чепу, напр., взятъ былъ Румянцовымъ изъ Роменскихъ канцеляристовъ, а затѣмъ, въ началѣ текущаго столѣтія, этотъ самый Чепу отклонилъ отъ себя предложеніе Малороссійскаго генераль-губернатора быть правителемъ его канцеляріи. Яновскій—сынъ священника (Кролевецкаго уѣзда) взятъ былъ Румянцовымъ изъ Н. Сѣверской канцеляріи и скоро затѣмъ сдѣлалъ былъ его адъютантомъ (для чего Яновскому данъ былъ военный чинъ) и сталъ однимъ изъ ближайшихъ людей къ Румянцову. Впослѣдствіи этотъ Яновскій занималъ должность директора Нѣжинскаго лицея (1827—1835) и по своему уму и образованности—(учился въ Кіевской академіи)—былъ однимъ изъ лучшихъ его директоровъ¹⁾.

¹⁾ „Лицей кн. Безбородко“, Гербеля изд. 2-е, стр. 206—208.

Изъ общаго характера административной дѣятельности Румянцова слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ этой дѣятельности жестокости и крутыхъ мѣръ вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда всякій проступокъ противъ властей вызывалъ въ тѣ времена суровыя и тяжкія наказанія. Возьмемъ для примѣра такъ называемую „Нѣжинскую исторію“ 1767 г. Въ этомъ году въ Нѣжинскомъ собраніи шляхетства—избирался въ комиссію для составленія новаго уложенія депутатъ, которому тутъ же нужно было составить и наказъ. Депутатомъ избранъ былъ Селецкій, при чемъ Нѣжинское шляхетство, составляя для него наказъ, выразило въ послѣднемъ ходатайство и о возстановленіи въ Малороссіи гетманства ¹⁾. Селецкій не пожелалъ быть депутатомъ съ подобнымъ полномочіемъ, а требовалъ наказа такого, какой былъ составленъ Черниговскимъ шляхетствомъ (тамъ—осуждались порядки гетманщины и требовалось уравненіе Малороссіи съ остальными частями имперіи). Нѣжинскіе избиратели признали Селецкаго для депутатства негоднымъ и выбрали другого. Въ этихъ дѣйствіяхъ Румянцовъ усмотрѣлъ „затрудненіе вышняго начальства“, заслуживавшее наказанія и при томъ оцень строгаго, такъ какъ надъ виновными—согласившимися на наказъ съ ходатайствомъ о гетманствѣ и устранившимися отъ депутатства Селецкаго,—былъ назначенъ въ Глуховѣ судъ: надъ лицами, имѣвшими воинскіе чины—военный, а надъ стальными—гражданскій. Военный судъ приговорилъ 33 человекъ къ „лишенію живота“, а гражданскій (т. е. уголовный) приговорилъ другихъ 18 человекъ къ „вѣчной ссылке“. Приговоръ гражданского суда былъ сенатомъ отмѣненъ и виновнымъ было назначено шестинедѣльное тюремное заключеніе. Приговоръ военного суда тоже былъ отмѣненъ и „лишеніе живота“ было замѣнено восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ чиновъ. Все это происходило въ к. 1767 года, а въ нач. 1770

¹⁾ Такъ говорить, но живому преданію, А. М. Марковичъ въ одномъ письмѣ къ изд. имъ „Дневникъ Запискамъ“ своего дѣла (II, 410). Показаніе въ тогдашнія бумаги извѣстіе, что будто Нѣжинское шляхетство говорило о соединеніи „Нѣжинскаго уѣзда съ Запорожскою Сѣчью“ подъ одною гетманскою властью—(Решенія В. А. Микотина въ XXXVII присужденіи награды гр. Уварова, стр. 30)—основано, конечно, на какой то болтовнѣ. Ср. Ист. Россія, кн. VI, стр. 320.

года всѣ тѣ, которые судились военнымъ судомъ, были императрицею прощены, при чемъ „отобравши у нихъ чины“ были имъ возвращены¹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ Румянцева²⁾, который хотя и долженъ былъ сначала указать виновнымъ на строгость законовъ за такое противоправительственное заявленіе, какъ „Нѣжинская исторія“, но „вѣчную ссылку“, а тѣмъ болѣе „лишеніе живота“—какъ мѣры одной жестокости—Румянцовъ не могъ приетиковать, обладая большимъ и сповойнымъ умомъ...

Другой случай. Въ 1768 году Румянцовъ послалъ Лубенскаго полковника Кулябку, съ отрядомъ козаковъ, усмирять „возмутившихся“ жителей с. Клинцинецъ. Кулябка медлялъ, не зная какъ взяться за исполненіе порученія; эта медленность да еще въ рабочее время (дѣло было въ іюлѣ) надѣла его козакамъ и въ одно утро—77 человекъ изъ Кулябкинаго отряда и сами „возмутились“ и „не слушая приказа, запрягли возы и отѣхали въ дома свои самовольно“. Нарушеніе военной дисциплины въ этомъ случаѣ было слишкомъ разительное... „Бѣглецы“ были переловлены и отосланы въ Глуховъ, гдѣ „всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до дальней о нихъ резолюціи, приказано было заключить въ острогъ и употреблять на городовую работу“. Но не болѣе какъ мѣсяца черезъ два „бѣглецы“ были освобождены, при чемъ въ орденѣ Румянцева значилось, что „хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большому истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію, (sic) рождающемуся отъ утраченнаго мужества и всякаго военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго...“³⁾.

¹⁾ „Нѣжинская исторія“ подробно рассказана В. А. Малотвиномъ въ указанной его рецензіи на книгу—II-й томъ Опис. Ст. Малор. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 322.

²⁾ Приговоръ военного суда отиѣненъ былъ, конечно, Румянцовымъ, какъ леденъ, въ которомъ сосредоточена была вся въ краѣ военная власть. Тѣмъ болѣе, значитъ, онъ могъ имѣть вліянія на суди гражданскіе, особенно если дѣло казалоса какъ адѣс, возитани.

³⁾ „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп., XI, отд. II, стр. 184.

Нельзя не видѣть и въ этомъ случаѣ явнаго намѣренія Румянцова—обойти ту строгость наказанія, примѣненіе которой едва ли было бы умѣстно къ войску, которому „порядки военной службы“, повидимому, были едва знакомы. Тутъ нужны были, конечно, другія, общія мѣры.

Приведемъ еще и третій случай. Въ Глуховѣ недавна имѣлась особая рота „жолдаковъ“ (т. е. солдатъ), обязанность которыхъ заключалась, сначала, въ содержаніи карауловъ „въ дворѣ гетманскомъ“, а потомъ, позже, они состояли на посылахъ у „главныхъ командировъ“. Румянцовъ, видя бесполезность этихъ жолдаковъ, обратилъ ихъ въ „фузелерную роту“. Жолдацкіе офицеры, недовольные этою реформою, подговорили рядовыхъ жолдаковъ подать въ коллегію прошеніе—„не занимать ихъ Россійскимъ платьемъ и регулами“... Протестъ этотъ не понравился Румянцову и онъ, разслѣдовавъ дѣло, офицеровъ лишилъ чиновъ, а рядовыхъ жолдаковъ приказалъ наказать и посадить на годъ въ тюрьму. Но черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія жолдаки были освобождены, съ тѣмъ лишь, чтобы они ни въ какую солдатскую и козацкую службу употреблены не были“... Румянцовъ находилъ какое наказаніе достаточнымъ потому, что „они же жолдаки сіе учинили болѣе по ихъ невѣжеству, нежели съ точного умыслу“¹⁾.

Приведенные случаи указываютъ, что Румянцовъ обходилъ тѣ законныя строгости, которыя выражались въ формахъ жестокости...²⁾ Хотя факты 25-лѣтняго управленія Румянцова Малороссіей далеко еще не обследованы, но изъ того что уже извѣстно, мы видимъ со стороны Румянцова—постоянно спокойное отношеніе къ дѣлу.—Исполняя главную свою миссію—введеніе въ Малороссію общерусскихъ порядковъ—Румянцовъ съ

¹⁾ Это было въ 1766 г. См. Опис. Стар. Малороссія, II, 224.

²⁾ Извѣстный „Кляцковскій бунтъ“ (см. „Чтения въ Ист. Общ. Нестора, въ XI) выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ужасное опустошеніе „воступившихся“, вызванное рядомъ несправедливостей и насилій, но необходимости должно было вызвать особую кару. Приговоръ по этому дѣлу сенатъ представлялъ на утвержденіе императрицы. Кромѣ того, въ дѣлѣ Кляцковъ Румянцову, кажется, удалось познакомиться съ его существомъ.

этимъ дѣломъ не спѣшилъ: учрежденіе губерній было издано въ 1775 году, а въ Малороссіи оно введено только въ 1782 году. Такимъ образомъ, болѣе 17-ти лѣтъ Румяновъ управлялъ Малороссіей какъ бы при прежнихъ ея порядкахъ, при „несообразномъ смѣшеніи правленія воинскаго съ гражданскимъ“, какъ выразилась Екатерина II въ своей инструкціи. За это время Румяновъ успѣлъ вполне подготовить край къ той реформѣ, которую онъ же и вводилъ—открытіемъ въ Малороссіи намѣстничества. Главная подготовка состояла въ томъ, что за 17 лѣтъ Румяновъ успѣлъ „маленькихъ тирановъ“ приручить благами міра сего, „шляхетствомъ“ и чинами, послѣ чего успѣхъ реформы былъ обезпеченъ. Это между прочимъ доказывается и тѣмъ, что при открытіи намѣстничества, т. е. при введеніи въ край общеперскихъ формъ управленія, по представленію Румянова, назначены были мѣстные люди: въ Черниговскомъ—генералъ-поручикъ А. С. Милорадовичъ и въ Н.-Сѣверскомъ—И. В. Журманъ. Особенно интересно назначеніе послѣдняго. Журманъ, начавшій службу въ генер. канцеляріи съ 1739 году, въ 1756 году назначенъ былъ генер. судьей и оставался въ этой должности до своего назначенія губернаторомъ. Слѣдовательно, это былъ человѣкъ незнакомый, по предшествовавшей своей службѣ, ни съ какими новыми порядками; но Румяновъ 17 лѣтъ зналъ Журмана, какъ примуса въ генеральномъ судѣ, зналъ его дѣловитость и безупречную честность¹⁾. Выбирая при такихъ обстоятельствахъ Журмана въ губернаторы, Румяновъ видѣлъ въ немъ опытнаго и знающаго край человѣка, который въ свою очередь, получивъ отъ правительства право стать въ ряды привилегированнаго сословія, дѣлался сторонникомъ реформы. Вообще, при открытіи намѣстничества многочисленныя губернскія и уѣздныя должности пополнены были преимущественно людьми мѣстными²⁾, которые вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтая сословныя привилегіи, несомнѣнно могли только обезпечивать успѣхъ реформы...

¹⁾ См. замѣчательное по безпристрастію рѣшеніе генер. суда, подъ предсѣдательствомъ Журмана, по дѣлу жителей с. Клишинецъ—въ XI-й кн. „Чтения“ Историч. Общ. Востора.

²⁾ См. Списки Черниговск. двор. 1783 г. Черниговъ. 1890.

Во второй периодъ дѣятельности Румянцова въ Малороссіи мы видимъ—уже сравнительный его покой. Онъ только надзираетъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности всѣхъ чиновъ трехъ намѣстничествъ, зная, что главные изъ нихъ выбраны имъ лично, послѣ испытанной ихъ годности въ дѣлу. Особыхъ какихъ либо его распоряженій по управленію Малороссіей за это время мы не знаемъ.

Мало имѣемъ свѣдѣній и о частной жизни Румянцова за это время. Только по случаю путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ, сохранились свѣдѣнія—какъ принималъ Румянцовъ императрицу въ своемъ Вишенскомъ домѣ, 24 января 1787 года, и угощалъ ее здѣсь обѣдомъ, а въ это время—„гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, при чемъ исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа“¹⁾.

Имѣющіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Румянцова—страдаютъ общими мѣстами. А. М. Марковичъ говоритъ о немъ, что это былъ человѣкъ гордый и высокомерный, а ближайшій къ Румянцову человѣкъ, его „питомецъ“, говоритъ, что это былъ человѣкъ всякому доступный, простой, предпочитавшій въ пути „хижину поселяннина“—„каменнымъ палатамъ“²⁾. Самъ Румянцовъ въ одномъ частномъ письмѣ къ пріятелю пишетъ: „Степанъ Даниловичъ, по просьбѣ моей, одолжилъ меня кибиткою; она весьма выгодна, да только для походу тяжела по своей величинѣ; а вы, мой другъ, сами знаете, что я не имѣю привычки ни къ чему пространному... Итакъ, я васъ, мой всендежный другъ, покорно прошу одолжить меня кибиткою для походу небольшой величины“³⁾.

Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что Румянцовъ по своему образованію далеко выходилъ изъ уровня современныхъ ему генераловъ. Достаточно указать на представленный имъ императрицѣ проектъ—о заведеніи въ Малороссіи, во ослѣдствіе 30-

¹⁾ Киевск. Стар., 1890 г., декабрь, 408.

²⁾ Т. ж., 1895 г., мартъ, 385 и слѣд.

³⁾ Письмо писано въ декабрь 1768 г. Архивъ а.—вох. к.—ріе гр. П. А. Румянцова. Чтенія въ Моск. Общ. Ист., 1865 г., кн. I, стр. 166.

родать, а где можно, и по большим селам и деревням, — школы, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ „для благороднаго юношества“ и трехъ училищъ—„къ воспитанію дѣвцъ“. (См. ниже). Подобный проектъ, конечно, могъ быть предложенъ только человѣкомъ, хорошо понимавшимъ значеніе народнаго просвѣщенія...

Въ 1811 году была напечатана книжка—„Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго“. Кто былъ ея издателемъ—не извѣстно, но въ этой книжкѣ приведено, между прочимъ, слѣдующее любопытное свидѣніе: „Гр. Румянцовъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать его всѣми силами, и до того прославился своею любовью къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ гр. Румянцева лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда, услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти...“ Приведенная черта изъ характера Румянцева, конечно, не выдуманная, указываетъ, что въ 25-лѣтней административной дѣятельности Румянцева въ Малороссіи—имѣла свою долю значенія и любовь его къ этому краю. Можетъ быть этимъ слѣдуетъ объяснить и планы Румянцева, неосуществившіеся, о заведеніи въ Малороссіи школъ и богадѣльнъ¹⁾. Екатеринбургскіе генералъ-губернаторы

¹⁾ „Къ обученію юности во всѣхъ городахъ завести подшефныя школы для обученія читать, писать, сѣтъ и арифметикѣ, а гдѣ можно—и по большимъ селамъ и деревнямъ; опредѣлить учителямъ извѣстное жалованье изъ градскихъ доходовъ, укрѣпное, или дать имъ некоторые чины духовные при церквяхъ съ доходовъ... Сельскіе же школы должны быть содержаны владѣльцами и прихожанами, а обученіи діаконами или дѣтками за извѣстна, сверхъ обыкновеннаго ихъ дохода, опредѣленнаго награжденіа... Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный проектъ Румянцева объ образованіи въ монастыряхъ Кіевскомъ Братскомъ и Черниговскомъ Елецкомъ—высшихъ училищъ, съ выводомъ оттуда монаховъ и съ порученіемъ надзора за преподаваніемъ—богословскихъ наукъ синоду, а остальныхъ „свѣтскому правительству“, при чемъ училища эти должны быть „снабжены извѣстными и потребными числомъ учителей для благороднаго юношества малороссійскихъ, какъ россійскихъ, въ тѣхъ наукахъ искусныя, такъ и иностранныя, на содержаніи изъ доходовъ изъ снѣгъ монастырямъ съ принадлежащими деревнями... Не забылъ Румянцовъ и женскаго образованія: „Къ воспитанію изъ дѣвцъ, а особливо вѣнцуцкихъ кажутся быть способными Кіевско-Фроловскій, давнѣй Глуховскій и Черниговскій-Пативцкій“. Изъ нихъ

такихъ вопросовъ въ своей дѣятельности обыкновенно не возбуждали...

Все сказанное здѣсь о правительской дѣятельности Румянцева въ Малороссіи приводитъ насъ къ заключенію, что человекъ этотъ относился къ ней добросердно и потому имѣетъ право на нашу добрую о себѣ память.

Приложенія.

1. Письмо кн. П. Ст. Мещерскаго къ гр. П. А. Румянцову о, Вишненскомъ хозяйствѣ. 1769 г., 18 іюля.

Милостивый Государь! Въ великомъ прискорбіи нахожусь, что при теперешнихъ нашего сямтельства многотруднѣйшихъ пометенныхъ репорты мои, непринсящие ко удовольствію ничево, доходятъ, а къ предупенію (sic) и расточая всѣ мои силы, не могъ ничево здѣлать.

Милостивый Государь! Возвращаясь я изъ колоніи, былъ въ Вишенкахъ, нашолъ въ Черешенкахъ работы въ нарочитомъ успѣхѣ, кроиъ подрядившагося мастера съ каменщиками дѣлать въ домѣ штукатурную поцъ поголками подмазку и скотной дворъ. Онъ не знаю кѣиъ сысканъ, только сущей бездѣльникъ, вместо тридцати человекъ, болше не поставилъ десяти и то пяницъ такихъ, што, поробовавши нѣсколко дней, разбѣжались. Изъ Вишенекъ послалъ я

Румянцовъ полагалъ чинами также ввести, „оставя томо для явля и обученія извѣстнаго числа дѣвицъ... „Построеніе госпиталей къ цѣленію бѣглыхъ и къ спасенію иногда несчастливыхъ жевщичъ („спасающихъ себя отъ стыда и поношенія въ первомъ шроксимизмъ умерщвленіемъ своего народа“) весьма нужно... „Сборникъ Русск. Истор. Общ., X, 18 и 19. Хотя здѣсь и сказано, что докладъ Румянцова по отныи вопросамъ былъ представленъ императрицѣ 18 мая 1765 г., но это была ошибка. Мы видѣли уже, что Румянцовъ пріѣхалъ въ Глуховъ только 7 апрѣля 1765 г. и конечно за сорокъ дней онъ не могъ настолько познаться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи, чтобы написать такое всестороннее изложеніе нуждъ края. Несомнѣнно, что редакторами „Сборника“ въ датѣ допущена ошибка. Упомянутый докладъ Румянцова долженъ относиться развѣ къ концу 60-хъ годовъ, а можетъ и того позже. Краткій планъ улучшеній разныхъ учрежденій въ Малороссіи (а въ томъ числѣ училищъ и богадѣленъ) составленъ былъ Румянцовымъ только въ томъ 1767 г. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, V, отд. 3, стр. 100—111. Въ брошюрѣ Авсеенка „Малороссія въ 1767 г.“ (Кіевъ. 1864.)—эта самая „зависка“ Румянцова помѣчена—25 мая 1765 г. Дата тоже едва ли вѣрна.

въ два мѣста, и, приѣхавши теперь сюда, смыскаю и какъ возможно буду старатца доставить туда людей. Земная работа на обѣихъ плотинахъ и обдѣлка берега производятца еще, а какъ за приближавшимся сѣнокосомъ и жнивномъ чрезъ нѣсколько дней перестануть люди нанятыя, то продолжатца она окончаніемъ до осени, ибо по расположенію Гиржберга невѣроятное множество къ насмыкъ плотинъ земли надобно. Однако жъ мнѣ видятца—что не напрасно.

Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что надъ двери будутъ, шесть уже отдѣлано, а остальные пять еще не начинаемъ. Въ галерею на стѣны рямы обдѣланы и пишутся; вкусъ писма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подиѣсами окрашенъ—уповаю апробацію вашего снѣтательства мнѣ будутъ, толко жалѣю о медленной работѣ: маляръ тамъ самъ и дѣйствительно восьмь человекъ у него помощниковъ, а больше всего остановку здѣлаетъ штукатурная подмазка потолоковъ. Цѣтникъ одинъ хорошева вкуса, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлываетца жъ. Прошлагоднаго саженія деревья всѣ, какъ штанбовые, такъ въ шпалѣрахъ и прочіе, очень хорошо принялись и мало подсадки будетъ, а нынѣшняго, особливо изъ шпалеръ вишень, много присохло. Оранжевыеяныя прежние деревья невѣроятно вашему снѣтательству будетъ, какъ теперь поправились и въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ, такъ что не хуже стали вновь привезенныхъ. Оранжеяныя половина выкрашена жъ. Въ прудѣ, что передъ тарасаня, воды ужъ аршина на полтора глубиною, и въ верхвей плотинѣ немного осталось свай битъ; а для скотнова двора толко половину фундамента каменного здѣлано; теперь зачали на него лить лѣсъ и вязать будутъ. Для мельницы на Деснѣ поехалъ вчерась Гиржбергъ свай битъ; прежде жъ нельзя было за величиною воды. Съ отъезду вашего снѣтательства въ расходѣ въ Вишенкахъ денегъ болѣе полуторы тысячи уже. По хозяйству экономія тамъ кажется порядно идетъ. Садовникъ, бывшей у Ильи Васильевича, нѣсколко дней тамъ былъ, но въ приездъ мой туда отежалъ онъ въ Глуховъ; толко и здѣсь не засталъ я его, а сказываютъ, что вчерась опять туда поѣхалъ. Нанять его на коронной щотъ старатца буду. Въ отъездъ мой отсюда, привезенъ отъ вашего снѣтательства ящичекъ, въ немъ нашель я модели гланскова ботника и шлюбки съ рисунками—къ строенію по нимъ, а ничево объ нихъ не писано, то здѣсь ли прикажете до времени сохранять или въ Вишенки отпривить? Тако жъ и о парадной каретѣ: отправлять ли еѣ къ Москвѣ или здѣсь оставатца, не имею повелѣній, котораго въ ожиданіи остаюсь. О колоннестахъ катю-

ликахъ изъ хлебопашцовъ, жителей Великого и Малаго Вердера ¹⁾ преступившихъ боемъ шульца и судью, по поводу неѣжки патера, какъ и по силѣ данного миѣ отъ вашего сиятельства отъ 29-го майя ордера, долженъ ихъ отослать суду генеральному и далъ уже графу Капуани ордеръ о присылкѣ зачѣпщиковъ четырехъ человекъ въ оной судъ, предварительно осмеливаюсь просить вашего сиятельства не соизволено ли будетъ безъ рѣшенія судовова, наказавши ихъ, при колоніи оставить, ибо если по рѣшенію надъ ними въ судѣ вышолнитца, то семьи ихъ, въ малолѣтнихъ дѣтахъ состоящие, останутца безъ отцовъ и оныхъ хозяйство. Отъ приѣхавшихъ сюда къ Щенавскому по паспорту за рукою Василицкова людяхъ, на репортъ мой отъ 1-го іюня учиненной, о снабдѣніи резолюцею прошу жъ. Онъ всякой день и староста Дембовской неотступно докучаютъ, такъ же и изъ гарнизона Уманскаго желающихъ изъ фузилерную роту—можно ли опредѣлять, ибо изъ нихъ нехотящие въ полской службѣ оставца, начинаютъ побѣги уже дѣлать. Я же со всеглубочайшею верою преданностію и до конца жизни моей пребуду вашего сиятельства, многостяваго государя всепокорнейшей слуга князь Платонъ Мещерскій.

Глуховъ. Іюль 18, 1769 году.

2. *Пять писемъ гр. Румянцова къ генер. писарю В. Г. Туманскому. 1771—1789 г.г.*

а) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я бы хотѣлъ больше воздать, нежели въ однихъ словахъ благодарностию за толь одолжительную обсылку меня делкатною провизією, которую знакомъ приешлю усерднаго вашего обо миѣ воспоминаія, но случай не подаетъ миѣ другихъ къ тому способовъ; такъ и еще благодарю наипривзательнѣе за милость любезной супруги вашей, коея собственные труды дѣлаютъ миѣ тѣмъ пріятнѣе сей гостинець.—Въ показаніе моего неприяннаго къ вамъ доброжелательства, я увѣдалъ, что г. Яковскій близкою причтается роднею фамиліи вашей, изъ уваженія къ тому опредѣляю его, по его желанію, есауломъ полковымъ въ Прилуки; и къ удовольствію прииму, если вы укажете какой миѣ случай, въ которомъ бы я могъ дѣлая вамъ угодное, подтвердить то велиценѣрное почтеніе, съ которымъ пребывать честь миѣю вашего высококордіи покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

Марта 31-го дня, 1771 го. Изъ главной квартиры города Яссы.

¹⁾ Колоніи, поселенныя въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи.

б) Государь мой Василей Григорьевичъ! Намчувствительнѣйшей благодарности и истиннаго признанія исполненъ я вамъ за неоставленія меня вашимъ пріятнѣйшимъ писемомъ, такъ какъ и дражайшей супругѣ вашей за благосклонную обсылку собственныхъ ея трудовъ, всеискренно желаю находить ежевременно случаи къ изъявленію вамъ готовности моей къ услугамъ вашимъ. На снѣхъ дняхъ я увидѣлъ изъ коніи указа правительствующаго сената въ коллегію присланнаго, что бунчуковый товарищъ Якимовичъ чрезъ сына своего (имѣлъ?) въ сенатѣ жалобу на отдачу комиссіи и сходное той опредѣленію коллегіи о хуторѣ, имѣ заведенномъ въ дачахъ Чертовничихъ. Не разиростраиваясь о дѣлѣ семъ, намъ довольно извѣстномъ, скажу только мое удивленіе, что въ то время, когда уже сіи жалоба какъ видно въ сенатѣ занесена была, сей человекъ прислалъ друзей сына своего съ вѣрующимъ ко мнѣ для испрошенія оставить отбираемое въ его владѣніе. Я не знаю совѣстна ли тутъ апелляціи и задержаніе исполненія, гдѣ указомъ 1763 года судной образъ отверженъ, а разборъ слѣдствіемъ предписанъ?—Прошу только васъ всепрілежно не упустити употребити средства къ сохраненію цѣлости снѣхъ имѣній, чтобъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ не потеряли крайняго опустошенія отъ неправедно ими владѣвшихъ. Я не сомнѣваюсь, что вы, государь мой, по праносудію вашему и по благосклонности ко мнѣ, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ надлежащую мнѣ помощь подать не отречетесь и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. Румицовъ¹⁾.

Марта 4-го, 1773 го. Изъ Ясса.

в) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я уведомленъ, что отдача всеимлостивѣйшее пожалованіемъ мнѣ въ Малороссіи деревень вънесена въ коллегію, но не зная отправлена ли она въ правительствующій сенатъ, въ полной надеждѣ на дружество и благосклонность вашу, прошу васъ всепрілежно дать мнѣ знать о томъ; и ежели она не отослана, то какіе причины его удерживаютъ. Пользуясь въ прочемъ симъ случаемъ, свидѣтельствую вамъ и любезной

¹⁾ Все писмо, кромѣ поданна, написано собственноручно А. А. Безбородковъ. Дѣло идетъ о хуторѣ, который поселилъ одинъ изъ Якимовичей въ дачахъ д. Чертовничъ, вошедшей въ составъ Топальской волости, а прежде находившейся во владѣніи полк. хоруж. Ст. Якимовича „до ласки войсковой“. (См. Ол. Ст. Малор., I, 375). Въ сосѣдскихъ земельныхъ спорахъ съ Якимовичами—гр. Румицовъ обращается здѣсь въ канцелярской помощи Тунашевскаго.

супруге вашей мое искренное и совершенное почтение, и есмь вашъ покорной слуга Г. Румянцовъ.

5-го Августа, 1773 го. Изъ лагеря при рѣкѣ Явонницѣ.

г) Государь мой Василей Григорьевичи! Благодаря вамъ отъ всей искренности за ваше ко мнѣ добротное расположеніе, коего ни время, ни дальная отлучка не истребили изъ вашей памяти, я обращаю во взаимство вамъ, моему лучшему другу, всеусердныя мои желанія въ сень новонасташемъ и премногихъ будущихъ, съ любовною вашею фамиліею, увидѣть изобильно всѣ и всякіи благощастія и преусибишіи въ номыслиномъ вами, и сохраняя непремѣнно ваму ко мнѣ благосклонность пребыть удостовѣреннымъ, что я всегда останусь съ отличнымъ почтеніемъ и истинною преданностію покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

С. П. Бургъ. Генвара 28 дня, 1777 года.

е) Милостивый государь мой, Василей Григорьевичи! По усердному моему къ вамъ и ко вашему дому расположенію, я беру всею участіе и искреннее сожалѣніе въ вашей печали, о кончинѣ любовной дочери вашей, и изъ всякаго случая, гдѣ мнѣ только возможно оказать вамъ мою услугу, дѣлая себѣ отличное удовольствіе, обратилъ я на то и себѣ, что вы подали мнѣ касательно отсрочки вашему сыну. Онъ можетъ остаться у васъ по май мѣсяцъ, и я включаю ему здѣсь паспортъ, и желаю отъ всего моего сердца, чтобы сіе мое писмо нашло васъ въ наилучшемъ здоровьѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, что я имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Г. Румянцовъ.

Марта 19-го дня, 1789 года. Г. Ясен¹⁾.

2. Черты характера гр. П. А. Румянцева.

Въ одной рукописной повѣсти А. М. Марковича (1790†1865), издателя «Дневныхъ Записокъ» его дѣда Якова Марковича, мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Въ часъ досуга онъ (одно изъ лицъ повѣсти) забавлялъ его милость (другое лицо повѣсти), рассказывая, напр., великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины чрезъ Новгородсѣверское намѣстничество, какъ принималъ ея величество гр. Румянцовъ, какъ жилъ

¹⁾ Всѣ приведенныя письма печатаются съ подлинникомъ. Письма къ Туманскому получены нами отъ гр. Г. А. Милорадовича.

онъ въ своихъ готическихъ замкахъ въ Вишневкахъ и Ташапѣ, какъ выши съѣлъ у него (Румянцева) 20 тысячъ ассигнацій, какъ въ разговорѣ называлъ онъ всѣхъ—батушка, какъ одного простодушнаго просителя узѣрили, будто графъ любитъ, чтобы его называли такъ-же, и какой отвѣтъ получалъ отъ графа проситель на это фамилярное пріѣтствіе; какъ графъ любилъ, по окончаніи обѣда, сидѣть часа по два за столомъ, часто къ большому затрудненію собесѣдниковъ, какъ спросилъ онъ однажды у г. Жоравки (Ив. Тим., генер. есаулъ и членъ малорос. коллегіи)—скажите, батюшка, кака самая выгодная промышленность въ Малороссіи? и какъ тотъ отвѣчалъ: быть опекуномъ, ваше сіятельство! какъ портной Занка просилъ чина и какъ фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы онъ сплелъ ему, не сивымъ мѣркамъ, мундиръ... Нѣтъ сомнѣній, что всѣ приведенныя здѣсь подробности взяты Марковичемъ изъ разсказовъ лицъ, лично знавшихъ Румянцева, такъ какъ Марковичъ всю жизнь прожилъ около Глухова и въ своей молодости, конечно, зналъ многихъ современниковъ знаменитаго правителя Малороссіи. Относительно съѣденныхъ мышами ассигнацій можно сказать, что этотъ случай былъ очень возможенъ при томъ значительномъ скопленіи денегъ у Румянцева, какое у него, повидному, бывало обыденнымъ явленіемъ. У насъ имѣется рукописный «Журналъ» представленій его сіятельству г. генералъ-фельдмаршалу, многихъ орденовъ кавалеру, сущему побѣдителю Оттоманской имперіи», веденный въ 1792 г. однимъ изъ управляющихъ Румянцева—Подлузскимъ; въ этомъ «журналѣ» находимъ, напр., счетъ денегъ, имѣвшихся въ мартѣ 1792 г. въ Черешенкахъ, *въ кладовой*. Въ этомъ счетѣ значится:

1) «Пріемъ покойнаго Петра Мартыновича Юркевича: серебряныхъ—23681 р. 64 к.; золотыхъ имперіалами—830 р.; голландскихъ червонныхъ на 28 р. 50 к.; ассигнацій—46375 р.; мѣдныхъ—21277 р. 55 к.».

2) «Пріемъ флигель-адъютанта Дняла Петровича Юркевича въ 1790 г.: ассигнацій на 41000 р., мѣдныхъ—3417 р.».

3) «Къ оному числу 1791 г. вступило: ассигнаціями—43155 р., мѣдными—5758 р.».

Выѣстъ съ тѣмъ показанъ, впрочемъ, и расходъ; ассигнацій въ расходъ значится—24800 р.; слѣдовательно въ мартѣ 1792 г., въ Черешенской *кладовой* находилось ассигнацій на 105730 р.—При такомъ обиліи бумажекъ было тѣмъ и мышамъ поживиться...

3. Хозяйство гр. П. А. Румянцева.

(Донесеніе одного изъ его управляющихъ).

Извѣстно, что въ 1789 г. Румянцовъ фактически пересталъ быть правителемъ Малороссіи и поселился въ своемъ имѣніи Ташани. Тутъ онъ прожилъ безвыѣдно до самой смерти. Удалившись отъ дѣлъ, Румянцовъ продолжалъ, по возможности, слѣдить за хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ «экономіяхъ». У насъ имѣются свѣдѣнія о хозяйствѣ Румянцева въ слѣд. шести экономіяхъ: Гомельской, Топальской, Кочуровской, Вишневской, Дѣвицкой и Парафѣевской. Въ каждой изъ этихъ экономій былъ особый управляющій, при чемъ въ Вишневкахъ сосредоточено было главное управленіе имѣніями. Въ 1792 г. Румянцовъ нашелъ нужнымъ поставить надъ всѣми этими управляющими особаго надзирателя или ревизора, въ лицѣ одного изъ Н.-Сѣверскихъ чиновниковъ наемъ совѣти. Осипа Подлужскаго; послѣдній былъ обязанъ, въ свободное отъ службы время, объѣзжать экономіи для подробнаго ихъ осмотра, о чемъ затѣмъ и доносилъ Румянцову, въ Ташань. Одно изъ такихъ донесеній Подлужскаго объ осмотрѣ имъ, лѣтомъ, въ 1792 г., Кочуровской и отчасти Вишневской экономій я приводимъ здѣсь, какъ заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и богатствахъ Румянцева въ Черниговскихъ его имѣніяхъ.

«Случившіеся четыре свободные отъ присутствія 21, 22, 23 и 24 сего мая дни, къ великому моему удовольствію, употребилъ оные на поездку въ Кочуровку ¹⁾... Тамъ пошелъ я съ Старцевымъ (управляющимъ Кочуровскими) вовнутрь большого дворца и нашелъ я въ господскихъ покояхъ желаемую чистоту; въ нижнемъ этажѣ на полу, въ залѣ, на двохъ брускахъ, стоитъ одинъ кожанъ обитый за замками и печатью Старцова сундукъ, съ дороги турецкими на лошадей попонами, уздами, саблями, кинжалами, пистолетами и прочими принадлежанными къ тому вещами; я велѣлъ отпереть сундукъ и всѣ вещи освидѣтельствовалъ; хотя и немалѣйшей сырости воздуха въ сундукѣ не было, но въ случившійся тогда хорошій день все приказалъ пересушить, и всѣ богатые на сѣдлы покрывали налагаемые, видѣлъ въ совершенной цѣлости... Въ верхнемъ этажѣ большихъ покоевъ хранящуюся хрустальную посуду приказалъ перетереть и всю янль очистить. — Въ круглой залѣ на потолокѣ показывается отъ дождя течь и отъ оной въ местахъ почернѣло; кровля неминуемо требуетъ по-

¹⁾ С. Кочуровка — въ Глуховско-е уѣздѣ; теперь — Кучеровка.

повлелія. Вышедши изъ большихъ покоевъ на лѣво, былъ я въ флигелѣ;—тамъ цѣлостно хранятся въ ящикахъ серебряныя, фарфоровыя и протчія разныя вещи, коихъ всѣхъ по описямъ не могъ и пере-свидѣтельствовать, а только наружно обоарѣлъ. На правую сторону большихъ покоевъ, въ погребѣ—разныя вины и ратафія въ пѣску, въ бутылкахъ, цѣлы; а конъ въ ящикахъ, то нѣмѣя неполны бутылки, а нѣмѣя (какъ сказываетъ Старцовъ) полопались и сихъ послѣднихъ также и стекло разбитое хранится. Въ томъ же погребѣ и фалисовая посуда лежитъ...

Близъ большого дома, въ саду—карповъ много, но всѣ малыя, а у Черешенкахъ я ни одного карпа не увидѣлъ, видно зимой, не имѣя продувантѣ, задохлись. Въ аранжереѣ деревьевъ лимонныхъ, апельсиновыхъ и протчихъ родовъ съ плодами и цвѣтами, такъ же и раз-ной для стола зелени изобилно, и огороды разныя для стола и поварни сѣменами засажены и хорошо удобрены. Въ садахъ деревья яблоновыя и грушевыя отдѣльны, и гусени обчищены, словомъ садовника, по моему малому знанію, нашолъ я въ должности исправ-ныхъ. Огороды конопляныя, а нѣмѣя аринныя сѣменами засѣяны и рожъ на всѣхъ около Кочуровкѣ нѣмѣя объщаетъ богатую жатву. Заключаю бытіе мое въ Кочуровкѣ снѣмъ, что управленіе тамошнимъ хозяйствомъ Старцова, имѣющаго страхъ и радѣніе къ добру госпо-дина, ни малѣйше меня не огорчило, а къ большому его куражу объ-щаль я испросить ему милость у в. сіятелства. Десятый уже годъ, опредѣленный отъ митрополита Кіевскаго въ Кочуровку священникъ Антоній Голяховскій, есть человекъ благоговѣйный и въ своемъ званіи и должности прилѣжный и скромный. Онъ, устроивши тамъ домишкокъ и все нужное, безмѣрно тревожится теперь, что нѣтъ ему утвержденія отъ соизволенія в. с—ва. Я навѣдывался о его состояніи у крестьянъ Кочуровскихъ и у Старцева: всѣ единогласно доброе объ немъ говорятъ. Да и самъ преосвященный вчера приказалъ мнѣ доложить в. сіятелству, что сей священникъ заслуживаетъ по его добрымъ качествамъ быть въ Кочуровкѣ. А ежели соизволите и дру-гого ково туда назначить, то хотя и исполнить преосвященный на-воленіе в. с—ва, но сей добрый іерей въ общѣ останется. (Сія слова суть преосвященнаго).

При совершенной моей преданности и таковой же благодарности за премногія в. с--ва ко мнѣ милости, явжайше вторично прошу о подносителѣ сего Лиъ Дѣнковскомъ ¹⁾. По сущей истинѣ признаюсь,

¹⁾ Близъ Н.-Свѣрскаго протоіерей.

что на отецъ его, ни онъ самъ и никто меня не просилъ рекомендовать в. с.—ву. Но узнавъ о его добрыхъ качествахъ и охотномъ трудолюбии, немѣющаго притомъ покровителя и дарующаго насущный, осмѣлился отпривить его при семь, довольно зная и принявъ, что и я, и мнѣ подобныя, старше в. с.—ва слуги, получивши и чины и пропитаніе, работаемъ не съ такимъ уже рвеніемъ и прилѣжностію, когда мы ничего не имѣли. А сей юности — вѣрно не упустить употребить весь свой трудъ, чтобъ заслужить у великаго въ свѣтѣ героя, великихъ для себя милостей на будущее продолженіе своей полезной жизни. Чина хотя онъ и не имѣетъ, но позволяетъ законъ давать чинъ за науки. Вижу и принимаю и не могу но совѣсти не сказать, что Вишенское главное правленіе одно толко имѣетъ на себѣ именваніе, а полны ни малѣйшей, хотя Данило Петровичъ и сидитъ съ Кокоревымъ надъ мѣсячными, присылаемыми изъ другихъ экономій вѣдомости. Я ему совѣтовалъ, что бумагу можно разсмотрѣть въ два дни, а прочіи 28 каждаго мѣсяца дни — лучше употребить на обозрѣніе хозяйства и таковыя частныя обозрѣніемъ дать принявъ каждому прикащику держать ухо востро. — Тутъ то бы вся въ хозяйствѣ исправность получила лучшей видъ и пользу. Предъ симъ, въ послѣднюю мою бытность въ Черешенкахъ, былъ я трожды (sic) у Данила Петровича. Онъ мнѣ ни одного слова про экономію не упомянулъ. Вѣсма мнѣ чувствительно, что таково его молчаніе не отвѣчаетъ моему усердію — в потому просилъ я его, чтобъ пожаловалъ ко мнѣ поутру. Тутъ то я расположился спросить у него наединѣ — почему многія сотни строевого лѣса отъ пилной машины по разнымъ рукамъ ищали? Почему скверны сѣна въ чужую пользу послужили? (о всемъ мнѣ Домбровскій¹⁾ сказывалъ). Да еще желалъ я получить точное отъ Дан. Петр. объясненіе, какой ради причины мною въ Черешенскихъ денегъ, противу его вѣдомости собственнаго его приѣма, нашолъ я лишнихъ 1066 р. съ конейками. Но на другой день вмѣсто посѣщенія его, услышалъ я отъ Домбровскаго, что уже онъ въ 5-мъ часу утра въ Коронъ уѣхалъ. И такъ я, чтобъ не просрочить, отехалъ къ моей должности въ Новгородъ. Касательно главноуправляющаго Дан. Петровича необходимо нужно аккуратный щотъ произвестъ по всѣмъ документамъ приѣма и расхода денегъ, и начавши оный не долженъ ни я безъ него, ни онъ безъ меня — въ кладовой быть до совершеннаго окон-

¹⁾ Вишенскій управившій.

чанія; тогда точно узнать можно справедливо ли говорить, что и въ Коронѣ изъ Черешенекъ ассигнаціи производятся... 1).

Упомянутый здѣсь Данило Петровичъ Юркевичъ былъ сынъ подполковника Петра Мартыновича Юркевича, одного изъ адъютантовъ Румянцева. Последний, будучи адъютантомъ, въ то же время былъ и главноуправляющимъ имѣніемъ Румянцева. Въ это время онъ купилъ себѣ Кролевецкое село Рождественное (изъ имѣній генерала Штофельна), въ которомъ было тогда болѣе тысячи крестьянъ. П. М. Юркевичъ управлялъ имѣніемъ до своей смерти, а послѣ его смерти управленіе это поручено было его сыну Данилу Петровичу, при чемъ денежные суммы сначала были въ завѣдываніи его матери Ирины Петровны (рожд. Лайкевичъ). Д. П. Юркевичъ раньше былъ «поручикомъ при штатной кроновскаго уѣзда командѣ», а потомъ онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Румянцева. Эту должность онъ сохранялъ и въ 1792 г. Во время управленія имѣніемъ Румянцева, Д. П. Ю—въ купилъ имѣніе въ с. Гирявѣ, Конотовскаго уѣзда, которое потомъ досталось его сыну Николаю и дочери Ульянѣ, по жужу Влохвиной

4. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Тома 2-й и 3-й. Спб. 1896. въ 8 д. л.

Первый томъ «Переписки» былъ изданъ въ 1895 г. и заключаетъ въ себѣ множество интереснаго матеріала, какъ о русской литературѣ 40-хъ годовъ, такъ и о людяхъ, стоявшихъ около нея. Вышедшіе теперь два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ тоже много, хотя мелкихъ, но иногда очень характерныхъ фактовъ изъ исторіи тогдашняго общества и литературы. — Для насъ особенно интересны, имѣющіяся въ этихъ двухъ томахъ «Переписки» свѣдѣнія о первыхъ шагахъ молодого въ то время г. Кулиша на литературномъ и общественномъ поприщѣ, при заслуженной поддержкѣ вліятельнаго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева.

Свѣдѣнія эти приводимъ здѣсь въ отрывкахъ изъ писемъ, обозначая при послѣднихъ—годъ, число и мѣсяцъ.

1) Точками обозначены опущенныя мѣста (не имѣющія интереса) въ письмѣ.

1845 г. 2—II. «Нѣкто Пантелемонъ Кулѣшъ изъ Кіева, авторъ историческаго очень интереснаго романа (особенно по многочисленности фактовъ для исторіи Малороссіи) «Михайло Чарлышкѣво», прислалъ мнѣ пять главъ изъ новаго своего еще непечатавшаго романа: «Черная рада». Его письмо и сочиненіе препровождены мнѣ Юзефовичемъ, помощникомъ кіевскаго попечителя, который рекомендуетъ мнѣ его, какъ человѣка и съ талантомъ, и съ благими намереніями».

— 22—VIII. «Въ нашъ университетъ понадобился для инородцевъ учитель русскаго языка... Я остановился на Кулѣшѣ, который прекрасно (какъ вижу по письмамъ) знаетъ языкъ и желаетъ служить въ Петербургѣ».

— 7—XI. «На дняхъ жду Кулѣша. Мечтается мнѣ, что онъ сниметъ съ меня много заботъ по Современнику¹⁾. Его письма заставляютъ меня надѣяться, что онъ пойметъ мою систему и исполнитъ ее».

— 14—XI. «Пріѣхалъ Кулѣшъ. Я велѣлъ ему ко мнѣ перебраться до пріисканія квартиры. Обѣдаетъ и чай пьетъ онъ со мною, а работаетъ и спитъ въ моемъ кабинетѣ, что въ университетской канцеляріи. Милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ. У насъ онъ будетъ учить русскому языку инородцевъ, а служба его настоящая въ V гимназіи. Жалованья у насъ 1200, да тамъ 2250 р. асс... Въ 6 ч. гулялъ съ Кулѣшемъ,—онъ все мое принимаетъ за образецъ».

— 17—XI. «Еще вчера вечеромъ отправилъ я Кулѣша съ визитомъ къ Максимовичу²⁾, который знаетъ его, видѣвшись съ нимъ въ Кіевѣ, и любитъ, ибо и мнѣ хвалилъ его. Кулѣшъ благоговѣнно исполняетъ что я ни предложу ему. Я предсказалъ, что Максимовичъ на завтра позоветъ его къ обѣду, и научилъ какъ отвѣчать. Сегодня все и пошло, какъ по писанному».

— 18—XI. «Кулѣшъ прочиталъ послѣ всю мою критику на «Мертвыя души», это почти вся моя эстетика. Я стараюсь всю свою теорію передать Кулѣшу, чтобы у насъ не было разногласіи, какъ съ Никитенкой».

— 19—XI. «Я очень озабоченъ былъ, такъ какъ сегодня Кулѣшъ долженъ былъ читать въ университетѣ первую лекцію... Онъ,

¹⁾ Плетневъ въ это время издавалъ „Современникъ“, заглѣвъ, въ 1847 г., перенесенный имъ Некрасову и Панаеву.

²⁾ Павелъ Петровичъ, профессоръ университета, родомъ изъ Золотоноши.

написавъ ее, прочиталъ мнѣ. Я его, какъ могъ, настроилъ. Наконецъ, она сошла благополучно. Онъ такъ деликатенъ, что хотя утрою для чаю, къ обѣду и вечеромъ для чаю же является ко мнѣ, но всакій разъ, такъ и сѣшать оставить меня, чтобы не быть въ тѣснотѣ.»

— 24—XI. «Ты очень вѣрно оцѣнилъ достоинство приславныхъ пьесъ. Думаю, что онѣ еще не вдругъ попадутъ въ печать. Кулѣшъ, до прибытія ихъ, далъ мнѣ въ отдѣлъ повѣстей большой отрывокъ изъ своей «Черной Радѣ». Я и не согласился бы взять отдѣльный этотъ кусокъ, если бы онъ не представлялъ въ себѣ цѣлаго, очень занимательнаго предмета—«Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи», сюжетъ для всѣхъ русскихъ очень любопытный, а тѣмъ болѣе для Малороссіи, гдѣ (какъ извѣстно Кулѣшу) много явится подписчиковъ, какъ скоро увидать, что «Черная Рада» не прекращается въ Современникѣ. Это частію уже подтвердилось и теперь: кіевскій Цесаревъ, прежде всѣхъ русскихъ, уже прислалъ деньги на 5 экземпляровъ Современника 1846 г.»

— 21—XI. «Кулѣшъ молодой человекъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Онъ мнѣ болѣе и болѣе нравится.»

— 12—XII. «Обѣдалъ у Ш. Максимовича. И Кулѣшъ тамъ. Онъ замѣтилъ, что Максимовичъ страстенъ къ Малороссіи, ничего не изучивъ ни въ ея исторіи, ни въ литературѣ... Вѣсть поѣхали къ Александрѣ Осиповиѣ (Ишимова).»

1846 г., 23—III. «Вечеромъ были только Максимовичъ съ женою, Лаксертъ, Кулѣшъ да Гребенша.»

— 1—V. «Я согласенъ, что Герцъ (К. К.) много для меня работаетъ, но тутъ есть особая причина: онъ изъ оттисковъ составляетъ для себя книгу: Историческій сборникъ. Ему многого недостаетъ, чтобы ты в я, подавая ему руку, убѣжденными оставался, что она въ рукѣ нашего брата по уму, сердцу и вѣрованію. Вотъ Кулѣшъ—такъ высокой образецъ чувствованій и дѣлъ.»

— 8—V. «Я согласенъ, что фенноманія покажется чистый вадоръ. Со временемъ она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, не смотря на усилія Кулѣша и жолчъ Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и дочери ея исторіи.»

— 14—V. «Въ воскресенье, ровно въ 11 часовъ, прѣхалъ на дачу ко мнѣ Кулѣшъ. Я растолковалъ моему гостю, что въ нѣкоторые часы на дачѣ (какъ теперь, напримѣръ), надобно и гостямъ, и хозяйну работать что нибудь. Вотъ, онъ выпросилъ у меня карандашъ и бумага, сѣлъ у окна въ залѣ—и началъ срисовывать известную тебѣ ветхую часовню нашу...»

— 22—V. «Потомъ я составилъ для Шахнатова (товарищъ министра нар.-пр.) записку о Кулѣшѣ... Погодинъ прислалъ въ здѣшнюю цензуру отрывки Кулѣшевой «Радн», ибо тамъ ужасно портать цензора¹⁾».

— 25—V. «Погодинъ прислалъ Кулѣшу его отрывокъ изъ «Черной Радн», печатающійся въ Москвитинѣ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь процenzировать его, такъ какъ тамъ ужасно измарали цензора самыми невнимыми мѣста. Вотъ Кулѣшъ и прѣхалъ ловить Никитенку (цензора), который согласился на цензрованіе не иначе, какъ бы это была не журнальная статья (такой онъ не въ правѣ цензровать), а отдѣльное сочиненіе».

— 7—IX. «Въ четвергъ было собраніе академіи... Читали о посылкѣ Кулѣша».

— 16—X. «Въ субботу я обѣдалъ у Балабина, что спасло меня отъ неприятной встрѣчи съ Краевскимъ и Максимовича, гдѣ обѣдалъ Кулѣшъ. Въ воскресенье вечеромъ у насъ, кромѣ Кулѣша, обѣдавшего съ нами, и Савлча, пришедшаго въ 10 часу, никого не было. Кулѣшъ у Александры Осиповны учителя по англійски».

— 30—X. «Касательно славящины я того мнѣнія, что прекрасную можно сдѣлать вещь, изучая памятники ея исторіи и литературы,—но не далѣе. Возгласы о томъ и о семъ—все это глуши бредни. Я тоже совѣтую Кулѣшу в касательно Малороссіи. Кстати: его судьба рѣшена; онъ скоро уѣзжаетъ».

1847 г., 4—I. «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ уже помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенья будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его уснѣхи въ сла-

¹⁾ Погодинъ писалъ Плетневу: „У Кулѣша отличный талантъ и смыслъ. Жаль что для разнообразія недостаетъ или не знаетъ еще веселости. Слახибо вамъ, что вы пріютныя его, а въ Кіевѣ, который хотятъ русить и который не кѣтъ ни профессора русской исторіи, ни профессора русской словесности, нѣтъ ему мѣста! О, любезное отечество!»

влинскихъ языкахъ. Теперь полагаю, что онъ дѣла свои исполнитъ, потому что ему не нужно будетъ тратить время на страстную переписку».

— 25—I. «Очень трудно сойтись съ выиѣшней колодежью. Хотя бы отвергала она лжеученія, но самые термины ея отверженія облачаютъ, что она воздвигнута млеконъ адонснаго ученія. Кулѣшъ былъ какъ то спасень отъ всего».

1848 г. 10—I. «Мой прїитель (Кулѣшъ) изъ Тулы¹⁾ прислалъ мнѣ письмо, которымъ уведомляетъ, что, не бывъ въ состоянїи исправлять должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣренїи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли вынустить его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика двои Россїи».

1850 г., 7—X. «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что рисунокъ его былъ представленъ государю и великимъ князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но судьба его не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнилъ на занятіе живописца и Кулѣшъ теперь преимущественно преданъ живописи, въ которой успѣваетъ».

1851 г., 10—III. «Кулѣшъ съ женою прїѣхалъ сюда вскати службы.—Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего. Онъ ищетъ теперь должности у Киселева».

Въ этихъ же двухъ томахъ «Переписки» находится не мало свидѣній и о другомъ уроженцѣ Малороссїи—Ст. Ив. Бараповскомъ, тогдашнемъ профессорѣ русскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Бараповскій уроженецъ г. Конотопа (р. 1818†1890) былъ извѣстенъ своею страстью къ изобрѣтенїямъ во всевозможныхъ областяхъ, начиная съ языка и кончая двигателями машинами и воздухоплаванїемъ... Особенно онъ много трудился надъ опытами по замѣнѣ пара, какъ двигателя, сжатымъ воздухомъ (*De la pneumatation. Helsingfors. 1857*). «Это была (говорить о немъ человекъ, хорошо его знавшїй) оригинальная, недожплиная личность, въ которой богатые природными дарованїя, къ сожалѣнїю, парализовались отсутствїемъ выдержки характера и внут-

¹⁾ Гдѣ Кулѣшъ жилъ послѣ ареста въ 1847 г.

ренной устной дисциплины. Сынъ Ст. Ив. Барановскаго—Викторъ (род. 1846†1879) извѣстенъ, какъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки, при опытахъ надъ которою онъ и погибъ.

5. Памяти Н. М. Бѣлозерскаго.

Сорокъ лѣтъ назадъ издана была въ Кіевѣ небольшая книжка подъ такимъ заголовкомъ — *Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I*¹⁾. О значеніи этой книжки далъ въ свое время подробный отзывъ Максимовичъ (Соч., I, 230—247), сурово при этомъ замѣтившій излишнюю ревность издателя въ перечисленіи разночтеній въ спискахъ лѣтописей... Но дѣло въ томъ, что издатель крошечнаго томика „Лѣтописей“ былъ юноша, къ которому трудно было предъявлять особыя требованія... Это былъ одинъ изъ младшихъ сыновей борзенскаго средней руки „пана“, который понимая практическую пользу образованія, направлялъ своихъ сыновей то въ университеты, то въ кадетскіе корпуса. Университетское образованіе получилъ и одинъ изъ старшихъ его сыновей—В. М. Б—ин, бывший редакторъ „Основы“. Будущій издатель „Лѣтописей“ учился въ кадетскомъ корпусѣ, но ученія не кончилъ, причеиъ, оставивъ корпусъ, поселился у П. А. Кулиша (жена таго на сестрѣ Б—аго). Эта совмѣстная жизнь съ человѣкомъ, который тогда пламенно изучалъ исторію и этнографію Малороссіи, имѣла большое вліяніе на юнаго борзенца: онъ понемногу входилъ въ кругъ этого изученія и въ 20-тъ лѣтъ сталъ уже настойчиво интересоваться былымъ своею родиной.—Желая пристроиться къ какому нибудь дѣлу, Н. М—чъ въ 1854 г. поступилъ на службу въ черниговское губ. правленіе и, сообразно своимъ вкусамъ, сталъ заниматься въ редакціи губ. вѣдомостей, редакторомъ которыхъ тогда былъ добрый и покладистый П. Я. Ростовцовъ (умеръ витебскимъ губернаторомъ). Этотъ редакторъ, будучи черниговскимъ уроженцемъ и человѣкомъ университетскимъ, ничего не имѣлъ противъ печатанія въ губер-

¹⁾ Кіевъ 1856 г. 162 IX+162 стр.

свой газетѣ всяческаго матеріала по исторіи края. Кромѣ историческихъ актовъ, здѣсь печатались пѣсни, пословицы, сказки... Тутъ же началось печатаніе и басенъ Л. И. Глѣбова.

Н. М.—чл., назначенный на должность „помощника редактора“, сдѣлался дѣйствительнымъ и ревностнымъ помощникомъ Ростовцова; а когда послѣдній вскорѣ затѣмъ оставилъ Черниговъ, то Н. М. сталъ править должность редактора (съ половины 1854 и до половины 1855 г.) Въ это же время Н. М. принималъ участіе въ изданіи, въ 1854 г., Метлинскимъ „Сборника малороссійскихъ пѣсенъ“; участіе это выразилось какъ помѣщеніемъ въ сборникѣ части собранныхъ имъ пѣсенъ, такъ и въ напечатаніи (въ приложеніи къ сборнику) наставленія — какъ записывать пѣсни. Редакторство губерн. вѣдом. Н. М.—чл. продолжалось недолго. Переѣзжающа лица, которому подчиненъ былъ надзоръ за газетою, была тому причиною. Съ начала 1855 г. черниговскія губ. вѣд. сразу обѣднѣли содержаніемъ. Объ этомъ обѣднѣніи Н. М. писалъ намъ въ мартѣ 1855 г.— „Вѣдомости наши лишены интересныхъ статей и матеріаловъ и наполняются всякою дрянью по желанію вице-г-ра, человѣка совершенно неученаго. Въ изданіи ихъ я играю страдательную роль. Актовъ и другихъ матеріаловъ, этнографическихъ статей, сообщаемыхъ священниками, в. г—ръ терпѣть не можетъ и поэтому запретилъ печатать все это. Прошедшимъ годомъ завершилось *слабое* изданіе губ. вѣд. Теперь газета ползетъ, какъ ракъ, назадъ. Очень и очень грустно!“ Дѣйствительно, съ 1855 г. въ черниговской газетѣ стали печататься статейки въ родѣ слѣд.— „Полезное употребленіе кислыхъ водъ, остающихся на стеариновыхъ заводахъ“, „Отзывъ иностраннаго знатока о состояніи статистическихъ свѣдѣній о Россіи“, „Какъ уничтожить постоянный холодъ въ погахъ“ и т. п. Отъ такой литературы у Н. М. пропала охота къ редакторству и онъ оставилъ службу. Но литературные его вкусы въ это время уже ясно опредѣлились, и въ сентябрѣ 1855 года онъ намъ писалъ: „Дѣла я прожилъ до сентября; собралъ до сотни пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и т. п. Нензданныхъ думъ и пѣсенъ у меня въ настоящее время болѣе 800. Въ ноябрѣ я приступлю къ изданію важнѣйшихъ и лучшихъ изъ нихъ; такимъ

образомъ у меня должна выйти книга листовъ въ 20—25. Я издамъ ее поаккуратнѣе и роскошнѣе Метлинскаго. Надѣюсь, что и внутренними достоинствами она не уступитъ изданію Метлинскаго". Намѣренію этому однакожъ не суждено было осуществиться. Н. М. увлекся, съ одной стороны, мыслью о поступленіи въ одинъ изъ полковъ тогда образованныхъ малороссійскихъ козаковъ, а съ другой—лѣтописями... „Козачество помѣшало мнѣ издать пѣсни (писалъ онъ въ к. декабря 1855 года, изъ Кіева). Свой сборникъ я уступилъ зятю (г. Кулишу)... Въ этомъ мѣсяцѣ я началъ печатать „Южнорусскія лѣтописи“. Первый томъ будетъ заключать въ себѣ 4—5 хроникъ и 2—3 пѣсни, имѣющія значеніе лѣтописей... Приготовивъ къ печати лѣтописи, займусь сочиненіемъ о старинныхъ зданіяхъ, одеждахъ, утвари, оружіи и проч.. также, домашнимъ бытомъ народа, касаясь болѣе внѣшней стороны и преимущественно прошедшаго. Это я сдѣлаю потому, что этотъ предметъ у насъ, можно сказать, не тронуть, за неимѣніемъ данныхъ; а послѣднихъ у меня достаточно для того, чтобъ положить начало дѣлу. За этотъ трудъ наши художники скажутъ мнѣ великое спасибо...". Изданіе „Лѣтописей“ не помѣшало Н. М.—чу осуществить мысль о козачествѣ. Въ к. марта 1856 года онъ намъ писалъ: „Оттак-б! Наконецъ 31 генваря меня утвердили въ козакахъ, въ 5-й полкъ. На дняхъ я выбираюсь изъ Кіева... Лѣтописи мои должны выйти на дняхъ...“ Окончивъ печатаніе своего сборника лѣтописей, Н. М.—чъ поѣхалъ было въ свой полкъ, но полки эти скоро были распущены и, вмѣсто козачества, Н. М. осѣлся въ своемъ хуторѣ, подъ Борзною. Отсюда собирався онъ совершить поѣздку по Малороссіи для собиранія матеріаловъ по этнографіи и археологіи, но этотъ планъ ему не удалось почему-то осуществить. Въ письмѣ (ноябрь 1857 г.) онъ говоритъ: „По Вкраини я зовсімъ не издывъ. Тильки двичи бувъ у молодого Тарновського. У його вже чималенький музей нашої старовини; іє й гарматы! Тильки мало книжокъ та шпаргаливъ. Хочє купити архивъ Марковича ¹⁾, дакъ той просить безбожну цину: якій йому чортъ

¹⁾ Рѣчь идетъ объ архивѣ Н. А. Марковича, поступившемъ впоследствии въ Румянцовскій Музей.

дасть не тільки 5, да и 2 тисячи карбованців?... Тарнопський хоче вибрати усі книжки, у которыхъ писано про нашу країну, и—збере! а намъ треба допомагати йому у такому доброму дѣлі. Для тихъ книжокъ и усилком старовини винъ мурує кам'яницю на пречудовному місци... Зимом, якъ Богъ поможе, буду друковать другий томъ „Южнорусскихъ лѣтописей“. А чи знаєте, який здоровенний збирникъ думає друковать Опанасъ Василювичъ Марковичъ у Кулишовій друкарни? Може тисячъ зъ двадцять!“ А въ маѣ 1858 года о збирникѣ Марковича Н. М.—чъ писалъ уже другое—, „Одъ п. Опанаса Васил. Марковича я маю принять до рукъ збирникъ пословиць тысячъ у пятнадцять, для видання. Якъ то справлюсь...“

Но послѣ того какъ Н. М.—чъ осѣлся у себя въ хutorѣ, охота его къ разнымъ учено-литературнымъ начинаніямъ стала остивать... Сколько мы знаемъ, это охлажденіе происходило отъ двухъ причинъ. Получивъ въ это время, по дѣлежу съ братьями, свою часть земли, Н. М. занялся приведеніемъ ея въ порядокъ, при чемъ, отдавая дань стародавнимъ обычаямъ своей родины, спорилъ съ сонаслѣдниками за пустяки... Въ особенности съ однимъ изъ зятьевъ—у него доходило до повторенія въ лицахъ исторіи Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Другая причина была серьезнѣе. Начавъ пробовать себя въ занятіяхъ нѣкоторыми учено-литературными работами, Н. М.—чъ увидѣлъ свою полную неподготовленность къ нимъ... Отсутствие образованія сказывалось самолюбивому Н. М.—чу на каждомъ шагу... Не зная что съ собой дѣлать, Н. М.—чъ продолжалъ сидѣть въ своемъ хutorѣ, пока не обѣлся въ немъ совсѣмъ... Впрочемъ, юпошескія стремленія въ немъ не замерли. Продолжая интересоваться родною стариною, Н. М.—чъ постоянно пополнял свою бібліотеку книгами по исторіи и этнографіи Малороссіи. Но главное его вниманіе сосредоточено было на собираніи всевозможнаго матеріала по малорусскому фольклѣру. Находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, Н. М.—чъ *всю жизнь свою*, загѣмъ, записывалъ (на отдѣльныхъ карточкахъ) пѣсни, слова, обычаи, техническія названія разныхъ ремеселъ и производствъ... Однимъ словомъ, онъ записывалъ *все то*, въ чемъ видѣлъ особенности быта своей родины

въ самомъ обширномъ смыслѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Н. М—чъ хорошо зналъ малорусскій языкъ, былъ близокъ къ народу и отличался чрезвычайною точностью. При такихъ обстоятельствахъ онъ накопилъ драгоценнѣйшій матеріалъ для изученія народной жизни въ лѣвобережной Малороссіи. Въ настоящее время этотъ матеріалъ хранится у бездѣтной вдовы Н. М—ча, женщины понимающей его значеніе и цѣну, но—а за тѣмъ то что?... Неужели суждено этому матеріалу погибнуть? Оставилъ Н. М—чъ и порядочную библіотечку, въ которой, кромѣ новѣйшихъ книгъ о Малороссіи, есть книги о послѣдней и латино-польскія XVII в., есть и старопечатныя брошюры черниговской и н.-сѣверской типографій, приобретенныя имъ изъ старѣйшей черниговской библіотеки, преимущественно мѣновымъ способомъ—за бутылки рому... Есть въ этой библіотечкѣ кое-какія и рукописи, но особенно важныхъ нѣтъ. Говоря о литературныхъ работахъ Н. М—ча, мы забыли упомянуть, что въ первые годы изданія „Кіевской Старины“ возбудилась было у него охота къ сотрудничеству въ ней, и онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ двѣ статьи: одну, о Шевченкѣ—по воспоминаніямъ разныхъ лицъ, (1882 г., № 10), а другую—Отрывки и замѣтки о малорусской старинѣ (1884 г., № 5).

Въ заключеніе, два слова о личности Н. М—ча. Это былъ человѣкъ безусловной чести, но вслѣдствіе своей недовѣрчивости къ людямъ, малосообщительный. Поэтому, въ общественныхъ дѣлахъ Н. М—чъ почти не принималъ активнаго участія, хотя всегда интересовался ими. Вся сорокалѣтняя жизнь, сначала въ глухомъ хуторѣ, а потомъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ (Борзнѣ), проведена была имъ преимущественно за книжными занятіями... Умеръ Н. М—чъ 11 іюня 1896 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду (род. въ 1833 г.), и похороненъ на одномъ кладбищѣ съ другимъ борзенцемъ—Викт. Ник. Забѣлоу.

Почтимъ же память человѣка, горячо любившаго родину и посильно ей служившаго до конца дней своихъ.

6. Василій Григорьевичъ Рубанъ.

Годъ съ небольшимъ назадъ минуло сто лѣтъ со дня смерти (24 сентября 1795 г.) В. Г. Рубана, надателя двухъ книжекъ, изъ которыхъ впервые могла познакомиться съ Малороссіей тогдашняя русская читающая публика.¹⁾ Р.—изъ родился 14 марта 1742 г., въ Валгородѣ, но родомъ былъ, кажется, изъ настоящей полтавской губ., гдѣ, около Ромна, Рубаны жили еще и въ недавнее время. Окончивъ кievскую дух. академію, Р.—изъ отправился въ Петербургъ и здѣсь началъ прокладывать себѣ дорогу писаніемъ одъ, на которыя тогда была большая мода. Рожденіе, бракъ, смерть знатныхъ лицъ—требовали одъ. Уже въ 1767 г. была напечатана Р.—номъ—«Ода на кончину графини В. А. Шереметевой». Въ слѣд. году является его ода «На день рожденія императрицы Екатерины II»; въ 1770 г. такая же ода—«Императрицѣ Екатеринѣ II на прививаніе оспы» и т. д. Вѣроятно, при помощи этихъ одъ Р.—изъ уже въ 1774 г. дѣлается секретаремъ кн. Потемкина, при которомъ онъ затѣмъ состоялъ до его смерти. Въ это же время, кажется, онъ занималъ должность и переводчика военной коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ.

Въ к. 1775 г. прибылъ въ Петербургъ, рекомендованный Руманцовымъ императрицѣ, молодой Безбородко и занялъ видный постъ ея секретаря («у принятія челобитень»). Вѣроятно знакомый съ Рубаномъ еще на родинѣ, Безбородко, кажется, задумалъ воспользоваться литературными наклонностями земляка—для написанія «исторіи малороссійской». Въ августѣ 1776 г. секретарь императрицы просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе, что *находятся люди, кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». А въ слѣдующемъ году была напечатана Рубаномъ «Краткая лѣтопись Малыхъ Россій». Посылая эту книгу отцу, Безбородко писалъ: «къ изданію сей книги поостричь я з. Рубана не обими совѣтами, но и въ разсужденіи

¹⁾ Краткая лѣтопись Малыхъ Россій съ 1506 по 1777 годъ, съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и проч. Издана Вас. Григ. Рубаномъ г. полт. ассес. и зольн. російскаго собранія при императ. моск. универс. членомъ. Одб. 1777. Въ 16-мъ д. л. 243—LX стр. Землеописаніе Малыхъ Россій, изъясняющее города, мѣстечки, рѣки и проч., изд. В. Г. Рубаномъ и проч. Одб. 1777. Въ 16-мъ д. л. 118 стр. (Въ продажѣ, обикновенно, обѣ книжки перевязаны вмѣстѣ). Обѣ книжки посвящены гр. П. А. Руманцову.

различныхъ послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными. Сожалѣть только надобно, что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ лстковъ, въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять, да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служить теперь къ наизвѣстному нами изданію полной малороссійской исторіи...¹⁾ Но наизвѣреніе Безбородка в Рубана не исполнилось; первому скоро стало некогда, а второй, видимо, самъ ничего не могъ сдѣлать. Но за то въ 1778 г. Рубанъ напечаталъ «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» знаменитаго своего земляка Василія Григоровича-Барскаго. Книга эта была издана на счетъ кн. Потемкина, который, повидному, очень интересовался христіанскимъ востокомъ. Въ томъ же 1778 г. Рубаномъ былъ напечатанъ «Любопытный Мѣсяцесловъ», изъ котораго мы узнаемъ, что въ это время его издатель былъ «правиющимъ должность директора надъ новороссійскими училищами». Слѣдовательно, Потемкинъ считалъ Рубана настолько образованнымъ человекомъ, что поручилъ ему насажденіе училищъ въ зачинавшемся Новороссійскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этой дѣятельности Рубана пока не обнародовано, если она сохраняется еще въ какомъ либо архивѣ. Такимъ образомъ, намъ извѣстна только литературная дѣятельность Р—на, выразившаяся въ изданіи нѣсколькихъ книгъ и въ напечатаніи множества одъ и дифирамбовъ, перечисленныхъ Сошниковымъ въ его каталогѣ. Послѣ изданія въ 1777 г. двухъ книжекъ о Малороссіи, Р—нъ болѣе къ ней не возвращался. Повидному, къ Малороссіи Рубанъ обратился въ своихъ писаніяхъ только благодаря вліянію Безбородка; самъ онъ ея не интересовался. Умеръ Р—нъ въ Петербургѣ, какъ сказано, 24 сентября 1795 г.²⁾

7. Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ по- словиць, изд. въ 1864 г.?

Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза — Ефрона, въ статьѣ объ Аф. В. Марковичѣ, г. Сумцова, между прочимъ напечатано: «Служа въ Немировѣ, М—нъ приотосилъ для печати

¹⁾ „Князь Безбородко“, Григоровича, I, 45—46.

²⁾ См. Русск. Стар. 1896 г., ноябрь, стр. 467—471, гдѣ напечатаны письма архіепа. Георгія Ковчоскаго къ Рубану.

обширный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи сборникъ надорусскихъ пословицъ: «Украинскіе приказки», изданный Мих. Симоновичъ въ 1864 году, въ Петербургѣ, подъ псевдонимомъ Номиса... На авторство М—ча въ составленіи сборника указано въ галицкой газ. «Правда» и потомъ въ «Исторіи» Огоновскаго. А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русск. этнографіи» считаетъ главнымъ составителемъ Номиса, но, повидимому, М—чу надо отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ не только далъ много матеріала, но и планъ для изданія... Что говорится въ «Правдѣ» — мы не знаемъ, а у Огоновскаго дѣйствительно сказано, что М—чъ, находясь въ Немировѣ, «спорядкувалъ сборникъ приказокъ», который «выданъ» Михайло (sic) Симоновъ. — Но что же говорится въ самой книгѣ, о которой идетъ рѣчь? — Заглавіе ея такое: «Украински приказки, присланныя и такє ннше. Збирники О. В. Марковича и другихъ. Спорудивъ М. Номисъ». Затѣмъ, книга имѣетъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ Матвій Терентьевичъ Симоновъ (Номисъ), перечисливъ полученные имъ сборники (причемъ главнымъ называетъ сборникъ А. В. М—ча), подробно излагаетъ свой редакторскій планъ изданія и въ заключеніе проситъ «выбачить ему» за то, что не такъ имъ сдѣлано... Но какому же основанію можно говорить, послѣ этого, что не М. Т. Симоновъ былъ «главнымъ составителемъ (т. е. редакторомъ) сборника» и что «Марковичу нужно отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ далъ планъ изданія»? — Вѣдь не самозванно же М. Т. Симоновъ говоритъ въ предисловіи о своей редакторской работѣ, о своемъ планѣ изданія и себя называетъ редакторомъ («спорудивъ») сборника, а не издателемъ.. А если такъ, то значить «планъ для изданія» этого сборника принадлежитъ не Марковичу, а Симонову, при чемъ утверждать противное можно лишь въ томъ случаѣ, если *во словной* фразѣ галицкаго ученаго дивать большую вѣру, чѣмъ ясному и подробному предисловію самого редактора сборника.

Къ нашему возраженію противъ странной догадки г. Сумцова можно, пожалуй, добавить и то, что намъ *доподлинно* извѣстно, что М. Т. Симоновъ получилъ отъ Марковича не «сборникъ приготовленный для печати», а — ворохъ тетрадокъ, листковъ, кусочковъ бумаги, исписанныхъ наскоро и часто неразборчиво... Ни о какомъ «планѣ изданія» тутъ и рѣчи не могло быть¹⁾...

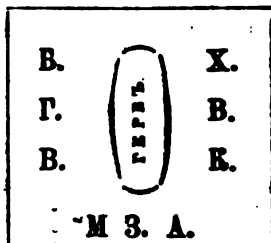
¹⁾ Марковичъ собирался было издавать свой сборникъ въ 1857 г., но уже въ 1858 г. предлагалъ его для изданія своему П. М. Шлозерскому... См. въ этой же книжкѣ стр. 84.

Но, разумеется, и без этого свидѣнія нельзя было говорить, что не М. Т. Симонову принадлежитъ планъ издавiя...

Страннымъ, однако жъ, должно показаться, здравствующему въ своемъ лубенскомъ уединенiи, М. Т. Симонову отрицанiе очевиднаго его «авторства въ составленiи» указаннаго сборника...

8. Чаша Богдана Хмельницкаго.

На кiевскомъ антикварномъ рынкѣ появилась чаша *Богдана Хмельницкаго*, представляющая собою серебряный сосудъ, формою и величиною почти такой же какъ тѣ чашки, которыя подаютъ къ самовару для мытья стакановъ. Принадлежность чаши Б. Хм—ому указываетъ де гербъ съ его инициалами, вырѣзанный около верхняго борта сосуда. Какъ гербъ, такъ и инициалы составляютъ точную копию герба и инициаловъ, имѣющихся на портретѣ В. Хм—аго, гравированномъ Гондiусомъ въ 1651 г. Инициалы на этомъ портретѣ помѣщены такiе:

Тоже самое, до мелкихъ подробностей, видимъ мы и на чашѣ.

Въ принадлежности чаши Б. Хм—ому можно сомнѣваться, такъ какъ время рѣзбы герба и инициаловъ едва ли можетъ относиться къ полов. XVII в. Судя по внѣшнимъ признакамъ этой рѣзбы, она можетъ быть отнесена и къ к. XIX вѣка...

Окончательное рѣшенiе вопроса о подлинности надписи должно принадлежать, конечно, знатокамъ этого дѣла, причемъ всетаки находящiйся на портретѣ Гондiуса—гербъ съ инициалами имѣть имъ въ виду имъ необходимо...

Просить за чашу, будто бы, три тысячи рублей.

Декабрь, 1896 г.

1) Очень хорошо сдѣланная копия гравюры Гондiуса видѣтся въ известномъ (Сборникъ портретовъ малорусск. деятелей, покойнаго Веда,

Александръ Михайловичъ Марковичъ¹⁾.

(р. 1790†1865).

Говоря раньше („Очерки“, II, 80) о старшемъ братѣ А. М. Марковича, Яковѣ Михайловичѣ, авторѣ „Записокъ о Малороссіи“, мы сказали нѣсколько словъ объ отцѣ и дѣдѣ ихъ. Сказали мы тамъ, что изъ сыновей Михайла Яковлевича М—ча старшій Яковъ и младшій Александръ—съ раннихъ уже лѣтъ, вѣроятно, по наслѣдству отъ дѣда (автора извѣстнаго „Дневника“), обнаружили учено-литературныя наклонности. Теперь, приступая къ очерку жизни и дѣятельности Александра Михайловича М—ча, мы должны сказать, что авторство его мало извѣстно въ печатной литературѣ. Напечатана его *Записка о малорусскомъ дворянствѣ*, но и она появилась въ изданіи, извѣстномъ только специалистамъ. Позже, А. М. сталъ извѣстенъ, какъ издатель „Дневныхъ Записокъ“ своего дѣда Якова М—ча. Встрѣчаются еще небольшія статьи А. М—ча въ специальныхъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ. Вотъ и вся литературно-печатная извѣстность А. М—ча. А между тѣмъ онъ писалъ много и началъ свое писательство въ возрастѣ еще юношескомъ. Первоначально писательство это выразилось въ его „Ежедневныхъ Запискахъ“, которыя начинаются уже съ 1806 года; затѣмъ, явились литературныя работы и въ болѣе опредѣленной формѣ. Но всѣ эти работы А. М—ча остались въ рукописяхъ; видимо, что авторъ не думалъ о печатаніи, а писалъ для того только, чтобы перенести на бумагу результаты своего пытливаго ума по тому или другому вопросу. Поэтому, вѣроятно, большинство работъ А. М—ча остались неоконченными. Но ближайшее знакомство съ оригинальною и привлекательною личностью А. М—ча можно получить только изъ этихъ его литературныхъ работъ, почему въ настоящемъ очеркѣ мы и приводимъ болѣе или менѣе значительныя изъ нихъ выписки. Не сомнѣваемся, впрочемъ, что выписки изъ „Записокъ“ А. М. представляютъ собою любопыт-

¹⁾ Одинъ изъ „прежнихъ писателей малорусской старшины“.

ный матеріалъ для исторіи культуры въ Малороссіи начала настоящаго вѣка.

1. Родители Александра Михайловича. Заботы матери. Персональное обученіе сначала въ семьѣ Дочубеевъ, а потомъ въ Харьковѣ. Служба у черниговскаго губернатора и отставка. Отрицаніе идеаловъ „Записокъ“ А. М. Марковича и выраженіе въ нихъ идеаловъ своихъ.

Ал. М.—чъ родился, какъ уже было сказано, въ 1790 г., а въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и „тринадцатъ лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги“. Все бремя заботы о дѣтахъ и хозяйства пало на мать, Настасью Петровну, которая и вела, со времени болѣзни мужа, дѣла семьи. Объ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ женщинѣ въ дневникѣ младшаго ея сына читаемъ слѣдующее: „Сентября 20 (1824 г.) скончалась мать моя на 70-мъ году своей жизни. На третій день пріѣзда моего изъ Шбурга, 30 марта, въ ночи, получила она, какъ называютъ, повсемѣстной, несовершенной апоплексической ударъ, каковъ возобновлялся въ теченіе болѣзни четыре раза, и четвертый прекратилъ ея жизнь. Сіе злочестіе давно приготовляемо было ея слабостію, къ которой привели ее не столько лѣта, сколько великія и многія претерпѣнныя ею несчастья. Въ Малороссіи, въ обширномъ кругу ея знакомыхъ, когда хотѣли представить кого въ примѣръ великихъ несчастливцевъ, то всегда ее вспоминали. Начало бѣдствій сихъ началось параличемъ отца моего, который 13-ть лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги. Въ то время, когда мать моя возила больного, гдѣ только могла ожидать ему помощи и нигдѣ оной не находила, въ то время множество старыхъ важныхъ тяжбныхъ дѣлъ, оставшихся отцу моему частію по наследству, не давали ей ни одного дня покою. Къ сему и восемь дѣтей не мало требовали ея попеченій. Въ теченіе 20-ти лѣтъ отъ начала болѣзни ея мужа, лишилась она: зятя своего Лизогуба, мужа старшей дочери¹⁾, самого достойнаго человѣка, на третій

¹⁾ Въ запискахъ о времени рожденія и смерти членовъ своей семьи. у А. М.—ча отищено: „Дочь Мих. и Наст. (Марковичей) Анна род. 1775 г., въ супруж. вышла за В. П. Лизогуба 1793 г., умр. 1796 г., декабря 16; мужъ же умр. 1796 г., февр. 1. У нихъ дѣти: Евдокія, р. 1794, Петра, р. 1795“.

годъ женитьбы его, потомъ—старшей дочери, которая умерла отъ скорби по мужѣ. Остались двое сиротъ, дочь и сынъ. Они воспитывались при ней. Дочь, прекрасная и любезная, вышла замужъ и умерла на пятый мѣсяцъ замужества; сынъ еще прежде за годъ взомель на небо... Еще при жизни мужа, горшею смерти, лишилась она старшаго сына 28 лѣтъ, самымъ несчастнымъ образомъ¹⁾. На него она полагала всю надежду свою. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ потеряла она третью свою дочь Похвисневу, мать пяти малолѣтнихъ дочерей. Потомъ постигли важныя тяжбыя потери; по нимъ тяжбамъ братъ мой и я должны были годы проживать въ Петербургѣ, угрожаемые совершеннымъ разстройствомъ нашего состоянія. Мать моя была добродѣтельна, благочестива, совершенно безкорыстна, благодѣтельна, не прихотлива. Въ продолженіе своей тягостной и продолжительной болѣзни она ни слова не изрекла, но часто очень повторяла: Господи, помилуй мя грѣшницу!

Вотъ эта то мать и заботилась о воспитаніи Ал. М—ча. Первоначальное обученіе русской грамотѣ А. М. получилъ, конечно, дома, въ Сварковѣ, причемъ обученіе это могло происходить подъ ферулою какого нибудь мѣстнаго дьячка или домашняго слуги... Сосѣдъ и сверстникъ А. М—ча, Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ Запискахъ: „русской грамотѣ училъ меня сперва камердинеръ отца Петръ Бѣлый, онъ же училъ меня играть на скрипкѣ. Потомъ я учился русскому языку у отставнаго морскаго офицера Македонскаго...“ Такихъ же первоначальныхъ учителей могъ имѣть и А. М.— Дальнѣйшее обученіе А. М—ча происходило въ семьѣ В. В. Кочубей, тогдашняго глуховскаго „маршала“, жившаго въ с. Ярославцѣ. Къ двумъ младшимъ сыновьямъ послѣдняго, дядя ихъ Викторъ II—чъ Кочубей (впослѣдствіи князь) въ 1799 г., прислалъ изъ Петербурга гувернеромъ аббата Фромана, который прожилъ въ Ярославцѣ три года (1799—1802). Одинъ изъ учениковъ этого Фромана, тотъ же Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Во время пребыванія Фромана у насъ, въ Ярославцѣ, образовался какъ

¹⁾ Якова Михайловича.

бы институтъ; многіе изъ нашихъ родственниковъ и сосѣдей были очень обязаны моимъ родителямъ за возможность въ то трудное время дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Въ числѣ прочихъ дѣтей, воспитывавшихся вмѣстѣ съ нами, я люблю вспоминать объ Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ¹⁾. Въ 1802 г. ярославецкій „институтъ“ разстроился, такъ какъ молодыхъ Кочубеевъ увезли для дальнѣйшаго воспитанія въ Петербургъ. Везти въ Петербургъ и А. М—ча должно быть не было достаточно средствъ и его отвезли для продолженія ученія въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище“. Интересно, что въ самомъ нач. XIX в. старшій центръ южнорусскаго просвѣщенія, Кіевъ, уступаетъ мѣсто только что возникавшему повому—Харькову. Въ Харьковѣ, а не въ Кіевѣ, стало отдавать малорусское дворянство своихъ дѣтей для обученія ихъ въ средней школѣ²⁾. О харьковскомъ ученіи А. М—ча говорятъ сохранившіеся въ его бумагахъ два „свидѣтельства“. Въ первомъ читаемъ: „По мѣрѣ возраста, повнтія, прилежанія къ начальнымъ учебнымъ предметамъ и благонаправнаго поведенія, дано сіе свидѣтельство Харьковскаго главнаго казеннаго училища ученику Александру Марковичу въ день публичнаго испитанія. Харьковъ, Юля 1 дня, 1803 года. Директоръ Теодоръ Кудринскій“³⁾. Въ другомъ свидѣтельствѣ значится: „Бывшему у меня Черниговской губерніи, Глуховскаго повѣта, ученику Александру Михайловичу Марковичу въ томъ, что онъ находился въ домѣ моемъ, въ пансіонѣ, и ходилъ въ публичное училище, гдѣ онъ какъ отличнымъ и честнымъ благороднымъ своимъ поведеніемъ заслуживалъ отъ всѣхъ начальниковъ своихъ и отъ меня всегда особенное вниманіе и похвалу; былъ весьма любимъ и служилъ своимъ товарищамъ хорошимъ примѣромъ въ благо-

¹⁾ Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1780—1873. Сиб. 1890. 8 д. л., стр. 18.

²⁾ См. другой примѣръ: образованный В. Гр. Поветникъ, желая продолжить своего сына въ среднюю школу, обращается (въ 1810 г.) къ тогдашнему „институту“ харьк. учебн. округа Тихоноскову и проситъ его—указать лучшую въ Харьковѣ среднюю школу. Кіевск. Ст. 1893 г., апр., 153.

³⁾ Текстъ „свидѣтельства“ нечитателен. Главное зар. училище въ 1803 г. было переименовано въ гимназію, иныя называвшуюся Первою Харьк. гимназіей.

вравін. Въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи и другихъ наукахъ получилъ отличные успѣхи, въ чемъ ему сіе свидѣтельство по справедливости дано 1806 года, іюня 1 дня. Харьковской гимназій нѣмецкаго языка учитель титулярный совѣтникъ Федоръ Олденборгеръ".— Упоминаемое въ этомъ свидѣтельствѣ „публичное училище“ было, полагать нужно, тогдашняя гимназія. На этомъ училищѣ воспитаніе А. М—ча и окончилось, такъ какъ черезъ годъ послѣ этого онъ уже поступилъ на службу въ Черниговское губ. правленіе, какъ видно изъ слѣдующаго опредѣленія послѣдняго: „1807 г., іюля 15 дня. Черниговское губ. правленіе, слушавъ прошеніе дворянина А—ра М—ча Марковича къ здѣшнему гражданскому губернатору, а отъ него въ сіе правленіе къ опредѣленію переданное, что по окончаніи наукъ *изъ училища Харьковскаго*, желаетъ онъ продолжать статскую службу, почему проситъ опредѣлить его къ дѣламъ здѣшняго гражданского губернатора... Приказали: помянутаго Марковича по желанію его опредѣлить къ дѣламъ губ. правленія съ оставленіемъ по части гражд. губернатора и, въ поощреніе къ ревностнѣйшему продолженію службы, дать званіе губернскаго регистратора...“ О зачисленіи на службу А. М—ча просила тогдашняго черниговскаго губернатора бар. Френсдорфа мать его, какъ это видно изъ письма къ ней губернатора: „Имѣвъ честь получить почтенное письмо ваше о желаніи сына вашего вступить въ службу, пріятнымъ себѣ удовольствіемъ поставилъ оказать со стороны моей содѣйствіе къ удовлетворенію такова желанія его, и исполняя сіе, надѣюсь, что Ал. М—чъ въ продолженіи начатой службы окажетъ свое усердіе и ревность...“ Поступилъ на службу А. М., повидному, для того только, чтобы „числиться“ и получить необходимые для дальнѣйшей службы начальныя чины. Числился А. М. въ канцеляріи черниговскаго губернатора до февраля 1812 г., когда вышелъ въ отставку, заслуживъ чинъ коллежскаго регистратора. Въ выданномъ при этомъ А. М. „аттестатѣ“, между прочимъ, значилось, что онъ „по окончаніи *имъ наукъ изъ харьковскаго университета*, былъ опредѣленъ къ дѣламъ губернатора въ іюль 1807 г.“ и проч. Видимо, что свѣдѣніе о харь-

ковскомъ университетѣ включено было въ исторію воспитанія А. М—ча произвольно ¹⁾, но передѣлка харьковскаго „училища“ въ университетъ указываетъ, что и въ чиновничьей средѣ ученіе въ университетѣ являлось желательнымъ отличіемъ... Хотя М—чъ въ университетѣ и не учился, но образованіемъ обладалъ солиднымъ. Степень этого образованія видна изъ сохранившихся въ его бумагахъ разнаго рода замѣтокъ, которыя въ тетрадкахъ озаглавлены такъ: „Смѣси или Записки ежедневныя съ 1806, 1808, 1809 и 1810 годовъ. Черниговъ“. Эти „Смѣси“ не заключаютъ въ себѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, ни дневника, ни мемуаровъ, а представляютъ—отрывочныя размысленія или разсужденія по тому или другому вопросу, который встрѣтился ихъ автору—или при чтеніи книги или же изъ житейскаго случая.—Вотъ начало этихъ „Смѣсей“.—„Иногда самая громкая похвала не такъ много скажетъ, какъ простая, искренняя. Я всегда любилъ читать Лафонтеновы басни и ту изъ нихъ, которая мнѣ нравилась, я замѣчалъ листочкомъ. Черезъ двѣ недѣли я увидѣлъ, что почти всѣ басни были замѣчены. Нѣтъ другихъ басенъ столь пріятныхъ, какъ Лафонтеновы. Одинъ французскій литераторъ, *разговаривая со мною о французской словесности, между прочимъ о Лафонтеновыхъ басняхъ* сказалъ: *Lafontaine a donné aux fables d'Esopre un habit de dimanche* (Лафонтенъ одѣлъ Эзоповы басни въ праздничное платье)“. Это была первая замѣтка М—ча, записанная имъ въ 1806 г. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ: „Я читалъ французскую книгу *Recueil d'histoires etc.* Выпишу изъ ней слѣдующія мысли Шамфора: „Въ семь свѣтъ болѣе глухихъ, нежели мудрыхъ, и самой мудрой имѣетъ болѣе глупости, нежели благоразумія.—Перемена моды есть подать, которую налагаютъ бѣдной на хвастовство богатаго.—Слава состоитъ въ томъ, чтобы насъ знали тѣ, которыхъ мы не знаемъ“. Тутъ же, къ этимъ „запискамъ“ М. иногда прибавляетъ и свои замѣчанія. Напр., „Берозъ говоритъ, что Вавилоняне назначали особливыхъ пять дней въ году, въ которые невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими. *Надобно бы возобновить*

¹⁾ Харьковский университетъ открытъ въ январѣ 1806 г.

этомъ древній обычай для некоторыхъ нашихъ помѣщиковъ". Затѣмъ, въ 1808 г., М. записываетъ, повидному, собственныя мысли.— „Князь N, смѣясь съ одного человека, сказалъ: il ne vaît pas шѣте раглер français! Эти слова стоють быть записанными".— „Не должно взыскывать излишне строго съ подчиненныхъ за ихъ малѣйшіе проступки, а тѣмъ болѣе еще безпрестанно браниться и кричать на нихъ. Черезъ это безпорядки ни мало не уменьшаются, ибо люди постепенно такъ привыкнутъ къ брани, что даже внимать тому не будутъ".— „Я часто жалѣю, почему я не жилъ во время Жанъ-Жака или почему онъ не живетъ теперь; съ какимъ бы восторгомъ посвятилъ я всѣ минуты моей жизни сему великому философу, съ какимъ бы удовольствіемъ служилъ ему и исполнялъ его желанія! Только всегда при воспоминаніи объ этомъ въ воображеніи беспокоюсь, что творецъ Елоизы не удостоилъ бы, можетъ быть, меня своею довѣренностью и дружбою"¹⁾. Эта замѣтка черезъ 12 лѣтъ послѣ ея написанія вызвала у М—ча другую, уже совершенно иного характера: „Время энтузіазма проходитъ. Прочитавъ сіи записки 1821 года (т. е. въ 1821 г.), я смѣялся сему. Теперь бы я ни за что не захотѣлъ не только быть слугою Жанъ-Жака, но даже ни его другомъ. Это былъ сумасбродъ краснорѣчивый, славный сочиненіями и безславный своимъ нравомъ, поступками и душою".

Слѣдующія „записки" сдѣланы въ 1809 г.— „Многіе господа говорятъ на людей своихъ: вотъ ихъ слушать!—въ такихъ разѣхъ, когда подлинно господниъ можетъ послушать своихъ слугъ".— „Я намеренъ былъ сочинить комедію, въ которой я хотѣлъ представить мѣщанскіе обычаи и между прочимъ слѣдующее: двѣ женщины собираются итти на погребеніе (на похороны); одна спрашиваетъ у другой: какое надѣтъ ей платье?—та совѣтуетъ—штофное... Охъ, вѣтъ, матушка, пусть уже то остается на другой разъ, когда дождемъ погребать такую то (зпятиѣ родомъ мѣщанку). Извѣстно, что они собираются на погребеніе, какъ на балъ".— „Губернаторъ С. У. (Слободско-

¹⁾ Къ этой замѣткѣ, записанной въ 1808 г., добавлено въ выпискѣ слѣдующее: „Принѣчанію. 27 марта, 1809 Это написалъ я прежде, нежели началъ, что Руссо жалѣлъ, зачѣмъ онъ не могъ быть слугою у Фенелона".

украинскій?) былъ въ очень худомъ положеніи, даже близокъ къ потерѣ своего мѣста. Жена его, которая и теперь довольно хороша, поѣхала въ П-ъ и будучи отиѣнно растороплива, успѣла дурныя обстоятельства своего мужа исправить. Возвращаясь уже въ Х., она въ проѣздѣ свой чрезъ Москву была приглашена въ одинъ домъ на обѣдъ, гдѣ былъ и г. Н., прежде генералъ-прокуроръ. За столомъ г-жа Б. (Бахтина?) съ удовольствіемъ рассказывала объ успѣхѣ, который получила по дѣламъ своимъ въ П.—Ѣ. Г. Н., который имѣлъ какую-то досаду на мужа ея, началъ очень козко шутить насчетъ того, какъ молодыя прекрасныя женщины могутъ скоро успѣвать въ свою пользу. „Не всегда однако-жь, м. государь“, отвѣчала г-жа Б., „въ то время, какъ ваше в. пр-во были генералъ-прокуроромъ, я была и моложе, и красивѣе, но ничѣмъ этимъ не могла бы успѣть въ своемъ дѣлѣ, если бы не помогли десять тысячъ, которыя вамъ я подарила“.

Засимъ обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующая записка *девятнадцатилѣтняго* М-ча. „Въ Малороссіи прошедшаго году (1809 г.) умеръ одинъ извѣстный человекъ, полковникъ Д. И. Ш. Имѣя 600 душъ, онъ завелъ театръ у себя въ домѣ, которой состоялъ изъ 200 актеровъ обоюга пола, изъ собственныхъ его крестьянъ. Они играли хорошо, одѣвались богато, были воспитаны всѣ, особливо актрисы были ловки, знали искусства, играли, пѣли, говорили на иностранныхъ языкахъ. Что должно было бы ему это стоить? Сверхъ того онъ жилъ великолюбно, у него бывали часто большія и блистательныя собранія... И не смотря на все это, онъ оставилъ послѣ своей смерти, сверхъ имѣнія, пыльный заводъ въ 30000 р., выстроилъ прекрасныя дома въ деревнѣ. Умирая же, отпустилъ на свободу около 200 душъ (т. е. актеровъ и актрисъ), подаривъ имъ всю наличность въ домѣ, стоящую до 20000 р. Должно ли сказывать, гдѣ онъ нашелъ ключъ къ богатству?... Многіе говорили и говорятъ о немъ съ удивленіемъ;—не спору, что онъ имѣлъ большую расчотливость и большое искусство, но чтобы онъ сдѣлалъ великое дѣло—не могу сказать¹⁾, лишній родителей столь-

¹⁾ „Дѣйствіе, основанное прямо на добродѣтели, могу назвать только великимъ. Д. И. Ш. поправилъ нѣсколько своей поступокъ тѣмъ, что отпустилъ на волю актеровъ и актрисъ“. Прилѣч. Ал. М. М-ча.

кихъ дѣтей, развратцъ болѣе ста дѣвокъ, разстроивъ и раздривъ нѣсколько благородныхъ домовъ,—подлинно есть предосудительное дѣло, но не хорошее*.

Говорить здѣсь М-чъ о Ди. Ив. Шираѣ (адъютантъ фельд-маршала кн. А. М. Голицына), который въ своей Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. у.) устроилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ такой театръ, что привлекъ къ себѣ вниманіе даже тогдашняго генер.-губернатора кн. Куракина ¹⁾. Для насъ интересно заключеніе М-ча о Шираевомъ театрѣ... Предосудительнымъ и не хорошимъ дѣломъ называетъ эту помѣщичью забаву, а въ данномъ случаѣ едвали не аферу, *дванадцатилѣтній* юноша, выросшій среди такихъ же „помѣщиковъ“, какииъ былъ и Шираѣ... Любопытно сравнить съ отзывомъ М-ча о театрѣ Шираѣ отзывъ того же времени русскаго писателя (кн. Шаликова), посѣтншаго Спиридонову Буду въ 1803 г. и записавшаго въ свое „Путешествіе въ Малороссію“ (I, 86) слѣдующую тираду о тамошнихъ актрисахъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды *блаториторителъ*: всѣ сн плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества, тоестъ изъ крестьянскаго состоянія.—Судите же, какое разстояніе между теперешнею участію ихъ и тою, которая ихъ ожидала“!...

Продолжаемъ выписки изъ тетрадки 1809 г.

„Г. Туманскій въ изданіи своемъ *Лжкарство отъ скуки и заботъ* (1787) дѣлаетъ очень замысловатый прощальный комплиментъ своимъ читательницамъ: „Сколь часто желалъ я быть на мѣстѣ сихъ листочковъ, которые вы, любезнѣйшія читательницы, удостоивали своимъ вниманіемъ!“ (№ 52, стр. 198). Какъ ни лестно должно быть эго привѣтствіе для женщинъ, но все простительно будетъ, есть ли онѣ нѣсколько подосадуютъ на сочинителя за слѣдующія слова: *Дай, небо, чтобъ всѣ ваши любовники, дабы васъ ввѣснть, осуждены были на скромность!* (стр. 20) *Не мноія изъ васъ, государини мои, столько умѣрены, чтобъ дер-*

¹⁾ См. объ этомъ театрѣ въ Киевск. Стар. 1892 г., февр., 256, гдѣ между прочимъ рассказано и о томъ, —какииъ образомъ Шираѣ извлекалъ доходъ изъ своего театра.

жать одною любовника" (стр. 21). Но полно, мы боимся, чтоб женщины, увлеченныя любопытствомъ, не заглянули какъ нибудь на 12, 13, 14 и 15 страницы сей книжки и чтобъ не захотѣли отмстить—Соломону, *отвращающему* очи не видѣти суеты".

„Я очень рѣдко плѣняюсь, какъ бы кто хорошо не говорилъ пофранцузски, но за то отъ чего съ такимъ вниманіемъ слушаю, когда какая нибудь дѣвушка, напр. Т. или Б. говорятъ порусски, отъ чего разговоры ихъ такъ пріятны, отъ чего, говоря о самыхъ маловажныхъ вещахъ, онѣ плѣняются! Не отъ того ли, что онѣ не знаютъ по французски?—Я думаю... Когда слышу ихъ, то всегда доволенъ, что онѣ такъ... несчастливы¹⁾, что не разумѣютъ языка моды или, лучше сказать, вѣтренности".

„Въ городѣ Н. (Новозыбковѣ?) одинъ мѣщанинъ за маленькій кусокъ земли, не болѣе 10-ти аршинъ въ длину, получаетъ каждый годъ по 500 р... Какимъ образомъ? спросать съ торопливостью трудолюбивые хозяева.—Извольте, открою тайну! Въ смежности съ этимъ мѣстечкомъ находится кладбище раскольниковъ, всякій годъ мѣщанинъ принимается на своемъ 10-ти аршинномъ пространствѣ земли засѣвать табакъ и всякой годъ суетвѣрные раскольники даютъ ему 500 р., чтобы не сѣялъ.—Предлагаю вамъ, государи мои, вѣрное средство обогатиться²⁾".

Изъ „Записокъ" 1810 г. „Сегодня печально я вздумалъ прочесть критику Макарова на книгу Шишкова „Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго языка" и нашелъ, что самыя критики ошибаются, наиримѣръ: говоря о *худыхъ писателяхъ, которые, употребляя иностранныя слова, забываютъ границы, определяемая разумомъ и вкусомъ, заключаетъ такихъ людей очень, очень много, по щастію никто не подражаетъ имъ*. Чтоже иное значать слова: *очень много*, какъ не то, что такимъ людямъ подражаютъ; въ противномъ случаѣ было бы ихъ немногу. Далѣе, замѣчая нѣсколько грубыя слова сочинителя „Разсужденія" напотъ писателя и означая должности критика, нару-

¹⁾ „Многіе почли бы несчастіемъ, если бы не знали по французски". (Примѣч. А. М. М.—ча).

²⁾ Ср. Опис. Ст. Малороссія, I, 448.

шилъ самъ важнѣйшую—справедливость¹⁾); забывъ, что сочинитель „Разсужденія“ именно говоритъ не то, чтобъ питаться славянскимъ языкомъ, но утверждаетъ только, что оной есть единственный и вѣрнѣйшій источникъ, изъ коего мы почерпать можемъ истинное знаменованіе словъ, что конечно не оспоримо.—Макаровъ истощилъ въ сей книжкѣ всю свою учепость и не доказалъ ничего.—„Господинъ У-дъ (Умаецъ?) есть странный человѣкъ, однако очень любезный. Вся жизнь его и поступки дали бы обильную матерію сочинителю написать романъ довольно пріятный. Въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, онъ женился на одной женщинѣ, бывшей любовницею у фельдмаршала N., отъ котораго она имѣла деньги и вещи хорошей цѣны и притомъ 1000 рублей ежегодной пенсін. Я не знаю, кому тутъ болѣе изъ нихъ должно удивляться: господину ли У-ду, который женился на женщинѣ лѣтъ въ 50-ть, или госпожѣ У-ой, которая въ такихъ лѣтахъ вышла замужъ по сердцу? Слѣдствіемъ этого соединенія было то, что господинъ У-дъ прожилъ почти все имѣніе своей супруги; однако къ чести его должно сказать, что онъ никогда съ нею дурно не обходится; очень уважаетъ, но только имѣетъ одну слабость, именно любить *солочиться*. Онъ всегда веселъ, здоровъ отиѣнно; жена его тоже не совсѣмъ печальна. Г. У-дъ человѣкъ совершенно простой, не терпитъ принужденій, къ губернатору ходитъ въ байковомъ сертукѣ; всегда охотно бываетъ въ дружескихъ собраніяхъ; любитъ пріятелей, женщинъ, музыку, а всего болѣе природу. Онъ жилъ верстахъ въ 10 отъ нашей деревни (Снаркова). Сестры мои, наслышавшись объ немъ, какъ о чудѣ, желали очень его видѣть, но сколько я ни упрасивалъ его, онъ ни какъ не пріѣзжалъ, все обѣщая однако-жь; надобно сказать, что онъ былъ застѣнчивъ и не любилъ вновь знакомиться. Я расхвалилъ мѣстоположеніе нашей деревни, и въ самомъ дѣлѣ не лгалъ; ему всѣ о томъ столь много говорилъ, что г. У-дъ возмѣнилъ большое желаніе быть въ деревнѣ С. и осмотрѣть всѣ мѣста. Черезъ нѣсколько времени, кто то

¹⁾ „Доказательство тому видѣть можно на 161, 164, 167, 168, 197 страницахъ сочиненія его 1-го над.“ Прилѣч. М—ча.

по ошибкѣ сказалъ ему, что всѣ уѣхали изъ деревни вашей; онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и въ одинъ день одѣвается въ куртку, садится на бѣдную лошадь и ѣдетъ въ С. Въѣзжаетъ на средину двора, останавливается и смотритъ на фасадъ нашего дому... Между тѣмъ сестры мои увидѣли его изъ окошекъ и удивлялись, что за человекъ, который около полчасы смотритъ столь неподвижно на домъ; послали слугу спросить о томъ... Посудите о ужасѣ У-ца, когда узналъ онъ, что его обманули!... „Не говори, другъ мой, что я У-цъ“... отвѣчалъ онъ слугѣ и—давай Богъ ноги... Удивляясь странной такой новости и смѣшному одѣянію *немзюстнаго*, весь дворъ въволновался: музыканты, лакеи, всѣ толпой его преслѣдовали, говорили, смѣялись—и г. У-цъ, проклиная все на свѣтѣ, особливо медленность своей лошади, уѣхалъ изъ деревни С., неоглядаясь.—Я вспомнилъ еще другой случай, говоря объ немъ: въ городѣ N получили указъ о наборѣ рекрутъ; это подало поводъ говорить, какъ тяжело разлучаться добродушному помѣщику съ добрыми крестьянами... „Я воображаю“, говорилъ г. У-цъ, „плачь матерей, сѣтованія родныхъ... О слава Богу, что я не имѣю крестьяны!“ вскричалъ онъ съ такимъ искреннимъ и трогательнымъ видомъ, который меня плѣнилъ ¹⁾.

„Въ русскомъ переводѣ „Уединенныхъ прогулокъ“ Ж. Ж. Руссо 1802 года, нахожу слѣдующія слова и выраженія: *худость, глубина роши, общежительная страсти и печальная ихъ свита, подорванная надежда* и проч. и проч.“

„Господинъ Б. читалъ свои стихотворенія, довольно пріятныя, которыхъ однакожь не печатаютъ; я замѣтилъ слѣдующій хорошій стихъ:

„Съднна—дружбѣ не помѣха“.

Засимъ имѣется небольшая тетрадка (12 стр. 4 д.) съ надписью „Дневныя записки. 1811“.—Вотъ отрывки изъ этой тетрадки.

¹⁾ Сбоку подлѣвшая приниска М-ча: „Старъ, научарсь. Г. У-цъ есть что иное, какъ старой и любезной проказникъ, который хочетъ одурить другихъ, но котораго философія нитого уже не вѣрять“.

„Иполоть Федоровичъ Богдановичъ, столь пріятный стихотворецъ и самыхъ добрыхъ качествъ человекъ, былъ очень страненъ въ обществѣ. Онъ до самой смерти влюблялся. Дѣвушка, которая ему нравилась, должна была слушать нѣсколько часовъ о расположеніи, какъ проводить будетъ онъ вмѣстѣ съ нею жизнь, о хижинѣ бѣдной, но счастливой любовью взаимной, о маленькомъ стадѣ, о ручейку и проч. Онъ былъ очень неостояненъ. Мнѣ рассказывали одинъ анекдотъ про него. Г-нъ Захаржевскій имѣлъ двухъ племянницъ, которымъ давалъ хорошее приданое; онъ предложилъ Богдановичу жениться на старшей. Предложеніе было принято; сдѣлали условіе, положили день свадьбы. Въ самый день вѣчанія, поутру, Богдановичъ входитъ въ спальню къ Захаржевскому и говоритъ: „Вы равно, конечно, любите своихъ племянницъ.—Конечно, онѣ для меня обѣ любезны.—Слѣдовательно для васъ все равно будетъ,—женюсь ли я на старшей или на меньшей; отдайте за меня меньшую: она мнѣ болѣе нравится.—Захаржевскій такъ разсердился, что просилъ его выѣхать изъ дому“.

„Въ мое время два писателя сдѣлали ощутительную перемену въ слогъ російскаго языка и имѣли много подражателей. Первый—Карамзинъ, который, начтавшись много всякихъ иностранныхъ писателей, взялъ ихъ за образецъ для російскаго слога; онъ ввелъ цѣлыя составы рѣчи, многія слова, соображаясь съ иностранными языками, болѣе съ французскими. Многіе критиковали его и говорили, что онъ въ многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій пишетъ или не понятно, или слѣшкомъ замысловато, или противъ свойствъ языка и проч. Не смотря на сію погрѣшность, онъ всегда заслуживаетъ помѣщенъ быть въ числѣ лучшихъ нашихъ писателей... Другой сочинитель есть творецъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“, который доказалъ неблагоразумное употребленіе многихъ реченій съ иностранныхъ языковъ взятыхъ... Онъ увѣщевалъ насъ почерпнуть знаніе и красоты изъ языка славенскихъ книгъ, доказывая, что онъ есть единый къ сему источнику. Мнѣ кажется, что одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ ему (противъ него?) было, что лучшіе писатели наши не принялись за сію новостъ: Ломоносовъ, Сума-

роковъ, Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Капнисть и многіе другіе—и безъ введенія сей странной новости, умѣли сдѣлать сочиненія свои прекрасными. Послѣ изданія сей книги сочинитель навлекъ себѣ много непріятелей, но за то сколько онъ пользы надѣлалъ: самыя охотники до чужезычія перестали употреблять многія выраженія нелѣпныя... Сказать правду, эта книга для всякаго, кто упражняется въ словесности, необходимо нужна. Я такъ уважаю сочинителя ея и его книгу, что еслибъ я имѣлъ Даріевъ драгоцѣнный ящикъ, то думаю, что спряталъ бы туда его сочиненія. Можетъ быть потому они для меня дороги, что я имъ очень много обязанъ“¹⁾).

„1812. Г-нъ Судьенко²⁾, когда сдѣлался слабъ здоровьемъ, то искалъ мѣста завременно, гдѣ бы велѣть себя похоронить. Приѣхавши къ графу Завадовскому (въ Ляличи?), своему знакомому, онъ просилъ его показать склепъ, гдѣ хоронили его фамилію, но вошедши туда, онъ очень скоро оттуда вышелъ, говоря: „о нѣтъ! здѣсь сыро, очень сыро!“

Послѣ замѣтокъ 1812 года слѣдуетъ семилѣтній перерывъ³⁾ и затѣмъ имѣется нѣсколько замѣтокъ уже за 1819 г., особенно интересныхъ по нѣкоторымъ признаніямъ М—ча о себѣ самомъ, о своемъ характерѣ.

„Октября 31 (1819). Сегодня я читалъ XL № „Сына Отечества,“ въ коемъ помѣщеніи весьма важная статья: *Описаніе Гобвилльскаго института для бѣдныхъ*. Я считаю, что сіе заведеніе лучше и дешевле всѣхъ другихъ. Я долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что нибудь подобное. Имя основателя Феленбергъ, а учитель сего института Верли. Имена почтенныя, которыя должно помнить болѣе именъ многихъ министровъ и профессоровъ“.

¹⁾ „Въ 1821. Все проходитъ. Такъ и мое почтеніе вышнее къ автору Разсудовіа и къ сочиненіямъ его прошло нѣсколько“. Прилѣ. А. М. М—ча.

²⁾ Рѣчь идетъ, командному, объ Осипѣ Степановичѣ Судьенкѣ, который за частную службу у кн. Безбородка получилъ большіе чины. См. книгу Грагоревича „Князь Безбородко“, I, 378, 481 и др.

³⁾ А можетъ быть перерыва и не было, а лишь затерялись или уничтожились тетради за это время. Домъ А. М. М—ча въ Сварской горѣ уже послѣ смерти его...

„Ноября 21: Я читалъ повѣсть—*Ожесточенный*. Шиллеръ знаетъ сердце человѣческое. Чтеніе сей повѣсти возродило во мнѣ многія мысли. Увы! сколь легко сдѣлаться преступникомъ! Кажется, честолюбіе, любовь, ревность, страхъ, стыдъ, ярость—всѣ сіи страсти въ одну минуту честнаго человѣка могутъ сдѣлать злодѣемъ...“.

„Я заслуживаю осужденіе за свое малодушіе. Самое ничтожное происшествіе приводитъ меня иногда въ страхъ и причиняетъ мнѣ безпокойство. Мысль о могущемъ послѣдовать мнѣ несчастіи повергаетъ меня въ грусть. Правда, я много потерпѣлъ, много имѣлъ неприятностей, много разъ имѣлъ несчастіе оплакивать потерю своихъ родныхъ; но все это не можетъ оправдать меня. Не должно бояться ни судьбы,—а еще менѣе людей. Правда, что какъ судьба, такъ и люди часто намъ враждебны; но страхъ насъ отъ нихъ не защититъ... Не долженъ ли я вознестись передъ презрѣнными людьми, желающими сдѣлать вредъ ближнему своему, и показать имъ, что стрѣлы ихъ вовсе пропадаютъ? И чего они могутъ меня лишитъ?... У меня сомнительная важная тяжба, я могу потерять имѣніе, но должно умѣть лишиться равнодушно того, что не составляетъ истиннаго блаженства. Со мною можетъ случиться несчастіе, но какое несчастье на свѣтѣ есть, котораго бы великодушіе и благоразуміе не могли снести? Ко всему должно быть готову. Сегодня богатъ, завтра бѣденъ, сегодня веселъ, здоровъ, завтра печаленъ, сломалъ ногу или руку. Баронъ Френсдорфъ (бывшій черниговскій губернаторъ) всталъ поутру здоровъ и спокоенъ—входитъ человѣкъ, разсѣкаетъ ему голову саблею и даетъ ему 12 ранъ. Черезъ двѣ минуты онъ скончался. Всего можно ожидать и ничего не должно опасаться. Одно несчастіе только важно—для немногихъ, однакоже: потеря добраго имени. Но мудрый человѣкъ, видя несправедливыя сужденія людей, не огорчится, есть ли—лишаютъ его добраго имени невинно. Онъ утѣшится тѣмъ, что самъ собою доволенъ. Вотъ единственное счастье человѣка, прочное, неотъемлемое, находимое какъ въ обществѣ, такъ и въ нищетѣ, въ чертогахъ и въ тюрьмахъ, при здоровьи и въ болѣзни. Его должно опасаться лишиться,—всѣ прочія заботы

принадлежать малодушнымъ. Боже мой! Научи меня бояться одного Тебя и не бояться болѣе ничего!“

„27 ноября. Въ семь году, февраля . . . числа, лишился я сестры своей Федосьи Михайловны Похвисневой, урожденной Марковичевой. Она оставила пять дочерей, изъ которыхъ старшей 7-й годъ. Потеря несказанная для мужа, дѣтей и насъ всѣхъ родныхъ ея... Она была добрая дочь, добрая жена, истинная христіанка, добрая госпожа. Она любила бы враговъ своихъ, еслибы ихъ имѣла. Какъ бы я счастливъ ни былъ, я никогда не буду счастливъ совершенно. Никогда душа моя не будетъ полна радости. Мнѣ всегда будетъ чего-то недоставать... Я потерялъ сестру-друга, болѣе,—я потерялъ часть самого себя“.

Приведенныхъ отрывковъ изъ „Записокъ“ М—ча достаточно, чтобы получить довольно полное представленіе о его личности въ молодые годы. Какъ видно, М—чъ много читалъ и много думалъ, при чемъ выборъ книгъ и тѣ мысли, которыя у него рождались при чтеніи, указываютъ, что это былъ человѣкъ, повидимому, не имѣвшій ничего общаго съ средою, въ которой онъ жилъ... Это былъ юный философъ, искавшій истины.. Уже одно появленіе такого человѣка среди полуобразованнаго малорусскаго общества начала настоящаго вѣка представляетъ любопытное явленіе... Въ М—чѣ мы видимъ исключительнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе не могъ же онъ не вліять на ту среду, съ которою находился въ постоянномъ общеніи. Поэтому для насъ въ высшей степени интересенъ вопросъ:—куда М—чъ направлялъ свою умственную дѣятельность?

Приведенные отрывки изъ „Записокъ“ М—ча указываютъ, что онъ уже и въ молодости, интересуясь общественною жизнью, старается осмыслять тѣ или другія ея явленія. Это направленіе остается у М—ча и въ послѣдующее время, при чемъ онъ строго слѣдилъ за собою, боясь поспѣшныхъ заключеній... Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный фактъ въ молодой литературной работѣ М—ча, въ его „Похвальномъ словѣ графу Румянцову-Задупайскому“, сохранившемся въ рукописи. На послѣдней имѣется слѣдующая надпись: „начато сочиненіемъ 1811

года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813 г. Сіе же переписано въ 5-й разъ 1820 г., генваря 7го.

Это „Слово“, навѣянное, быть можетъ, чтеніемъ Карамзинскаго похвальнаго слова Екатерины II, представляетъ собою одно лишь упражненіе въ „высокомъ слогѣ“ двадцатилѣтняго автора. Выпишемъ мѣста, относящіеся къ превознесенію заслугъ Румянцова по управленію Малороссіей, о которомъ авторъ похвальнаго слова долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности свѣдѣнія... „Императрица, имѣя намѣреніе переимѣнить образъ управленія Малороссіи, искала мудраго чиновника, кому бы могла поручить исполненіе сего важнаго предпріятія. Она поручила сіе Румянцову и вѣрила его управленію сей край. Вамъ извѣстно, граждане, что всякая переимѣна старыхъ обычаевъ, обрядовъ и установленій, хотя бы она была весьма благоразумна, влечетъ за собою недовольство большей части народа, потому что всегда мы жалѣемъ о томъ, чего лишаемся, мало есть мудрыхъ, которые могутъ провидѣть пользу отъ преобразованія; прочіе же, не разбирая ни пользы, ни вреда, только ропщутъ. Въ славѣ Румянцова довольно будетъ сказать, что скоро престаи роптать недовольные, скоро увидѣли въ немъ мужа, коему благополучіе вѣранныхъ ему жителей было первою заботою; увидѣли пресѣченными беспорядки, новыя мудрыя установленія, увидѣли и его попеченіе о доставленіи различныхъ выгодъ, прилѣжныя ходатайства у престола, справедливость и безпристрастіе въ судѣ, неусыпное трудолюбіе, снисхожденіе къ просящимъ, защиту угнетеннымъ“ и т. д. Затѣмъ авторъ подробно разсказываетъ военные подвиги Румянцова, его ссору съ Потемкинымъ и послѣдовавшее „удаленіе въ простую хижину“. Заключается „слово“ слѣдующей тирадой: „Уже 20 лѣтъ, какъ смерть похитила Румянцова, но его подвиги кажутся намъ, какъ будто вчера были... Рядъ столѣтій исчезнетъ во мракъ вѣчности, но каждый истинный россиянинъ съ благоговѣніемъ приближится къ гробу его и, наклонясь своимъ челомъ, скажетъ:

Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ драгой“.

Похвальное слово Румянцову, написанное въ 1811 году, повидному, очень занимало его автора, который пять разъ его переписывалъ (конечно, послѣ исправленій); въ послѣдній разъ „Слово“ снова переписано было въ январѣ 1820 г. Но развѣ черезъ годъ послѣ этого, въ январѣ 1821 г., М—чъ, на тщательно переписанной своей работѣ, дѣлаегъ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова и справясь съ союспію, я удостовѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человекъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомеренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ,—слѣдовательно, плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ, слѣдовательно малый душою. Одинъ же великій человекъ заслуживаетъ похвальное слово. Не нужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю предъ публикою, для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человекъ, не заслуживавшаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ“.

Боясь *упрековъ совѣсти*, М., вмѣсто „похвальнаго слова“, провозноситъ надъ своимъ героемъ строгій судъ и, быть можетъ, черезъ-чуръ строгій... Нѣтъ сомнѣній, что въ этомъ приговорѣ мы видимъ судью-идеалиста, которымъ М—чъ оставался, значить, еще и въ тридцать лѣтъ.

Годы возмужалости дали М—чу большій опытъ въ познаніи людей и ихъ дѣлъ, но оставили его тѣмъ же идеалистомъ, какимъ видимъ его и въ юности. Пошлость жизни, повидному, не касалась его...—Полное міровоззрѣніе 30-лѣтняго М—ча видимъ въ рукописномъ его отрывкѣ—*О благородствѣ чувствованій*, съ помятою: „7 октября 1820. Москва“. Тутъ мы читаемъ: „Благородство происхожденія требуетъ и благородства души. Мы не удивляемся, видя простолюдиновъ, нарушающихъ правила чести; но есть ли кому заслуги предковъ или собственныя—даровали отличное мѣсто въ обществѣ людей, есть ли такой человекъ сдѣлаегъ поступокъ противный благородству, тогда онъ

обращать на себя общее негодование; тогда мы вспоминаемъ породу его или степень занимаемую имъ, для того только, чтобы изъяснить большее къ нему презрѣніе. Безъ сомнѣнія, и простолюдины бываютъ благородны; нѣкоторые изъ нихъ, не зная, что такое честь или великодушіе, являли чувства, поступки, достойные величайшихъ людей. Тѣмъ болѣе должны быть таковыми тѣ, чьихъ слава предковъ, воспитаніе, примѣры хорошаго общества, чтеніе, бесѣда мудрыхъ и размышленіе могли научить распознавать добро и зло. Что только у первыхъ бываетъ случайностью, то должно быть всегдашней принадлежностью послѣднихъ... Хотя нельзя спорить, чтобы въ особенности на людяхъ благороднаго происхожденія не лежала обязанность показывать въ чувствованіяхъ, словахъ и поступкахъ своихъ благородство духа, нѣкоторые однако же, есть ли же не говорить, то по крайней мѣрѣ думаютъ, что высокое званіе даетъ имъ право быть хуже другихъ и позволяетъ имъ то, что запрещено прочимъ состояніямъ. Какъ будто есть на свѣтѣ званіе, которое даетъ привилегію нарушать законы? Они, конечно, полагаютъ, что быть добродѣтельнымъ есть повинность того же класса людей, который обязанъ платить подати и обрабатывать землю. Сколь бы несчастливъ былъ родъ человѣческій, есть ли бы сіе мнѣніе было принято! Свѣтъ состоялъ бы только изъ влѣдѣвъ и жертвъ ихъ, и общество людей походило бы на общество звѣрей, въ которомъ одни слабые имѣютъ причину страшиться“...

„Неустранимость составляетъ главное свойство благороднаго характера. Не одни войны являли неустранимость, не въ сраженіи только нужна она, но и въ различныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Князь Долгорукій, который разорвалъ указъ Петра I, полковникъ Полуботко, который споконствію и изобилію предпочелъ темницу, защищая права своего отечества; Енгельгартъ, котораго ужасъ казни не принудилъ нарушить присяги государю, конечно, были герои“...

„Сколько есть людей, которые все благородство, какъ и всю славу, полагаютъ въ томъ, что имѣютъ хорошаго повара, знакомство съ случайными или съ любимцами ихъ, абонирован-

ное кресло въ первомъ ряду и тому подобное! Правда, что сія слава погребается въ одномъ гробѣ съ ними, но число искателей ея не уменьшается“...

Всѣ эти раздумья являлись у М—ча, конечно, послѣдствіемъ чтенія, когда та или другая родившаяся мысль требовала по его характеру—воплощенія на бумагѣ.—Любовь къ чтенію и пылкій умъ М—ча отъ общаго знакомства съ тогдашней обиходной литературой—обратились и къ литературѣ, касавшейся родины. Фолианты дѣдовскаго „Дневника“, находившагося въ обладаніи М—ча, и небольшая книжка, полная теплаго интереса къ Малороссіи, написанная безвременно погибшимъ братомъ его, должны были привлечь къ былымъ судьбамъ родины и вниманіе М—ча. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, какъ видимъ изъ слѣдующаго.

II. Интересъ къ прошлому своей родины.—Чтеніе дѣдовскаго дневника.—Отзывъ о кодексѣ „Козакъ-стихотворецъ“.—Изданіе бумагъ изъ семейнаго архива. Открытія изъ „Описанія Малороссіи“.—„Малороссійская свадьба“.—Выборна служба.—„Записка о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“.—Представленіе объ уничтоженіи „маршалковско-полковарская суда“.

Кругъ чтенія М—ча не ограничивался одною тогдашнею печатною литературою. Довольно рано онъ началъ интересоваться доставшимися ему въ наслѣдство фолиантами дѣдовскаго дневника, внослѣдствіи имъ извланнаго. Дневникъ дѣда М—чъ началъ читать со втораго десятилѣтія настоящаго столѣтія, причемъ чтеніе это происходило систематически. Это мы видимъ хотя бы изъ того тома дневника, въ которомъ описаны годы 1731—1736¹⁾. На этой рукописи имѣется замѣтка М—ча: „началъ читать 1 іюля 1819. Окончилъ читать 19 августа 1819“. Систематическое чтеніе М—чемъ рукописи видно изъ непрерывнаго ряда его замѣтокъ, написанныхъ чернилами сбоку листовъ. Замѣтки заключаютъ въ себѣ сокращенныя свѣдѣнія о томъ или другомъ упоминаемомъ въ дневникѣ фактѣ, служа такимъ

¹⁾ Рукопись въ листъ, 271 полулистовъ мелкаго писма. Весь Дневникъ Якова М—ча состоитъ изъ десяти томовъ.

образомъ указателемъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, изъ от-
мѣтокъ о времени чтенія дѣдовскаго дневника мы видимъ, что
къ тридцатилѣтнему своему возрасту М—чъ хорошо былъ съ
нимъ знакомъ, а слѣдовательно хорошо былъ знакомъ и съ бы-
томъ своей родины въ XVIII в. Эта область историческаго зна-
нія была почти невѣдома тогдашнимъ историкамъ Малороссіи
(Бант. - Каменскому, Мартосу...), такъ какъ ничего подобнаго
дневнику Якова М—ча въ тогдашней печатной литературѣ не
было, да и впоследствии явилось не скоро.—Изъ чтенія дѣдов-
скаго дневника М—чъ обязательно ознакомился со всѣмъ част-
нымъ и общественнымъ строемъ жизни своихъ предковъ и
мало по малу становился такимъ знатокомъ бытовой исторіи
Малороссіи, какихъ тогда положительно не могло и быть. Къ
этому нужно добавить, что М—чъ хорошо зналъ и обыденную
жизнь современной ему Малороссіи. Историко-этнографическія
особенности послѣдней ему до мелочей были знакомы. Въ этомъ
отношеніи очень любопытно то впечатлѣніе М—ча, которое
онъ вынесъ, впервые увидѣвъ на столичной сценѣ извѣст-
ный водевилъ кн. Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ“. Замѣ-
тивъ въ водевилѣ бросавшіяся въ глаза отступленія отъ условій
мѣстной жизни, М—чъ немедленно хотѣлъ указать публикѣ
бытовыя несообразности, которыми авторъ наполнилъ свое про-
изведеніе, и съ этою цѣлью замѣчанія свои вложилъ въ пись-
менной формѣ, вѣроятно, рассчитывая „письмо“ это напечатать
въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако-жъ оно осталось
ненапечатаннымъ, и мы приводимъ его здѣсь, въ видѣ отзыва тог-
дашняго знатока о тѣхъ несообразностяхъ, которыя введены
въ водевилъ, въ видѣ мѣстныхъ особенностей.— „М. г.! Я пріѣхалъ
недавно въ Москву по надобности и въ первый разъ навѣку
своимъ попалъ въ большой городъ. Вы можете себя предста-
вить, съ какимъ любопытствомъ разсматривалъ я здѣсь все то,
что для меня было ново. Между прочимъ театръ наиболѣе об-
ратилъ мое вниманіе. Но что почувствовалъ я, когда въ объяв-
леніи 15 сентября, между дѣйствующими лицами, увидѣлъ я по-
вѣтоваго писаря, ибо я самъ земскій писарь одного изъ повѣто-
выхъ (уѣздныхъ) судовъ Малороссійской Полтавской губерніи

Бѣгу въ контору, беру билетъ, въ мѣста за креслами, и объявленіе (афишу?), и возвращаюсь домой. Я ожидалъ, признаюсь, съ нетерпѣніемъ назначеннаго времени, чтобы видѣть какимъ образомъ будутъ представлять меня. Разбиралъ однако же объявленіе, я не понималъ, почему повѣтовый писарь названъ въ ономъ Грицкомъ, тогда какъ у насъ всякого повѣтоваго писаря называютъ по имени и отчеству, какъ дворянина и чиновника, служащаго по выборамъ дворянства. Сіе недоумѣніе еще болѣе возбуждало мое любопытство. Наконецъ я въ театрѣ. Приятная музыка напоминаетъ мнѣ *родимую сторону*. Поднимается занавѣсъ. Являются Маруся, князь и деньщикъ его; но мнѣ не они были надобны; мнѣ нуженъ былъ повѣтовый писарь... Каково было мое изумленіе, когда вмѣсто повѣтоваго писаря выглянула въ окошко отвратительная фигура въ бѣлой рубашкѣ, а потому та же самая фигура появилась въ красныхъ сапогахъ и въ красномъ платкѣ, съ чупривою, коверкаемъ какъ обезьяна и клянясь униженно мужику Прудіусу. Видно сочинитель не заглядывалъ въ *статутъ*, не знаетъ, что повѣтовый писарь всегда избирался изъ дворянъ и чиновниковъ, что должность его была совсѣмъ другая, а не та, какую возложилъ на него сочинитель комедій. Полно!—это значить много требовать. Зналъ ли г. сочинитель что есть повѣтъ?... Были ли в тысядкѣи въ Малороссіи, объ этомъ я не спорю, ибо не знаю, только безъ справки не повѣрю г. сочинителю, потому что мнѣ кажется по всему, что Малороссія для автора лежитъ въ тридевятой землѣ, въ тридесятомъ царствѣ. Но покорнѣйше насъ, м. г., прошу позволить мнѣ для чести своей сообщить всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что ни одинъ повѣтовый писарь во всей Малороссіи не похожъ на Грицка, и никогда не былъ похожъ, и что поступки ихъ никакъ не могутъ быть сходны съ поступками сего чудовищнаго Грицка. Правда, что въ этой комедіи все само на себя не похоже, но до того нѣтъ мнѣ дѣла...

Въ этомъ писемѣ мы видимъ протестъ малоросса противъ извращенія чертъ его общественнаго быта въ литературѣ. Последняя, какъ видно, не затруднялась изображать секретаря уѣзднаго суда 20-хъ годовъ—, въ красномъ платкѣ и красныхъ са-

погахъ", предполагая, что „повѣтовые писари“ это—какой-нибудь остатокъ козачины, въ одеждѣ которыхъ поэтому красный цвѣтъ долженъ преобладать. Появленіе „чудовищнаго Грицка“ на сценѣ вызывало, конечно, полное удовольствіе зрителей... Но такое изиращеніе особенностей мѣстнаго быта у М—ча вызвало протестъ, вѣроятно, единственный между тогдашними зрителями...

За симъ обращаемся къ перечисленію и нересмотру учено-литературныхъ работъ М—ча; касающихся Малороссіи.

Изданіе бумагъ семейнаго архива. Въ Украинск. журн. 1824 г., въ 2-хъ книжкахъ, (№ 19—20, стр. 43—55, и № 21, стр. 128—136) подъ заголовкомъ „Малороссійская старина“, напечатано девять документовъ, съ поясненіемъ, что они представляютъ „копіи съ подлинныхъ бумагъ“. Сдѣланныя къ „Старинѣ“ примѣчанія подписаны буквою М, подъ которою несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть А. М. М—ча, такъ какъ напечатанныя бумаги, видимо, взяты были изъ Сварковского архива, обладателемъ котораго въ это время былъ онъ, А. М. М—чъ. Напечатанныя бумаги касались бытовою исторіи Малороссіи. Начитавшись дѣдовскаго дневника, М—чъ понималъ цѣну подобныхъ бумагъ, какъ объяснительныхъ документовъ по исторіи народной жизни Малороссіи. Появленіе „Малороссійской старины“ было, во всякомъ случаѣ, первымъ опытомъ обнародованія бумагъ семейнаго архива, при чемъ очень интересенъ и выборъ ихъ: это не жалованныя грамоты и не универсалы, которыми любили хвалиться потомки козацкой старшины, а документы историческіе, поясняющіе общественный и частный бытъ этой старшины. По рѣдкости Укр. ж—ла перечисляемъ эти бумаги. 1. Универсалъ Ю. Хмельницкаго, 1661 г., какому то „Омельяновѣ Цвѣчевскому, который презъ лѣтъ двадцать въ неволѣ былъ турецкой“, на грунта, отошедшіе, во время его плѣна, въ чужое владѣніе. 2. Универсалъ Мазеши 1704 г., объ уплатѣ изъ „войсковой скарбѣ“ „арендоной раты“, съ поясненіемъ, что „скарбець войсковый велии есть истошчалій черезъ уставичные и значнедѣючіея росходы“. 3. Универсалъ Скоропадскаго, 1720 г., съ приказомъ козакамъ м. Верей-

евки, чтобы они „не загладаючи на власть п. Галагана, полковника прилудкого, и не страхуючи его похвалокъ, нашихъ, гетманскихъ, указовъ слухали“... 4. Универсалъ того же гетмана, 1710 г., „Татьянѣ Васильевой Кулябковнѣ“ съ подтвержденіемъ на хуторъ „ведлѣ села Бурумлѣ“. 5. Письмо гетм. Скоропадскаго къ полковнику лубенскому Марковичу¹⁾ о переписи купцовъ луб. полка, „гендлюющихъ“ съ Шліонскомъ, Гданскомъ и Кролевцомъ (Кенисбергомъ), „пенкою, смалчугою, саломъ, воскомъ“ и проч., съ тѣмъ, чтобы эти товары впредь—до пристаней на Балтійскомъ морѣ найдующихся провадили“, подъ страхомъ смертной казни. 6. Письмо гетм. Скоропадскаго къ зятю Марковичу, 1712 г., съ извѣстіемъ о смерти тестя. 7. Письмо луб. полк. писаря Степана Савицкаго къ Якову М—чу, изъ Спб., 1718 г. и 8. Письмо луб. полковника Петра Апостола къ тому же Якову М—чу, 1743 г. Особенно интересны три послѣднія письма. Въ письмѣ къ Андрею Марковичу о смерти тестя, Скоропадскій, выражая свое сожалѣніе, что не могъ быть „при концѣ житія“ его, добавляетъ, что „особливе Настуса (гетманша) на сердѣ доживотне поносити муситъ, же и остатнего въ живыхъ устѣ пана (умершаго) благословенія родительскаго не получила и до отданя виновой, по должности своей, услуги на похоронаніе (sic) змерлого тѣла прибути не можетъ“... Содержаніе письма Петра Апостола указываетъ, что это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ средѣ малорусской старшины пол. XVIII в.²⁾ Подобныхъ писемъ и по настоящее время извѣстно, въ печати, не болѣе двухъ-трехъ. Выборъ напечатанныхъ М—чемъ бумагъ изъ семейнаго архива—едва ли можно назвать случайнымъ; скорѣе можно допустить, что, познакомившись съ частнымъ бытомъ малорусскаго общества по дѣдовскому дневнику, М—чъ сознательно выбиралъ такіе документы, которые могли служить дополненіемъ къ недоговоренному въ дневникѣ. М—чу принадлежитъ заслуга начинателя въ обнаруженіи документовъ изъ частныхъ архивовъ, заслуга тѣмъ бо-

¹⁾ Письмо датировано 1709 г., но это ошибка, т. е. Яковъ М—чъ сталъ луб. полковникомъ только въ 1714 г.

²⁾ Письмо Апостола переиздано нами въ Русск. Арх. 1875 г., I, 96.

дѣе значительная, что послѣ этого начинанія еще очень долго пришлось ждать, пока семейные архивы были тронуты.

Описание Малороссіи. Въ бумагахъ М—ча сохранилось лишь нѣсколько листовъ, указывающихъ, что онъ предполагалъ заняться „описаніемъ Малороссіи“. Судя по сней бумагѣ и почерку М—ча, это начинаніе относится къ двадцатымъ годамъ. Сохранились слѣдующіе отрывки, не безынтересные для исторіи авторства М—ча въ изученіи Малороссіи. а) *Статистическія замѣчанія о Малороссіи.* „Надобно удивляться размноженію жителей въ Малороссіи. Въ теченіи 150 лѣтъ безпрестанно выходятъ изъ нея поселенцы. Слободско-украинская губернія, часть Воронежской, Земля Донскихъ козаковъ, часть Курской губерніи, Новороссійскій край,—всѣ эти мѣста населены малороссіянами, и между тѣмъ въ самой Малороссіи не замѣтно ни мало уменьшенія народонаселенія. Къ сему умноженію народа, конечно, способствуетъ здоровой климатъ, не курныя вѣтры, но опрятныя, необремененіе работами во время вольнаго перехода, не странническая (?) жизнь поселенцевъ и лучшая пища, болѣе попеченіе о дѣтяхъ и проч.—Климатъ въ степной Малороссіи отиѣнно здоровъ. Вечера лѣтніе восхитительныя. Люди и животныя вообще тѣмъ крупнѣе, нежели въ лѣсной части. Деревянныя строенія тоже отиѣнно долго сохраняются въ цѣлости“. б) *О наружномъ видѣ страны.* „Дорога отъ Глухова, пограничнаго города отъ Курской губерніи, на Ромень: какъ скоро вы переѣзжаете Сеймъ, страна похожа дѣлается на степь, хотя несовершенно; иногда выходятъ пространства, покрытыя лѣсами. Дорога отъ мѣст. Хмѣлова до Ромна гориста, но прелестна. Лѣса похожи на сады, и виды прекрасны. Ромень стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣетъ прелестныя виды. Вообще города на Сулѣ: Ромны, Лубны—имѣютъ мѣстоположенія картинныя. За Ромнами проѣзжаешь нѣсколько малозначущихъ городковъ: Лохвицу, Пиратинь. Тутъ видите вы сіи необозримыя степи; которыя не полагаютъ препонъ ни глазу, ни летучимъ мыслямъ. Мы такъ привыкли видѣть землю воздѣланную, что видъ сихъ тучныхъ пажитей, остающихся въ теченіи вѣковъ въ первобытной своей природѣ, возбуждаетъ въ насъ новыя

мысли. Воображаешь и теперь видѣть сихъ народовъ блуждающихъ, для конхъ сѣи степи были домами. Есть еще отдаленныя степи, гдѣ и теперь находятся стада дикихъ коней. Зимомъ въ новыхъ (?) степяхъ скотъ кормится въ полѣ... в) *Умственные способности,мышленность, остроуміе, языкъ малороссіянъ.*

„Анекдоты, разказываемыя на щетъ простодушія малороссіянъ, сочинены ими самими. Они очень любятъ забавляться сами надъ собою, и русскіе не могли бы такъ искусно оныхъ составить. Сѣи анекдоты гораздо предосудительнѣе для великороссіянъ, ибо они всегда представляются въ оныхъ обманщиками. Въ языкѣ ихъ (малороссіянъ) есть множество особенныхъ выраженій, напр., никчемный, висчимый.—Многіе изъ простыхъ мужиковъ, не будучи грамотны, знаютъ въ какой недѣльный день будутъ подвижные праздники чрезъ цѣлый годъ, когда настанетъ мѣсяць; но только грамотные изъ нихъ знаютъ щотъ времени по мѣсяцамъ; прочіе всегда щитають по числу недѣль отъ свѣтлаго праздника или отъ рождества Христова. Если свѣтлый праздникъ бынаеть поздно, они говорятъ, что лѣто будетъ коротко"... г) *Нравы, обычаи и проч. Малороссіи.*—„Когда отецъ или мать приближаются къ кончинѣ, то окружающіе смертныи одръ не спать ночи и стараются вывести изъ комнаты дѣтей умирающихъ, утверждая, что умирающіе гораздо тяжелѣе умирають, если въ одной комнатѣ съ ними находятся ихъ дѣти. Мысль прекрасная!“

„Въ лѣтнее время большія дороги въ Малороссіи покрыты пѣшешествующими мошельщиками, которые идутъ къ св. Афанасію, въ Лубны, или въ Кіевъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ, изнуренные путемъ и постомъ, находятъ на сихъ путяхъ свои могилы. Сопутствующіе погребаютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный скончался, и, иногда, посреди дороги вы увидите свѣжую могилу и огромную палку вмѣсто креста. Въ русскомъ народѣ ведется суевѣрное мнѣніе, что въ молодости содѣянные грѣхи можно очистить путешествіями ко святымъ въ старости...“

Приведенными замѣтками только и ограничилось начинаніе М—ча относительно описанія Малороссіи. Повидимому, у него не было ни плана, ни матеріала для такой большой работы.

Можетъ быть, въ это время М—чъ началъ другую работу, посвященную изученію бытовой стороны своей родины, озаглавленную „Малороссійская свадьба“. Здѣсь, какъ видно, М—чъ хотѣлъ представить въ разсказной формѣ бытъ малороссійскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Работа эта также не окончена, но изъ написанныхъ 4-хъ главъ видно, что она есть результатъ внимательнаго чтенія дѣдовскаго дневника, причѣмъ авторъ пользовался и живыми преданіемъ о томъ—какъ жили и чѣмъ интересовались его предки. „Малороссійская свадьба“ хотя и не кончена, но по бытовымъ своимъ подробностямъ, нывѣ исчезнувшимъ, сохраняетъ значеніе историческаго мемуара и заслуживаетъ изданія, тѣмъ болѣе, что тутъ же М—чъ высказываетъ и личный взглядъ на исторію своей родины.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью, съ 1820 г. началъ М—чъ и дѣятельность общественную, которая, при его деревенской жизни, выразилась службою по выборамъ. Въ октябрѣ 1820 г. М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) судьей, но черезъ годъ и оставилъ эту службу. Затѣмъ, въ 1826 г., М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ предводителемъ дворянства¹⁾, но на этой должности оставался всего

¹⁾ Вероятно, къ эт му времени относятся двѣ рѣчи М—ча, напечатанныя въ его бумагахъ, одна—сказанная (?) въ повѣтовомъ судѣ, а другая—въ „мишкентѣ“, т. е. въ томъ учрежденіи, которое до 60-хъ годовъ представляло собою генеральное волыцкайское управленіе. Приводить отрывки изъ обеихъ рѣчей. Въ повѣтовомъ судѣ М—чъ говоритъ: „М.м. г.г.! Когда понислю я, что вы, м.м. г.г., за насъ сіи нѣста, приняли на себя обязанность давать судъ, защищать обиженныхъ, вдовъ, сиротъ, сберегать насъ отъ нужды, быть посредниками въ различныхъ сдѣлкахъ между людьми всѣхъ состояній; когда понислю, что многотрудное служеніе ваше не только не сопряжено съ выгодами, соответственными оному, но еще отвлекаетъ васъ отъ семействъ и домовъ вашихъ... то на ногу не изъять предъ вами испрепныхъ моихъ признаній и поздравленій съ избраніемъ васъ въ званіе столь великаго почтенія достойное“ и проч. Въ рѣчи, обращенной къ всирванцу, его помощнику („испрепному члену“) и ставомъ присваиваетъ, читаясь слѣдующее: „М.м. г.г.! признатую васъ съ началомъ служенія, на кое избраны вы доверіемъ и уваженіемъ согражданъ своихъ. Своимъ и не только своимъ, но и другихъ состояній безопасенію и охраненію поручило вамъ благородное дворянство. Вы избраны быть защитниками угнетенныхъ, блюстителями порядка и добрыхъ нравовъ, вамъ поручено сохраненіе народнаго здравія, повеченіе о его (народѣ?) нуждѣхъ,

одниъ годъ, такъ какъ въ 1827 г. онъ былъ избранъ генеральнымъ судьей. Известно, что по указу императора Павла I, (30 ноября 1796 г.) открыты въ 1782 г. намѣстничества были упразднены, а взаимнѣ ихъ образована была, сначала, одна—Малороссійская губернія, а позже (1802 г.) двѣ: Черниговская и Полтавская. Тогда же было возобновлено и „прежнее судопроизводство“; открытъ былъ и генеральный судъ съ двумя департаментами, въ которыхъ предсѣдательствовали генеральные судьи. Однимъ изъ такихъ судей былъ избранъ и М—чъ. Прослуживъ до конца трехлѣтія въ 1829 г., (М—чъ занялъ должность генер. судьи во второй годъ трехлѣтія, вѣроятно, изъ кандидатовъ), М—чъ былъ избранъ генер. судьей и на слѣдующее трехлѣтіе, но черезъ полгода, весной 1830 г., подавъ прошеніе объ отставкѣ. Генераль-губернаторомъ въ то время былъ князь Репнинъ. Получивъ просьбу М—ча объ отставкѣ, онъ отвѣчалъ: „желая сколько нибудь содѣйствовать вамъ къ увольненію васъ отъ должности генер. судьи, я отыскался къ Григорію Степановичу Тарновскому, состоящему по васъ кандидатомъ, о вступленіи въ оную, но получилъ отъ него прошеніе, конемъ онъ просить, по состоянію его почетн. смотрителемъ Борзенскаго повѣтоваго училища, увольненія отъ занятія упомянутой должности... (Посему) я обязанъ буду собрать дворянство для избранія кандидатовъ на генер. судью и потомъ о утвержденіи одного изъ нихъ представить государю императору. Но съ сими вмѣстѣ обнаружится, что вы оставили занимаемую должность и уѣхали изъ губернскаго города, не получивъ на то отъ меня дозволенія,

поощреніе къ земледѣлію и трудолюбію, приращеніе насилій, истребленіе нищеты и праздности. Въ васъ найдутъ замѣтливое бѣднѣе поселеніе, въ васъ обратятъ они привилегіи въ своихъ расправахъ. Подъ челоушнымъ покровительствомъ вашихъ поживетъ сей полезный и почтенный классъ народа въ нѣрѣ и тишинѣ. Скорнѣе разбои, онъ въ дѣлѣ и уваженіи къ ихъ правамъ и нуждамъ вы удовлетворите въ жалобахъ изъ спокойствія“ и проч. Рѣчи М—ча не были известны въ тогдашней Малороссіи: такія рѣчи были произнесены гораздо раньше (въ 1808, 1809 г. г.) „маршаломъ Роменскаго повѣта“ Вас. Гр. Полетникомъ. Рѣчи Полетника тогда же были напечатаны въ Вѣстн. Европ. Сп. Указатель къ этому журналу, Полуденскаго, стр. 15, 32 и 65. Несомнѣнно, что М—чу рѣчи Полетника были известны.

чего вы ни въ какомъ случаѣ сдѣлать были не въ правѣ... Все сіе побуждаетъ меня просить васъ покорнѣйше возвратиться къ должности вашей сколь можно поспѣшнѣе... Вы всегда видѣли, съ какимъ удовольствіемъ я служилъ съ вами и отдавалъ справедливость вашимъ трудамъ и правиламъ, почему я не могу и помыслить, чтобы *вражда сосѣдей вамигъ ко мнѣ отклоняла васъ отъ служенія*, а напротивъ надѣюсь немедленнаго исполненія приглашенія моего...⁴ Намекъ въ этомъ письмѣ на причину отставки М—ча нѣсколько объясняется изъ отвѣта послѣдняго, гдѣ онъ писалъ: „относительно подозрѣнія в. с—ва на счетъ причины, побудившей меня отказаться отъ должности, я не опасаясь объясниться со всею искренностью. Я и брать мой обязаны сосѣдямъ нашимъ (?) за доброжелательное участіе и вспоможеніе во время важныхъ тяжбъ, грозившихъ состоянію нашему разстройствомъ. Всякое благородное чувство найдетъ мѣсто въ сердцѣ вашемъ и вы бы конечно осудили бы меня, если бы я не остался имъ за это благодаренъ и не принялъ бы участія въ ихъ радости и огорченіи. Но не признательность моя, ни честь не предписывали мнѣ отказываться отъ должности по происшедшему неудовольствію между в. с—вомъ и ими. Я могу, напротивъ того, смѣло сказать, что я даже имъ не поставлялъ сего причиною моего удаленія отъ должности и что они весьма настоятельно уговаривали меня продолжать службу...⁵ Затѣмъ М—чь пишетъ, что главная причина его отставки—болѣзнь. На что намекалъ кв. Рейнинъ въ своемъ письмѣ къ М—чу остается неизвѣстнымъ.—Оставивъ такимъ образомъ въ 1830 г. выборную службу, М—чь черезъ два года снова согласился ее продолжать. На этотъ разъ онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства и оставался на этой должности два трехлѣтія.

Поставленный въ ближайшія отношенія къ официальной жизни черниговскаго дворянства, какъ сословія, М—чь по своей пылкой природѣ, началъ изучать его исторію и экономическій бытъ. Съ этою дѣлюю онъ составилъ слѣдующую для себя программу. *Глава I.* О дворянствѣ малороссійскомъ до перваго разбора, вслѣдствіе высочайшаго проекта о дворянствѣ. Права ихъ.

НВ. Здѣсь же и о образованіи сословія козаковъ и правахъ ихъ. *Гл. II.* О дворянскомъ сословіи со времени перваго разбора и въ послѣдующее до настоящаго времени. *Гл. III.* Объ имѣніяхъ дворянскихъ. Какимъ образомъ приобрѣтались права на владѣніе имѣніями. Различные роды имѣній, владѣльческія, ранговыя, монастырскія и проч. Права имѣній дворянскихъ. Повинности. Наборы нсполитыхъ. Причины черезъ повинности. *Гл. IV.* О винокурениі и свободной продажѣ вина. *Гл. V.* О прежнемъ состояніи хозяйства, промышленности, торговли въ дворянскихъ имуществвахъ. Цѣны. Мѣры. *Гл. VI.* О нынѣшнемъ состояніи хозяйства помѣщичьихъ имѣній.

По этому плану М—чъ началъ подбирать матеріалъ, какъ видно изъ его замѣтокъ, уже въ маѣ 1837 г. Прежде всего, онъ обратился къ дневнику дѣда и сдѣлалъ выписки изъ него, начиная съ 1728 г. и оканчивая 1767-мъ г. Слѣдовательно, М—чъ просмотрѣлъ для этого *весь* дневникъ. Затѣмъ, М—чъ обратился къ черниговскому дворянскому архиву и сдѣлалъ обширныя выписки изъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія, касающіяся до дворянства^а. По времени, эти выписки обнимали собою періодъ съ 1783 г. до 1801 г. включительно, т. е. время, когда происходила регламентація всего русскаго дворянства, какъ сословія. Изъ печатныхъ источниковъ М—чъ пользовался Исторіей Мал. Россіи Б.—Каменскаго и „Историч. Извѣст. объ Уніи“ Б.—Каменскаго-отца. Повидямому, еще раньше М—чъ познакомился съ литовскимъ статутомъ и много переіель тѣхъ „конституцій“, на которыя Гр. А. Полетика впервые указавалъ малорусскому шляхетству, какъ на источникъ де его права. Съ такою подготовкою М—чъ приступилъ къ написанію своей „Записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“. Началъ онъ эту „Записку“ съ великокняжескаго періода.—„Извѣство“, говоритъ М—чъ, „что уже въ позднѣйшее время образовалось въ настоящемъ видѣ въ Россіи дворянское сословіе. Былъ въ самой древней Руси высшій классъ людей, который пользовался правами, которыя и теперь составляютъ права дворянства, т. е. правами, происходящими отъ владѣнія имѣніемъ, приобрѣтеннымъ государственною службою; но нивогда ни сіи

владѣльцы имѣній, ни люди, находившіеся въ многообразныхъ чинахъ и должностяхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ не составляли сословія, какъ нынѣ, пользующагося общими правами дворянства... Съ царствованія (кажется) императора Петра (В.) снова дворянство вошло только въ употребленіе, какъ названіе сословія... Въ Малой Россіи гораздо прежде составилось сословіе дворянское подъ именемъ шляхетства. Конституціями королей польскихъ дарованы или подтверждены оному права одинаковыя съ шляхетствомъ польскимъ...^а Въ такомъ видѣ началъ было изложеніе своей „записки“ М—тъ, но въ печати она значительно сокращена. Повидимому, авторъ нашелъ нужнымъ обойти вопросы спорные и малоразработанные. Но, тѣмъ не менѣе, нужно же было опредѣлить исходную точку его взгляда на дворянство малорусское. Авторъ, повидимому, не сомнѣвался въ тѣсной связи того дворянства, о которомъ говорили польскіе короли въ „конституціяхъ“, съ тѣмъ, которое явилось послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г. Во всякомъ случаѣ, записка о малорусскомъ дворянствѣ М—ча для нашего очень любопытна, какъ историческое изслѣдованіе автора, повидимому, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ. Поэтому мы укажемъ главные исходные пункты записки по ея печатному тексту.

„Записка“ начинается такъ: „Въ то время, какъ южная часть древней Руси, получившая впоследствии названіе Малороссіи, присоединена была къ Литвѣ, оставались въ семь краевъ люди именитые, потомки прежнихъ удѣльныхъ владѣтелей, князья и бояре. Безъ сомнѣнія, есть и теперь дворянскіе роды, принадлежавшіе къ высшему классу людей въ русскихъ княжествахъ но загисимое положеніе края, разореніе отъ татаръ, войны, притѣсненія чужеземныхъ властителей, гоненія за вѣру—были виною многихъ превратностей въ судьбѣ частныхъ людей и причиною недостатка письменныхъ документовъ, которые бы свидѣтельствовали о состояніи предковъ еще въ періодъ, предшествовавшій владѣльчеству Литвы и Польши. Почти всѣ дворянскіе роды Черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени

возвращенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе. Самыя прованія, по которымъ слѣдуетъ, кажется, заключать о ихъ польскомъ происхожденіи, могли замѣнить прованія богѣ древнія: извѣстно, какъ произвольно они перемѣнялись вездѣ и какъ различны бывали иногда даже у дѣтей родныхъ братьевъ. Въ Малороссіи же такому измѣненію способствовало и продолжительное чужеземное господство. Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе роды, нынѣ существующіе, ведутъ свое начало отъ времени, предшествовавшихъ завоеванію (Польшею?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на нѣмніи польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдатѣ или размежеваніи тѣхъ нѣмній, владѣльцы представляли польскимъ комиссарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ, преданъ на ихъ добра наданныя¹⁾. При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія; но *строгая историческая критика не можетъ признавать ихъ основательными*. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ, что М—чь не вѣрилъ тѣмъ документамъ, по которымъ Нѣжинскіе мѣщане Тарасевичи происходили будто бы отъ Тараса Трасила, а Сосницкіе козаки Троцкіе выводили своихъ предковъ изъ троцкого воеводства...²⁾.

Затѣмъ М—чь говоритъ, что во время принадлежности Малороссіи къ Польшѣ, высшее сословіе первой именовалось „шляхтою“, причемъ права послѣдней назывались „вольностями шляхетскими“. Представивъ послѣ этого, на основаніи статута, юридическій очеркъ правъ и обязанностей шляхты, М—чь, желая слѣть исторію послѣдней съ дворянствомъ, явившимся въ к. XVIII в., рассказываетъ вкратцѣ исторію придиѣпровскаго козачества. „Когда въ полов. XV в. основалась крымская орда, въ Малороссіи возникло военное сословіе козаковъ Запорожскихъ. Долго это сословіе не имѣло ничего опредѣлительнаго и состояло изъ небольшого числа всякаго званія, шляхетскаго и

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, только въ „дѣлѣ“ о дворянствѣ Бурзакъ есть упоминаніе о такихъ грамотахъ, но и то—голословное.

²⁾ См. Опис. Ст. Малор., II, 43 и 290.

духовнаго происхожденія, городскихъ и сельскихъ жителей, туземцевъ и чужеземцевъ. Короли польскіе, находя ихъ полезными пограничными стражами, дали имъ земли для заселенія и выше дѣвровскихъ пороговъ,—города Каневъ и Трахтемировъ. Тамъ только первоначально и жили они; но впоследствии времени, особенно къ концу XV вѣка, размножилось число ихъ. Во многихъ мѣстахъ воеводства Кіевскаго записывались въ козацкіе реестры или списки—люди свободные *естя съ состояній* и составляли уже не одну запорожскую стражу, а находились при войскахъ польскихъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подъ названіемъ реестровыхъ. Польское правительство не дозволяло имъ селиться повсюду; опредѣлены были для жительства ихъ нѣкоторые города и селенія... Но когда возгорѣлась война за независимость Малороссіи и вся она обратилась въ военную республику, тогда жители всѣхъ городовъ и селеній, безъ различія, начали вписываться въ козацкіе списки, оставляя за собою свои имѣнія. *Само собою разумѣется, что для сверженія чужеземную на, высшее сословіе преимущественно приняло (подняло?) оружіе.* Не только шляхта грекороссійской, но и римско-католической вѣры участвовала въ войнѣ. Хмельницкій, призывая всѣхъ шляхетныхъ и посполитыхъ людей къ оружію, обратился въ особенности съ названіемъ къ шляхетно-урожнымъ козакамъ. *Въпротивно, шляхта занимала преимущественно и высшія должности въ войскѣ; однако же и простой реестровый козакъ могъ быть не только полковымъ, но и генеральнымъ старшиною, а, слѣдовательно, и правителемъ края¹⁾.* Въ войскаго республикѣ, какою слѣвалась Малороссія, естественно, что военное званіе взяло верхъ надъ другими и что при производствѣ въ старшины не столько смотрѣли на происхожденіе, сколько на

¹⁾ Первоначально, какъ видно изъ рукописи, М—чъ нѣсколько иначе объяснял происхожденіе малорусскаго дворянства: „!грава какъ шляхетства, такъ и козаковъ не были рѣдко обозначены и трудно положить между нихъ различіе. Козаки составились изъ разныхъ состояній, въ томъ числѣ и изъ дворянскаго, и потому безъ сомнѣній пользовались они и правами сего званія. Впрочемъ тогда никто не думалъ ни о важности сихъ правъ и никто не козакать претендовалъ въ пользованіи оными. Военское званіе взяло по положенію края превущество предъ прочими...“

заслуги и способности къ военной службѣ. Такимъ образомъ, во время войны и въ продолженіе войскового правленія, многие изъ реестровыхъ козаковъ, получивъ званіе старшинъ, сдѣлались владѣльцами имѣній населенныхъ, а потомки изъ вошли въ дворянское сословіе... Хотя войсковые старшины пользовались тѣми же и еще большими правами, нежели шляхта (ибо одно военное сословіе избирало войску главнаго начальника, который впоследствии былъ и правителемъ края), однако и при польскихъ короляхъ и еще долго по присоединеніи Малороссіи къ Россіи—шляхетское дворянское достоинство считалось для старшинъ особенною честью... Императоры и императрицы всероссійскіе жаловали малороссіянамъ русское дворянство до временъ Екатерины II; но какъ весь край носилъ названіе *войска козацкаго народа* (курсивъ въ подлинникѣ) и правленіе въ немъ было войсковое, а земскіе суды, избраніе конхъ законъ представлялъ шляхетству, не существовали дѣйствительно, то названіе шляхты или дворянства вышло изъ употребленія.... Первые собранія *шляхетства* были по случаю избранія предводителя и депутата, вслѣдствіе проекта для составленія новаго уложенія. Со временъ жъ учрежденія въ Малороссіи намістничества, шляхетство малороссійское сравнялось, въ правахъ и въ порядкѣ дѣлъ своихъ, съ велико-россійскимъ и составило дворянское сословіе на общихъ государственныхъ установленіяхъ."

Изложивъ исторію образованія дворянскаго сословія въ Малороссіи, М—чь, по составленному имъ плану, долженъ былъ сказать о приобрѣтеніи этимъ сословіемъ правъ на владѣніе имѣніями, а слѣдовательно долженъ былъ коснуться и исторіи крестьянства. По этому поводу М—чь говоритъ: „Имѣнія, которыя теперь находятся во владѣніи дворянъ, частію пожалованнымъ предкамъ ихъ великими князьями русскими, королями польскими, императорами всероссійскими и гетманами малороссійскими, частію населены ими самими на земляхъ свободныхъ или купленныхъ у людей другихъ сословій, преимущественно же у козаковъ... Независимо отъ воздѣлыванія земли и прочихъ хозяйственныхъ работъ на владѣльцевъ, посполитые платили такъ называемую осенщину, или деньгами или хлѣбомъ съ сохи.

Встрѣчались и другіе сборы, напр.. чиншъ или оброкъ, очковое, пчеловое и проч... Посполитые (т. е. свободные крестьяне (жившіе?) на владѣльческихъ земляхъ) имѣли право вольнаго перехода изъ одного владѣльческаго помѣстья въ другое. Но указомъ 1738 г. велѣно было имъ съ мѣста - на мѣсто не переходить, пока войсковая канцеларія переписеть не только дворы, но и хаты, а въ хатахъ семьи¹⁾. По окончаніи переписи, это обстоятельство подало поводъ владѣльцамъ противиться обычному переходу посполитыхъ, считать перешедшихъ бѣглецами и возвращать ихъ себѣ, не смотря на указъ 18 августа 1742 г., гдѣ сказано, „чтобы имъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто имѣть“. Впрочемъ, говоря вообще, до указа 1783 г. мая 3 дня, которымъ велѣно свободнымъ крестьянамъ оставаться тамъ, гдѣ внесли ихъ въ ревизію 1782 г., они жили у владѣльцевъ по уговору или по условію, произвольно оставляя одного для другого и только задолжавшихъ позволялось не отпускать до уплаты долга. Достаточные и усердные, напротивъ того, даже покупали грунты, т. е. земли, доселѣ оставшіеся собственностию ихъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ... Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Малороссіи скрывалось множество бѣглыхъ людей, хотя великороссійскихъ крестьянъ запрещено было принимать въ малороссійскихъ имѣніяхъ, а великорусскимъ помѣщикамъ—крѣпить малороссіянъ. Всѣ государи издавали объ этомъ строгіе указы, но самое повтореніе указовъ свидѣтельствуеъ уже о частомъ нарушеніи ихъ. И дѣйствительно, владѣльцы имѣли крѣпостныхъ людей, особливо дворовыхъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ великороссійскихъ помѣщиковъ, а также взятыхъ въ плѣнъ или купленныхъ (обыкновенно малолѣтками) татаръ и калмыковъ, которые обращались господами своими въ христіанскую вѣру²⁾...

¹⁾ В. дневникъ Яс. М.—ча занасмо (29 іюня 1738 г.)—„Новинъ образонъ, по указу войск. канцеларія, велѣно переписывать дворы, а въ хатахъ семьи и чтобъ обиватели съ мѣста на мѣсто не переходили, а иначе за рубежъ не бѣжали“.

²⁾ Всѣ эти свидѣнія имѣются въ дневникѣ Якова М.—ча.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ выписокъ мы видимъ, что М—чь прежде всего желалъ установить происхождение явившагося послѣ 1782 г. въ Малороссіи дворянства отъ той „шляхты“, о которой говоритъ лит. статутъ. Но относясь съ свойственною ему добросовѣстностью къ работѣ, М—чь тутъ же долженъ былъ признать два факта: 1) что при разборѣ правъ на дворянство были представляемы такіа „свидѣтельства о древности происхожденія“, которыхъ „строгая историческая критика не могла признать основательными“ и 2) что потомки тѣхъ „реестровыхъ козаковъ“, которые получили во владѣніе населенныя имѣнія, „вошли въ дворянское сословіе“. Такимъ образомъ не смотря на то, что „записка“ М—ча явилась около 60 ти лѣтъ назадъ, главные ея выводы относительно исторіи малорусскаго дворянства очень близки къ тѣмъ историческимъ знаніямъ по сему вопросу, которыми мы обладаемъ и въ настоящее время. Несомнѣнно, что изъ среды той православной шляхты, которую застало возстаніе Хмѣльницкаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣкоторые „приняли оружіе для сверженія польскаго ига“, но это были лишь отдѣльныя личности (Бороздин, Рубци, Бакуринскіе...), а не все „сословіе“, о численности котораго—на лѣвомъ берегу Днѣпра—у насъ имѣется и теперь весьма неопредѣленное представленіе... Но за то происхождение (хотя части) малорусскаго дворянства отъ козацкой старшины М—чемъ высказано было впервые, при чемъ это положеніе неохотно принимается нѣкоторыми и въ позднѣйшее время...

Относительно „владѣльческихъ“ крестьянъ М—чь, въ своихъ краткихъ замѣткахъ, сообщаетъ свѣдѣнія правильныя, основанныя главнымъ образомъ на внимательномъ чтеніи дѣдовскаго дневника. Если мы сравнимъ историческія свѣдѣнія М—ча о дворянствѣ и крестьянствѣ съ тѣми, напр., которыя появились у Б.—Каменскаго во 2-мъ изданіи (1830 г.) его Исторіи Малой Россіи, то должны признать, что въ послѣдней имѣются по этому предмету лишь взятые изъ лит. статута свѣдѣнія безъ всякой ихъ связи съ тѣми сословными группами, которыя явились въ лѣвобережной Малороссіи при гетманахъ. Вторую часть „за-

писки¹ М—ча составляютъ свѣдѣнія о „разборѣ дворянства“, т. е. краткая исторія составленія дворянскихъ списковъ въ Малороссіи. Вся эта часть „записки“ основана на тщательномъ изученіи рукописнаго матеріала, хранящагося въ черниговскомъ дворянскомъ архивѣ, и представляетъ собою и до настоящаго времени единственную работу по этому предмету, необходимую при изученіи образованія въ Малороссіи дворянскаго сословія. Собранныя М—чемъ статистическія свѣдѣнія того времени одворянскомъ сословіи, не смотря на ихъ краткость, сохраняютъ научную цѣну и теперь, будучи результатомъ ближайшаго знакомства со стороны М—ча съ экономической жизнью своей родины.

Засимъ, мы, кажется, не преувеличимъ значенія „Записки“ М—ча въ малорусской историографіи, если скажемъ, что она представляетъ собою *исслѣдованіе*, не потерявшее научнаго значенія и теперь²).

Предводительская служба дала возможность М—чу также близко познакомиться съ однимъ изъ архаическихъ судебныхъ учреждений—*маршалковско-коммисарскимъ судомъ*, который по лит. статуту составлялъ апелляціонную инстанцію для подкоморскаго или межеваго суда. Маршалковско-коммисарскій судъ, по своему устройству, давалъ возможность тянуть межевые споры десятки лѣтъ... Изложивъ исторію происхожденія этихъ судовъ и крайнее неудобство ихъ процедуры, М—чъ, по должности губ. предводителя дворянства, представилъ, въ январѣ 1835 г., министру вн. дѣлъ объ уничтоженіи означеннаго учрежденія. Повидимому, представленіе это было уважено, такъ какъ затѣмъ рѣшенія марш.-коммисарскихъ судовъ болѣе не встрѣчаются³).

¹) „Записка“ М—ча напечатана въ 1839 г., въ кн. т. „Матеріаловъ для статистики Россійск. импер.“, а затѣмъ переиздана въ 1894 г., въ Черниговѣ, гр. Г. А. Милорадовичемъ, при чемъ въ предисловіи ошибочно сказано, что „записка“ въ первый разъ была напечатана въ 1852 г.

²) Представленіе М—ча напечат. въ одномъ изъ прилж. къ Словарю малорусск. старини, Донцовскаго, Кіевск. Стар. 1894 г., изд.

III. Оставленіе должности губернскаго предводителя. — Литературная работа Марковича по исторіи Малороссіи: историческіе очерки г. Глухова и Галицкаго монастыря. — Изданіе „Дневникъ Записокъ“ Якова Марковича. — Проектъ Марковича объ уменьшеніи своихъ крестовъ отъ кривостной зависимости. — Участіе его въ губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помещичьихъ крестьянъ. — Избраніе уезднымъ земскимъ власнымъ. — Завѣщаніе и смерть. Перечень литературныхъ работъ Марковича по общимъ соображеніямъ.

Почти одновременно съ окончаніемъ своей „Записки“, М—чъ пересталъ быть губернскимъ предводителемъ. Оставленіе имъ этой должности произошло при обстоятельствахъ исключительныхъ. Осенью 1838 г. оканчивалось второе трехлѣтіе службъ М—ча въ должности губернскаго предводителя; но еще въ началѣ іюня этого года онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Какія причины вызывали эту просьбу мы незнаемъ, и вообще по этому обстоятельству намъ извѣстно немного. Малороссійскимъ губернаторомъ въ 1838 г. былъ гр. А. С. Строгоновъ. Какъ видно, онъ настолько цѣнилъ служебную дѣятельность М—ча, что проѣзжая въ это время (т. е. послѣ подачи прошенія объ отставкѣ) чрезъ Глуховъ, нарочно видѣлся съ М—чемъ, съ цѣлію отклонить его отъ отставки, при чемъ и получалъ было обѣщаніе—продолжать предводительскую службу; но спустя нѣкоторое время М—чъ писалъ Строгонову уже другое: „чувствуя въ полной мѣрѣ вниманіе в. с—ва, съ которымъ вы изволили войти въ объясненіе со мною по сему предмету, (т. е. объ отставкѣ), при чемъ я сдѣлалъ извѣстными вамъ причины, заставляющія меня увольниться, мнѣ весьма прискорбно, что я не могу дослужить срока, на который избранъ дворянствомъ, и весьма бы пріятно было продолжать службу подъ начальствомъ вашимъ, и самыя непреборимыя препятствія могли только меня заставить просить увольненія за четыре мѣсяца до срока. Главнѣйшая есть худое состояніе моего здоровья. Смѣю надѣяться, что в. с—во не усумнитесь въ справедливости словъ моихъ и окажете уваженіе къ моей просьбѣ“. Послѣ этого письма прошеніе М—ча объ отставкѣ было отослано въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ отставка была разрѣшена, начались, въ к. сентября, губернскіе выборы, на которые однакожъ М—чъ не поѣхалъ, поставивъ заявленіе, что отъ дальнѣйшей службы онъ отказывается.—

Тѣмъ неменѣе, 8-го октября, прибылъ въ Сварковъ изъ Чернигова „нарочный чиновникъ“ и привезъ постановленное 7 октября опредѣленіе дворянскаго губ. собранія о томъ, что „дворянство Черниговской губерніи виѣннть себѣ въ особенную честь, если А—ръ М—ловичъ дозволитъ балотировать себя на настоящихъ выборахъ и тѣмъ откроетъ случай доказать ему ту незавлагаемую, неизмѣнную признательность свою, которою дворянство Черниговской губерніи не престанетъ быть одушевляемо“. Въ отвѣтъ своемъ, посланномъ въ Черниговъ 14 октября по эстафетѣ, М—чъ благодарилъ дворянство „за новый знакъ его благорасположенія“, при чемъ добавлялъ: „кратковременная отлучка замедлила отвѣтъ мой до сего времени; полагаю, что выборы кончились, въ противномъ случаѣ, исполненный чувствами глубочайшей признательности, готовый забыть на себя (*sic*), я предоставилъ бы почтенѣйшему дворянству располагать мною по его благоразсмотрѣнію“. Но дворянское собраніе въ ожиданіи отвѣта, повидному, не закрывалось, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ М—чъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ на третье трехлѣтіе. Согласно закону, выборъ этотъ былъ представленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Между тѣмъ просьба М—ча объ отставкѣ, поданная лѣтомъ, была разрѣшена только 20 сентября, о чемъ гр. Строгоновъ увѣдомилъ Черниговскаго губернатора въ полов. октября. Это извѣщеніе не остановило однакожъ представленія о выборѣ М—ча губ. предводителемъ на третье трехлѣтіе. Представленіе было отослано министру вн. дѣлъ, но государь не утвердилъ этого выбора. Причины неутвержденія изъ бумагъ М—ча не объясняются; въ послѣднихъ сохранилось лишь письмо, которое М—чъ писалъ, въ октябрѣ 1839 г., гр. Строгонову, тогдашнему министру вн. дѣлъ, принося благодарность за пожалованіе полученнаго въ это время чина. Въ письмѣ этомъ читаемъ: „Ваше с—во! Мнѣ объявлено, что государю императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать меня въ надворные совѣтники. Какъ я удостоенъ сей высочайшей милости по представленію в. с—ва, то позвольте мнѣ принести вамъ глубочайшую мою за то признательность. Въ этомъ случаѣ я обязанъ двойною благодарностью в. с—ву. Если я при-

нанъ былъ государемъ императоромъ недостойнымъ занять должность, въ которую избрало меня дворянство, то по крайней мѣрѣ имѣю счастье видѣть, что не вовсе лишенъ я милости его величества. Но кто понесъ на себѣ всенародное изъявленіе негоднанія своего государя, тотъ не долженъ быть ничѣмъ утѣшенъ, пока не будетъ удостовѣренъ, что оправданъ въ глазахъ его величества. Я былъ удостоенъ три раза утвержденія государя императора въ должностяхъ по выбору дворянства, я считалъ это самую лестною наградою на службѣ и послѣ этого—быть признаннымъ недостойнымъ!.. Ни то, что я по крайнимъ обстоятельствамъ уволился прежде наступленія новаго трехлѣтія, ни то что, по лестному для меня убѣжденію дворянства, снова забылъ на свои затрудненія, не могло казаться навлечь на меня гнѣва моего государя. Во всякомъ случаѣ, безропотно покоряюсь волѣ его величества. Вѣрно, если не этимъ, такъ другимъ, я заслужилъ гнѣвъ его величества. Государь не можетъ напрасно оскорбить своего подданнаго. Да позволено будетъ только мнѣ сказать, что никогда гнѣвъ государя не падалъ на подданнаго болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго. Имѣя примѣръ въ предкѣ моемъ, оказавшемъ въ смутныя времена Малороссіи вѣрность и непоколебимую преданность достославному прародителю его величества ¹⁾, я при всякомъ моемъ дѣйствіи не имѣю другой цѣли, ни другого желанія, кромѣ того, чтобы велицеимѣнно выполнить мою присягу его величеству не устами только, но и сердцемъ ²⁾. Какъ прежде, такъ и теперь жизнь мою и все мое счастье не оставилъ бы я принести въ жертву для пользы его величества ³⁾.

Намъ невпѣвѣстны причины, по которымъ М—чъ не былъ утвержденъ въ предводительской должности и теперь, по давности событія, едва ли и можно разсчитывать на ихъ объясненіе,

¹⁾ М—чъ разувѣтъ своего предка Андрея Марковича, который, услышавъ объ измѣнѣ Мазепы, послѣдилъ къ Меншикову, подъ Ватурино, занять свое „сѣрность“, на что поставленъ былъ Глухожскимъ сотникомъ. Опис. Ст. Малор., II, 431.

²⁾ За снѣмъ слѣдуетъ зачеркнута фраза: „тѣ, которые приписали дѣйствіемъ своимъ невольственна мнѣ побужденія, конечно не знаютъ, что для меня не только легкой, но и воздѣленной обязанности было бы“...

если только этот случай не описанъ въ какихъ нибудь, еще не-
вѣдомыхъ намъ, того времени мемуарахъ...

Послѣ предводительской службы М—чъ продолжалъ зани-
маться учено-литературными работами, но дальнѣйшее изученіе
малорусской старины было отодвинуто въ сторону; подъ ста-
рость М—ча стали болѣе интересоваться вопросами публицистическа-
го характера и преимущественно тѣсно связанныя съ бытомъ
народа.

Изъ работъ М—ча, сороковыхъ годовъ, относившихся къ
малорусской старинѣ, могутъ быть названы двѣ: историческій
очеркъ г. Глухова и — „Исторія Гамалѣвскаго монастыря“. Въ
очеркѣ Глухова сохранено много любопытныхъ историческихъ
свѣдѣній, о которыхъ М—чъ рассказываетъ, какъ очевидецъ,
напр., о зданіи Румянцевской коллегіи, объ уничтоженіи глухов-
скихъ архивовъ, заключающихъ въ себѣ всю официальную исторію
Малороссіи XVIII в. ¹⁾.—Другой очеркъ—Гамалѣвскаго монасты-
ря—написанъ М—чемъ, главнымъ образомъ, по бумагамъ семейна-
го архива, такъ какъ основательницею и—ря была гетманша Свю-
ропадская,—родная сестра прадѣда автора Андрея Марковича.
Исторія Гамалѣвскаго и—ря напечатана архіеп. Филаретомъ
Гумилевскимъ въ его „Описаніи Черниговской епархіи“ (IV, 19—
54), но безъ указанія на авторство М—ча.

Послѣднимъ трудомъ М—ча по исторіи Малороссіи было
изданіе имъ „Дневныхъ Записокъ генер. подск. Якова Марковича“
(Москва 1859. 8 д., 2 части, въ 1-й: XIV+520 и во 2-й: 414
стр.) Въ настоящее время мы знаемъ, что дневникъ своего дѣда
М—чъ издалъ съ значительными сокращеніями и съ поновлен-
нымъ языкомъ ²⁾, но это обстоятельство не особенно важно при
оцѣнкѣ того значенія, которое имѣло изданіе этого памятника.
Значеніе это было очень велико. Можно сказать, что изданіемъ
„Дневныхъ Записокъ“ М—чъ снялъ завѣсу съ бытовой исторіи
Малороссіи XVIII в. и поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ об-

¹⁾ Отрывки изъ очерка Глухова напечатаны нами въ Опис. Стар. Малор. II,
431 и слѣд.

²⁾ См. предисловіе въ первой части Дневника Якова Марковича въ изд.
„Кіевск. Старина“.

щественною и частною жизнью нашихъ предковъ того времени. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ мы впервые увидѣли оживотворенными и гетмановъ (Апостола и Разумовскаго), и окружавшую ихъ старшину, увидѣли ихъ въ частной, закулисной жизни, о которой до тѣхъ поръ имѣли лишь смутныя свѣдѣнія¹⁾. Заслуга М—ча въ изданіи дѣдонскаго дневника на столько велика, что если бы онъ литературную свою дѣятельность ограничивалъ только напечатаніемъ этого памятника, то уже и за это имя его не было бы забыто въ малорусской историографіи.

Въ настоящее время, хотя и начато полное изданіе Дневника Як. Марковича, но, въ виду обширности этого памятника, изданіе это если и будетъ приведено къ концу, то, конечно, очень нескоро, и мы еще долго будемъ пользоваться изданіемъ 1859 г. и помнить заслугу его издателя.

Остальныя литературныя работы М—ча не касались уже исторіи Малороссіи. Ниже (въ „Приложеніяхъ“) мы перечисляемъ всѣ остальныя статьи М—ча, съ коротенькимъ показаніемъ ихъ содержанія. Тутъ мы видимъ нѣсколько статей философскаго содержанія, но большинство ихъ касается быта народа, среди котораго М—чъ жилъ. Заботясь о нуждахъ этого народа и всѣчески стараясь прийти къ нему на помощь, М—чъ постоянно указывалъ на необходимость развитія въ народѣ грамотности, при чемъ прибавлялъ, впрочемъ, что „обученіе грамотѣ лишь тогда принесетъ народу надлежащую пользу, когда рядомъ съ обученіемъ будетъ идти и *воспитаніе*“. Но говоря о воспитаніи народа, М—чъ тутъ же встрѣчался съ фактомъ, что „воровство между крѣпостными крестьянами распространено болѣе, чѣмъ между свободными“ (т. е. козаками и казенными крестьянами) и тутъ же пояснял, что указанный фактъ есть слѣдствіе „самого установленія (т. е. крѣпостнаго состоянія), основаннаго на неправдѣ“... Слѣдуетъ думать, что мысль о *неправдѣ* крѣпостнаго

¹⁾ Годомъ раньше изданія „Дневн. Запис.“, былъ изданъ Бодякинскій *Дисеріумъ* Н. Ханенка, заключающій въ себѣ тоже дѣсныя свѣдѣнія по бытовой исторіи XVIII в., но этотъ памятникъ ограничивался лишь однимъ годомъ. Полностью *Дисеріумъ* Н. Ханенка былъ изданъ только черезъ 25-ть лѣтъ послѣ „Дневныхъ Записокъ“ Як. Марковича.

права родила у М—ча намѣреніе уничтожить эту неправду по отношенію къ своимъ крестьянамъ. По этому предмету въ бумагахъ М—ча сохранилась копія слѣдующаго „конфиденціальнаго“ отъѣзда министра вн. дѣлъ гр. Перовскаго къ черниговскому губ. предводителю дворянства, писаннаго 8 мая 1852 г.—

„Помѣщикъ Черниговской и Полтавской губерній надв. сов. Марковичъ представилъ мнѣ проектъ положенія объ увольненіи крестьянъ его изъ крѣпостнаго состоянія, на особыхъ правилахъ, прося исходатайствовать у его императорскаго величества утвержденіе сему проекту.—По сему проекту помѣщикъ Марковичъ предполагаетъ уволить своихъ крестьянъ, въ числѣ 979 рев. душъ, не въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ и не въ обзанные, а въ особое сословіе—вольныхъ поселанъ, живущихъ на земляхъ владѣльческихъ, не испрашивая согласія кредитныхъ мѣстъ, въ конхъ заложено имѣніе въ суммѣ 49250 р. Земля, принадлежащая къ увольняемому имѣнію, остается во владѣніи помѣщика въ количествѣ 4856 дес.; крестьяне же, оставаясь на жительствѣ въ увольняемомъ имѣніи, пользуются данною имъ отъ помѣщика землею за условенныя повинности и работы. Они могутъ пріобрѣтать земли отъ помѣщика и отъ другихъ лицъ, но въ первомъ случаѣ имѣютъ право продать оную только помѣщику и его наследникамъ, а въ послѣднемъ—должны брать отъ помѣщика въ пользованіе землю за особыя повинности. Нежелающій подвергнуться сему условію или ненуждающійся въ землѣ обязанъ искать себѣ другое званіе или другихъ способовъ существованія. Порядокъ исполненія рекрутской повинности остается прежній, съ тѣмъ, что владѣлецъ имѣетъ право освобождать одного въ каждый наборъ по каждому участку... Усматривая, что представленный г. Марковичемъ проектъ содержитъ въ себѣ существенныя отступленія отъ главныхъ началъ увольненія крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія (ст. 760—795 и 903—913 св. зак. т. IX) и покорнѣе прошу, в. пр—во, объявить г. Марковичу, что засмѣ я не считаю себя въ правѣ представить проектъ его на высочайшее усмотрѣніе“. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ М—ча

не сохранилось самого проекта, изъ котораго можно было бы увидѣть его частности.

На сколько М—чъ интересовался осуществленіемъ своего проекта, это видно изъ слѣдующаго письма, тогда же писаннаго къ нему Д. В. Кочубеемъ (въ то время членомъ государств. совѣта).—,Продолжительное молчаніе мое на письмо ваше могло уже быть принятымъ вами за худое предназначеніе и внушить вамъ сомнѣніе на счетъ ожидаемаго рѣшенія дѣла для васъ интереснаго, ибо оно касается устройства будущей судьбы нашихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, ваши предчувствія сбьлись, если вы ожидали неудачи.—Въ самомъ началѣ, по полученіи вашего прошенія, я замѣтилъ, что дѣло это встрѣтитъ препятствія и возраженія; не менѣе того, не терялъ надежды, что эти затрудненія будутъ устранены нѣкоторыми измѣненіями въ проектѣ, нами составленномъ, а главныя условія будутъ утверждены, но впоследствии, и то весьма недавно, я убѣдился, что подобнаго рода предположенія, при теперешнемъ духѣ и мысляхъ, не находятъ здѣсь сочувствія, что имъ не довѣряютъ и какъ будто страшатся отъ нихъ вредныхъ послѣдствій. *Нельзя не сознаться, что съ нѣкоторомъ отношеніи эти опасенія не безосновательны.* Поэтому-то, какъ кажется, принято теперь за правило строго держаться изданнымъ на этотъ случай узаконеніямъ и какъ скоро представленный проектъ не воплѣтъ съ оными согласуется, то, не входя въ разборъ онаго, просто отказываютъ. Въ прошломъ году послѣдовало два подобнаго рода отказа, а теперь и ваше предположеніе подверглось той же участи и по тѣмъ же причинамъ... Изъ сего легко вы можете заключить, что участіе мое въ ономъ не могло измѣнить общаго направленія, принятаго для дѣлъ сего рода, и что въ настоящее время невозможно было достигнуть желанной вами цѣли. Я понимаю, что вы не равнодушно примите это извѣстіе, узнавъ, что благія намѣренія ваши не могутъ осуществиться... Впрочемъ, объ этомъ, какъ о многомъ другомъ, мы переговоримъ подробнѣе по прибытіи моемъ на родину“.

Письмо Кочубея указываетъ также, что тѣ „опасенія“, которыя возбуждали подобныя проекты у правительства, находили

себѣ мѣсто и у „высокопоставленныхъ“ сосѣдей М—ча, на помощь которыхъ онъ рассчитывалъ при просьбѣ объ осуществленіи своего проекта... Обращаясь къ этому проекту, изъ оффиціального извѣщенія министра мы видимъ, что М—чь представлялъ крестьянамъ только личную свободу, сохраняя за ними однакожъ право на пользованіе землею „за условленныя *поимности и работы*“. Конечно, въ условіяхъ пользованія землею заключалась вся сущность вопроса... Мы не знаемъ, какія мѣры были проектированы при этомъ на случай неисполненія крестьянами условій, но конечно мѣры такіа были указаны, при чемъ примѣненіе ихъ на практикѣ могло приводить къ результатамъ противоположнымъ намѣренію М—ча... Впрочемъ, эти соображенія не уничтожаютъ того факта, что М—чь готовъ былъ принести значительную матеріальную жертву для уничтоженія у себя „неправды“ крѣпостнаго состоянія...

Черезъ шесть лѣтъ послѣ не осуществившейся мысли М—ча—дать своимъ крѣпостнымъ личную свободу, въ Черниговѣ былъ открытъ „губернскій комитетъ объ улучшеніи и объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ“, въ который вошло по два члена отъ каждаго уѣзда; однимъ изъ членовъ отъ Глуховскаго уѣзда былъ избранъ и М—чь. Черниговскій комитетъ, наравнѣ съ другими, разработалъ свой „проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“, при чемъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій при разсмотрѣніи этого губернскаго проекта, должны были отправиться въ Петербургъ два члена комитета, по выбору послѣдняго. Въ Черниговѣ этими членами были выбраны М—чь и В. О. Подвысоцкій. При этомъ слѣдуетъ добавить, что при образованіи губернскихъ комитетовъ, въ каждый изъ нихъ назначены были правительствомъ особо по два члена—для защиты интересовъ крестьянъ, при чемъ въ черниговскій комитетъ такими членами были назначены Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій († 1866 г.). Заснмъ, при составленіи губернскихъ проектовъ предоставлено было комитетамъ таковыя составить не только *большинству*, но и *меньшинству* комитета, если послѣднее того пожелаетъ. Въ черниговскомъ комитетѣ меньшинство особаго проекта не составляло, ограничившись лишь указаніемъ своихъ

возраженій противъ тѣхъ или другихъ параграфовъ общаго проекта. Эти возраженія *меньшинства* подписалъ и М—чъ. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ рѣшено было пригласить въ редакціонныя комиссіи по два члена отъ губернскихъ комитетовъ („для представленія нужныхъ объясненій“), то одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять большинство, а другой—меньшинство. При вызовѣ этихъ членовъ въ Петербургъ, М—чъ получилъ отъ губернатора такое приглашеніе: „имѣя въ виду, что в. в.—діе избраны въ комитетъ членомъ для поѣздки въ Петербургъ и что хотя меньшинствомъ черниговскаго комитета не было составлено особаго проекта положенія, но *вы изволили подписать возраженія, отданныя меньшинствомъ на нѣкоторыя главы общаго положенія, я имѣю честь уведомить васъ, м. г., о распоряженіи г. министра (о пріѣздѣ членовъ въ Петербургъ къ 15 августа 1859 года) и покорнѣйше прошу отправиться къ назначенному сроку въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свидѣній и объясненій отъ меньшинства черниговскаго дворянскаго комитета“.*

Такимъ образомъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса М—чъ фактически выдѣлился изъ „консерваторовъ...“

По мягкости своего характера, М—чъ не могъ быть въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ энергическимъ противникомъ „большинства“, какими являлись, напр., Галаганъ и Тарновскій, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству близкихъ къ М—чу людей, онъ *искренно радовался* освобожденію крестьянъ, а съ бывшими своими крѣпостными разошелся такъ, что добрыя съ ними отношенія у М—ча продолжались и послѣ 1861 года, чему примѣры, какъ лично намъ извѣстно, были очень рѣдки. *Искреннее человеколюбіе* М—ча чувствовалось всѣми, въ томъ числѣ и бывшими его крѣпостными... Это же человеколюбіе звучитъ и въ его завѣщаніи, (написанномъ въ 1857 г.), въ которомъ, между прочимъ, М—чъ говоритъ: „Завѣщаю наследникамъ моимъ, извѣстнымъ мнѣ своими благородными качествами¹⁾, управлять имѣніемъ моимъ на

¹⁾ А. М. М—чъ не былъ женою и наследниками его явились родные его племянники.

тѣхъ человѣколюбивыхъ правилахъ, которыми я старался руководствоваться, и сохранить тѣ установленія, какія при мнѣ существуютъ, какъ то: платить за всѣхъ крестьянъ моихъ, какъ доселѣ, всѣ подати, служителямъ моимъ выдавать не менѣе того содержанія деньгами и прочимъ, какое они получаютъ, награждать ихъ за хорошее поведеніе и похвальные чувства, продолжать содержать въ Сварковѣ больницу для сифилисической и другихъ острыхъ болѣзней, принимать въ оную всѣхъ приходящихъ больныхъ бесплатно, содержать въ Сварковѣ и Перервенцахъ сельскія школы¹⁾, цѣвчихъ для церковнаго цѣвня, фельдшеровъ, оказывать всякое возможное пособіе бѣднымъ болящимъ, и своимъ и чужимъ, и, между прочимъ, снабжать бандажами страждущихъ грѣхами, давать положенныя годовыя платки священникамъ и причту, за молебствія и панахиды²⁾. Надѣюсь—наслѣдники мои священной обязанностью и достойнымъ удовольствіемъ почтутъ все вышеписанное продолжать исполнять, особенно же содержать въ селѣ Сварковѣ находящуюся больницу для сифилисической болѣзни. Это простое заведеніе, учрежденное достойнымъ памяти дѣдомъ моимъ Яковомъ Марковичемъ, завѣщавъ оныя своимъ наслѣдникамъ содержать, и съ тѣхъ поръ около ста лѣтъ содержалась она бабкою моею, родителями и наконецъ мною. Оно такъ полезно и такъ немного стоитъ, что грѣшно его пренебречь или уничтожить. Всегда болѣе ста большихъ страдальцовъ и съ тяжкими язвами, въ продолженіе года въ немъ приняты бывають и, какъ изъ больничныхъ списковъ видно, почти всегда исцѣляются, по милости Божіей и помощію

¹⁾ Сельская школа въ Сварковѣ такъ заботливо содержалась при А. М—чѣ, что сюда поѣхали своихъ дѣтей и нѣкоторые мѣстные бѣдные дворяне. Эту школу мы видѣли лѣтомъ 1862 года, т. е. черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, и въ ней ученіе продолжалось *во всемъ на прежнемъ основаніи*: М—чъ продолжалъ платить жалованье учителю и продолжать содержать училищный домикъ въ прежнемъ порядкѣ... Это былъ исключительный примѣръ *продолженія прежнихъ добрыхъ отношеній помещика къ былымъ своимъ крестьянамъ*..

²⁾ Въ 1834 году М—чъ установилъ было опредѣленную плату сварковскому причту за требоисправленіе, заключивъ съ причтомъ особый объ этомъ договоръ, при чемъ на эти договорныя отношенія согласились и сварковскіе козачи. См. „Кіев. Стар.“, 1896 г., апрѣль.

великаго угодника его, святителя Николая Мирликійскаго, нашего сельскаго покровителя¹⁾). Да низведуть молитвы и благодаренія сихъ болящихъ на владѣльцевъ села Сваркова и на весь сію (т. е. на Сварковъ) благословеніе и милость Господа за пріютъ и исцѣленіе несчастливцевъ, которые безъ того могли бы заражать другихъ, или же сами были бы отвергаемы своими семействами. Мы должны благодарить Господа, что въ фамиліи нашей былъ достойный мужъ, которому пришла такая достойная мысль еще въ то время, когда филантропическія понятія мало были распространены...²⁾

Умеръ А. М. М—чъ 15 декабря 1865 года, при чемъ мѣсяца за три до смерти онъ былъ избранъ уѣзднымъ гласнымъ только что нарождавшагося тогда земства... Несомнѣнно, что если бы М—чъ жилъ нѣсколько позже, то онъ сталъ бы виднымъ земскимъ дѣятелемъ... Земская дѣятельность наиболѣе подходила къ его заботамъ о благѣ ближняго³⁾.

Приложенія³⁾.

1) *Советы молодымъ дѣвцамъ*. Статья эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій: а) О благодати божіей, б) О обязанностяхъ нашихъ къ Богу и т. д.

2) *Правила къ руководству*. Рядъ мыслей по разнымъ вопросамъ обыденной жизни.— «Веречь деньги, но совѣтъ не то, чтобы только прятать ихъ въ сундукъ. При надержкѣ смотрѣть нѣтъ ли полезнѣе или нужнѣе предмета, на который я бы могъ или долженъ

¹⁾ Одинъ изъ близкихъ родственниковъ М—ча рассказываетъ, что существовавшую въ Сварковѣ больницу для сифилитиковъ А. М. значительно увеличилъ, устроивъ въ ней 24 кровати, при чемъ при больницѣ нѣбеса особый фельдшеръ, а докторъ больницу посѣщала изъ Глухова. Въ больницу принимались *только* пришедшіе болные, хотя бы и изъ чужихъ губерній, при чемъ содержаніе и одежду они получали отъ М—ча.

²⁾ Бунаги, по которымъ составленъ настоящій очеркъ, представляли близъ въ наше пользованіе П. Я. Дорошенкоу, за что и приносимъ ему сердечную нашу благодарность.

³⁾ Указанія здѣсь статьи расположены, по возможности, хронологически.

былъ употребить деньги. Богатый человекъ не долженъ быть излишне бережливъ. Онъ долженъ часть своихъ денегъ издержать для общества, для людей, которые живутъ своею работою. Моты полезнѣе даже скунца». — «Старайся во всякомъ случаѣ побуждать малодушіе, робость, боязливость. Не бойся несчастій, ни смерти. Не имѣй робости передъ начальникомъ или передъ высшими лицами и въ обществахъ, въ которыхъ не привыкъ быть». — «Стараться всегда возможное добро сдѣлать. Самое великое добро, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы все то дѣлать, что послужить можетъ къ исправленію человека». — «Беречь время. Игра въ карты»...

3) *О ложности сужденій и мнѣній.* — «Чрезвычайно много зла существуетъ въ семъ мірѣ, потому только, что мнѣнія наши ложны и превратны; весьма много людей сдѣлали и дѣлаютъ вредъ не потому единственно, что они сами имѣютъ ложныя заключенія, но и потому, что эти заключенія равно приняты, если не вообще, то значительнымъ большинствомъ... — Нѣтъ ничего для благосостоянія рода человѣческаго вреднѣе, какъ наше неразборчивое удивленіе дѣлаютъ людей ума необыкновеннаго. Это, вѣроятно, было одною изъ причинъ, породившихъ столько завоевателей, столько коварныхъ министровъ. Что сужденія наши не сдѣлались правильными, доказываютъ еще происшествія недавнихъ временъ. Что мы читаемъ и слышимъ о Наполеонѣ? Человекъ, который долженъ бы... (носить?) на себѣ тягость негодовавія и презрѣнія народовъ, есть до сихъ поръ идолъ многихъ... Есть люди, которые будутъ утверждать, что появленіе и дѣйствія Наполеона произвели многія добродѣтельныя послѣдствія. Быть можетъ, несчастіе есть великій урокъ, но гораздо лучше, если бы эти послѣдствія пришли позже и сами собою или не отъ причинъ столь тяжелыхъ»...

4) *Нѣкоторыя замечанія о положеніи малороссійскихъ козаковъ.* — Замѣчанія касаются экономическаго быта козаковъ, при чемъ М—чъ указываетъ тѣ мѣры, которыя могли бы помочь уменьшенію числа бѣдныхъ дворовъ и освободить ихъ отъ зависимости богатыхъ. Замѣчанія написаны послѣ изданія Устава 17 января 1838 года и заключаютъ въ себѣ указаніе на полезность нѣкоторыхъ въ немъ поправокъ.

5) *Разказы сельскаго жителя.* — (1838). Рядъ мыслей на тему — въ чемъ заключается счастье людей и отъ чего оно зависитъ. «Всего мыслящаго человека поражаетъ то, что люди, добиваясь такъ собственнаго благополучія и страшась его потерять, такъ мало чувствительны

къ несчастіямъ другихъ, такъ легкомысленъ и недоброжелателенъ въ поступкахъ, въ дѣйствіяхъ, въ словахъ, могущихъ имѣть вліяніе на счастье другого и такъ мало заботится о счастьи тѣхъ, конкъ участь въ ихъ рукахъ. Одного, столь не труднаго, повидному, правила достаточно было бы, чтобы родъ человѣческій наслаждался большимъ спокойствіемъ и счастьемъ: не дѣлай и не желай того другому, чего себѣ не желаешь...».

6) *Путешествіе за границу съ 1841 и 1842 г. г.*— Во время своей двухлѣтней пѣздки за границу М—чъ ведъ дневникъ, на основаніи котораго и составилъ полный о ней разсказъ, заглавленный—*Путешествіе съ некоторымъ европейскимъ государствомъ съ 1841 и 1842 г. г.*¹⁾. Въ предисловіи читаемъ: «Въ послѣдніе годы издано, подъ разными названіями, столько путешествій по Европѣ, что приводитъ свои дорожныя замѣтки въ порядокъ, невольно подумываю—слѣдуетъ ли ихъ издавать? Не только для другихъ, но можетъ быть и для себя, не лучше ли было бы оставить ихъ въ рукописи. При томъ, скоро кому будетъ читать путешествій по Европѣ...» Изъ этого видно, что М—чъ свои записки имѣлъ въ виду напечатать; однакожъ и они остались въ рукописи.

Изъ этого «Путешествія» приводимъ небольшой отрывокъ касающійся правобережной Малороссіи.

«Мы выѣхали изъ Кіева 25 мая 1841 года. Дорога хорошая, почти исправная; обсажена красивыми деревьями и часто тополями. Миѣ показались губерніи, черезъ которыя мы проѣзжали, но страсніемъ и по виду народа, въ хорошенъ положеніи. Лошади крестьянскія однако худы. Работаютъ землю плугами. Народъ въ кіевской и волынской губерніяхъ говоритъ помалороссійски²⁾; въ послѣдней однако больше польскіи. Есть по дорогѣ богатые мѣстечка владѣльцевъ и старинные города, на которые можно взглянуть съ любопытствомъ, особенно на остатки и развалины старинныхъ зданій, замковъ, костеловъ, укрѣпленій...»

Города Новградъ-Волынскій, Острогъ, Дубно, которые мы проѣзжали, наполнены жидами. Иногда подумаешь, что заѣхалъ въ Палестину. Эти жиды, мужчины, женщины, дѣти, всѣ вѣчно на улицахъ, всѣ въ вѣчномъ движеніи. Никого не увидишь, кромѣ жидовъ.

¹⁾ На 17 листахъ исечей бумаги незнака писма.

²⁾ Какъ мало знали тогда правобережную Малороссію даже такіе образованные лѣвобережные малороссіане, какииъ былъ М—чъ...

Я думаю, что имъ не совсѣмъ несело: некого обманывать, одуривать, обарать. Нѣтъ нашихъ мужичковъ. За то, надобно видѣть, какое важное происшествіе составляетъ проѣздъ или проходъ кого либо. Все приходитъ въ движеніе, въ суету—нельзя ли тѣмъ поживиться при этомъ случаѣ? Остановивша только на минуту; жиды и жидовка тотчасъ окружаютъ васъ: «не нужно ли бритва, мыла, ваксы, мѣнять денегъ. Посмотрите то, посмотрите другое, не угодно ли кушать?»—у насъ здѣсь все есть, что угодно; недавно гр. Витгенштейнъ у насъ обѣдалъ; всѣ знатные здѣсь останавливаются, если угодно я провожу...» Въ Бродахъ тоже биткомъ набито жидами и тоже все это на улицахъ. Но нигдѣ не представляются они въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ тамошнѣ. Они безпрестанно переходятъ изъ Россіи въ Австрію и изъ Австріи въ Россію, ища въ виду мелкіе выгрыши или выгоды; напр., пойдетъ въ старомъ платьѣ, тамъ его оставитъ и возвращается въ новомъ. Всякія поруганія не только мужчины, но и женщины готовы вытерпѣть, чтобъ только ихъ пропустили туда или оттуда...

Какъ видно, евреи привлекли особенное вниманіе М—ча, несмотря на то, что онъ былъ восточный житель Малороссіи, но дѣло въ томъ, что 55 лѣтъ назадъ въ лѣвобережной Малороссіи евреевъ было еще мало, даже и въ городахъ...

Переѣхавъ за границу, М—чъ замѣчаетъ: «У поселенъ одежда родъ нашихъ степовыхъ кафтановъ, ушита таснами и шнурками. Довольно красиво. Поселенки некрасиво одѣваются. Видѣ здѣшнихъ костюмовъ напоминаетъ мнѣ старинныя одежды у насъ въ Малороссіи»...

7) *О нравственной жизни человека.* (1844 г.) Это сочиненіе есть слѣдствіе разговоровъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго участь была близка сочинителю. Разсужденіе о томъ, что есть нѣкоторые предметы постоянныхъ заботъ человѣка, напр. здоровья, счастья, воспитанія, исправленія нравственности и проч. предметовъ первой важности для человѣка въ частности и для человѣчества вообще... «Что между тѣмъ человѣчество, такъ много заботясь о себѣ, мало преусищается». Затѣмъ авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, какими способами можно подвигнуть самоусовершенствованіе...

8) *Отвѣтъ на задачу, предложенную ученымъ комитетомъ м—ва юсуд. и мушества для конкурса на 1842—43 г.*— «Разсужденіе о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ земледѣльцевъ съ объясненіемъ причинъ экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ» и видѣтъ съ тѣмъ—«Краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ

собѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ и приравненныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной». Сочиненіе это удостоено золотой медали и, кажется, было тогда же напечатано. Для исторіи крестьянскаго быта и хозяйства въ южной Россіи оно не потеряло своего значенія и теперь.

9) *Наставленіе земледѣльцамъ*.—Рядъ указаній, которыя могутъ способствовать улучшенію экономической жизни крестьянъ.—Повидному, составляетъ дополненіе къ предлущему.

10) *Земледѣльческій календарь* (2 листа писчей бумаги)—составленъ въ 1849 г., по просьбѣ Гоголя, который писалъ М—чу:—«Подстрекаемый добротой вашей и расположеніемъ дѣлать пріятное пріятелямъ, безынокую васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькой сельской календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ чернаговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого снѣгата какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства...» Письмо это писано Гоголемъ въ к. іюня 1849 г., изъ Москвы, а 6 декабря онъ благодаритъ М—ча «за календарь¹⁾». Составленный по этому случаю календарь заключаетъ въ себѣ коротенькій дневникъ народныхъ праздничныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, гораздо подробнѣе нѣмъ описанныхъ въ сборникахъ Чубицкаго и др.

11) *О распространеніи грамотности*, брошюра, напечатанная въ 1851 г. (М. 8°. 13 стр.) съ объясненіемъ, что эта записка была читана въ засѣданіи (московскаго) общества сельскаго хозяйства, въ

¹⁾ Др. исп. и Нов. Рос. 1879 г. № 1, 63—64. Письма Гоголя къ А. М. М—чу (числомъ 9), сообщенныя Ф. М. Уманцомъ, который при этомъ приводитъ и коротенькія свѣдѣнія о М—чѣ, съ выдержками изъ его дневниковъ. Относительно этихъ свѣдѣній замѣтимъ, что М—чъ учился въ С.-Петербургск. университетѣ не nochъ уже и потому, что послѣдній былъ открытъ только въ 1819 году. Въ одномъ изъ предисловія, Ф. М. У—цъ, между прочимъ говоритъ, что А. М. М—чъ «находился въ близкомъ родствѣ съ историкомъ Малороссіи Н. А. Марковичемъ, и постоянно съ нимъ переписывался. Почти каждое письмо историка касается древностей Малороссіи». Родство А. М. М—ча съ авторомъ Исторіи Малороссіи было очень далекое; оба они были потомки двухъ разныхъ линій и были родичами не ближе какъ въ 6 ст. Письма Н. А. М—ча, о которыхъ говоритъ Ф. М. У—цъ напечатаны въ «Кіев. Стар.» (1865 года, декабрь, 690), а «древности»—заключаются въ свѣдѣніяхъ о портретѣ предка Марковичей и въ перечнѣ документовъ о М—чѣхъ. Здѣсь же, между прочимъ, историкъ М—чъ называется прилуцкаго полковника Дн. Горленка—*злымъ Маломъ*...

ноябрѣ 1850 г. Высказывая мысли свои о необходимости грамотности въ народѣ, М—чъ говоритъ, что однакожъ «первое при этомъ условіе состоятъ въ томъ, чтобы съ ученіемъ шло нераздѣльно воспитаніе». Возражая противъ тѣхъ, кто говоритъ, что «поселане» по выходѣ изъ школы забываютъ выученное, М—чъ говоритъ: «если бы это и въ самомъ дѣлѣ было, то и то нельзя сказать, чтобы вовсе безполезно для дѣтей прошло время, въ которое они учились. Но несомнѣнно извѣстно, что развѣ очень немногіе изъ учившихся забываютъ грамоту, а всѣ рады случаю и возможности почитать...» Далѣе М—чъ говоритъ о необходимости обучать и дѣвочекъ, находя, что «онѣ еще большую надобность имѣютъ въ воспитаніи, чѣмъ мальчики», но «для успѣха въ воспитаніи дѣвочекъ, должно непременно имѣть учительницъ...» Желая распространенія школъ по селамъ, М—чъ указываетъ, что заведеніе школъ «владѣльцами» не можетъ быть связываемо съ какою нибудь матеріальною выгодой. «Распространяя грамотность въ своихъ селлахъ, владѣльцы имѣли въ виду (т. е. должны имѣть въ виду) только нравственное возвышеніе человѣка, уваженіе къ земледѣльцу, собственное свое удовольствіе...»

12) *О пользѣ ученія и о неохотѣ учиться.*—(Октябрь 1861 г.) Тетрадь въ 12-тъ л., заключающая въ себѣ мысли о необходимости просвѣщенія вообще какъ для народа, такъ и для высшихъ классовъ, при чемъ авторъ приводитъ свои соображенія—какими путями удобнѣе всего распространять просвѣщеніе. Засимъ, излагается кодексъ нравственнаго воспитанія, основаннаго на религіи, подробное изложеніе истинъ христіанскаго ученія, обязанности гражданскія по отношенію къ обществу и государству, примѣры изъ русской исторіи о лицахъ, отличившихся исполненіемъ гражданскаго долга.—Особенно много распространяется авторъ о необходимости грамотности и воспитанія для народа. По поводу распространенія грамотности, М—чъ приводитъ примѣры—съ какою охотою народъ идетъ учиться и говоритъ: «когда въ недавнее время открылись воскресныя школы, то къ великому утѣшенію доброжелательныхъ людей, явились многія доказательства, какъ велико въ народѣ желаніе учиться. Напримѣръ, мальчики и дѣвочки, которые прежде съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенія или другого праздника, чтобы все время ничего не работать и ничѣмъ не заниматься, сбѣжали въ воскресную школу даже гораздо прежде времени, назначеннаго для открытія училища; взрослые молодые люди, находившіеся въ ученіи у ремесленниковъ, къ несчастію обыкновенно провождающіе праздники непорядочно,

также приходили въ классъ. Самъ я видѣлъ солдатъ, сидящихъ рядомъ съ мальчиками за букваремъ; видѣлъ даже земледѣльца женатаго, поселянъ уже взрослыхъ, семейныхъ, неграмотныхъ, которые упрасивали или нанмали мальчиковъ грамотныхъ, чтобъ они учили ихъ азбукѣ. Видѣлъ семьянина приходившаго за 25 верстъ отъ города и нанявшаго въ городѣ квартиру для того, чтобы ходить въ воскресную школу...»

Относительно воспитанія народнаго авторъ указываетъ на значеніе при этомъ «картинъ и другихъ изображеній» и говорить: «каждый годъ въ Кіевъ приходитъ много странниковъ и странницъ, которые съ преобладающимъ любопытствомъ разсматриваютъ иконописныя работы, внутри и внѣ храмовъ, и желаютъ узнавать ихъ значеніе. Они обращаются къ незнакомымъ господамъ, просятъ ихъ разъясненія, или же складываются и договариваютъ монаха или причетника для истолкованія изображеній. Однажды мнѣ случилось видѣть, что на хорахъ въ некоторое число женщинъ, осматривая мозаичную работу въ Софійскомъ кіевскомъ соборѣ, обратились къ одному господину ¹⁾, спрашивая его объясненій. Господинъ, который самъ на это вѣжливо согласился, между прочимъ, указалъ мнѣ въ мозаикѣ изображеніе пресвятой Дѣвы Маріи, которая прядетъ. Эти женщины съ воступленіемъ услышали о томъ и съ большимъ напряженіемъ старались разсмотрѣть изображеніе и удостовѣрившись въ томъ, весьма были тѣмъ удивлены. Одна изъ нихъ сказала: «вотъ мы грѣшныя слушаемъ и жалуемся, когда намъ надо прядти, а сама Царица Небесная прядетъ». Господинъ мнѣ на это сказалъ: «конечно, любезная странница, можно иногда поскучать и пожаловаться, когда вамъ приходится прядти особенно много, но можетъ быть вамъ никогда не приходила мысль о томъ, какое доброе дѣло вы дѣлаете, когда занимаетесь этою работою. Вы трудами своими одѣваете и родителей своихъ, и мужей, и дѣтей...»

13) *Замѣтки по тюремному дѣлу.*—(1861г.). Говоря о преступленіяхъ и ихъ причинахъ, М—тъ пишетъ: «Между крестьянами крѣпостными воровство болѣе распространено было, чѣмъ между крестьянами свободными. Это произошло, конечно, не по винѣ владѣльцевъ, но по свойству самого установленія, основаннаго на неправдѣ. Народъ, конечно, чувствовалъ несправедливость и не считалъ за грѣхъ и стыдъ обкрадывать своихъ господъ...» Затѣмъ М—тъ указываетъ, какъ на одну изъ причинъ переполненія тюремъ, на медленность судопроизводства.

¹⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ „господинъ“ былъ самъ М—тъ, —такъ это изъ него выходитъ...

14) *Замѣчанія о народномъ здравіи*—были присланы М—чемъ, въ 1863 г., въ черниговскій губернскій статистическій комитетъ, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ избраніи его въ члены комитета. «Удостоенный избраніемъ въ члены черниговскаго статистическаго комитета и понимая всю важность науки, которая имѣетъ цѣлію уменьшить сумму бѣдствій человѣчества и прибавить, что возможно къ его благоустройству, я жалалъ бы имѣть и болѣе познаній, и болѣе средствъ, чтобы быть въ возможности хотя малѣ содѣйствовать комитету въ полезныхъ его занятіяхъ...». Такъ М—чъ благодаритъ комитетъ за избраніе и на первый разъ представляеть свои замѣчанія о народномъ здравіи». Въ этихъ замѣчаніяхъ авторъ говоритъ, что «забота первой важности всякаго благоустроеннаго правительства есть охраненіе народнаго здоровья»—Затѣмъ, онъ высказываетъ свои мысли объ уменьшеніи пьянства, о предупрежденіи развитія въ народѣ сифилиса и о помощи больнымъ грижемъ, при чемъ М—чъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, по которымъ народъ подвергается этому можно сказать, несчастію, (грижамъ) указываетъ на «худое состояніе дорогъ...»

«Замѣчанія» М—ча прежде всего указываютъ на ближайшее его знакомство съ жизнью народа во всѣхъ ея мелочахъ: онъ, напр., рассказываетъ, какіи причинами чаще всего вызываютъ у крестьянъ воспаленіе легкихъ и т. д.

10. Какъ основалась „Кіевская Старина“.

Авторъ напечатанной въ ивварской книжкѣ «Труды Кіевской духовной Академіи» статьи о П. Г. Лебединцевѣ, говоря объ участіи покойника въ основаніи «Кіевской Старины», въ концѣ добавляетъ: «мы, кажется, не ошибемся, если даже скажемъ, что именно онъ и былъ настоящимъ инициаторомъ въ основаніи этого журнала».—Это замѣчаніе вызываетъ настоящее поясненіе—какъ это основаніе произошло на самомъ дѣлѣ.

Весною 1879 г., свидѣлись въ Кіевѣ два любителя малорусской старины (одинъ—кіевлянинъ, а другой—черниговецъ) и, разсуждая о необходимости основать здѣсь, въ Кіевѣ, историческій журналъ на манеръ *Русской Старины* или *Русскаго Архива*, затруднились вопросомъ о лицѣ, которое могло бы взять на себя редакторство такого журнала. Перебравъ нѣсколько именъ, кіевлянинъ, наконецъ, оста-

явился на П. Г. Лебединцевъ. По его мнѣнію, послѣдній могъ быть желаемымъ редакторомъ *Кіевской Старины* или *Кіевскаго Архива*, какъ по своей научной извѣстности, такъ и по своему общественному положенію, дававшему ему возможность легко получить и разрѣшеніе на изданіе предполагаемаго журнала.—Чтобы не откладывать дѣла,—сказалъ кіевлянинъ черниговцу,—поѣдемъ сейчасъ къ П. Г. Лебединцеву, а вась познакомя, а затѣмъ и поговоримъ... Сказано—сдѣлано, хотя былъ уже поздній вечеръ.—Поѣхали, любезно были приняты и, послѣ обычныхъ фразъ, кіевлянинъ изложилъ причину—нѣсколько страннаго по порѣ дня—визита.—Дѣло хорошее, отвѣчалъ Петръ Гавриловичъ, по обыкновенію, посиживаясь. Затѣмъ, поговоривъ еще о подробностяхъ издавія *Старины* или *Архива*, хозяинъ отвѣтилъ гостямъ, что взять на себя веденіе журнала онъ не можетъ, будучи очень занятъ, но, прибавилъ П. Г., пригодный для этого дѣла человѣкъ найтись можетъ, а кто онъ такой—объ этомъ де станетъ извѣстно тогда, когда сей человѣкъ согласится... На этомъ гости съ хозяиномъ и разстались.—Почти черезъ два года послѣ этого, въ нач. 1881 г., ипущаго эти строки посѣтилъ (въ Кіевѣ) Феофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ и, послѣ первыхъ фразъ знакомства, сказалъ, что онъ пришелъ къ нему, на-ряду съ другими, поговорить о планѣ и программѣ предполагаемой имъ къ изданію *Кіевской Старины*. При этомъ Ф. Г. пояснилъ, что когда онъ выслужилъ въ Холмѣ срокъ, дающій право на пенсію, то написалъ Петру Гавриловичу о своемъ раздумьи—что дѣлать послѣ отставки... Петръ Гавриловичъ отвѣчалъ брату, что можно заняться въ Кіевѣ какими нибудь дѣломъ и—при этомъ—какъ на одно изъ такихъ дѣлъ, указалъ на изданіе *Кіевской Старины*... Переселившись въ Холма въ Кіевъ, Ф. Г. уже въ нач. 1881 г. сталъ хлопотать объ осуществленіи предложеннаго братомъ дѣла, а въ январѣ 1882 г. вышла первая книжка «Кіевской Старины».

11. Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Д. И. Зварницаго. (Русск. Мысль, янв. 1897 г., 99—115).

Статья съ приведеннымъ заглавіемъ составляетъ «пробную лекцію», читанную авторомъ въ московскомъ университетѣ въ октябрѣ 1896 г. Познакомившись съ этой лекціей, мы нашли въ ней отрывочный пересказъ главнымъ образомъ трехъ моментовъ: участія Запорожья въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками въ 1648 г., в-

и́ны запорожцевъ въ 1709 г. и уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. При этомъ въ лекціи встрѣчаются такіе мѣста, которыхъ нельзя не отмѣтить. Напримѣръ. Начало *Запорожья* г. Э—ій относятъ къ XV в., но фактовъ для такого заключенія, какъ извѣстно, нѣтъ.—Противополагаемъ запорожскимъ козакамъ, уже въ XVI в., козаковъ *юродовыхъ*, г. Э—ій называетъ послѣднихъ украинскими, но извѣстно, что это терминъ позднѣйшій и притомъ очень неопредѣленный.. Говоря объ устройствѣ «украинскихъ или городовыхъ козаковъ» Степаномъ Баторіемъ, г. Э—ій сообщаетъ, что король далъ послѣднимъ «центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ, смежной (?) землей, Терехтемировъ» и «разрѣшилъ имѣть собственный *въ юрода Батурини* судебный трибуналъ»... Добавленіе здѣсь свѣдѣнія о батуринскомъ судебномъ трибуналѣ въ к. XVI в.—не знаемъ, какъ и объяснить... Неужели же г. Э—ій въ своихъ изслѣдованіяхъ и до сихъ поръ пользуется «Исторіей Русовъ»? Вѣдь отсюда плетъ басня о батуринскомъ трибуналѣ въ то время, когда и о самомъ Батуринѣ еще помину не было.—Говоря о томъ, что запорожскіе козаки и послѣ отдѣленія отъ «украинскихъ», въ теченіе всего XVI и большей части XVII в., дѣйствовали вмѣстѣ и за одно съ ними, г. Э—ій добавляетъ, что «такъ они (вмѣстѣ) подвизались на островѣ Хортицѣ съ кн. Дмитріемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 г.» А между тѣмъ, немного выше, говорится, что «начало отдѣленія запорожскихъ отъ украинскихъ козаковъ положилъ Баторій не раньше 1576 г., т. е., значить, при Вишневецкомъ предполагаемаго раздѣленія еще не было... Вообще, г. Э—ій очень заботится о разрѣшеніи не разрѣшимаго вопроса—объ «отдѣленіи низовыхъ отъ городовыхъ козаковъ»... При этомъ г. Э—ій смотритъ на «украинскихъ или городовыхъ» козаковъ до Хмельницкаго, какъ на какое-то прочно регламентированное войско, при чемъ войско это лекторъ видитъ, напр., сражающимся во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ противъ поляковъ отъ к. XVI и до Острияницы и Гуни включительно, говоритъ, что во всѣхъ этихъ возстаніяхъ запорожскіе и «украинскіе» козаки дѣйствовали совместно... Но воевали въ это время съ поляками—не тѣ и не другіе, а воевалъ весь народъ, въ которомъ сливались и запорожцы, и «рестровые», выходившіе въ козачество изъ этого же народа. Послѣ подробнаго, преимущественно топографическаго, описанія желтоводскаго сраженія, г. Э—ій повторяетъ уже и прежде нмъ сказанное (Ист. Запор. козак., II.), что «исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, изъ сѣ-

лажь, изъ искусству строить укрѣпленія, изъ арматамъ, естественнымъ изъ Спичи, изъ мужеству и смѣлостю... Мы нѣтъ уже случай говорить, что эта тирада фактами не подтверждена и представляеть одно намышленіе автора...

Очень странно тѣ страницы лекціи, гдѣ г. Э—ій, говоря о событіяхъ 1708—1709 г., дѣлаеть оцѣнку личности Мазепы, какъ политическаго дѣятеля, и затѣмъ старается доказать, что если бы не Мазепа и не Гордѣенко, то запорожцы не изыѣвали бы царю. Вотъ что говорится о Мазепѣ: «онъ стремился ввести въ Малороссіи панцину; онъ хотѣлъ создать на Украинѣ мѣстное (помѣстное?) дворянское сословіе; онъ поощрять переходъ козаковъ съ крестьянское сословіе, не запрещать переходъ посполитыхъ въ козаки. Простой народъ скоро разидалъ истиннымъ стремленія Мазепы и отерпѣлся отъ него особъ душой, такъ что въ концѣ концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало проноситься въ каждомъ простомолудномъ изъ жупороссіи!» Указывая на эти черты дѣятельности Мазепы и отношенія къ нему народъ, авторъ доказательства не приводитъ и не объясняетъ, когда именно народъ прозрѣлъ сущинныя стремленія Мазепы, до 1708 года или—только уже послѣ?...

Желая хоть сколько-нибудь обвинить запорожцевъ въ ихъ измѣнѣ царю въ 1709 г., г. Э—ій говоритъ царю, что «запорожцы домогались сами съ собой», прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ открытая война съ русскимъ царемъ... Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится—въ какихъ фактахъ лекторъ усмотрѣлъ это «бореніе»...

Очень странно положеніе причинъ уничтоженія Запорожья. Такъ, сначала, «ближайшею изъ причинъ уничтоженія Запорожья» г. Э—ій называетъ поселеніе, по рѣчкамъ Ингулу и Бахмуту, сербовъ, при императрицѣ Елизаветѣ, и возникновеніе враждебныхъ со стороны запорожцевъ отношеній къ этимъ поселенцамъ, но тутъ же добавляетъ, что «главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что весь строй запорожскаго войска съ его широко-демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи...» Императрица видѣла, говоритъ лекторъ, что въ Россіи существуетъ община, которая, хотя и признаеть себя зависимою отъ русскаго правительства, но самовольно выбираеть себя старшину, самовольно казнить и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ (это—во второй то половинѣ XVIII вѣка?), самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками (?) центральной Россіи и, во

всему этому, заводитъ у себя такіе порядки, которые слушаютъ уже началомъ настоящаго государства» и т. д. Указавъ эти причины, г. Э—ій ни слова не говоритъ о томъ, что въ XVIII в. историческая роль Запорожья уже была сыграна и что въ это время члены этой «общины съ почти независимымъ народоуправленіемъ» — занимались тѣмъ, что «шатались по степлямъ, татарамъ и польскимъ обывателямъ обиды творили...» (Зап. Одесск. Общ. Истор., т. XIV, «Матеріалы» А. А. Андріевскаго).

Въ заключеніи лекціи находимъ не какой либо выводъ лектора объ историческомъ значеніи Запорожья, а свѣдѣніе о томъ, что въ 1887 году онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь и нашелъ тамъ надгробную плиту послѣдняго кошевого атамана Калнишевскаго съ длинною надписью, полнымъ текстомъ которой и заканчивается лекція...

Все сказанное можетъ служить указаніемъ на весьма неполное знакомство г. Эваринцаго съ исторіей Запорожья.

12. Поѣздка въ Полтаву.

(П. Г. В — ву).

Посѣтивъ лѣтомъ 1896 г. Полтаву, мы увидали тотъ же тихій, патриархальный „губернскій городъ“, какимъ онъ былъ и 25-ть лѣтъ назадъ, когда мы въ послѣдній разъ тамъ были: ничего въ Полтавѣ, за этотъ промежутокъ, не прибавилось, ничего и не убавилось... Тѣ же живописные виды на Заворскіе, тѣ же заросшіе садами дома и домики, тѣ же плохіе пѣшеходы... Одишь лишь обширныя лавки своимъ полуразрушеннымъ видомъ непріятно бросаются въ глаза, напоминая о вѣкогда бурлившей здѣсь Ильинской ярмаркѣ.

Пріютились мы на „Кобыщанатъ“, среди садовъ, и послѣ первыхъ привѣтствій съ нашими амфитріонами, стали ихъ спрашивать о полтавскихъ новостяхъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что полтавскіе обыватели живутъ „помаленьку“, какъ жили и прежде... Впрочемъ, въ это время въ Полтавѣ еще не забылся „инцидентъ“, имѣвшій мѣсто въ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 г. Надолго памятный самъ по себѣ, этотъ инцидентъ увѣковѣченъ еще и мѣстными поэтами. „Произведеніе“ одного изъ нихъ газеты разнесли по всѣмъ земскимъ и незем-

скимъ губерніямъ. Несомнѣнно, что звуки теперешникъ полтавцевъ будутъ комментировать эти стихи, донскиваясь—

Кто рогу стелеть сдунѣль,
Кто билъ и мудра, и врага, и снѣль,
Благословять его намъ надо—
Учить и взрослыхъ, и дѣтей...

И будутъ при этомъ звуки дивиться суровости нравовъ своихъ дѣдовъ...

Другое произведеніе, воспѣвшее полтавское событіе, въ печати не появлялось и врядъ ли скоро и появится... Принадлежитъ оно другому мѣстному поэту и называется „*Розговѣръ двохъ кумирѣвъ про земскы дѣла*“. Поэтъ, нарисовавъ картину земскаго собранія и портреты главныхъ его дѣятелей (конечно, безъ именъ), приводитъ затѣмъ рѣчи гласныхъ по вопросу—чтобы „не шмагать ризками того, кто школу покнижить“ въ томъ соображеніи, что „какъ будутъ знать про те селяне, то будутъ больше дѣтей учить“... Одинъ изъ гласныхъ на вопросъ: „чи вартъ то ризгу скасувать?“ доказывалъ, что „вона для темного народу—матн...“. Другой гласный, поддерживая пераго („и справди, матн нѣ вона!“), распространился на тему, что если розга будетъ уничтожена, то взамѣнъ должна явиться тюрьма, но тюрьма погубить де „селянскую“ душу навѣки...

Послѣ рѣчей, вопросъ балотировали, и результатъ оказался въ пользу „розги“.

Такой результатъ вызываетъ у одного изъ кумирѣвъ замѣчаніе, что „одна душа нѣ (защитникамъ розги) наша мила... Про шакуру жъ байдуже вони!“.

Въшли мы въ Полтаву, между прочимъ, и съ цѣлію поискать тамъ всяческихъ свѣдѣній о Котляревскомъ въ виду приближенія юбилейнаго 1898 года.—При разговорахъ на эту тему, намъ напомнили о полтавскомъ старожилѣ Степанѣ Павловичѣ Стеблянѣ-Каменскомъ, умершемъ лѣтъ десять назадъ и оставившемъ де послѣ себя многолѣтній дневникъ¹⁾. Отецъ Ст. П.—ча

¹⁾ Ст. Пам. Ст. К.—ній билъ въ Полтавѣ очень популярнымъ человекомъ. Онъ билъ стародавній тамъ учитель, обучившій чуть не два поколѣнія полтавцевъ и, кромя того, востаточно писавшій стихи на разныя „случаи“.

Ст.-К—аго служилъ, въ тридцатыхъ годахъ, непремѣннымъ членомъ полтавскаго приказа общественного призрѣнiя, въ то время, когда Котляревскiй былъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанiя бѣдныхъ и попечителемъ тамошняго богоугоднаго заведенiя, — учрежденiя подвѣдомственныхъ приказу. Быть можетъ, совмѣстная служба была причиною сближенiя Ст.-К—аго съ Котляревскимъ, но во всякомъ случаѣ у Котляревскаго, въ его старости, не было болѣе близкаго человѣка, какъ Ст.-Каменскiй. Въ виду этого прiятельства являлась надежда найти что нибудь о Котляревскомъ въ дневникѣ Ст.-Каменскаго - сына, начатомъ еще за жизни автора украинской Энеиды.

Добыть этотъ дневникъ казалось нелегко въ виду тяжелой въ то время болѣзни его владѣльца Ег. Ст. Стеблина-Каменскаго. Но нашъ амфитрионъ попытался и попытка удалась: нѣсколько тетрадокъ онъ успѣлъ получить отъ больного, который черезъ три дня послѣ того скончался...

Начинается дневникъ Ст. П—ча, въ добытыхъ тетрадкахъ, съ 1838 г., т. е. съ того года, въ который Котляревскiй умеръ. Въ тетрадкѣ за этотъ годъ мы нашли и о немъ свѣдѣнiя, но къ сожалѣнiю, лишь за время, слѣдовавшее уже за его смертью. Всѣ эти свѣдѣнiя не лишены интереса для биографiи Котляревскаго и мы ихъ приводимъ здѣсь въ буквальныхъ выпискахъ.

1838 г., 29 окт. Утромъ, возвратясь изъ классовъ, узналъ, что за паненькою прислали отъ Котляревскаго съ вѣстью, что онъ умираетъ. Послѣ обѣда, по возвращенiи моемъ, я узналъ, что паненька тула уже поѣхала и что Ивана Петровича уже не стало. Вѣсть эта, хотя ожидаемая, тронула меня сильно. Паненька въ Котляревскомъ лишился послѣдняго своего прiятеля и друга, да и вообще какъ то горько было помыслить, что у насъ вѣтъ уже Котляревскаго. Онъ прожилъ 69 лѣтъ, родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ, 1769 г. Рассказываютъ, что не задолго до кончины, приказалъ подать себѣ колокольчикъ, а другой—слугѣ, и звонилъ, воображая вѣроятно звонъ, какой будетъ по его кончинѣ. Онъ умеръ въ памяти, но безъ словъ, ибо за три дня почти не могъ уже говорить.. И. Петр. скончался послѣ обѣда, въ 2 ч. 35 мин., послѣ четырехнедѣльной болѣзни. За недѣлю онъ прiобщился св. тайнъ.

30 окт. Зашелъ поклониться праху И. Петр., котораго вечеромъ вынесутъ въ соборъ, а завтра похоронятъ. Возвратясь домой, надумалъ и написалъ надгробную рѣчь Котлар., которую, кажется, не рѣшусь привести въ дѣйство, да и нельзя отлучиться изъ гимназій завтра.

31 окт. Утромъ пошелъ къ Неводовскому просить за воспитанниковъ, чтобы они были при погребеніи Котларевскаго, на что Павелъ Титовичъ изъявилъ свое согласіе. Отпросился у директора не быть въ классахъ. Въ 9^{1/2} час. отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ рѣчь надъ гробомъ И. П., многимъ понравившуюся. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ до кладбища. Музыка военная играла всю дорогу. Я былъ тронутъ глубоко потерей Котл., незамѣнимой для Малороссіи. Обѣдалъ у хозяйки Котл., за номинальнымъ столомъ.

1 нояб. Получилъ двѣ записки отъ Буткова ¹⁾ на счетъ некрологіи Котларевскаго, которую онъ меня проситъ написать. Однако не смотря на собственное желаніе, этого сдѣлать скоро нельзя по той причинѣ, что еще неизвѣстны разные нужные къ тому матеріалы. Впрочемъ, я просилъ паненьку, и онъ ѣздилъ нарочно, взялъ бумаги И. П. и завтра разберетъ, также самъ напишетъ что нужно. Между тѣмъ и я, оставивъ свои занятія, большую половину вечера просидѣлъ, бросая наскоро замѣтки въ мысли, кои послѣ войдутъ, можетъ быть, въ составъ некрологіи.

2 ноябр. Сидѣлъ за некрологіей Котл., которой все еще не привелъ къ концу. Между тѣмъ прислалъ паненька свою записку и она такъ хорошо написана, что извѣнчивъ и прибавивъ немного, завтра можно будетъ кончить.

3 ноябр. Кончилъ и переписалъ, послѣ поправокъ Буткова, некрологію И. П. Котларевскаго, для отпечатанія въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

5 ноябр. Прочиталъ вслухъ (въ семьѣ) малороссійскій водевилъ покойнаго Котларевскаго «Солдатъ Чарывиниъ» (sic.). Сюжетъ взятъ изъ извѣстной сказки народной, но рассказанъ хорошо, съ приложеніемъ приличныхъ пѣсень.

13 ноябр. Цѣлый день былъ занятъ составленіемъ подробнѣйшей некрологіи Котл. для *Сѣверной Пчелы*, для чего взялъ у паненьки нѣкоторыя бумаги покойнаго и письма къ нему литераторовъ.

¹⁾ Кажется, инспекторъ гимназій. А. Д.

18 ноябр. По желанію Софьи (жены), прочелъ вслухъ у маленьки Энеиды Котл., 4 части печатныхъ и нѣсколько отрывковъ, писанныхъ рукою покойнаго.

11 дек. Софья ѣздая въ хозяйкѣ Котляревскаго и привезла французскую библію (стереотипное изданіе въ Лондонѣ), которую намѣренъ оставить въ память Котляревскаго.

Изъ записанныхъ здѣсь подробностей, между прочимъ, видимъ, что тотъ біографическій очеркъ Котляревскаго, который напечатанъ въ *Смѣртной Пчелѣ* 1839 г. (№ 146), составленъ С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ *по бумагамъ умершаго и по свидѣніямъ, сообщеннымъ біографу его отцемъ, ближайшимъ пріятелемъ Котляревскаго*. Свѣдѣніе это важно въ томъ отношеніи, что эта коротенькая біографія Котляревскаго и до сихъ поръ служить единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Пользуясь случаемъ, выписываемъ изъ статьи Стеблинъ-Каменскаго существенныя для знакомства съ личностью Котляревскаго мѣста. Эти выписки особенно могутъ пригодиться теперь, въ виду возбужденнаго интереса къ литературной дѣятельности автора украинской Энеиды.

„По окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ воспитаніемъ дѣтей. Въ этотъ періодъ жизни своей, по словамъ современниковъ, бывалъ онъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ. Время показало, что это было слѣдствіе поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой на родномъ нарѣчій Котляревскій избралъ поэму *Виргилія*... По долгому обдуманномъ приготовленіи, онъ рѣшился переложить Энеиду *Виргилія* на малороссійское нарѣчіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны безъ вѣдома автора¹⁾, съ боль-

¹⁾ Въ двухъ изданіяхъ, 1796 и 1808 г. г., описаніе которыхъ см. въ „*Оснесѣ*“ 1861 г., февр., 173. Изданіе 1808 г. очень рѣдко и, поединному, даже рѣже, чѣмъ первое изданіе. Въ *Кіевѣ* оно есть у В. П. Науменка.

шими ошибками и опущеніями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, Котляревскій посвятилъ (свою поэму) помѣщику полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, вѣднвеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году...¹⁾ Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени. Обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ, но написавъ впоследствии 5 и 6-ю части, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 г., надв. сов. Волохинову... Въ 1819 г., для существовавшего въ Полтавѣ театра, которому управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чаривникъ*... Передавъ обѣ піесы для напечатанія г. Срезневскому (Изм. Ив.), авторъ незадолго до смерти видѣлъ уже *Полтавку* напечатанною въ „Украинскомъ сборникѣ“ г. Срезневскаго...²⁾

Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій занимался собраніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, помѣщалъ нѣкоторые изъ нихъ въ повременныхъ изданіяхъ... Знанія его въ исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся до народнаго быта Украины, были весьма обширны... Котляревскій любилъ бывать въ обществахъ... Былъ душою всякой компаніи... Обладалъ прекраснымъ даромъ рассказывать умно и весело, при чемъ употреблялъ аллегорически пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію священнаго писанія. Разговоръ его отличался природнымъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ...³⁾

Вотъ короткія, но, повидимому, вполне вѣрныя свѣдѣнія о Котляревскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ, исходяція отъ

¹⁾ Сем. Мих. Кочубей, (звучъ генер. обознаго, а потомъ члена малороссійской коллегіи), былъ извѣстный полтавскій богачъ, занимавшій одно время (1805 — 1808) должность полтавскаго губ. предводителя. Одни изъ его родичей рассказываютъ, что С. М. К-бей „нишию и роскошно жилъ въ Полтавѣ, пока не промоталъ 7000 душъ крестьянъ, послѣ чего умеръ въ бѣдности...“ Зедиски Арх. Вас. Кочубей (Слб., 1890), стр. 18—14.

²⁾ Выписка сдѣлана по рукописи, найденной въ бумагахъ Ст. П. Стеблина-Каменискаго. Приведенныя здѣсь подробности служили основаніемъ и для біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Основи“ 1861 г., февралѣ, хотя авторъ очерка говоритъ, что эта свѣдѣнія онъ получалъ не отъ А. В. Теращенка.

близкаго къ нему человека—Ст.-Каменскаго-отца. Послѣдній свидѣтельствуеъ, что Котляревскій хорошо былъ знакомъ съ исторіей Малороссіи и съ ея народнымъ бытомъ. Слѣдуетъ думать, что эти знанія обусловливались особою любовью поэта къ своей родинѣ, но какихъ либо болѣе опредѣленныхъ свидѣній объ этомъ у насъ не имѣется. Нѣтъ у насъ ни мемуаровъ, въ которыхъ современникъ поэта знакомилъ бы насъ со степенью его родинюлюбія, ни писемъ самого поэта, которыя сказали бы что нибудь о его субъективныхъ отношеніяхъ къ родинѣ. И, повидимому, трудно надѣяться, чтобы такого рода свидѣнія когда либо и явились уже... Имѣется, впрочемъ, одно такое свидѣніе о Котляревскомъ, исходящее будто бы отъ его современника, при чемъ современникомъ этимъ явлется извѣстный цолякъ Падурра, сочинившій малорусскія пѣсни. Въ его біографіи, написанной, не извѣстно кѣмъ, но человекомъ, имѣвшимъ въ рукахъ бумаги Падурры¹⁾, имѣется извѣстіе, что послѣдній въ 1826 году странствовалъ по Полтавской губерніи, „w ubogich kozaczuzm stroju, jako wedgownu, lirnyk“, при чемъ охъ побывалъ и въ самой Полтавѣ. Объ этомъ его посѣщеніи сообщается, что „бродячій лирикъ“, прибывъ въ этотъ городъ, прежде всего сталъ знакомиться съ народомъ; заходилъ для этого въ бѣдныя хаты (do ubogich domków), игралъ тамъ на своемъ инструментѣ, пѣлъ пѣсни, рассказывалъ сказки, и такимъ образомъ сблизился съ народомъ и заинтересовалъ его собою... Это было де лѣтомъ, когда шли въ школѣ (гимназій?) экзамены. По окончаніи экзаменовъ, былъ назначенъ день для раздачи награды. Въ этотъ день Падурра явился де въ университетскомъ (?) зданіи (zbliżył się do uniwersyteckiego gmachu) и, выбравъ удобный моментъ, запѣлъ сначала своего „lirnika“, а потомъ „zarogoźca“... Молодежь заволновалась, поднялся шумъ—и пѣвецъ былъ вынесенъ изъ залы уже на рукахъ этой самой молодежи... Пробылъ Падурра въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ и при этомъ будто бы познакомился съ Котляревскимъ, поэтомъ и тамошнимъ жителемъ,

¹⁾ Prawdziwy życiorys Tomaza Padurru, skreślony przez***. Poznań 1876. 8 д. л., 93 стр. Повидимому, настоящей очеркъ не имѣетъ ничего общаго со статьей о Падуррѣ Приборовскаго. Bibliot. Warsz., 1872 г., IV).

(poeta i obywatelem swojego kraju). При одной из бесѣдъ съ Падуррою, Котляревскій сказалъ де ему: „Cherwimy twij hłas! dii naszy w twoich piśniach zahomoniat ґa ne woskresnut!.. Skazawszy twoim słowom: proszlyst, w ałozach—z pamiatok, grach—a dii snom!.. Anafima! bud proklat, chto ich hnojom prysuraje“!!!). Прощаясь съ Падуррою, Котляревскій собственноручно написалъ ему, на память, вступленіе къ своей Энеидѣ, начинающееся такъ: „Вив собі Енеј козак шотогну“... (Стр. 46—47).

Весь ли этотъ рассказъ, цѣликомъ, представляетъ неблизну или тутъ есть капля и правды?... Повѣствованіе о посѣщеніи Падуррою полтавской гимназій (полагаемъ, что о ней хотѣли говорить) и о пѣніи тамъ имъ своихъ пѣсень—разумѣется, есть чистая неблизна... Нельзя допустить также, чтобы Падурра и могъ быть на лѣвомъ берегу Днѣпра въ той обстановкѣ, о какой говорить его біографъ... Повидимому, весь этотъ рассказъ есть *позднѣйшаго* сочиненія басня²⁾.

¹⁾ Преводимъ эту тираду въ подлинникѣ, такъ какъ осмысленный ея переводъ едва ли возможенъ...

²⁾ Есть и другая біографія Падурри, помѣщенная при посмертномъ изданіи его сочиненій (Рyśma Tymka Padurru. Wydanie posmertne z awtografw. Lwów. 1874. 8 д. л. LXVI+420 стр.). И здѣсь есть рассказъ о посѣщеніи Падуррою лѣво-бережной Малороссіи. Но здѣсь ужъ прямо говорится, что Падурра отправился суда въ 1828 г., въ виду готовившагося польскаго возстанія, носіа соотѣчанія съ твоемъ патрономъ гр. Вацл. Ржевусскимъ („Эмиръ“, „Золотая Борода“), съ цѣлю—*„przygotować tych ukrańców do tego“*, т. е. къ *соимъстному возстанію*. При этомъ де Падурра не сомнѣвался, что *„козаскупа musi powstać razem z łachami, a jej атаманемъ і przewódcą w бою бѣdzie Złota Broda“*... Тутъ же говорится: *„Zimę z г. 1828 ро 1829 przebył Padurra w okolicach między Baturynem, Копоторемъ і Надзисцемъ, і gdy ти się sdało, że po calorośnychъ trudachъ spiewaniem і opowiadaniemъ przygotował już dostatecznie wojakówъ wolnychъ niegdysъ przodkówъ do warońnej wprawy z Polaką, ruñcił się z powrotemъ na Podole і Wołyń“*. (Стр. XXXVIII). Трудно объяснить происхожденіе и этой неблизны... Остается допустить, что она основана на рассказѣ самого Падурри, который въ позднѣйшіе годы своей жизни († 1871 г.) могъ выдумывать подобныя басни, какъ извѣстный Чайковскій (Садикъ-Паша), называя себя правнукомъ гетмана Брюховецкаго, выдумалъ и его *мемуары*, состоящие де „изъ семи огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ поргументъ и исписанныхъ 4, лаваревскій.

Послѣ дневниковъ Ст.-Каменскаго, намъ указанъ былъ Полтавскій земскій музей, о которомъ мы знали и прежде изъ коротенькой о немъ записки, напечатанной когда-то въ „Кіевской Старинѣ.“ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ музей имѣются въ отчетахъ полтавской губернской земской управы за 1891 и 1892 г. г. Были напечатаны и отдѣльныя брошюрки съ указаніемъ на содержаніе музея. Музей полтавскаго земства пока заключаетъ въ себѣ предметы „трехъ царствъ природы“ и частью издѣлія гончарной кустарной промышленности. Но, какъ слышно, земство не отказывается и отъ мысли—вести въ свой музей отдѣлъ историческій. Какъ бы для начала его, въ музей прислана къ намъ то изъ уѣздныхъ обывателей козацкая пила (списъ), на рѣзницѣ которой, вбитыми въ дерево гвоздиками, написано: „1709 года.“ Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и у кого нашелся этотъ списъ—въ музей не имѣется.

Осмотрѣвъ музей при помощи предупредительнѣйшаго его хранителя Н. М. О—аго, мы остановились на гончарныхъ издѣліяхъ м. Оноши, и особенно на издѣліяхъ одного изъ ея кустарей *Ивана Гладыревскаго*, обращающихъ на себя особое вниманіе своимъ разнообразіемъ. Отъ Н. М. О—аго получили мы свѣдѣніе о давно уже изданномъ полтавскою губернской земскою управою альбомѣ гончарныхъ издѣлій, о которомъ не приходилось и слышать. Изданіе это заслуживаетъ подробнаго упоминанія. Заголовокъ его такой: *Мотивы малороссійскаго орнамента гончарныхъ издѣлій. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. 1883 г.* Рисункамъ предшествуетъ коротенькое поясненіе: „Исслѣдованіе гончарнаго промысла въ полтавской губерніи, произведенное профессоромъ г. Зайкевичемъ¹⁾, имѣло результатомъ собраніе образцовъ этого производства съ ихъ оригинальными рисунками и украшеніями. Собравъ изъ нихъ нан-

иче (Брюховецкимъ) собственноручно, прозой и стихами, по польски, по русски и по латини“... „Кіев. Стар.“ 1890 г., январь, стр. 46.—О посѣщеніи Падуррою Полтавы—біографія 1874 года не упоминаетъ.

¹⁾ Тутъ же, въ приписаніи, добавлено: „Къ сожалѣнію многосложна завѣдѣніа автора не дали до сихъ поръ ему возможности приготовить описаніе этого посѣдованія“. Послѣднее, сколько знаемъ, и до сихъ поръ не появилось въ печати.

болѣ типичныя, полтавская губернская управа, независимо значенія ихъ, какъ иллюстраціи къ имѣющему выйти изслѣдованію объ этомъ промыслѣ¹⁾, полагаеа, что издавіемъ рисунковъ гончарнаго орнамента она окажетъ несомнѣнную услугу какъ художественной промышленности, такъ и знатокамъ и любителямъ мѣстнаго народнаго творчества въ той или другой области.—Альбомъ заключаетъ въ себѣ 21 таблицу. Первые 15-ть таблицъ представляютъ рисунки разнаго рода „мисокъ, мисочокъ и тагѣрокъ“. На слѣдующихъ трехъ таблицахъ помѣщены изображенія разнаго рода горшковъ, преимущественно „варильниковъ“, т. е. горшковъ, въ которыхъ варятъ „борщи“, „юшки“, „кулиши...“ На 19-й таблицѣ помѣщены „глички“ (кушныи) и „тыквы“, т. е. сосуды для жидкостей (молока, воды...). На этой таблицѣ интересны не только рисунки, но и самая форма сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ форму античныхъ сосудовъ... На 20-й таблицѣ видимъ сосуды фантастическихъ формъ, напр.—кушныи въ формѣ *барана*. Сосуды эти выкрашены преимущественно красною краскою и затѣмъ разрисованы узорами зеленого цвѣта. Два кушныи—на этой таблицѣ—съ зелеными узорами сильно напоминаютъ востокъ... Последняя таблица занята рисунками „кафель“, т. е. изразцовъ, шесть видовъ которыхъ имѣютъ всѣ—различные узоры.

Очень жаль, что альбомъ не имѣетъ поясненій—изъ какихъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, взяты издаваемые орнаменты и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ старшимъ типамъ, а какіе представляютъ собою плодъ уже повѣйшаго сочиненія. Особенно интересны были бы этого рода свѣдѣнія относительно рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицѣ 20-й. Дѣло въ томъ, что въ последнее время гончарныя издѣлія м. Опшныи положительно входятъ въ моду, особенно издѣлія гончара Гладыревскаго, причемъ мода эта вызываетъ *новѣйшія varіаціи* въ издѣліяхъ... Запросъ на опшныянскія издѣлія породилъ уже, напр., „тагѣркы“

¹⁾ Разумѣется изслѣдованіе г. Зарѣцкаго. См. „Кіевск. Стар.“ 1894 года, декабрь, стр. 507.

съ рельефами полногрудыхъ нимф... Какъ-то странно видѣть на оборотѣ такихъ „таблорокъ“ клеймо— „Федоръ Чирвенко. м. Опом.“.

Почти одновременно съ альбомомъ полтавскаго земства явилось подобное изданіе и въ Львовѣ. Въ 80-хъ годахъ тамъ начата была печатаніемъ цѣлая серія такихъ альбомовъ подъ заглавіемъ— *Wzory przemysłu domowego na Rusi, wydane przez muzeum przemysłowe lwowski. Zebrał i zestawil Ludwik Wierzbicki.*— Въ 5-й серіи этого изданія заключаются *Wyroby gliniane włościan na Rusi. (Kosow).* Въ рецензій обзъ этихъ изданіяхъ, напечатанной во львовской газетѣ *Зоря* (1882 г., № 18, стр. 288) говорится, что изданные г. Вержбицкимъ орнаменты гончарныхъ издѣлій взяты преимущественно съ работъ умершаго коссовскаго гончара Бахминскаго, очень распространенныхъ, такъ какъ работы его, по словамъ газеты, находятся во многихъ музеяхъ, начиная съ вѣнскаго. Интересно было бы сравнить издѣлія полтавскихъ гончаровъ съ коссовскими... Какъ уже сказано, ополшянскіе гончары въ послѣднее время стали замѣнять старыя орнаменты на своихъ издѣліяхъ—новыми, и поэтому теперь слѣдуетъ привести въ извѣстность, по возможности, всѣ старыя здѣшніе орнаменты, которые когда то и откуда то принесены въ Полтавщину и которые рано или поздно дождутся своего изслѣдователя... А для облегченія работы послѣднему было бы къ мѣсту приобрѣсти полтавскому музею и альбомъ Вержбицкаго—*глиняныхъ издѣлій*, тѣмъ болѣе, что этихъ альбомовъ, сколько знаемъ, нѣтъ, напр., даже и въ Кіевѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ развитія историческому отдѣлу полтавскаго музея. А до какого развитія могутъ достигать такіе музеи и въ небольшихъ центрахъ—указываетъ тверской музей, созданный притомъ энергіей одного человѣка!

13. О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Зингорна. *М. 1895. 8 д. л. 9 стр.¹⁾*

Когда въ 1665 г. Брюховецкій согласился на обложеніе малорусскаго посполства денежными поборами въ казну государеву, то

¹⁾ Отдѣльный оттискъ изъ Четвѣй въ общ. истор. и древн. россійск., 1895 г. кн., 4.

потребовалась подворная перепись этого посольства; посланы были въ Малороссію переписчики, и въ 1666 г. проведена была перепись, которая должна была представить точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи каждаго плательщика, чтобы «на основаніи этихъ свѣдѣній отнести его къ тому или другому разряду, по количеству слѣдовавшихъ съ него сборовъ». Переписаны были «всякіе чины жителей промышленныхъ и тяглыхъ людей, а въ селахъ и деревняхъ крестьяне и бобыли по именамъ, кто именно какими угодьями владѣютъ и сколькими волами и конями пашню кто пашеть и сколько и или чужими, окрѣчь козаковъ и козацкихъ земель и угодій». Также переписаны были «належащіе къ городамъ, селамъ и деревнямъ угодья: рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровыя гоны, звѣриныя стойла и бортовые ухабы и пасеки, и мельницы, и рудни и нѣмецаводы». Перепись 1666 г. нѣсколько извѣстна уже по тѣмъ отрывкамъ, которые привезены изъ нея Костомаровымъ въ «Руни» относительно Переяславскаго и Нѣжинскаго полковъ. Костомаровъ заимствовалъ свои отрывки изъ найденныхъ имъ въ Моск. арх. мпн. юстиціи неполныхъ переписныхъ книгъ, которыя послѣ окончанія переписи, привезены были въ Москву и сданы въ малороссійскій приказъ. Кромѣ напечатанныхъ Костомаровымъ отрывковъ, остальные переписныя книги оставались въ невѣдѣнности. Въ послѣднее время нашелъ значительную изъ часть г. Эйнгорнъ, о чемъ и сообщаетъ въ названной брошюрѣ. Найдено описаніе Стародубскаго полка, оказавшееся въ Моск. главн. арх. мпн. иностр. дѣлъ, а въ архивѣ министерства юстиціи оказались: часть Нѣжинскаго полка (Батуринъ, Бахмачъ, Копотопъ, Нов. Млины), часть Черниговскаго, часть Полтавскаго и полныя описанія полковъ: Кіевскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Прилукскаго. Какія именно заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія переписныхъ книгъ, это видно изъ приведенныхъ г. Эйнгорномъ отрывковъ, въ сожалѣнію очень коротенькихъ. Вотъ одинъ такой отрывокъ: «Города Батурина мѣщанинъ Клима Лукьяновъ, у него два сына Левка и Лучка, пашенной человекъ, пашеть четырьмя волами, у него жъ конь для промыслу, конемъ не пашеть; положено на него денежнаго оброку 8 алтынъ 2 денга, а по малороссійски полкомъ. Мѣщанинъ убогій человекъ Степанъ Григорьевъ, у него два сына Иваншка да Васка, живетъ въ чужой избѣ; положено на него денежнаго оброку 3 алтына 2 денга, а по малороссійски ползолото. Мѣщанинъ Василій Семеновъ, ремесленной чело-

вѣкъ, кушнеръ, цехмистръ, бедѣтентъ, положено на него денежного оброку 10 алтынѣ, а по малороссійски вольтарала...¹⁾).

Въ этихъ свѣдѣніяхъ г. Эйгорнъ добавляетъ, что нѣкоторымъ восполненіемъ найденныхъ переписныхъ книгъ можетъ служить «концупуть», выраженный по рассказанію лиевельможного его мил. и. гетмана на исполненіе присяги противно маестату его царского пресвѣтлого величества въ року 1676, въ мѣсяцѣ февралѣ. Этотъ «концупуть» заключаетъ въ себѣ списокъ малороссійцевъ, присягнувшихъ въ февралѣ 1676 г. новому царю Федору Алексѣевичу.

Несомнѣнно, что указываемыя г. Эйгорномъ переписныя книги заключаютъ въ себѣ чрезвычайной важности матеріалъ для изученія экономической жизни лѣвобережной Малороссіи въ годъ очень близкій къ 1654 г. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка гетманщина сильно пострадала отъ разоренія, которымъ сопровождалась междоусобица непосредственныхъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго, при чемъ во многихъ изъ поселеній южныхъ полковъ сильно измѣнилась численность жителей сравнительно съ моментомъ переяславскаго договора, но въ полкахъ сѣверныхъ разореній почти не было и ихъ населеніе оставалось, слѣдовательно, въ томъ же почти положеніи, какъ было и въ 1654 г. Такимъ образомъ переписныя книги Стародубскаго, Черниговскаго и значительной части Нѣжинскаго полковъ дадутъ матеріалъ, по которому можно представить экономическое положеніе посполитаго населенія сѣверной Малороссіи въ моментъ ея присоединенія къ Россіи. Знанія же наши по этому предмету въ настоящее время, какъ извѣстно, скуднымъ до чрезвычайности. Нельзя поэтому не желать скорѣйшаго обнаруженія переписныхъ книгъ, и конечно удобнѣе всего было бы явиться имъ—продолженіемъ «Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», замершихъ на XV-мъ томѣ. Приготовить къ печати переписныя книги, вѣроятно, не отказался бы г. Эйгорнъ, заявившій на будущій кіевскій съѣздъ вопросъ о малорусскомъ посольствѣ по даннымъ переписи 1666 г. Вудемъ надѣяться, что «Археографическая коммиссія» обратитъ свое вниманіе на этотъ важный для южнорусской исторіи памятникъ.

¹⁾ «Талеръ» имѣлъ два значенія: для обозначенія крупной заграничной серебряной монеты—малоросск. (при чемъ добавлялось: бымытъ талерозъ) и для означенія счета кофеевъ; въ послѣднемъ случаѣ талеръ означалъ 60 коп., какъ нова—50 коп. Талъ и адѣсъ: 10 алтынѣ—полталера, т. е. 30 коп.

14. Два поддѣльныхъ историческихъ документа.

Поддѣлка историческихъ документовъ существуетъ издавна и продолжается до нынѣ. Причины, вызывающія поддѣлки, различны; главную изъ нихъ конечно бываетъ *корысть*, но встрѣчается и другая, — такъ сказать, *патриотическая любовь къ исторіи*. По крайней мѣрѣ, эту послѣднюю причину встрѣчаемъ мы въ поддѣлкахъ малорусскихъ историческихъ документовъ. Старѣйшимъ изъ известныхъ намъ этого рода поддѣльныхъ документовъ является известный универсалъ «Стефана Кристофа въ Острога и Остра Острианина», оказавшійся въ обонѣ настоящихъ спискахъ лѣтописи Величка и, кромѣ того, найденный въ одномъ изъ сборниковъ конца XVIII в. ¹⁾ Впервые обнаружилъ этотъ универсалъ Кулишомъ въ 1857 г., во 2-мъ томѣ Записк. о Южной Руси, и сопровождался обширными комментаріями издателя и польскаго ученаго Мих. Грабовскаго, считавшагося знатокомъ исторіи днѣпровскаго козачества. Указывая на историческое значеніе этого документа, оба комментатора нисколько не сомнѣвались въ его дѣйствительности. Напротивъ, Грабовскій даже подчеркиваетъ, что «невозможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки», потому что — какъ «языкъ де, такъ и подробности тиранства претерпѣннаго отцомъ и братомъ гетмана Острианицы, все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры»... Интересенъ и отзывъ Костомарова: «универсалъ гетмана Острианина — это большая драгоценность — и какъ историческій матеріалъ, и какъ письменный памятникъ XVII вѣка. Складъ его плавленъ, тонъ благороденъ, рѣчь жива и одушевлена» ²⁾... Мы не видѣли подлинника Величковой лѣтописи и ничего не можемъ сказать о внѣшнемъ видѣ этого «универсала», но одно надписаніе послѣдняго (двухъименность и указаніе на Острогъ и Остеръ) могло возбудить у названныхъ трехъ историковъ, если не сомнѣніе, то большое недоразумѣніе... Правда, языкъ въ «универсалѣ» очень искусенъ... Кулишъ, признавшій поддѣльность «универсала» чрезъ шесть лѣтъ послѣ его напечатанія, справедливо говоритъ, что языкъ этого документа совершенно сходенъ съ языкомъ лѣтописи Величка ³⁾... Очень возможно, что «универсалъ» и сочиненъ

¹⁾ См. предисловіе къ т. IV-му Лѣтоп. Величка, стр. VII.

²⁾ Отеч. Зап. 1857 г., № 9, отд. 2-я, стр. 6.

³⁾ Виблюот. для Читат., 1863 г., октябрь (?), стр. 25—27. Указавъ свои образцы относительно поддѣльности, К—тъ въ заключеніи говоритъ: «Читатель вѣрнѣе теперь спроситъ меня: почему же не пришла мнѣ въ голову ось эта особра».

этими первыми «украинофилами» из патриотическию желаніа—реально изобразить тѣ насилія поляковъ, которые вызывали козацкія восстанія до пол. XVII в., но о сущности которыхъ у «истиннаго сына Малаго Россіи» не доставало свѣдѣній «небытности дѣла козацкихъ лѣтописцовъ»... Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что если поддѣлка универсала относится къ нач. XVIII в., то новодомъ къ ней могло быть Мазепино дѣло, будившее старую, уже угаснувшую было народную неприязнь къ полякамъ¹⁾... Неприязнь Величка къ личности Мазепы очевидна изъ его лѣтописи, хотя тутъ главную роль играютъ личныя отношенія лѣтописца къ своему патрону Кочубею.

Какъ бы то ни было, но мотивъ поддѣлки «универсала» Острицки несомнѣнно патриотическій, при чемъ составительъ его былъ человекъ близко знакомый съ разными хрониками, лѣтописями и универсалами.

женіа, когда я печатаю универсалъ Острицки въ *Учб. о Южн. Руси?* На это я отвѣчу: потому, почему не пришелъ онъ въ голову на польскому писателю Мих. Грабовскому, который сообщилъ мнѣ для вѣрности тамъ же замѣчанія свои на этотъ универсалъ, въ автору Богд. Хмельницкаго, который подробно разобралъ оба тома моего сборника въ *Отмеч. Запискахъ*. Отвѣтъ уклончивый... Правей отвѣтъ заключался бы въ признаніи недостатка, въ 1857 г., у К—на той начитанности въ историческихъ актахъ, которою онъ обладалъ шесть лѣтъ спустя... Также причина вела въ заблужденіе и Костомарова... Грабовскій же—былъ вообще насосѣдующъ въ истинной исторіи.—Костомаровъ, въ своей исторіи Острицки (Богд. Хмельн., изд. : 1884 г., I, 178) вовсе не упоминаетъ о его „универсалѣ“, а рассказываетъ о бѣгствѣ его въ Чугуевъ, задается вопросомъ—то ли это Острицка, который сражался съ поляками, такъ какъ послѣдній въ малорусскихъ лѣтописяхъ именуется де Стефаномъ, а бѣжавшій въ Чугуевъ зовется Яковомъ. Но дѣло въ томъ, что ни Самовидецъ, ни Грабавка Острицку по имени вовсе не называютъ. „Межагорская лѣтопись (Сборн. лѣтоп., изд. Ком. для разб. др. акт.), выданная послѣ смерти Костомарова, Острицку называетъ Яковомъ (стр. 96) А „Стефаномъ“—Острицка называется лишь въ *Исторіи Руссовъ*, авторъ которой нарисовалъ такую странную картину его казни (стр. 56), веревъ которой описанныя въ „универсалѣ“ истязанія отца и брата Острицки—совсѣмъ блѣднѣютъ... Но быть можетъ авторъ *Исторіи Руссовъ* лишь продолжилъ фантазію сочинителя универсала и нашелъ нужнымъ рассказать то, чего Острицка самъ уже не могъ рассказывать... Если *Исторія Руссовъ* написана Гр. А. Полетикомъ, то послѣднему „универсалъ Острицки“ долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ онъ ищетъ и въ спискѣ лѣтописи Величка, принадлежавшемъ Полетикъ²⁾ приченъ въ этомъ только спискѣ и сохранилось начало универсала...

¹⁾ Очень можетъ быть, что та же патриотическая тенденція создала въ лѣтописи Величка и другіе сомнительные ея акты, хотя послѣдніе требуютъ еще тщательнаго пересмотра. См. предисл. Костомарова къ его монографіи о Мазепѣ, стр. 7,

Съ тѣмъ же мотивомъ поддѣлки мы знаемъ еще два документа, которые хотя и напечатаны, но въ такихъ изданіяхъ, что документа эти остаются, можно сказать, волюта невѣстными.

Первый документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе Басанскаго сотника Кліма Шаповаленка, которое и приводимъ здѣсь ¹⁾.

«1748 року, мая 17 дня. Нераздѣльной Троицѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рабъ божій Клімъ Григоровичъ Шаповаленко, Переяславскаго полку, сотникъ Басанскій, всему войску и Запорижью, всій старшинѣ и козатству и всій чернѣ, мешкующей и жулуцей коло Басани и въ Басани, о Бози радоватися желаю.

Я, щирый слуга ея пресвѣтлому царскому величеству, а ясневельможныхъ паннвъ гетьманнвъ мелукавый рабъ, и всему войску и козатству—кривый товарищъ, промѣшкавши многіе лѣта и доживши до ста четвертаго року, не чаю вже живота: жизнь моя гасне и може завтра рано, але и ближе, могла—дружина, а жовтий песокъ—родима моя! Близкіе и далекіе пріятели и друзи скоро стекутся ко мнѣ, но не привѣтатся, а на выкъ прощатся. Прощайте друзи, родичи и пріятели, близкіе и далекіе, прощайте и вы, которые близко мене сдѣляли та лукавыи окомъ на мене глѣдѣли. Прощайте и тѣ, що мені нагайбу давали та зло замыслили! Се откожу на онъ свѣтъ! Всимъ вамъ миръ, любовь и благодать отъ Вседержителя Бога Отца оставляю. Но понеже я маю багацько добра и оставляю по собі, якъ то: паханяну въ поляхъ, лѣсахъ, грунтахъ и сѣнокатахъ, наданныхъ по универсаламъ отъ ясневельможныхъ паннвъ гетьманнвъ, за щирую мою и панотца моего Григорія, сотника Басанскаго, и дѣда, ихъ пресвѣтлымъ царскимъ величествамъ, то все сіе, вси помятки, маестности и всяку рухлядь, скоть, воли, кони и вывци, вѣтряныи и гребельныи мельницы и всю, яка по мнѣ есть одежда, заповѣдаю сыну моему однородному, превелебному отцу Григорію Клімовичу Шаповаленку, по матери Степановскому, иничеговскому ²⁾, панотцю, кой тамъ отъ мене поселяеъ на дндовскимъ грунтахъ и живе, въ тѣмъ, жебы онъ вычно за многогрѣшную мою душу моливался. А якіе въ-малю остались отъ поморщинъ (?) подданне, наданне по грамотамъ и универсаламъ, то мають бытъ вси на воли, а якіе перебили за Кубань, та зновъ вернутся, то вси сін остаются на вычине часы реченному сыну Григорію въ его послушенствѣ. Тилько,

¹⁾ Напечатано въ Черниг. Губ. Вид. 1850 г., № 19

²⁾ Село Ничеговка, Ковелевск. уѣзда.

якъ вернется Вильченко и Науменко въ Овдіемъ, то отшмаровать ихъ барбарами и отдать ихъ вично на пекарню брату жены моеѣ, кievскому полковому судьѣ пану Степановскому¹⁾. Адомашковскіе жъ и варчевые кутуши—матери его Степаниды и реброны, а также золотъ-атласъ, каптаны, жалованные мѣѣ и нанотцю моему отъ исневельможныхъ паннѣ гетманнѣвъ, отдать на ризы по церквамъ; а састовые бекешы, славянки, кyрен и черкески, персядскіе и мостровые (люстровые?) поясы продать на алтынны, або сестрицнѣвъ отдать, або да хоче диты реченный сынъ Григорій, соби на поживанье. Сребло же, якъ то: чарки, мисы, кулѣнки, кубки, корды и михалки, змюрюваннне равнннѣ походама дядомъ моимъ, отцемъ и мною, на свчакъ у клятыхъ шведовъ, ляховъ и татаръ, для помноженья хвалы Божой в молитствіахъ за многогрѣшную мою душу, и ихъ, по обѣщанію умершаго нанотця моего, отдать масть сынъ Григорій въ Выдубицкій монастырь. По смерти же моеѣ по росписи, гдѣ въ прологѣ на чертанной, разобрать и родать все реченное въ оной. А змійку-татарку положить зо мною въ могилу; тамъ вона за мене скаже и на лнзи (на залнзи?) своенъ правду и кривду покаже: якъ за виру и отчизну стола и бусурмарскою кривью уппалася, а лѣтъ вона мнѣ попалася, про те шведъ и клятый Мазепа знае. Суди Боже его и мене на тнѣ свити! Якіе жъ отъ пожежъ остались у мене депешы (?), исхованы въ церквахъ Яриловской²⁾ и Басанской, то сынъ мой Григорій по смерти моеѣ взявши, у себе заховуе. Равно и сю, другу вже духовницю намисто сгорнншей, получить долженъ, а копировку зъ мен послать въ Выдубицкій монастырь. А якъ може найдется перша духовниця, то по ней чинить все; а якъ не найдется, то по сей другой. А буди по указанному мною сынъ Григорій не учинить, а коли на лихву (?) не такъ зробишь, то да караеть его Господь Богъ и да падеть на него вичное мое неблагословеніе. Аминь. (На подлинномъ тако:) Сію духовную въ тяжелой недуги, рукою своею, крестами утвердивъ, самъ панъ сотникъ Климъ Григорьевичъ Шаповаленко; и сію духовную писавъ и рукоприложеніе зробивъ родичъ его полковой асаулъ Астафій Мирomenко. Свиткомъ бувъ и рукоприкладство зробивъ войсковый товаришъ Анакій Рубецъ.

Свиткою бувъ хорунжій Сава Почека.

¹⁾ Иванъ Стопановскій былъ дѣйствительно кievскнн полков. судьею въ вол. XVIII в.

²⁾ Сочинитель, вѣроятно, написалъ Ярославской (с. Ярославка около н. Басана), а переписчикъ ошибся.

Приведенный документ напечатанъ въ губернской газетѣ, безъ всякаго объясненія — гдѣ и откуда онъ доставленъ, при чемъ редакция газеты, видимо, не сомнѣвалась въ подлинности документа и, вѣроятно, видѣла въ послѣднемъ «интересный» наметникъ по находящимся въ немъ подробностямъ. Не смотря на все стараніе поддѣлывателя, работа вышла грубая. У этого автора, какъ видно, *начитанность* въ старыхъ «шпаргалкахъ» была весьма незначительная... Такія слова, какъ: *мешкуючий, желеае, криенный товарищъ, маюйба, магамма, зрельная мельница, кузлукки* — указываютъ на полное невѣжество автора въ актовомъ языкѣ пол. XVIII в. — Трудно сказать — какой патриотическій мотивъ руководилъ сочинителемъ этого завіщанія. Вѣроятно же всего, что ему пожелалось воспроизвести на бумагѣ тотъ козацкій духъ, который полны были, въ началѣ этого столѣтія, уста *дѣтей о своихъ отцахъ*. Мы не сомнѣваемся, что завіщаніе сочинено въ началѣ настоящаго столѣтія по упоминанію въ немъ *славянокъ*, въ которыхъ именно въ это время стали щеголять «судовые нанячи»¹⁾. Указаннаго въ документѣ «завіщателя» Климъ Григорьевича Шаповаленка въ актахъ мы не встрѣчали, а былъ, при гетманѣ Апостолѣ, басанскій сотникомъ *Семенъ Климовичъ* (1728—734). Былъ затѣнъ въ Ст. Васани и маленькіе «панки» Климовичи²⁾, конечно потомки сотниковъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ этихъ панковъ, любившій чтеніе старыхъ «шпаргалковъ», желая воскресить память своего предка, живое преданіе о которомъ еще не умирало, и написалъ это завіщаніе.. Во всякомъ случаѣ, корыстнаго мотива въ сочиненіи этого документа быть не могло, такъ какъ тутъ на первомъ планѣ желалось указать на пролитіе бусурманской крови въ сраженіяхъ со «шведомъ и клятымъ Мазепомъ»..

Засимъ, приводимъ еще одинъ поддѣльный документъ, который напечатанъ въ 1872 г., въ Полтавск. епарх. вѣд., (№ 19), священникомъ с. Богущковой Слободы о. Василіемъ Знайковымъ, съ примѣчаніемъ, что документъ найденъ будто-бы «въ коллекціи разныхъ документовъ одного изъ прихожанъ».

«Тысяча триста сорокъ первого (1341) года, мая 13 дня. Мы нижеподписавшіеся, старіе и младіе, вси вадоймомъ, жители Богущко-

¹⁾ См. книжку „*Pro Domo Sua*“, стр. 74. „Судовини нанячани“ назывались въ Малороссіи, въ прежнее время, канцеляристы разныхъ тогдашнихъ „судовъ“.

²⁾ По вѣдомости 1861 г., въ числѣ старобасанскихъ дворянъ, младѣйшихъ крѣпостными крестьянами, значится одинъ: А. Климовичъ, а у него — одинъ крестьянинъ..

вой Слободки, вѣдаючи въ томъ внезапачаючися году, за нашего тогдашнего житія и знанія, бившую рунну отъ нахождения татарской орды, немалого числа войска, при которомъ и самъ султанъ предводителемъ находился, въ якоиъ находженіи повелѣніемъ султанскимъ наименовано было, по тогдашнимъ обычаямъ татарскимъ, всѣхъ жителей Богущковой Слободки, съ женами и дѣтьми, въ неволю забрать и въ свои мѣста гнать. Но въ то время состоящій находящійся отецъ нашъ духовный, пресвитеръ церкви Богущковой Слободки, честный отецъ Іоаннъ, прозванный Мошко, по прошенію нашему всѣхъ общему, принявъ дерзость, оказалъ благодѣяніе и явилъ надъ всѣми Богущковой Слободки народомъ милосердіе, умоливши султана и все его войнство, далъ въ презентъ своихъ собственныхъ, золотомъ монетомъ самихъ червонныхъ, большое блюдо до пятнадцати тысячъ денегъ, и тѣми деньгами всѣхъ жителей Богущковой Слободки своею властною суммою отъ неволѣ татарской свободилъ. Которой сумми не вмѣсти на насъ, намъ оную подарилъ; что отци наши и мы вси вѣдаючи таковое его отца Іоанна Мошки благодѣяніе и показанное милосердіе о скупленіи насъ всѣхъ, съ женами и дѣтьми, отъ татарского нападенія, впродъ дамо мощъ, владность и славу, чтобъ такъ, якъ онъ, отецъ Іоаннъ, владѣеть порохию, такъ бы по немъ, за таковое его благодѣяніе, все потомство его отъ рода въ родъ въ Богущковой Слободки, съ усмотренія рукоположеніемъ архипастырскимъ, владность вѣли, а больше никто бъ съ стороны не его рода, никакимъ образомъ, въ ту Богущковой Слободки парохію утрачаться не могъ и престои не чинилъ. О томъ варумъ и смѣ нашимъ собственнымъ писмомъ впродъ, хто бъ того хотѣлъ знать и вѣдать, утверждаемъ и нашимъ потомкамъ всѣмъ по насъ укрѣпляемъ и сіе народъ нашей сельской Слободки Богущковой, яко ми вси суще есми той церкви парохіане, фундатори и ктитори, сіе письмо ему, честному отцу Іоанну Мошки, даемо и во увѣреніе именами своими подписуемъ, року и дня вышеспсаннихъ. Къ сему писменному утвержденію мы вси ниже по именамъ и прозваніямъ значащійся, жители Богущковой Слободки, яко не умѣтнѣи (не умѣющіе) божественнаго писанія, святыми крестами подписуемъ.

Фесько (Еоодосій) Ілляшенко, атаманъ Богущковой Слободки †
 Овдій Красіонъ † Савва Романенко † Степанъ Чумаченко † Фесько
 Яковенко † Іванъ Ярмошенко † Федоръ Чорній † Гаврило Гибдій
 † Вареникъ † Максимъ Пристуна †.

Какой мотивъ руководилъ сочинителя этого документа—угадать затруднительно... Могло случиться, что наследники священника Мошки (если таковой дѣйствительно существовалъ и вѣчно не въ XIV, а, напр., въ XVIII вѣкѣ), думали съ помощью этого документа закрѣпить за собою «приходъ». Но такъ какъ священникъ о. Знайкоуъ ничего не говоритъ о существованіи этого своего предшественника, то вѣроятнѣе предположить, что и документъ о великодушнѣ Богунковскаго священника въ XIV в.—сочиненъ какинъ нибудь любителемъ мѣстной старины и сочиненъ по тому самому мотиву, по которому недавно сочинено на Волынѣ нѣсколько историческихъ документовъ¹⁾... Поддѣлокъ историческихъ документовъ ради користи—въ Малороссіи было множество. Сочинялись они главнымъ образомъ въ к. XVIII в. для доказательства дворянства. Поддѣлки этого рода были до того грубы, что уже въ тридцатыхъ годахъ историкъ малорусскаго дворянства выразился объ этихъ документахъ, что «строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными»...

13. Гетманскіе дома въ Глуховѣ.

(къ рисунку).

Свѣдѣній о зданіяхъ въ старой Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, кромѣ церковныхъ, почти совсѣмъ не имѣется. Главная причина тому заключается, конечно, въ томъ, что зданія были почти исключительно деревянные, которыя если не горѣли, то разрушались отъ времени. Изъ старыхъ построекъ въ Малороссіи извѣстно лишь сохранившееся въ Черниговѣ каменное зданіе (на берегу Десны), которое зовутъ тамъ обыкновенно „домкомъ Мазепы“. Не говоримъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній связывать этотъ „домикъ“ съ именемъ Мазепы, но прямое названіе этого зданія *домикомъ* является неточнымъ; судя по его виду и отсутствію въ немъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ, слѣдуетъ думать, что этотъ *домикъ* не былъ жилищъ зданіемъ, а устроенъ былъ скорѣе для какой нибудь особой надобности, напр., для храненія пороха или какого нибудь „сварба“.—Есть впрочемъ указаніе, что города старой Малороссіи обстроены были не бѣдно; такъ, напр., путешественникъ нач. XVIII в.,

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., окт., 93 и слѣд., гдѣ говорится объ открытіи водливной лѣтниси печавскаго монастыря протоіер. Н. Трипольскимъ.

Лукьяновъ, проѣзжая черезъ Глуховъ въ 1703 г., записалъ, что въ немъ „строеніе преузорочное, свѣтлицы хорошія; палаты въ немъ полковника стародубскаго Миклашевскаго—вѣло хороши.“ Глуховскія зданія показались Лукьянову на столько „преузорочными“, что онъ не удержался отъ общаго замѣчанія, что „очень вѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хоромному строенію...“¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ мы выразили сомнѣніе—не превознесъ ли Лукьяновъ выше мѣры *затѣйливость хохловъ къ хоромному строенію*, наглядѣвшись по великорусскимъ городамъ на непобѣленные домики²⁾... Сохранилось описаніе дома, въ которомъ жилъ гетманъ Апостолю, уже напечатанное³⁾. Сохранилось также описаніе двора съ постройками, въ которомъ „пребываніе имѣлъ“ гетманъ Скоропадскій. Описаніе это, сдѣланное въ 1727 г., представляетъ собою контуръ гетманскаго жилища. Несмотря на нѣкоторую неясность въ изображеніи общаго расположенія построекъ, описаніе это не можетъ не быть интереснымъ, и мы его приводимъ здѣсь полностью⁴⁾.

„Въ городѣ Глуховѣ, въ дворѣ гетманскомъ, на которомъ гетманъ Скоропадскій пребываніе имѣлъ, близъ церкви Николая Чудотворца, огороженъ въ столбъ тертицами, отъ двора полковаго обознаго Михаила Кондратьева до задворковыхъ воротъ, а отъ церкви Николая Чудотворца тертицами (жѣ?); ворота въездныя—только одни верей брусомы, сосновыя, большыя съ форткою.

Вшедъ въ дворъ, по правую сторону погребъ дубовый съ выходомъ, двери сосновыя растворчетныя, на крюкахъ желѣзныхъ; въ немъ въ потолокъ (въ потолокъ?) шендалъ на цепи желѣзной, четырь тертицы сосновыя.

Подле погреба свѣтлица, съ комнатою безъ полу, лѣсу соснового брусомого, въ ней одинъ столъ липовой, четырь лавки сосновыя, печь кафлевая бѣлая; семь окошекъ въ комнатѣ, двѣ съ окончинами стеклянными въ деревѣ; двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Противъ—той свѣтлица жѣ съ комнатою соснового лѣсу; въ ней столъ круглой, липовой, скамья, печь кафлевая бѣ-

¹⁾ Черн. Листокъ 1863 г. № 4.

²⁾ Опис. Ст. Малор., II, 431.

³⁾ Матер. для Отеч. Исторіи, I, ст. 3-а, стр. 3-а, стр. 4—12.

⁴⁾ Она находится въ рукописи Киевск. Археогр. Комисіи, № 409.

лая, три лавки липовыхъ, три окна красныхъ, въ нихъ оконченны стеклянныя въ деревѣхъ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ, дверь соснового лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ; въ комнатѣ одно окно красное, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; между ними сени рубленныя соснового лѣсу. Вышеписанное строеніе покрыто дранью. Позади тѣхъ свѣтлицъ нужникъ, огороженъ досками, крытъ дранью.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица поваренная; въ ней столъ большой липовой; печь кафлевая бѣлая, семь окошекъ красныхъ съ окончнны стеклянными въ деревѣхъ; двѣ лавки; двери на крючкахъ желѣзныхъ; при той свѣтлицѣ сѣни рубленныя соснового лѣсу; въ нихъ очагъ кирпичной, два окна красныхъ съ окончнны стеклянными, двери на крюкахъ желѣзныхъ; оное строеніе крыто дранью.

Близъ той кухни изба черная, старая пустая, лѣсу соснового. Подле ея изба жъ черная съ сѣнми лѣсу соснового; и оное строеніе крыто дранью.

Близъ тѣхъ черныхъ избъ, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь зеленая кафлевая, столъ липовой, три окошка красныя съ окончнны стеклянными, съ затворками на крючкахъ желѣзныхъ; въ ней чуланъ дощатой; въ немъ одно красное окно съ окончною стекляною; въ свѣтлицѣ и комнатѣ полъ дощатой. Оное строеніе крыто тертицами.

Колодезь, въ немъ струбъ дубового лѣсу, въ глубину пятнадцать сажень; подле его колесо, чѣмъ воду вытѣгаютъ; окочено желѣзомъ; тотъ погребъ съ колесомъ, огороженъ досками сосновыми встолбъ, покрытъ тертицами.

Оборотъ по левую сторону, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь кафлевая голая, столъ круглой съ лавками, три окошка красныхъ, въ нихъ окончнны стеклянныя въ деревѣхъ, съ затворами, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ соснового лѣсу, съ двумя комнатами; въ ней печь зеленая, столъ круглой липовой, три окна красныхъ съ окончнны стеклянными, съ затворами, на крюкахъ желѣзныхъ; въ другой комнатѣ два окошка красныя съ окончнны стеклянными въ деревѣхъ, полъ дощатой. Изъ той комнаты проходъ до пекарни и въ нужникъ, и въ комору; подле той комнаты комора рубле-

ная соснового лѣсу, съ лавками. Во ономъ строеніи, съ проходомъ, шестеро дверей на крюкахъ желѣзныхъ, между свѣтлицъ сѣни рубленые соснового лѣсу, въ нихъ двое двери на крюкахъ желѣзныхъ, передъ сѣни лавки. Оное строеніе крыто тертицами. Подле той свѣтлицы пригороженъ цветникъ.

Позади тѣхъ хоромъ пекарня соснового лѣсу, въ ней два окна красныхъ, одно волоковое съ оконными стекланными въ деревѣ, въ ней столъ, печь глиняная съ лавками, полъ дощатой; при той пекарнѣ сѣни соснового лѣсу, въ пекарни и въ сѣняхъ двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Оное строеніе крыто драбью. Отъ пекарни проходъ до воротъ, двери сосновые на крюкахъ желѣзныхъ.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ ледовня дубовая, на ледовни анбаръ соснового лѣсу, въ ганкамі; въ той ледовнѣ сходная лѣсница дубовая, двери соснового лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ.

Подле ледовнѣ чуланъ дощатой, двери сосновые, на крюкахъ желѣзныхъ, надъ дверми окно небольшое съ оконною стеклянною въ деревѣ, съ мостомъ дощатымъ. Оной ледникъ и чуланъ крыты драбью.

Свѣтлица, въ которой жителство имѣла госпожа гетманша Скоропадская; въ ней печь поливаемая, цвѣтная, шесть окошочекъ красныхъ большихъ, съ окончины скла большого врамловского (?) въ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; шкапъ большой липовой, съ выпускнымъ столомъ, полъ кирпичной, двое двери дубовые, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ, въ замками внутренними желѣзными съ ключами.

Противъ свѣтлицы свѣтлица жъ соснового лѣсу, съ комнатою, въ свѣтлицѣ четыре окна стеклянныя, скла врамловского, въ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ у одного окошка одно скло разбито, полъ кирпичной, двери столярной работы дубовые, на завѣсахъ желѣзныхъ, въ замкомъ внутреннемъ, съ ключемъ; въ комнатѣ печь поливаемая цвѣтная, три окошка скла врамловского, съ затворами, на завѣсахъ желѣзныхъ съ шурупами, дверь столярной работы, дубовая, на завѣсахъ желѣзныхъ, полъ кирпичной. Между ими сѣни рубленые, одна стена соснового лѣсу, двери столярной работы на завѣсахъ липовые, въ замкомъ внутреннемъ, съ ключами.

чемъ; въ сеняхъ полъ кирпичной. Передъ сѣни крыцо непокрыто. Оное строение покрыто тертицами. Вкругъ свѣтлицъ и комнату огородъ на цѣткѣ, въ томъ числѣ и яблоки, огороженъ тертицами красными.

Того двора явилось по мѣрѣ—земли въ длину: трехъ аршинныхъ двадцать девять сажень слоу, поперегъ: тридцать пять сажень. Въ томъ гетманскомъ дворѣ вышепоказанное хоромное строение все новое.⁴

Сколько можно понять изъ этого описанія, въ гетманскомъ дворѣ были слѣдующія постройки:

1. Погребъ.

2. Домикъ, состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ (*сѣтлицъ*), раздѣленныхъ сѣнями, причемъ въ одной изъ свѣтлицъ была отдѣлена (конечно, переборкою, т. е. стѣною не капитальною) *комната*.

3. Кухня, („свѣтлица поваренная“), съ сѣнями.

4. „Изба черная“, назначенная, конечно, для прислуги.

5. Домикъ, состоявшій изъ *сѣтлицы* съ *комнатою* и изъ чулана.

6. *Хоромы*, состоявшіе изъ двухъ свѣтлицъ, изъ которыхъ въ одной устроена была *комната*.

7. *Пекарня*, служившая, вѣроятно, черною кухней.

8. Ледникъ, съ амбаромъ надъ нимъ.

9. Домикъ, состоявшій изъ двухъ *сѣтлицъ*, изъ которыхъ въ одной устроена была и *комната*. Свѣтлицы были раздѣлены сѣнями. Въ этомъ домикѣ, какъ говорится въ описаніи, жила гетманша Скоропадская.

Такимъ образомъ гетманское жилище состояло изъ трехъ особыхъ строеній, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ двѣ большія комнаты, раздѣленные сѣнями. По своему устройству это были тѣ же *хаты*, которыя мы и теперь встрѣчаемъ въ Малороссіи у богатыхъ сельянъ: отдѣльно срубленные двѣ избы соединяются между собою сѣнями, при чемъ въ этихъ избахъ иногда отгораживаются особыя отдѣленія, называемыя *комнатами*. Различіе гетманскихъ *сѣтлицъ* отъ сельянскихъ—состояло лишь въ ихъ размѣрѣ и отдѣлѣ.

Если мы сравним жилище Скоропадскаго съ жилищемъ Апостола, то увидимъ, что послѣднее состояло изъ бѣльшаго количества „свѣтлицъ“, при чемъ тутъ же находились: *сѣтлиця съ комнатою*, гдѣ помѣщалась генеральная канцеларія, *сѣтлиця столовая* („стѣны обиты блакитнымъ сукномъ“), *сѣтлиця крестовая* и другія *сѣтлицы*, назначенныя уже для самого жинья гетманской семьи и прислуги. Тутъ же, у Апостола, на ряду съ этими свѣтлицами, встрѣчаемъ особую комнату, сложенную изъ кирпича (*каменнцу*), а подъ нею—*склепъ каменный*.

Эти контуры гетманскихъ домовъ перв. пол. XVIII в.—указываетъ на крайнюю простоту ихъ расположеній, когда большой домъ представлялъ собою соединеніе только бѣльшаго количества тѣхъ свѣтлицъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, составляютъ обиденныя *хаты*...

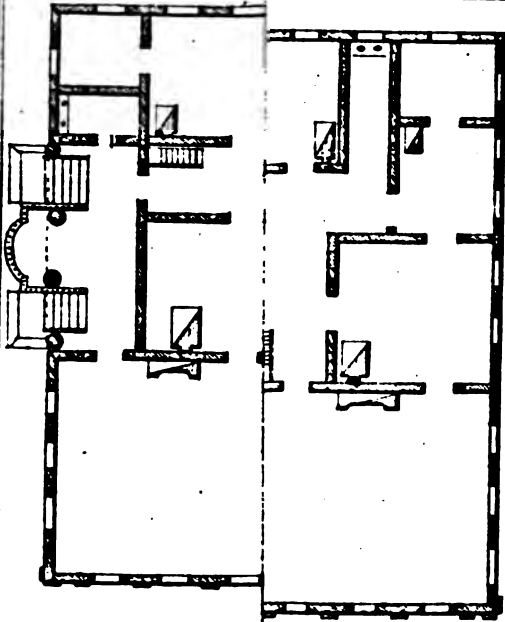
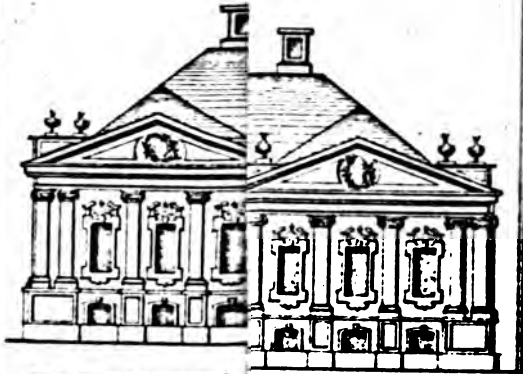
Въ маѣ 1748 г. Глуховъ выгорѣлъ настолько, что, по замѣчанію современника, обратился въ „прямую пустыню; а между тѣмъ въ Малороссіи ожидалось поставленіе новаго гетмана. Въ октябрѣ 1749 г. изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Глуховъ гр. Гендрикова „для выбора въ Малую Россію гетмана.“ Въ это время, повидимому, и возникъ вопросъ о постройкѣ въ Глуховѣ новаго дома для гетмана. Въ собраніи В. В. Тарновскаго находится прилагаемый здѣсь планъ¹⁾, сверху котораго имѣется слѣдующая надпись: „*Видъ какъ будутъ гетманскіе покои подъ номеромъ 1 и 2 значить на плане*“. Внизу плана значится—„1749 года“. Когда разрѣшено было въ 1747 г. „опредѣленіе“ въ Малороссіи гетмана²⁾, то было извѣстно, что въ гетманъ предназначается Кириллъ Разумовскій. Послѣдній отличался отъ прежнихъ гетмановъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо былъ знакомъ съ удобствами не только тогдашней русской столичной жизни, но и заграничной европейской. Прежней конструкціи гетманскіе дома, если бы они остались и цѣлы, не могли уже удовлетворить *графа* Разумовскаго. Вотъ для него то и проектировался прилагаемый планъ „гетманскихъ покоевъ“. Мы не знаемъ,

¹⁾ Планъ найденъ былъ межъ бумагами Черк. губ. правленія, составляющими часть архива генеральной канцеларіи, при чемъ вышесказанной объяснительной бумаги при немъ не было.

²⁾ Записки Ян. Марковича II, 249

de l'administration de l'enseignement de l'Etat

ВЪ ДАНЕ.

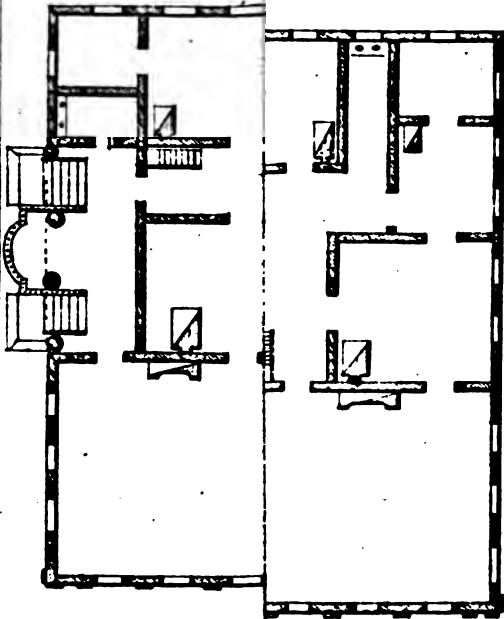
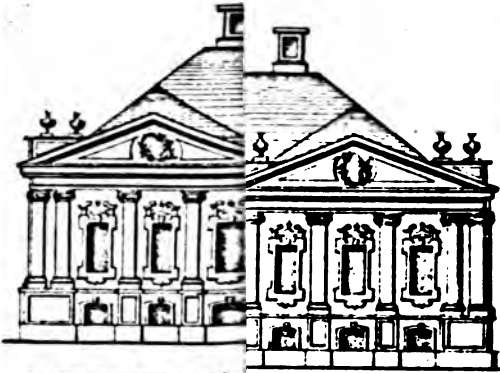

ДВ. КОПИЯ - НОВОГО КРЕПО

1749г

1875

ВЪ ПЛАНЕ.

25 f

АНТ. КАРЛАНД-НОББИЧЕЙ ДИЕЛО

1748r

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

былъ ли осуществленъ этотъ планъ, но въ 1757 г. Разумовскій писалъ къ гр. М. Воронцову слѣдующее: „гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построенъ уже было и не мало, и при томъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, не съ пору строенное и скороспѣшино худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напоследокъ привели, что единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ въ Батуринѣ“¹⁾... Очень можетъ быть, что построенный по прилагаемому плану домъ и былъ тотъ самый, о которомъ здѣсь говорится; такъ плохо строить „гетманскіе покои“, какъ жалуется Разумовскій, могла строить Глуховская администрація только до прибытія въ Глуховъ гетмана, когда некому было за этимъ смотрѣть, а строить нужно было скоро. Поэтому и можно думать, что Разумовскій засталъ домъ въ Глуховѣ уже готовымъ и построеннымъ именно по плану 1749 года.

Какъ бы то ни было, для насъ важно, что прежнія *селылицы съ комндтами* для Разумовскаго сразу замѣнились *паладомъ* итальянской архитектуры. Такъ должна была быстро измѣняться и вся внѣшняя обстановка тогдашняго малорусскаго панства, конечно, старавшагося подражать своему гетману...

14. Универсаль гетмана Гаврила Крутневича, 1603 года.

Гетманъ Крутневичъ уже извѣстенъ изъ письма его къ Яну Замойскому, писанному въ мартѣ 1602 г. (*Listy St. Żółk.*, 117). На основаніи указаннаго сборника писемъ, а также Вуркулабовск. лѣтописи, В. Б. Антоновичъ, когда то, (*Кіевск. Стар.* 1883, V, 140) установилъ въ такомъ видѣ рядъ козацкихъ гетмановъ нач. XVII в.

1. *Самойла Кошка*, 1600—1602, убитый въ этомъ году въ шведской войнѣ.

2. *Гаврило Крутневичъ*, преемникъ Кошки, 1602.

3. *Иванъ Куцковичъ*, 1602—1603, «сдавшій» въ этомъ году гетманство въ г. Могилевѣ, при возвращеніи козаковъ изъ шведской войны.

4. *Иванъ Косый*. О немъ Вуркул. лѣтоп. говорить глухо: «потомъ, по Иване Куцку, былъ гетманомъ Иванъ Косый» и—только.

¹⁾ Семейство Разумовскихъ, I, 212.

Въ свѣдѣніяхъ о Крутневичѣ въ запискѣ Н. Б. Антоновича прибавлено, что онъ въ 1600 г. былъ кошевымъ(?) въ Запорожь; свѣдѣніе это основывается, повидному, на подписи, найденной Максимовичемъ въ одномъ изъ евангелій Переяславскихъ церквей (Соч., I, 319), датированной 14 сентября 1600 г., гдѣ значится, что надпись сдѣлана «за гетмана на тотъ часъ будущога надъ войскомъ Запорожскимъ Гаврила Крутневича у земли Мултанской». Здѣсь Крутневичъ (называется его такъ, какъ онъ самъ писался) значится тѣмъ же *землякомъ*... Можно сомнѣваться—правильно ли прочтено Максимовичемъ слово *мултанской* и не значится ли въ надписи—*инфлянтской*? Тогда, можетъ быть, 1600-й годъ написанъ ошибочно вмѣсто 1602 или 1603 г., когда Крутневичъ въ званіи *земляка* ходилъ въ землю Инфлянтскую... Впрочемъ, это одна лишь наша догадка¹⁾.

Затѣмъ, настоящій универсалъ точно устанавливаетъ время гетманства Косого, причемъ видно, что послѣдній пробывъ на гетманствѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего сталъ гетманомъ снова Крутневичъ, уже гетмановавшій за годъ передъ тѣмъ.

Печатаемый универсалъ даетъ интересныя указанія на тотъ моментъ изъ исторіи Днѣпровскаго козачества, когда оно составляло еще повидному одну группу, не раздѣляясь на Запорожскихъ и городовыхъ. Изъ универсала видно, что гетманы Кошка, Косый, Крутневичъ—даютъ оборонныя универсалы поддѣпровскимъ владѣльцамъ на ихъ тамошніе «уходы», защищая послѣдніе отъ своеволій «такъ Запорожскихъ козаковъ, яко и рѣчныхъ»²⁾. Отсюда можно заключить, что козаки эти составляли въ это время одно *войско*, имѣвшее свои особенныя отъ мѣстнаго населенія интересы... Во всякомъ случаѣ универсалъ Крутневича даетъ матеріалъ для новыхъ догадокъ въ уясненіи темныхъ сторонъ исторіи Днѣпровскаго козачества. Печатаемъ самый универсалъ съ буквальною точностью иротивъ подлинника.

«Гаврило Крутневичъ, гетманъ и все рыцарство его кр. мгли войска Запорожского.

¹⁾ Крутневичъ жилъ еще и въ 1610 г.—См. „Кіевск. Стар.“, 1882 г., № 5, стр. 202, гдѣ Крутневичъ упоминается какъ „менкачій въ Каневѣ козакъ Запорожскій“, собственникъ социніанскаго евангелія.

²⁾ Какъ извѣстно, объ этихъ рѣчныхъ козакахъ упоминаетъ уже и Павроцкій, рассказывая авантюру Заборовскаго („obrócił do drugiej rzeki Samary; tam znalazł 200 kozaków *rzecznych*, którzy tylko zwierza, ryby łowią drugim na tywność...“ „Herby“, изд. Туровск., 157). См. также Źródła Dziejowe, t. XX, стр. 154, 1581 года, „Regestr kozaków nizowych Zaporożskich i *rzecznych*, którzy chodzili na służbę króla jmcі do Moskwy“.

Ознаймуемо тымъ нашимъ войсковымъ листомъ теперъ и напотомъ будущимъ товаришомъ нашимъ, кому бы того вѣдат потреба наскоро, вж кгда есмо с послуги его кр. м. в Ыфлянт до Киева прибыли, блии намъ войску всему чоломъ в Бозе велебный его млсть отецъ Игнатей, вгуменъ во всею еже о Христе братею своею монастыра свѣтого Николы Пустынского Клевского, о томъ, вж иродокъ нашъ небожчикъ Самосел Кошка, гетманъ войска Запорозского, з нами всеми товаришми своимъ, за дозволенемъ и радю нашимъ, далъ нмъ листъ под печатью войсковою и с подписомъ руки писарское, капитуле монастыра Николского, который листъ передъ нами теперъ вложилъ, в которомъ пишеть до всихъ товаришомъ нашихъ, такъ Запорозкихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ, абы кривды на входахъ ихъ, меновите пон(и)же Черкасъ, Бѣлоберезкихъ и Пивскихъ, также изъ оговъ ихъ на Днѣпрѣ, кривды и шкоды не чинили, але еще указуючи прихильности и ласку нашу (вой)сковую ку церкви божей и къ тымъ богомолцомъ нашимъ монастыра свѣтого Николы, што одно приходить на войско Запорозское от ух...ковъ (уходниковъ?) на Днѣпрѣ нижей Черкасъ и вышей Черкасъ, ведлугъ звычай, б(ор)шнѣ, для которого высылаемъ посланцовъ нашихъ для... (отби?)равя з нихъ Николскихъ уходовъ жадное речы, тоестъ Бѣлоберезкихъ и Пивскихъ, еды, нитей, чолна и некоторого борошна, а ни подводъ не брати и ни в чомъ нмъ кривды не чинити, вечными часы, войско все в коле одностайне згодне даровали монастыръ Николский, о чомъ теперъ мы, будучи свѣдоми того листу такъ Кошчиного, яко и теперешнего часу пана Ивана Косого, нмъ, капитуле, за гетманства его даного, -изъ тые жъ входы менованые, также за ведомостию и росказанемъ, призволенемъ всего войска, мы и овшемъ ствержаемъ в водлугъ тыхъ листовъ, яко се поменило, вже вѣчными часы есмо даровали и теперъ даруемъ нмъ в всемъ товаришомъ нашимъ войска Запорозского козакомъ, яко и рѣчечнымъ, ознаймуемъ и росказуемъ, абы водлугъ тыхъ листовъ сиравовали, ни в чомъ кривды и шкоды церкви божей не чинили под ласкою и сродкостю войсковою, не важечи собе тыхъ листовъ, от всего войска капитуле Николской даного легце, кгда жъ великие кривды и шкоды относятъ от жолвничовъ и чигринцовъ 1); еще есмо повинни ихъ, яко богомолцовъ нашихъ, от кривды боронити и не братъ, але еще надават, на што есмо его милости отцу вгумену и всей еже о Христе брати монастыра свѣтого Николы Пустынского Клевского дали сесь нашъ листъ, под ве-

1) Т. е. жителей Жовнина и Чигриндуброви.

чатю войсковою и с подлинномъ руки моее власное. Писан в Києве, року тысяча шест сот третего, мѣа мая двадцат второго дня.

М. П.

Грицько Сеневич, писар войска Запорозкого».

Универсалъ написанъ на листѣ сѣрой бумаги, при чемъ изъ второго полулиста вырѣзана полоса для закрытія краснаго воскового кружка, на которомъ оттиснута печать. Послѣдняя величиною въ серебр. полтинникъ, съ изображеніемъ козака в круговой надписью: *печать войска Запорозкого*.

Подлинникъ универсала находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, которымъ приобрѣтенъ отъ одного кievскаго старьевщика вмѣстѣ съ нѣсколькими другими документами, исходящими изъ того же Пустынно-Никольскаго монастыря и того же содержанія, — о монастырскихъ имѣніяхъ. Слѣдуетъ думать, что документы эти взяты уже изъ Кіевской казенной палаты, куда они должны были быть переданы при секуляризаціи монастырскихъ имѣній.

15. Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго козацкаго войска. 3 тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. Спб. 1896. 8 в. д. *Томъ I. 1. Кубанскій Край. 2. Кавказская Линія. 3. Черноморское войско козацке. 4. Хоперскіе козаки. 1737—1801 в. ХVI+897 стр. Томъ II. Булаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго и друг. 1787—1795 в. ХХVII+475 стр. Томъ III. Войско вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ. 1787—1795 в. XL+799 стр.*

Осенью 1896 г. Кубанское козацке войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся въ к. ХVШ в. на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ *матеріаловъ* для исторіи Кубанскаго козацкаго войска вообще и для исторіи «войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ» въ частности¹⁾. Къ числу этихъ изданій принадлежатъ и настоящіе три тома «матеріаловъ», изданныхъ И. И. Дмитренко. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: «Занятіи по исторіи бывшаго Черноморскаго козацкаго войска, прямого и не-

1) См. „Кіевск. Стар. 1897 г., № 7—8, II, 42.

посредственного наследника столь славного и знаменитого Запорожского войска, дали мнѣ возможность собрать въ архивахъ Петербурга Москвы и Екатеринодара довольно большое количество интересныхъ документовъ. Примѣръ задания военно-ученымъ комитетомъ сборниковъ однакъ лишь военно-историческихъ документовъ... побудилъ и меня къ изданію возможно большаго числа собранныхъ мною документовъ, какъ пособія вообще къ исторіи козачества, такъ и въ частности къ исторіи Кубанскаго козачьяго войска. Осуществить это мнѣ представилось возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска Я. Дн. Малаши съ матеріальною помощію большаго любителя и глубокаго знатока козачьей старины П. П. Бурсака». Далѣе г. Дмитренко говоритъ, что, «не останавливаясь на издаваемыхъ теперь трехъ томахъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣя уже готовый въ рукахъ матеріалъ, онъ приступитъ къ изданію послѣдующихъ томовъ, захватывая въ каждый томъ два выпуска періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ жизни Кубанскаго козачьяго войска, чередуя отдѣльно выпускъ документовъ по исторіи Черноморскаго и Линейнаго войска».

Матеріалы для исторіи Черноморцевъ помѣщены почти исключительно въ послѣднихъ двухъ томахъ.

Послѣ разоренія въ 1775 г. Сѣчи, запорожцы разбрелись по южнорусскимъ степямъ и «блукали» тамъ, пока Потемкинъ не организовалъ изъ нихъ въ 1787 г. «войска вѣрныхъ козаковъ», подъ командою «войскового атамана и подполковника» Сидора Бѣлага. Въ январѣ 1788 г. Потемкинъ извѣстилъ «войско», что императрица «позволила снисхожденію на пожалованіе войску земли для поселенія въ Керченскомъ кутѣ или на Таманѣ. Съ этого времени бывшіе запорожцы получаютъ названіе Черноморскихъ козаковъ. Заботясь о дальнѣйшемъ устройствѣ послѣднихъ, Потемкинъ въ августѣ 1788 г. утвердилъ премьеръ-майора Антона Головатаго полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ козаковъ, имѣющихъ кошъ свой на Збуревской сторонѣ, подъ командою войскъ атамана Сидора Бѣлага», причемъ «велѣно ему принимать въ селеніяхъ бывшихъ козаковъ Запорожскихъ всѣхъ таковыхъ, прежде въ кошѣ служившихъ козаковъ, записывать въ число поманутыхъ вѣрныхъ»... (П, 10). Затѣмъ, въ январѣ 1789 г., «войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» получаетъ прежнюю организацію запорожцевъ: Чеиѣга получаетъ званіе *кошегаю* атамана, Ант. Головатый—войскового судьи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ точнѣе указалъ Черноморскому войску в тѣ земли, на которыхъ оно полу-

чело право расселяться: «на Кинбургской сторонѣ земли, непринадлежащія помещикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра... присвокупляется къ тому жъ округъ Еникольскій съ Таманомъ, на которомъ отданныя нѣтъ мѣста съ рыбными ловлями самими изобильными, любя войско, нассѣда оному дарую». (I, 45). Съ этого времени Черноморское войско служило военную службу въ составѣ русской арміи до лѣта 1792 г., когда ему было пожалованъ съ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорія со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея до Усть-Дабинскаго редута»... (II, 2).

Видѣтъ съ тѣмъ на эти пожалованныя земли казаки должны были и переселиться. Намечатанные г. Дмитренкоу «матеріалы» для исторіи Черноморскихъ казаковъ дѣлятся на двѣ части: одна, обвиняющая собою службу казаковъ до переселенія на Кубань, а другая — относящаяся уже къ жизни казаковъ на Кубани. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты 1787—1791 г.г., а вторая 1792—1795 г.г. Всѣ эти «матеріалы» взяты, какъ сказано на заголовкѣ, изъ «Кубанскаго войскового архива». Въ архивѣ этотъ занимался уже г. Короленко, авторъ обстоятельной монографіи, изданной подъ заглавіемъ «Черноморцы»¹⁾ состоящей тоже изъ двухъ частей: 1) «Черноморцы за Бугомъ» и 2) «Черноморцы на Кубани». Въ книгѣ г. Короленка напечатано значительное количество и сырого матеріала («Приложенія», 76 стр.), извлеченнаго изъ того же кубанскаго войск. архива. Теперь изданные г. Дмитренкоу матеріалы представляютъ собою новыя подробности для исторіи Черноморскихъ казаковъ, дающихъ возможность будущему изслѣдователю пополнить и значительно распространить монографію г. Короленка²⁾. Несомнѣнно, что трудъ г. Дмитренка по собранію и изданію столь значительнаго по количеству историческаго матеріала для «Черноморіи» заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ интересующихся судьбами Днѣпровскаго каза-

1) Черноморцы. Соч. Короленка. Сиб. 1874. 8 д. л. 312—76 стр. Послѣ изданія этой книги явился еще, въ 1880 г., очеркъ Вентговскаго—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 года*. (Памяти. книжка Кубанск. области 1881 г.) 125 стр. Разсказъ Вентговскаго о первыхъ годахъ жизни Черноморцевъ на Кубани основанъ на книгѣ г. Короленка.

2) Въ «матеріалахъ» г. Дмитренка ни замѣтили повтореніе лишь одного документа, уже напечатаннаго г. Короленкомъ; это—церемоніаль въстрѣчи Головатата послѣ его возвращенія изъ Петербурга, въ августѣ 1792 г., напечатанный у г. Короленка на стр. 29—31, а у г. Дмитренка—III, 489—501.

чества. При этомъ, однако жъ, нельзя не замѣтить, что планъ размѣщенія документовъ въ «Сборникъ» г. Дмитревна имѣетъ нѣкоторые недостатки. Прежде всего, редакторъ расположилъ документы, помѣщенные во второмъ томѣ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а по группамъ лицъ, отъ которыхъ исходятъ тѣ или другія официальные бумаги; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь такіе отдѣлы: «бумаги императрицы Екатерины II», «бумаги кн. Потемкина-Таврическаго», «бумаги Голенщикова-Кутузова», «бумаги Нассау Зигенъ» и т. д. При такомъ планѣ свѣдѣніе о томъ или другомъ фактѣ, случившемся въ определенное время, можетъ находиться въ разныхъ мѣстахъ книги, смотря потому, въ бумагахъ какого начальника оно вложено. Затѣмъ, документы, напечатанные въ третьемъ томѣ и составляющіе матеріалъ во всемъ однородный съ тѣмъ, который помѣщенъ во второмъ томѣ, расположены однако жъ уже хронологически, потому что здѣсь официальные бумаги исходятъ отъ весьма значительнаго количества лицъ и притомъ ранговъ не важныхъ... Но въ третьемъ томѣ замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что редакторъ почему то нашелъ нужнымъ опустить не только подписи и подлисы въ бумагахъ, но и обозначеніе мѣстъ, откуда бумаги писались. При этомъ заголовки бумагъ, сдѣланные редакторомъ черезчуръ кратки и неопределенны. Напр. «Ордеръ Головатого полковнику Курляцкому, 28 ноября 1789 г.» (№ 224). Кто такой былъ этотъ полковникъ Курляцкій и откуда писанъ ордеръ—остается неизвестнымъ. «Ордеръ Головатого Лубиному», (№ 227); ни званія Лубино, ни мѣста написанія ордера—нѣтъ. «Письмо Іосифа Трубинкова Головатому», (№ 232);—кто такой Трубинковъ и откуда писано письмо—свѣдѣній нѣтъ. «Секретный ордеръ войск. есаула Зах. Сутыки» (№ 245);—кому писанъ ордеръ и откуда—не видно. «Прошеніе куреней Тимошевскаго и Делничковскаго судья Головатому» (№ 312). Кѣмъ подписано прошеніе и откуда—неизвестно; «приказъ коша старшинъ Каракаю» (№ 368),—кѣмъ подписанъ «приказъ» и откуда—не видно. «Сообщеніе турецкихъ запорожцевъ старшинамъ» (№ 565),—какимъ старшинамъ писано «сообщеніе», кѣмъ и откуда—не указывается. «Регистръ, сколько забрано вещей въ землянкѣ судья Головатого» (№ 617).—Въ какой землянкѣ забиралась вещь, по какому случаю и кѣмъ—не видно. «Письмо судья Головатого Павлу Фроловичу, 21 апрѣля 1792 г., устьѣ Березини» (№ 657).—Кто такой Павелъ Фроловичъ—не видно, а письмо хотя и подписано—устьѣ Березини, но писано оно изъ Петербурга (стр. 456), потому что тамъ находился въ этотъ моментъ Головатый

(стр. 455—457); а что собственно обозначаетъ указаніе на «устье Березани» — понять нельзя. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань» (№ 861). — Кто такой Скаржинскій — не видно, при чемъ это свидѣніе можетъ быть объяснилось бы изъ подписи Скаржинскаго, въ печати опущенной. «Письмо Федора Квитки Ант. Андр. Головатому» (№ 982), — кто такой Ф. Квитка и откуда письмо писано — не указывается. И. т. д., и т. д.

Указанные редакторскіе дефекты тѣмъ болѣе возбуждаютъ сожалѣніе, что собранные г. Дмитренкоу матеріалы по содержанію своему, за рѣдкими исключеніями, очень интересны, значительно дополняютъ и поясняютъ наши свидѣнія о перерожденіи Запорожья въ «Черноморіе».

По малозвѣстности книги г. Дмитренка ¹⁾, приводимъ изъ нея нѣсколько документовъ для лучшаго ознакомленія съ этимъ наданіемъ.

а. «Письмо Антона Головатому Павлу Фроловичу, 21 апр. 1792 г. Вамъ не безызвѣстно о турецкой войнѣ, которая уже окончилась, а мы, изъ бывшихъ запорожцевъ, по повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана и монаршаго благоволенія, собравшись до двѣнадцати тысячъ, служили во оной: на водѣ — лодками, сухомъ пути — ишю и конно, и названы вѣрными Черноморскими козаками; а за службу теперь назначаютъ къ поселенію землю на Кубани и Тамани, для полученія которой пріѣхалъ я съ старшинами въ Петербургъ и обнадѣживае(ю)тъ отсель скорою отправкою. Въ войскѣ нашелъ больше женатыхъ, нежели холостыхъ. Знакомыхъ вашихъ изъ Шкуринскихъ (изъ Шкуринскаго куреня?) стариковъ на службѣ есть: Василь Иваша и Есько, что въ байракахъ жилъ, Лукьянъ Невдига и Остапъ Спичакъ. Полковникъ Колчакъ померъ. Кошовымъ прежде былъ Сидоръ Бѣлый, коего подъ Очаковомъ, въ сраженіи на судахъ, убили, а нынѣ Захарій Чепѣга Кисляковскій (Кисляковскаго куреня?), судьей я, инсаремъ Леушковскій (кур.) Котларевскій, есауломъ Крилевскій (кур.) Сутыка. Когда Петръ Ивановичъ и Иванъ Яковлевичъ въ живыхъ, то свидѣлствуйте отъ меня нижайшій мнѣ поклонъ, а притомъ покорно прошу, батьку, не оставьте, ежели случай позволитъ, о таковомъ поведеніи своей жизни, и кто изъ нашихъ запорожцевъ живъ, письменными увѣдомленіями».

¹⁾ Книга эта, поизданному, на рингѣ не помѣщалась, такъ какъ въ объявленіяхъ не называлась. Узнать о ней намъ пришлось случайно и получить мы книгу этою средствомъ въ Екатеринодара, благодаря любезности Н. Н. Дмитренка.

Павелъ Фроловичъ, къ которому написано письмо, это несомнѣнно бывшій запорожскій войск. судья Головатый, арестованный при уничтоженіи Сѣчи, въ 1775 г., вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Калинишевскимъ (Петромъ Ивановичемъ) и войск. писаремъ Глобомъ (Иваномъ Яковлевичемъ). Объ этихъ двухъ лицахъ Антонъ Головатый и спрашиваетъ Петра Головатаго (м. б. своего родственника) и влается имъ. Но куда же это письмо писано?—Извѣстно, что главные представители уничтоженной Сѣчи были сосланы, въ 1776 г., въ равныя отдаленныя окранны: Калинишевскій—въ Соловецкій монастырь, Петръ Головатый—въ Тобольскъ и Глоба—въ Кондвинскій монастырь (850 верстъ къ сѣв. отъ Тобольска)²⁾. Петръ Головатый въ Тобольскѣ и умеръ; слѣд. Антонъ Головатый писалъ свое письмо еще туда же, въ Тобольскъ, но было ли оно отправлено по адресу—знать того нельзя, такъ какъ въ книгѣ г. Дмитренко не значится—откуда взято имъ это письмо; едва ли можно полагать, чтобы и оно взято было изъ Кубанск. войск. архива. Въ приведенномъ письмѣ Ант. Головатаго особенно интересенъ тотъ фактъ, что и чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ ссылки Калинишевскаго, еще не зналъ о мѣстѣ этой ссылки даже в такой свѣдущій въ запорожскихъ дѣлахъ человекъ, каковыи былъ Ант. Головатый...

б. «Довѣренность Ант. Головатаго поручику Лата на продажу его имѣнія, 10 окт., 1792 г. «Состоящую Екатеринбургскаго наместничества, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Кильчакѣ, собственную мою дачу о 3500 дес. удобной, а неудобной 450 дес. земли, со всѣми находящимися на ней господскими и подданинческими строеніемъ, хлѣбомъ, пчелами и другими домовыми вещами (кроиъ воды) (?) равно въ мѣстечкѣ Новоселпцахъ жилой домъ, ежели кто пожелаетъ купить, прошу васъ за объявленныя отъ меня цѣны продать, гдѣ надлежитъ въ судебномъ мѣстѣ законнымъ порядкомъ крѣпость совершить, и покущику на оную дачу планъ и книгу межевы, при семъ прилагаемыя, поручите»...

Приведенный документъ показываетъ, какъ устраивалась запорожская старшина послѣ разоренія Сѣчи.

²⁾ См. Русск. Стар. 1875 г., ноябрь, статья П. С. Ефименка, „Домъ“, съевнѣ. журналъ, 1897 г., ноябрь, статья Д. И. Эварницкаго и „Календарь Тобольск. губ. на 1890 г.“ (Тобольскъ), въ которомъ помѣщенъ свидѣніе о „володѣнцахъ“ Кондвинскаго монастыря XVIII в., при чемъ въ числѣ колодниковъ называется и Глоба. Въ Кондвинскомъ и—рѣ Глоба и умеръ, оставивъ послѣ себя въ г. Кондвинскѣ вѣготовство, существующее и инѣй. Календ., стр. 268.

в. *«Письмо Скаржинскаго кошовому Чепльи, 20 мая 1793 г. Астрахань»*. — Батьку, знаменитый атаманъ кошевой, старшій брате Захаръ Алексѣевичъ! Ей що то волось було въ Сѣчи видати, то теперь слухомъ слыхати, атамана кошового, поря(а?)дника войскового, батька Захара Алексѣевича и судью Антона Андреевича съ старшинами и славникъ вѣрнимъ войскомъ на адѣшнемъ берегу Черноморскомъ и по рѣкѣ Кубани. Послушайте жъ — чего хочется мнѣ? — Чтобъ вамъ Богъ далъ счастливо жити, вороговъ бити, старыхъ женити, дѣтей плодити, рыбу ловити, скоть разводити да и новую еще славу заслужити. Все сіе вамъ Богъ дастъ и буде, бо вы добрые люди. Ой, колабъ то я могъ васъ теперь видати и лѣтъ батьковъ и братей обняти, тобъ то сердцу утѣха, но коли въ томъ помѣха, то письмо пишу и васъ прошу, батьку, атамана кошовый, и ты, наве судья войсковый, поклонъ отъ меня принять, старшинамъ и войску сказати, что я всѣмъ вамъ пріятель вѣрный и доброжелатель нелицемерный, да що и сынъ мой вашъ ковакъ куренній. Прощайте да и насъ не забувайте».

Кто такой былъ авторъ этого иприческаго посланія — не видно; даже неизвѣстно и имя этого Скаржинскаго, вѣроятно значившееся въ его подлинн. — Можетъ быть это былъ сынъ лубецкаго сотника — Петръ Михайловичъ Ск—ій, который за участіе во взятіи Очакова получилъ Георгія, а въ 1798 г. былъ «кавказскимъ намѣстникомъ»¹⁾. Если это былъ дѣйствительно П. М. Скаржинскій, то письмо его не можетъ не указывать на сочувствіе «городовыхъ» къ судьбѣ Запорожья — послѣ уничтоженія Сѣчи... Откуда взято это письмо! видимо принадлежавшее къ семейному архиву кошеваго Чепльи, — не указано.

в. *«Письмо къ отцу сыновей Антона Головатого, Александра и Афанасія, 13 февр., 1794 г.»* «Свидѣтельствуемъ вамъ наше всенжайшее почтеніе и увѣдомляемъ васъ, что мы еще слава Богу здоровы. При семъ просимъ васъ всепокорнѣйше не оставить насъ вашимъ родительскимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьи и благополучіи. — Я²⁾ же сего лѣта былъ въ морѣ и продолжалъ путь свою до Даніи; въ Копенгагенѣ были. Я служилъ на адмиралтейскомъ кораблѣ у Александра Ивановича фонъ-Крюка «Юанъ Креститель», стонущечномъ. Но въ бытность мою въ морской практикѣ отъ морской погоды былъ всегда въ болѣзни. И такъ прошу вашего роди-

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» 1893 г., юль, 426.

²⁾ Это говорятъ о себѣ старшій Александръ, какъ видно изъ другихъ бумагъ.

тельскаго позволенія чрезъ годъ выйдти въ корпусъ въ полкъ, въ какой вамъ угодно будетъ. Я съ моей стороны желалъ бы вашимъ черноморскимъ офицерамъ быть, ежели вашей родительской милости разсудится, по окончаніи геометріи, фортификаціи и артиллеріи¹⁾. Я же, когда былъ въ морѣ, то братцу ни сахару, ни чаю не отпускали, кромѣ полтора рубля въ пять мѣсяцевъ, и то приказывалъ ему намъ господинъ полковникъ пять (?) по одной копейкѣ въ день.—Въ корпусѣ же хорошо учать, но впрочемъ содержаніе очень худо. Намъ, какъ вамъ извѣстно, 952 рубля въ годъ (?); платья же, въ которомъ въ классъ ходимъ, кромѣ мундировъ и бѣлья, все кадетское, также—кушанье, чай (?); тѣмъ мы и отличимъ отъ кадетъ. Прежде, какъ намъ извѣстно, насъ ея императорское величество изволила опредѣлить въ корпусъ, то намъ отведено было два покоя, кушанье и денщикъ было особливо. Въ бытность мою въ морѣ, (?) при окончаніи команданіи (когда?) возвратился, то братецъ стоялъ виѣсть съ кадетами и кушалъ кадетское кушанье. Я просилъ господина полковника нашего, чтобъ онъ отпустилъ кушанье къ намъ, но онъ отказалъ. Кромѣ чая, мы въ зимѣ кушили шубу, а братцу нѣтъ. Я много разъ сказывалъ, но онъ сказалъ: она ему не нужна, потому что онъ будетъ въ корпусѣ. И такъ, чѣмъ больше я ему говорю, тѣмъ больше онъ на меня сердится. И такъ просимъ васъ, милостивѣйшіе родители, кланяться любезной бабушкѣ нашей, также и любезнымъ братцамъ и всѣмъ сродникамъ всенжайшее наше почтеніе просимъ засвидѣтельствовать и остнемся навсегда ваша доброжелательные дѣти. С.-Петербургъ. Изъ приведеннаго письма видны—какъ черезъ 20-тъ лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья сыновья разогнанныхъ запорожцевъ—уже учились въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, и, какъ видно, не отставали отъ товарищей, изучая геометрію, фортификацію, артиллерію... Кромѣ этихъ двухъ сыновей, у Головатаго было еще три: Матвій, Андрей и Константинъ. Последніе три въ 1796 г. были еще «малолѣтними»²⁾. Одного изъ нихъ, внослѣдствіи, Головатый помѣстилъ въ какое то харьковское училище³⁾.

д. Письмо Федора Кемтки къ Антону Головатому, 17 марта, 1794 г. «Во первыхъ поздравляю васъ со всѣмъ домомъ св. четыре-

¹⁾ Желаніе юнаго черноморца было исполнено: въ 1796 г. онъ уже ходилъ съ отцомъ въ походъ на «Персидскіе берега». «Сборн.», I, 67.

²⁾ См. т. I, стр. 67 и т. III, стр. 764.

³⁾ Статья Основьяненна о Головатомъ, Отеч., Зал. 1839 г., № 11, стр. 11.

десятиницею, которую желаю отъ всего сердца въ ненарушномъ здравіи и благополучіи препроводить в страстанъ Христовымъ поклониться... Матушка—что въ письмѣ пишеть, тому есть такъ точно. Меня польстило на то то самое, что она хотя богатого отца, но все то богатство пренебрегала, а приняла христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою. Я вижу, что сіе сдѣлала она чрезъ меня, боюсь Всевышняго, чтобы меня за сіе не наказалъ, если ее оставлю, вознамѣрился на ей сочетаться бракомъ, пришло мнѣ на мысль то, что може за сіе меня Богъ не оставить»...

в. «Письмо Ульяны Порохниной къ зятю Ант. Головатому, 17 марта, 1794 г. Самара». «Наступившимъ мнѣ смятнимъ постомъ поздравляю васъ съ любезиѣйшею вашею сожительницею и дѣтками... О себѣ же доношу, что по милости Всевышняго жидва и здорова нахожусь. Федоръ Григорьевичъ свидѣтельствуеть свое неизжайшее почтеніе. Пріѣхалъ съ поля въ домъ, привезъ себѣ невѣсту изъ знатной фамиліи, но только изъ иностранныхъ, а уже выкращенку. Просить дозволенія о вступленіи съ ею въ бракъ. Я хотя по разсужденіи своему, что она иностранка, нескѣдующая совѣтъ, мнѣ и не желала (?) сего сдѣлать, но видя ея добродѣтельность, хорошія качества и къ хозяйству охоту имѣющую, усердно желаю в благословлю ихъ; и васъ покорно прошу желать имъ добра и не оставлять ихъ»...

ж. Письмо Ант. Головатому къ З. А. Чеплю, 30 мая 1794 г., Тамань. «Моя Ульяна Григорьевна по полудни въ 5-мъ часу, въ самую зеленую недѣлю, ради праздника, царство ей небесное, покинула меня и осталась въ крайней багѣ (?), вчерашній день, залогомъ моей вѣрности и преданности Богу, государю, войску и товариству¹⁾».

Больше нечѣмъ хвалиться, а увидѣвшись говорить буду²⁾.

Изъ приведенныхъ трехъ писемъ многого новать нельзя. Федоръ Квнтка (какой неизвѣстно)²⁾ называетъ Ульяну «Порохнину» — матерью; въ то же время эта Ульяна Порохнина по свидѣтельству редактора есть теща Ант. Головатого, но она ли есть и та Ульяна Григорьевна, которую называетъ Головатый *своею*, изыщца Чеплю о ея смерти—

¹⁾ Письмо приводится буквально. Смысл заключительныхъ словъ неясенъ...

²⁾ Разумѣется не отецъ писателя Григорія Федоровича, родившагося въ 1776 г. Объ отношеніяхъ отца писателя къ Ант. Головатому см. выше упомянутую статью Гр. Ф. Квнтки въ Отеч. Зав. 1839 г.

разобрать нельзя... Несомненно, что опущенныя редакторомъ надписи и подписи писемъ во многомъ затемнили содержаніе и стили писемъ.

При нѣкоторыхъ недостаткахъ «Сборника», редакторъ его тѣмъ не менѣе, повторенъ, заслуживаетъ большой благодарности за ту массу интереснаго матеріала, которую онъ въ немъ обнаружилъ. Эти матеріалы дадутъ намъ возможность ближе познакомиться съ представителями послѣднихъ запорожцевъ—Чепігой, Головатимъ и друг.—и оцѣнить ихъ практическій умъ, съ помощью котораго они такъ умѣло и прочно устроили судьбу разогнаннаго было запорожскаго «товариства». Будемъ ожидать, что общаемие И. И. Дмитренкою «послѣдующіе томы» его «Сборника» представятъ такой же интересный матеріалъ для исторіи перерожденнаго Запорожья.

8169653-8 XCL (10 Feb 69)

Тичина П. Г. Поезії. (306). «Радянський письменник». 10 арк.
8000 прим. 1 крб. 20 коп.

Тичина П. Г. Стихи. (На украинском языке).
До збірки «Поезії» ввійдуть неопубліковані вірші Павла Тичини,
а також вірші, які друкувалися в різні роки в періодиці, але не
ввійшли з тих чи інших причин в окремі видання творів поета.

ОЧЕРКИ,
ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

ПО

ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

У.

Съ рисункомъ Т. Г. Шевченка и портретомъ Мазепы.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-В.
1899.

Лазаревскій, Александр
Матвеевичъ,
ОЧЕРКИ.

ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

ПО

ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

V.

Съ рисункомъ Т. Г. Шевченка и портретомъ Мазепы.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
И. Т. Коринъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

DK 508
7
L 29

Дозволено цензурою. Київ, 10 марта 1899 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
1. Записка о Мазепѣ. (По поводу книги <i>Θ. М. Уманца</i> «Гетманъ Мазепа»).	1—81
2. Проза П. А. Булша	81—85
3. „Богданъ Хмельницкій“. Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ.	85—91
4. Изъ секретной хроникъ Берковъ. (1672—1805)	91—124
5. Рисунки Новометровскаго укрѣпленія Т. Г. Шевченка. (Съ рисункомъ)	124—128
6. Чепига, Головатый и Котляревскій на Кубани. (1795—1798). (Рецензія 4-го тома Сборника матер. по исторіи Кубанск. кав. войска, П. П. Дмитренко)	128—138
7. Записка о портретахъ Мазепы. (Съ портретомъ Мазепы по червленовской гравюрь)	139—148

Снимок съ гравюры Норблена.
Digitized by Google

Гетманъ Иванъ Мазепа.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(По поводу книги *Θ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

I. Мазепа до поставленія гетманомъ.

Главная задача книги *Θ. М. Уманца* заключается въ „выдѣленіи свѣтлыхъ точекъ въ политической и частной жизни Мазепы“, такъ какъ „на Мазепѣ много пятенъ“, да притомъ „общая молва сгустила темныя краски“. Задача выбрана во всякомъ случаѣ интересная. Несомнѣнно, что Мазепа былъ человѣкъ большого ума и еще большаго характера, а тѣ яркія перипетіи, которыя случились въ его жизни, сдѣлали изъ него героя, годнаго во всякій романъ. О такомъ человѣкѣ всегда можно сказать много новаго, если особенно недостатокъ документальнаго матеріала заставляетъ историка прибѣгать къ догадкамъ.

Изслѣдуя личность Мазепы, какъ историческаго дѣятеля и частнаго человѣка, авторъ настоящей книги не пишетъ исторіи его гетманства со всѣми внѣшними событіями послѣдняго, а беретъ только крупныя моменты изъ жизни Мазепы, отдѣляя для каждой изъ нихъ особую главу. Такихъ главъ семь: а) *Молодость Мазепы*, б) *У Дорошенка*, в) *Семья Самойловичей*, г) *Быть или не быть*, д) *Поздняя любовь* и е) *„Шведская инкурсія.“*¹⁾

Книга г. Уманца написана живымъ языкомъ, и нѣкоторый результатъ отъ этого несомнѣнно получился: книгу его прочли многіе изъ тѣхъ читателей, которые *ученыхъ* книгъ почти не читаютъ. А здѣсь, кромѣ довольно своеобразнаго языка (много словъ и выраженій—изъ домашняго обихода), еще и всегда инте-

¹⁾ Въ восьмой главѣ заключается обзоръ портретовъ Мазепы.

ресная личность Мазепы... Но книга г. Уманца интересна и для людей, обязательно читающих ученые книги.

Представляя здѣсь свои замѣтки на книгу г. Уманца и по поводу ея, мы впередь говоримъ, что, хотя во многомъ личность Мазепа представляется еще неясною, но для оцѣнки нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ общественной и частной его жизни собрано уже достаточно историческаго матеріала, чтобы не обращаться къ помощи предположеній и догадокъ... Замѣтки наши будутъ слѣдовать въ порядкѣ отмѣченныхъ у автора моментовъ изъ жизни Мазепы.

1. *Молодость Мазепы.* Первый критическій сводъ генеалогическихъ и біографическихъ свѣдѣній о Мазепѣ принадлежитъ извѣстному знатоку исторіи правобережной Малороссіи Эд. Руликовскому, который въ *газетной корреспонденціи* сообщилъ обстоятельный перечень собранныхъ имъ свѣдѣній, какъ о происхожденіи Мазепы, такъ и о его молодости ¹⁾. Приведя имена Николая, Федора, Адама и Яна Мазепъ (*Dzienn. W.*, № 196), Руликовскій никакой родственной связи между ними не устанавливаетъ за непимѣніемъ къ тому данныхъ. Тутъ все одиѣ лишь догадки... ²⁾ Черезъ два года послѣ статьи Руликовскаго, появилась другая статья—*„Mazepa. Noty historyczne“*, ³⁾ авторъ которой, положивъ въ основу свѣдѣнія Руликовскаго, дополнилъ ихъ печатными, при чемъ указалъ едва-ли не всю тогда извѣстную литературу о Мазепѣ; впрочемъ, ничего существеннаго къ свѣ-

¹⁾ *Dziennik Warszawski* 1854 г., №№ 196—198. При этомъ Руликовскій воспользовался двумя цѣнными замѣтками Ю. Бартошевича о Мазепѣ (его послышка къ Тетерѣ), напечатанными въ томъ же *Dzienn. Warsz.* въ 1853 г., №№ 150 и 188. Статья Руликовскаго дополнена примѣчаніями Бартошевича, которому, какъ видно, она сообщена была въ рукописи.

Раньше статьи Руликовскаго былъ напечатанъ очеркъ жизни Мазепы, принадлеж. польск. ученому Ал. Пршевальскому (*„O Mazepie“*, *Atheneum*, 1842 г., № 1, стр. 28—61), но здѣсь—сводъ однихъ печатныхъ свѣдѣній.

²⁾ Статья Руликовскаго вызвала замѣтку Тим. Дипинскаго (*Т. ж.*, № 211), въ которой указывается, что въ актѣ 1572 г. значится не Николай, а Михаилъ Мазепа.

³⁾ Авторомъ этой анонимной статьи Бартошевичъ называетъ какого то Чомбера (*Swięcki, Histor. Pamiatki*, I, 366), лица совсѣмъ неизвѣстнаго въ польской литературѣ.

дѣніямъ Руликовскаго Чомберъ не прибавилъ. Затѣмъ, сводъ свѣдѣній Руликовскаго былъ повторенъ Ю. Бартошевичемъ, въ 1858 г., въ его дополненіяхъ къ книгѣ Свѣнцикаго ¹⁾, со включеніемъ перечня документовъ, порученныхъ королемъ Мазепѣ въ 1663 г., при посылкѣ его къ Тетерѣ. Позднѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи Мазепы и о его молодости принадлежатъ тому же Руликовскому и помѣщены въ его статьѣ о селѣ Мазепинцахъ (*Słown. Geogr.*, VI, 183—184). Здѣсь Руликовскій, говоря о происхожденіи Мазепы, называетъ Михайла Мазепу, получившаго въ 1572 г. отъ Сигизмунда-Августа привилей на земли по р. Камяницѣ, и Николая Мазепу, показаннаго въ 1616 г. владѣльцемъ хутора надъ „Камяницею“ ²⁾ и говоритъ, что, кажется, сыномъ этого Николая былъ Адамъ Мазепа, за которымъ по акту 1659 г. было укрѣплено село Мазепинцы, при чемъ въ этомъ актѣ называется и сынъ Адама—Янъ. Въ актѣ 1659 г. Адамъ Мазепа называется „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а въ актѣ 1662 г. тотъ же Адамъ Мазепа называется уже „подчашимъ Черниговскимъ“, а черезъ три года (1665 г.) подчашимъ Черниговскимъ былъ сынъ умершаго Адама—Янъ. Сообщивъ эти документальныя свѣдѣнія о *Мазепахъ*, Руликовскій ставитъ вопросъ: этотъ ли самый Янъ Мазепа, сынъ Адама, былъ гетманомъ?—Руководясь тѣмъ, что гетманъ Мазепа самъ говоритъ, что онъ родился въ Мазепинцахъ, Руликовскій полагаетъ, что Янъ, сынъ Адама, былъ именно гетманъ ³⁾.—На основаніи приведенныхъ свѣдѣній г. Уманецъ уже категорически говоритъ: „Родъ гетмана Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и заслуженнымъ *вз Войскъ*. Его пращуръ отъ Сигизмунда I, въ 1544 г., получилъ имѣніе въ Бѣлоцерковскомъ повѣтѣ... Источники не называютъ этого предка Мазепы. Одинъ только Похилевичъ называетъ его Николаемъ... Михаилъ Мазепа, вѣроятно сынъ предыдущаго, получилъ въ 1572 г. утвержденіе на Мазепинцы... Слѣдующее поколѣніе

¹⁾ *Historyczne Pamiątki* (Warsz., 1858), т. I, стр. 363—366.

²⁾ О владѣльцѣ „хутора на Камяницѣ“ Николай Мазепѣ, см. также Арх. Юг.-Зал. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 293.

³⁾ На этотъ самый вопросъ Бартошевичъ отвѣчаетъ такъ: „tęj zagadki nie зміemy rozwiązywać stanowczo.“ *Histor. Pam.*, I, 365.

представляютъ Федоръ и Николай, вѣроятно, сыновья Михаила Мазепы. *Затимъ по актамъ выступаетъ Степанъ-Адамъ Мазепа.* О томъ, что онъ былъ единственнымъ сыномъ Николая Мазепы, надо заключать по имѣнью....”

Какъ видимъ, основаній для заключенія о томъ, чтобы родъ гетмана Мазепы принадлежалъ къ заслуженнымъ въ „Войскѣ“—нѣтъ никакихъ. О службѣ предковъ Адама Мазепы въ „Войскѣ“ свѣдѣній—нѣтъ; самъ Адамъ, именуясь сначала „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а потомъ—подчасимъ, къ „Войску“ принадлежать не могъ. Только гетманъ Мазепа сталъ принадлежать къ „Войску“ съ момента своего поступленія на службу къ Дорошенку... Подъ именемъ постоянно употреблявшася въ актахъ термина—„Войско Запорожское“, до пол. XVII в. слѣдуетъ разумѣть ту группу русскаго населенія приднѣпровской Украины, которая уже въ концѣ XVI вѣка стала выражать свой протестъ противъ польскихъ порядковъ. Изъ этой группы населенія образовалось особое войско, принявшее названіе Запорожскаго на томъ основаніи, что его зачатки явились въ видѣ поселившихся за Днѣпровскими порогами козаковъ. Войско это служило военную службу польскимъ королямъ, не смѣшиваясь съ другими войсками, подъ именемъ козаковъ, при чемъ, съ теченіемъ времени, не только служилое войско, но и все то населеніе, изъ котораго оно набиралось, стало называться „Войскомъ Запорожскимъ“. Такимъ образомъ, подъ именемъ послѣдняго разумѣется обособившаяся въ перв. пол. XVII в. группа малорусскаго населенія, которая противопоставила польскимъ порядкамъ свои порядки, при чемъ совокупность послѣднихъ явилась основой военно-гражданскаго устройства козаковъ „Войска Запорожскаго“. Отсюда мы видимъ, что, напр., извѣстный Адамъ Кисель никогда не могъ сказать, что онъ принадлежитъ къ „Войску Запорожскому“ и никакой представитель этого „Войска“ не назвалъ бы Киселя—*своимъ*... По всему этому г. Уманецъ неправильно причисляетъ къ „Войску“ переименованныхъ у него Мазепъ.—Засимъ мы видимъ, какъ легко находить г. Уманецъ пращура гетмана Мазепы въ лицѣ предполагаемаго Николая, (ссылаясь на Похилевича, какъ извѣстно, автора въ

данномъ случаѣ менѣе чѣмъ авторитетнаго), и относить его почему то къ 1544 г. Преемники этого пращура слѣдуютъ въ разсказѣ г. Уманца съ присоединеніемъ слова „*вѣроятно*,” а Адамъ Мазепа—такъ даже и безъ этого прибавленія называется вмѣстѣ и *Степаномъ*, потому что гетманъ по отчеству звался Степановичемъ.

Также едвали правиленъ выводъ г. Уманца и о томъ, что „Мазепы, оставаясь православными, *продолжали дружбу съ козацествомъ*“... Ни изъ какихъ свѣдѣній г. Уманца этого не видно.

Повторенный г. Уманцемъ перечень именъ Мазепъ, встрѣченныхъ прежними историками гетмана въ юридическихъ актахъ XVI и XVII в.в. (до 1665 г. включительно), ничего не разъяснилъ болѣе того, что говорилось и до сего.

А между тѣмъ нѣкоторое новое освѣщеніе этихъ свѣдѣній о Мазепѣ можно было найти. Въ 10-мъ томѣ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, изданномъ въ 1878 г., и заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи Малороссіи въ 1654 г., напечатано не мало свѣдѣній о персоналѣ тогдашней правобережной козацкой старшинѣ. Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, что весной 1654 г. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ Семень Половецъ (стр. 397 и 405), а Бѣлоцерковскимъ атаманомъ—*Адамъ Мазепа* (стр. 405). Изъ списка Бѣлоцерковской „*шляхты*“, составленнаго въ томъ же 1654 г. и напечатаннаго тутъ же (стр. 783), видно, что въ числѣ ея значится цѣлый рядъ Мокіевскихъ (девять человекъ). Намъ извѣстно, что мать гетмана была Мокіевская. Знаемъ мы также (см. ниже), что гетманъ былъ женатъ на дочери Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца. Отсюда мы имѣемъ достаточныя основанія для заключенія, что упомянутый въ 1654 г. Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа былъ женатъ на одной изъ Мокіевскихъ, а слѣдовательно этотъ самый Адамъ и долженъ быть отцомъ будущаго гетмана... Имя Степана явилось, слѣдуетъ полагать, отъ двухъ-именности и—для *благозвучія* въ козацкихъ ушахъ, когда будущій гетманъ попалъ уже межъ козаковъ. Называя мать гетмана, въ монашествѣ Марію-Магдалину, г. Уманецъ говоритъ, что „*ея дочеркъ заставляеть предполагать значительное для того времени обра-*

зование*. Дѣйствительно, почеркъ матери Мазепы, какъ видно изъ прилагаемаго ниже снимка, ¹⁾ можетъ дать нѣкоторое основаніе для заключенія о ея книжномъ образованіи. Снимокъ ея почерка взятъ здѣсь изъ акта 1701 г., когда „Мазепиной“ было не менѣе *восемидесяти лѣтъ*... Книжное ея образованіе вполнѣ понятно изъ того, что она была несомнѣнная *шляхтянка*, т. е. принадлежала къ семьѣ болѣе или менѣе культурной. Можно думать, что близкое родство будущаго гетмана съ такимъ множествомъ шляхтичей Мокіевскихъ оказало вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Мазепы... Адамъ Мазепа, будучи по происхожденію и самъ шляхтичъ, тѣмъ не менѣе пошелъ въ козаки и будучи человѣкомъ замѣтнымъ, былъ поставленъ въ своей сотнѣ атаманомъ. Но Мокіевскіе въ козаки не пошли, а остались по прежнему въ рядахъ шляхты и „шляхтою“ показаны въ спискахъ, по которымъ русскіе воеводы приводили въ январѣ 1654 г. къ присягѣ новыхъ подданныхъ Московскаго государства. Подражая Мокіевскимъ, могъ и Адамъ Мазепа оставить свое козачество и возвратиться въ прежнее положеніе... Тутъ могли дѣйствовать и матеріальные расчеты, и тѣ шляхетскія тенденціи, которыя несомнѣнно имѣли въ тогдашнемъ южно-русскомъ обществѣ много приверженцевъ даже среди козацкой старшины (Выговскій и друг.). Результатомъ возвращенія въ прежнее положеніе для Адама Мазепы — могла быть возможность помѣстить единственнаго своего сына къ королевскому двору въ число „дворянъ“ ²⁾ Юный „Янъ“ Мазепа не только сталъ королевскимъ „дворяниномъ“, но и дворяниномъ, котораго король отличилъ отъ другихъ, принявъ въ число своихъ „покоевыхъ“, (должность, соответствовавшая нѣмецкимъ камеръ-юнкерамъ). Но прежде, чѣмъ Мазепа сталъ „покоевымъ“, король, по свидѣтельству Отвиновскаго, посылалъ его за границу

*Maria Magdalena Moczarska Malasiewiczowa
Zamieszkała w Żurawcach pod Łuckim w Księstwie Habsburskim*

(Купчая поля, Миклашевскому. Подлинникъ у В. В. Тарновскаго).

²⁾ См. это слово р. Лице (*dworkanin*) и въ книгѣ Морачевскаго — *Starobytność Polskie*, то же слово. (*Dworkaninem powinien być być tylko swój i szlachcic*“).

для окончанія образованія, которое будто бы начато было Мазепою въ Кіевской академіи, какъ говоритъ Величко. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ранней молодости Мазепа выходилъ изъ ряда своихъ сотоварищей какъ по образованію, такъ и по положенію. „Покоевымъ дворяниномъ“ короля Мазепа былъ уже въ 1659 г., какъ это видно изъ упоминанія о немъ въ письмѣ Выговскаго къ кор. канцлеру Пращмовскому¹⁾). Основываясь на этомъ письмѣ, обыкновенно говорятъ, что король посылалъ Мазепу къ Выговскому съ какимъ то порученіемъ... Говорить это и г. Уманецъ („король уже дастъ ему *важное* порученіе къ Выговскому“)... Но собственно изъ письма Выговскаго этого не видно, такъ какъ тутъ говорится о томъ лишь, что какое то извѣстіе Выговскій посылаетъ Пращмовскому чрезъ Мазепу... То же самое видимъ и изъ письма Потоцкаго къ королю, что чрезъ Мазепу послано было *только* письмо. Но чтобы Мазепу король посылалъ и къ Выговскому, и къ Потоцкому—съ какимъ либо порученіемъ, а не для доставленія лишь письма, повторяемъ, этого не видно. Обыкновенно съ фактомъ посланки Мазепы къ Выговскому связываютъ вопросъ о годѣ его рожденія. Со словъ Стебельскаго историки повторяли, что Мазепа родился въ 1629 г.²⁾ Свѣдѣніе это не документальное и потому останавливаться на немъ нельзя. Настаиваютъ на томъ, что очень молодого Мазепу король не послалъ бы къ Выговскому; но почему же король не могъ послать чрезъ двадцатилѣтняго своего „дворянина“ письма къ Выговскому или къ Потоцкому? Указываютъ на посланку королемъ Мазепы, въ 1663 г., къ Тетерѣ, съ клейнодами, какъ на порученіе слишкомъ важное, чтобы оно могло быть довѣрено юному человѣку, но ниже мы увидимъ, что это порученіе Мазепа долженъ былъ исполнить *не самолично* и что онъ его исполнилъ довольно легкомысленно, какъ это могъ сдѣлать именно только юный посланецъ... Говоримъ все это, думая, что Мазепа могъ родиться и въ 1639 г...³⁾ Разумѣется, все это догадки, но осно-

¹⁾ Памятники, III, iij, 363 и 366.

²⁾ Chronologia, II, 423. То-же повторить и Лякобъ.

³⁾ Въ перечнѣ „реликвій“ 1-го Кад. Корп. (Русск. Ивал. 1898 г., № 41) указывается между прочимъ Львовское Евангеліе 1644 г. и шибѣвшая въ немъ надпись, и тутъ же замѣчается: „здесь нельзя не указать, что 1644 г. былъ годъ рожденія гетмана Мазепы“. Откуда такое заключеніе—не видно. Не изъ надписей ли?

ваніемъ ихъ служить то обстоятельство, что „поздняя любовь“ естественнѣе могла посѣтить Мазепу не въ 75 лѣтъ, а можетъ быть десятью годами раньше... 1'. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа могъ родиться и въ 1633 г. (стр. 11) и въ 1629 г. (стр. 23). Безъ документальныхъ данныхъ, поле догадокъ велико.. Объ ученіи Мазепы г. Уманецъ говоритъ, пользуясь показаніями Отвиновскаго и Величка. Тутъ мы читаемъ: „продолжая разыскивать черты воспитанія Мазепы, надо принять въ расчетъ его глубокаго познанія въ русскомъ языкѣ“. Выписавъ затѣмъ изъ Костомарова отзывъ Мазепы объ одномъ подметномъ письмѣ („письмо это писано не въ Польшѣ и не полякомъ, это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи нѣтъ; думаю, что это письмо написано здѣшними людьми и при томъ не однимъ“ и проч.) г. Уманецъ заключаетъ: „чтобы такъ ориентироваться въ различныхъ діалектахъ русскаго языка, надо или русское филологическое образованіе, или усвоенное съ дѣтства знаніе языка. Перваго тогда не было во всей Россіи; второе Мазепа могъ приобрести въ дѣтствѣ, усвоивъ устную народную рѣчь...“ Здѣсь прежде всего не видно, о какомъ русскомъ языкѣ говоритъ г. Уманецъ. Намъ не извѣстенъ текстъ того письма, въ сужденіи о которомъ Мазепа обнаружилъ свои познанія „въ различныхъ діалектахъ русскаго языка“¹⁾; не знаемъ также, самъ ли Мазепа писалъ подписанный имъ отзывъ о „подметномъ“ письмѣ, или же его канцелярія... Но во всякомъ случаѣ, если Мазепою и была усвоена „устная народная рѣчь“, то этой рѣчью писемъ тогда не писали... *Порусски* писались тогда письма тѣмъ языкомъ, какимъ написаны немногія письма Лазаря Барановича (среди множества его польскихъ писемъ), т. е. языкомъ книжнымъ (напр. № 36, 46, 49, 57, 126, 129 и др.)²⁾. Письма эти, конечно, далеки отъ *устной народной рѣчи*... Сомнѣваемся, чтобы Мазепа могъ писать въ молодости даже и такимъ языкомъ свои *русскія* письма, какимъ ихъ писалъ Барановичъ, потому что свою молодость онъ провелъ въ той средѣ, которая и говорила, и писала

¹⁾ Сколько можно понять изъ отзыва Мазепы, подметное письмо было написано по-польски, но неправильною рѣчью.

²⁾ Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865.

почти исключительно по-польски... Здѣсь мы разумѣемъ не только Варшавскую придворную обстановку, но и семью Мазепы въ Бѣлоцерковщинѣ, у которой несомнѣнно обиходнымъ языкомъ была рѣчь польская. Мать Мазепы, будучи уже древней монахиней, продолжаетъ подписывать свое имя польскими буквами. Польская рѣчь настолько была распространена среди культурныхъ малороссянъ праваго берега, что и Печерскій архимандритъ Кроковскій, для своей частной переписки съ генер. есауломъ Ложиковскимъ, употребляетъ эту самую рѣчь польскую.¹⁾ Этой рѣчью пользовался конечно и Мазепа въ своихъ письмахъ, почему коронный гетманъ Яблоновскій и могъ говорить, что онъ, Яблоновскій, знаетъ „разумъ письменнаго слога Мазепы“²⁾. Въ виду всего этого едвали можно говорить о „глубокихъ познаніяхъ Мазепы въ русскомъ языкѣ“, да еще приобретенныхъ имъ отъ „усвоенія устной народной рѣчи“... О языкѣ указываемой г. Уманцомъ „думы“ говорить здѣсь не приходится, потому что сочиненіе ея Мазепою—не установлено. Письма Мазепы, писанныя къ Матронѣ Кочубей, наполнены полонизмами, слишкомъ удаляющимися ихъ отъ „устной народной рѣчи“.

Засимъ скажемъ подробнѣе о послылкѣ королемъ Мазепы въ 1663 г. къ Тетерѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, послѣдствіемъ этой послылки была отставка Мазепы отъ службы у Янъ-Казимира.

Въ февралѣ 1663 г. король послалъ Мазепу съ письмами къ Юрію Хмельницкому, въ то время правобережному гетману; но Хмельницкій въ это время сталъ уже монахомъ, и королевскія письма были получены его преемникомъ Тетерею. Изъ отвѣта послѣдняго можно догадываться, что Янъ-Казимиръ, готовясь въ походъ на лѣвобережную Малороссію, старался обезпечить добрыя отношенія съ правобережными козаками и получить отъ нихъ при этомъ помощь.—Извѣщая, что вмѣсто Хмельницкаго гетманомъ сталъ онъ, Тетеря тутъ же описываетъ тяжкое положеніе Украины отъ насилій „Орды“. Подробности этихъ насилій Тетеря передаетъ королю словесно чрезъ Мазепу.—

¹⁾ Кіевская Старина 1894 г., май, 359.

²⁾ Соловьевъ, изд. Т-ва Общ. Пользы, III, 1120.

Узнавъ такимъ образомъ о поставленіи гетманомъ Тетери, король нашелъ нужнымъ немедленно послать ему гетманскіе „клеиноды“ (привилей, булаву, знамя, котлы и печать), опять таки съ главною цѣлію приласкать необходимыхъ ему въ это время козаковъ. Клеиноды долженъ былъ везти Мазеца, но врученіе ихъ Тетерѣ, или правильнѣе „Войску,“ должно было быть произведено собственно Холмскимъ ловчимъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ—при церемоніи врученія клеинодовъ—занимать первое мѣсто (w szum pierwsze mieysce mieć będzie p. łowczy Chełmski) ¹⁾. Въмѣстѣ съ порученіемъ доставить клеиноды, Мазепѣ были поручены письма для передачи разнымъ лицамъ изъ козацкой старшины. Видимо, что и это порученіе было тѣсно связано съ предположеннымъ походомъ короля на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ данной Мазепѣ инструкціи видно, что онъ долженъ былъ, въ случаѣ если то найдетъ Тетеря нужнымъ, отправиться съ письмомъ короля и къ Самку (Samczenko) на „Заднѣпріе“, и тамъ же отдать и другіе порученные ему универсалы (у uniwersały do wszystkich tamesznych miast odda). Долженъ былъ Мазепа отправиться при этомъ также и въ Запорожье (опять таки, если то найдетъ нужнымъ Тетеря), съ цѣлію отвлечь запорожцевъ отъ „протекціи царя Московскаго“. Въ инструкціи не были перечислены всѣ порученія, которыя были даны при этомъ Мазепѣ. Болѣе полный ихъ перечень сообщенъ Бартошевичемъ ²⁾. Изъ этого перечня видно, что Мазепа везъ въ Украину чуть не десятки универсаловъ для разныхъ лицъ изъ козацкой старшины съ разными обѣщаніями. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Мазепѣ давалось очень важное порученіе. Шло дѣло о томъ, чтобы по возможности облегчить будущее завоеваніе королемъ „Заднѣпрія“. Повторяемъ, что по инструкціи Мазепа, исполняя тѣ или другія частности своего порученія, долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Тетери. Повидному,

¹⁾ „Informatia panu Mazepie, pokojowemu JK msci, iadącemu do p. hetmana Zaporoskiego (Tetery). Dana z cancellariey wielkiej koron. we Lwowie“. *Źródła do dziejów Polskich. Wilno.*, 1843. Томъ 1, стр. 34—43.

²⁾ Dziennik Warsz. 1853 г., № 150, а затѣмъ перепечатанъ въ книгѣ Свѣнцицкого, *Hist. Pamiątki*, I, 364.

приняты были всѣ мѣры, чтобы Мазепа потщился исполнить порученіе возможно аккуратно. Такъ, между разными „привилеями“ и универсалами, которые вручены были Мазепѣ, былъ врученъ ему привилей и лично для него—на маестность Будище (въ староствѣ Богуславскомъ); тутъ же былъ приказъ Бѣлоцерковскому коменданту объ охраненіи маестностей Адама Мазепы, предполагаемаго отца будущаго гетмана.

И тѣмъ не менѣе Мазепа исполнилъ это порученіе очень неудачно. Сохранилось письмо Тетери по этому предмету, писанное къ Пращмовскому (кор. канцлеру), въ которомъ гетманъ говоритъ, что присланные королемъ клейноды очень было обрадовали „Войско“, но въ тоже время одно обстоятельство наполнило сердца старшины и черни неудовольствіемъ (roaltegowalo serca), а именно то, что король, должно быть плохо освѣдомленный (male informatus), прислалъ эти клейноды чрезъ п. Мазепу, который не достигъ еще до такой высокой чести и не заслужилъ еще того, чтобы обращаться (szafowac) съ клейнодами. И Войско Зипорожское усматриваетъ особую немилость короля въ томъ, что королевскія свои отличія (regimina) онъ поручилъ „Войску“ принять изъ рукъ своего брата (nostratis), нигдѣ ничѣмъ еще не отличившагося. Безъ сомнѣнія, не только Заднѣпровцы (Zadnieprzanie), но и чужіе наши бы въ этомъ обстоятельствѣ предлогъ для ѣдкой насмѣшки (do urągania), такъ какъ имъ, Заднѣпровцамъ, знаки (insignia) будетъ вручать какой-то знаменитый князь, а не молокососъ (młokos)... И хорошо еще добавляетъ Тетеря, что Мазепа предупредилъ меня о своей миссиіи прежде, чѣмъ собралась великая рада, а то произошло бы въ „Войскѣ“ великое сматеніе... А потому, заключаетъ Тетеря, прошу вашу милость упросить короля не оскорбляться (żeby urązać się nie gaszył), что мы не приняли изъ рукъ Мазепы присланныхъ клейнодовъ (oto że przez p. Mazepę przysłanych z rąk onego nie odebraliśmy klejnotów)... ¹⁾ Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что вручить клейноды „Войску“ Мазепа хотѣлъ было самолично. Значитъ, Холмскаго ловчаго

¹⁾ Памятникъ, IV, отд. 3, 299—303.

съ нимъ не было, а между тѣмъ по инструкціи Мазепа долженъ былъ явиться къ Тетерѣ, съ клейнодами, не иначе, какъ вмѣстѣ съ ловчимъ, потому что ловчій долженъ былъ быть *первымъ* при ихъ врученіи „Войску“, а Мазепа тутъ оставался лишь ассистентомъ... Но Мазепа явился къ Тетерѣ *одимъ* и самолично хотѣлъ было передать „Войску“ королевскіе дары. Тетеря обидѣлся и, какъ видно, справедливо, потому что и король, посылая Мазепу съ клейнодами, находилъ поднесеніе ихъ „Войску“ Мазепою же неудобнымъ, почему церемонія передача клейнодовъ и поручалась королевскому чиновнику, хотя и не особенно высокаго, но все же замѣтнаго ранга.—Не вручивъ Тетерѣ клейнодовъ, Мазепа тѣмъ самымъ не могъ исполнить и другихъ, сдѣланныхъ ему порученій, такъ какъ по инструкціи—эти другія порученія должны были быть исполнены при руководствѣ Тетери... Но Тетеря былъ обиженъ присылкою къ нему „молокососа“ и—совсѣмъ его не принялъ...

Можно предполагать, что Мазепа намѣрился передать Тетерѣ клейноды—безъ участія ловчаго—по легкомыслію и самонадѣянности; если этотъ ловчій почему-либо и не могъ явиться для исполненія королевскаго порученія, то Мазепа, согласно инструкціи, все таки не могъ передавать клейнодовъ Тетерѣ—*самолично*. Какъ бы то ни было, но Мазепа не сумѣлъ исполнить даннаго ему важнаго порученія, причѣмъ еще и оскорбилъ самолюбіе очень нужнаго въ тотъ моментъ для Польши челоуѣка...

Вотъ вѣроятная причина, по нашему мнѣнію, отставки Мазепы отъ службы у короля въ 1663 г. Легкомысліе Мазепы, да еще въ такомъ важномъ дѣлѣ, естественно могло отвлечь отъ него милость короля, и Мазепѣ оставалась одно—уходить...

У г. Уманца отставка Мазепы объяснена иначе, конечно, потому, что имъ упущена изъ виду данная Мазепѣ инструкція, при чемъ оставленъ безъ вниманія и *отказъ Тетери отъ принятія клейнодовъ изъ рукъ Мазепы*. Г. Уманецъ указываетъ при этомъ на непослѣдовательность Тетери (стр. 11), который де, обозвавъ Мазепу молокососомъ, забылъ, что два мѣсяца тому назадъ „совершенно серьезно относился къ его посольству“, возложивъ на него подробное донесеніе королю о видѣнныхъ имъ, Мазе-

пою, разореніяхъ Украины татарами... Но, какъ видно, положеніе Мазепы въ томъ и другомъ случаѣ было далеко не одно и то же: въ первомъ случаѣ король ему поручалъ только отвезти письма къ Юрію Хмельницкому; письма приняты были Тетерею, который, извѣщая короля о своемъ избраніи въ гетманы, жаловался еще на разоренія татаръ и, желая лучше освѣдомить короля объ этихъ разореніяхъ, поручалъ посланцу рассказать королю устно то, что этотъ посланецъ самъ видѣлъ... Въ этомъ случаѣ для Тетери безразличенъ былъ „молокосостъ“, такъ какъ послѣднему поручалось дополнить письмомъ рассказомъ очевидца; при чемъ чѣмъ ближе посланецъ стоялъ къ королю, тѣмъ подробнѣе онъ расскажетъ о томъ, что видѣлъ на Украинѣ.—Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ Мазепа, когда хотѣлъ въ апрѣлѣ 1663 г. лично передать „Войску“ королевскіе клейноды... Тутъ Мазепа захотѣлъ стать въ то положеніе, права на которое и король не признавалъ за нимъ. Слѣдовательно, Тетеря, какъ въ февралѣ не принималъ посольства Мазепы, такъ не хотѣлъ принимать его въ роли посла и двумя мѣсяцами позже.

Послѣдовавшая затѣмъ отставка Мазепы въ книгѣ г. Уманца находитъ объясненіе натянутое... Разсказавъ стичку Паска съ Мазепою, который де былъ „на сторонѣ короля“, почему и довезъ на Паска, г. Уманецъ такъ говоритъ объ отставкѣ Мазепы: „порученіе доставить гетманскую булаву Тетерѣ было едва ли не послѣдней службой Мазепы Польшѣ. Его положеніе въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительнымъ. (?) Онъ былъ на сторонѣ короля; польскій же шляхтичъ всегда подозрѣвалъ короля въ посягательствахъ на „золотую свободу“. Поляки терпѣли (?) Мазепу, пока видѣли въ немъ орудіе польскаго вліянія въ Малороссіи (?); но письмо Тетери разсѣяло иллюзіи (?). Оказалось, что козаки, для ухаживанія за собой, требуютъ болѣе дорогой декораціи (воеводъ и сенаторовъ), а не какого-нибудь Мазепу. Поляки относились къ Мазепѣ не только свысока, но и подозрительно (?). Малороссіяне столько разъ измѣняли, что измѣна (?) Мазепы—какъ шляхтича православнаго—была только вопросомъ времени... *И такъ Мазепа*

имѣлъ естъ поводы задуматься надъ своимъ положеніемъ. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности, онъ могъ добиться здѣсь только мѣста регента королевской канцеляріи или ротмистра какой-нибудь надворной хоругви... И это въ то время, когда карьеры одна—другой экстравагантнѣй возникали на берегахъ Днѣпра, когда смѣлые авантюристы—Пушкарь, Самко, Выговскій, Дорошенко, Тетеря, Брюховецкій—ворочали обществомъ и, казалось, находили свое счастье.⁴

„Душными показались Мазепѣ улицы Варшавы. Среди неприятливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты ему чудятся звуки родной пѣсни и ярче выступаютъ картины родной страны“.

„Мазепа сопровождалъ Яна Казимира въ началѣ его похода въ Малороссію (1663 г.), по около Бѣлой Церкви, „отклонившись за службу королю, zostalъ при отцу своемъ еще въ живыхъ бывшему“, говоритъ Величко. Отецъ Мазепы, впрямую, былъ боленъ, что и дало предлогъ отстать отъ похода и поселиться въ Мазепинцахъ¹⁾“.

Фактическихъ основаній для всего этого разсказа въ книгѣ г. Уманца мы не находимъ... Одинъ указывается здѣсь фактъ, что будто Мазепа „отклонился королю“ на его походѣ въ Заднѣпріе. Такъ свидѣтельствуесть Величко. Здѣсь вѣрно, что Мазепа оставилъ службу у короля въ 1663 г., но нѣтъ основаній относить этотъ фактъ ко времени похода короля въ Заднѣпріе. Если король нашелъ Мазепу неумѣлымъ исполнителемъ важнаго порученія, то онъ съ нимъ, вѣроятно, тогда же и разстался, т. е. лѣтомъ 1663 г. А если Мазепа остался у короля и послѣ возвращенія отъ Тетери и если затѣмъ онъ пошелъ съ королемъ въ походъ, то не ловко было ему оставлять короля на походъ... Думается, что Величко, писавшій свою лѣтопись болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ 1663 г., могъ слышать объ отставкѣ Мазепы, случившейся въ этотъ достопамятный для лѣвобережной Малороссіи годъ, при чемъ Мазепа, будучи уже гетманомъ, могъ пояснять, что „откло-

¹⁾ Есть извѣстіе, что Адамъ Мазепа жилъ въ Бѣлой Церкви, что разумѣется не мѣшало ему владѣть и Мазепинцами. См. разсказъ польскаго послаица Перегитъ-Ковича къ Выговскому въ 1659 г. Унив. арх. Кіевск. У—та 1873 г., № 2, стр. 14.

нился^а онъ королю въ моментъ его похода противъ той страны, гдѣ онъ сталъ затѣмъ властелиномъ... *Вѣроятная* болѣзнь отца Мазепы въ этотъ моментъ, разумѣется, нисколько не устраняетъ полной сомнительности извѣстія Величка.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа шесть лѣтъ остается въ неизвѣстности. Къ этому времени историки относятъ время его романовъ съ Фальбовской и Загоровской, точно не опредѣляя ихъ моментовъ. Восполняя бѣдность свѣдѣній за это время о Мазепѣ, г. Уманецъ говоритъ, что послѣдній, оставивъ Варшавскую службу, продолжаетъ числиться при королѣ и даже добивается вѣкоторыхъ выгодъ и отличій. При этомъ указывается инструкция Кіевскихъ дворянъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ, пазначенный на мартъ 1665 г., причемъ упоминается Адамъ Мазепа, подчашій королевскій, имѣющій сына „при боку панскомъ въ покоѣ его королевской милости“. ¹⁾ Изъ этого упоминанія о Мазепѣ выходитъ, что если тутъ разумѣется будущій гетманъ, то онъ и въ 1665 г. сохраняетъ должность королевскаго „покоеваго“... Затѣмъ г. Уманецъ говоритъ о назначеніи Яна Мазепы Черниговскимъ подчашимъ, ссылаясь на свѣдѣнія Бартошевича (стр. 462). Всѣ эти свѣдѣнія пока еще темны... Но весьма вѣроятно, что получившій въ 1662 г. званіе Черниговскаго подчашаго Адамъ Мазепа былъ тотъ самый Мазепа, который козаковалъ въ 1654 г.; званіе подчашаго онъ могъ получить въ награду за свое обращеніе къ Польшѣ. Такимъ образомъ Черниговскій подчашій долженъ быть отецъ будущаго гетмана... А тогда слѣдуетъ признать, что и инструкция Кіевскихъ дворянъ упоминаетъ о будущемъ гетманѣ, который, слѣдовательно, въ 1665 г. снова служилъ при королѣ, а по смерти отца въ томъ же году получилъ его званіе—Черниговскаго подчашаго...

Эти похождения Мазепы, конечно, не даютъ основаній для заключенія о „православныхъ и козацкихъ ихъ традиціяхъ“ (стр. 18). Похождения „Яна“ Мазепы сопровождались, какъ извѣстно, романами; ихъ извѣстно два и оба они случились съ замужними

¹⁾ Кіевск. Стар. 1886 г., дек., 758. Польскаго текста инструкция, упоминающей о Мазепѣ, здѣсь нѣтъ.

женщинами ¹⁾. Можно думать, что Мазепа избѣгалъ романовъ съ незамужними.. Очень можетъ быть, что эта осторожность привела Мазепу и къ его женитьбѣ на вдовѣ. Могло случиться, что и тутъ дѣло началось романомъ, а кончилось бракомъ... Впрочемъ, жена Мазепы занимала видное положеніе въ своемъ околоткѣ; это была дочь Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца и вдова другого Бѣлоцерковскаго полковника „Самуила Фридриховича Козмы“, повидимому иностранца. Отъ этого Фридриховича остался сынъ, котораго вотчимъ переселилъ на лѣвый берегъ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ несомнѣнный фактъ, что женщины въ жизни Мазепы красной нитью проходили уже съ юныхъ его лѣтъ.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа прожилъ на правомъ берегу какъ разъ то время, когда здѣсь центральнымъ козацкимъ дѣятелемъ становился Дорошенко. Затѣмъ видимъ, что какъ только Дорошенко добился, послѣ смерти Брюховецкаго, видной роли главнаго претендента на гетманство (не только правобережное, но и лѣвобережное), то Мазепа поступаетъ къ нему на службу и становится, если вѣрить Величку, ротмистромъ гетманской надворной корогвы, т. е. начальникомъ оберегателей личности гетмана.

У Дорошенка. Такъ называется г. Уманецъ вторую главу своей книги, которую начиняетъ обрисовкою личности Дорошенка, падѣляя его и талантами, и простодушіемъ человѣка, у котораго „дѣлъ всегда открыта или заслонена такъ петовко, чтобы никого не обмануть“... Но мы имѣемъ въ виду одного Мазепу. О мотивѣ перехода его на службу къ Дорошенку г. Уманецъ говоритъ: „соблазнъ (перехода на службу къ Дорошенку) заключался не въ преимуществахъ службы при Дорошенкѣ, а въ той національной программѣ, которой онъ (Дорошенко) держался, въ томъ, что въ данную минуту *Мазепа не могъ сдѣлать ничего прав-*

¹⁾ Интересно, что разсказъ Паска о Мазепѣ—какъ привязалъ его къ лошади мужъ одной изъ этихъ женщинъ (Фальбовской)—известна уже была и Вольтеру. Записки Паска въ первый разъ изданы только въ 1843 г. Откуда же Вольтеръ заимствовалъ эту легенду?

ственно лучшей. Когда все увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа ¹⁾.

Предположеніе объ увлеченіи Мазепы „національной программой“ составляетъ одно предположеніе и, по нашему мнѣнію, едва ли даже вѣроятное. Еслибы тутъ было увлеченіе личностью Дорошенка, то почему же Мазепа не присталъ къ нему лѣтомъ 1668 г., когда Дорошенко, истребивъ непопулярнаго Брюховецкаго, сталъ, какъ говоритъ Самовидецъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Очень можетъ быть, что Мазепа поступилъ на службу къ Дорошенку, по приглашенію послѣдняго, въ начальники своихъ тѣлохранителей, такъ какъ Мазепа когда-то находился у польскаго короля въ роли очень близкой къ той, которая требовалась Дорошенку. Мазепа скоро прижился у Дорошенка, получилъ у него урядъ генер. есаула и сталъ, повидимому, очень нужнымъ для правобережнаго гетмана человекомъ. Но когда „національная программа“ оказалась Дорошенку не подъ силу и популярность правобережнаго гетмана стала меркнуть, Мазепа, повидимому, сталъ думать о перемѣнѣ положенія. Такое желаніе Мазепы сталъ подозрѣвать и Дорошенко ²⁾. При какихъ обстоятельствахъ Мазепа оставилъ Дорошенка и перешелъ на сторону Самойловича, объ этомъ имѣются документальныя свѣдѣнія, которыя и разказаны г. Уманцомъ съ добавленіемъ, что Мазепа „очаровалъ“ Самойловича, а когда былъ посломъ послѣднимъ (въ 1674 г.) въ Москву, то и тамъ „всѣхъ очаровалъ“. Вторую главу своей книги г. Уманецъ заключаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ, факты говорятъ, что Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, но вслѣдствіе *непредвидѣннаго* стеченія обстоятельствъ“. Къ этому можно добавить, что стеченіемъ послѣднихъ Мазепа сумѣлъ воспользоваться: „очаровалъ“ новаго

¹⁾ Тутъ же г. Уманецъ добавляетъ, что Мазепа зналъ Дорошенка, уже съ 1663 г.; но это свѣдѣніе сомнительное. Видимо, что г. Уманецъ думаетъ такъ на основаніи сообщенія Бартошевича (см. стр. 2 примѣч. 1), что Мазепа возилъ въ 1668 г. къ Дорошенку королевское письмо... Но, какъ мы видѣли, письмо это едва ли было доведено.

²⁾ Самъ Мазепа разказываетъ, что когда онъ просился разъ у него къ женѣ въ Корсуни, то Дорошенко, заподозривъ его въ нѣмѣнѣ, сказалъ: „знатно, что Ромодановскій соборникъ его прелестилъ“... Актъ Ю. З. Россіи, XI, 559.

своего патрона и во всякомъ случаѣ нашелъ у послѣдняго „болѣе выгодное мѣсто“.

Третья глава названа—„Семья Самойловичей“. И здѣсь мы не будемъ останавливаться надъ портретами Многогрѣшнаго и Самойловича, которые попутно нарисовалъ г. Уманецъ. Какъ извѣстно, гетманъ Самойловичъ по происхожденію былъ *поповичъ* („Поповичемъ“, а не Самойловичемъ зовутъ его лѣтописи); отецъ его былъ священникомъ м. Ходоркова, откуда онъ потомъ переселился на лѣвый берегъ, въ м. Красный Колядинъ (Коцотопскаго у.). Такимъ образомъ, Самойловичъ хотя выросъ и на правомъ берегу, высшее общество котораго было культурнѣе лѣвобережнаго, но не могъ имѣть особой „эдукаціи“. А между тѣмъ эта „эдукація“ сдѣлалась необходимой Самойловичу, когда онъ сталъ гетманомъ и когда на вѣждомъ шагу хотѣлъ показать свое превосходство предъ простыми смертными. Превосходство его предъ послѣдними должно было выразиться и вообще въ держаніи гетманскаго двора,—въ устройствѣ извѣстной его обстановки. Имѣлась въ виду, конечно, обстановка *панская*—правобережныхъ польскихъ вельможъ, въ свою очередь старавшихся подражать королю. Самовидецъ подробно рассказываетъ, какъ Самойловичъ сталъ величаться, возсѣвъ на гетманскій столъ. Одною изъ принадлежностей этого величанья явились гетманскіе „дворяне“, состоявшіе главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей знатныхъ фамлій, пребывавшихъ при гетманскомъ „дворѣ“ ради большей его пышности. Такими „дворянами“ окружали себя всѣ польскіе вельможи, не говоря уже о королѣ. Такихъ „дворянъ“ завелъ у себя и Самойловичъ ¹⁾. Вотъ этотъ человекъ и сталъ патрономъ Мазепы послѣ Дорошенка.

Несомнѣнно, что новый патронъ скоро оцѣнилъ Мазепу, какъ человѣка, которому хорошо были извѣстны всѣ обычаи дворской жизни и который, кромѣ того, былъ еще и хорошо обученъ наукамъ въ тогдашнемъ ихъ обиходѣ. Какъ бывшій королевскій „покоевый“, Мазепа могъ наставлять гетманскій „домъ“ въ надлежащемъ публичномъ его держаніи, а какъ бывшій воспитанникъ заграничныхъ училищъ, Мазепа могъ помогать

и въ дѣлѣ „эдукаціи“ гетманскихъ дѣтей. „Сему человѣку (Мазепѣ) вѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе своихъ дѣтей“, говоритъ Бант.-Каменскій, ссылаясь на „малороссійскія дѣла коллежск. архива“. Не упоминая о свѣдѣніи Бант.-Каменскаго, г. Уманецъ не вѣритъ свѣдѣнію объ этомъ учительствѣ Мазепы, сообщаемому „Исторіей Русовъ“, причемъ указываетъ на бывшихъ при дѣтяхъ Самойловича учителей—монаховъ. Одно другому, какъ видно, не мѣшало.—Трудно сказать, насколько Мазепа могъ быть зачисленъ въ ряды „людей, окуренныхъ порокомъ“ (стр. 65), но несомнѣнно, что помогать въ воспитаніи гетманскихъ дѣтей онъ могъ, обладая плодами заграничной „эдукаціи“. А послѣдняя для Самойловича именно и была важна: своихъ дѣтей онъ хотѣлъ воспитать совсѣмъ по иному, чѣмъ самъ воспитывался. Пребываніе Мазепы въ первые годы при Самойловичѣ, въ качествѣ гетманскаго „дворянина“, сохранялось въ народной памяти еще и въ 1721 г. Интересный разговоръ записанъ въ этомъ году гетманскими чиповниками по жалобѣ жителей Конотопскаго села Мал. Самбора на Андрея Лизогуба за захватъ имъ Самборскихъ земель: „и когда то село Мал. Самборецъ—разсказывали мѣстные сторожилы—еще за власти гетмана Самойловича, досталось Мазепѣ, на тотъ часъ еще дворянинномъ будучому, въ то время Мазепа, принявши тое село.... и яко-жь на тотъ часъ, зъ початку, еще не ожившись, велѣлъ свсему старостѣ спрягаться зъ Иваномъ Охрѣменкомъ, Мало-самборскимъ козакомъ....“¹⁾ Отсюда между прочимъ видно, что Мазепа пришелъ къ Самойловичу человѣкомъ не богатымъ, такъ какъ на первый разъ, въ новомъ хозяйствѣ, ему пришлось „спрягаться“ съ богатымъ козакомъ.

Такимъ образомъ дворская служба Мазепы у Самойловича на первый разъ была награждена лишь небольшою маетностью. Въ ряды войсковой старшины Мазепа сталъ не скоро: по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Самойловичу и по прежней службѣ у Дорошенка, Мазепа могъ удовлетвориться только генер. урядомъ (въ полковники Самойловичъ Мазепу, вѣроятно, не отпу-

¹⁾ Историч. Очерки села Конотопск. уѣзда. (Черниговъ 1896), стр. 2. Google

стиль бы, чтобы не разставаться...), но для получения такого уряда требовалось, значить, время. По свидетельству, Бант-Каменскаго, только въ 1682 г. Мазепа поставленъ былъ генеральнымъ есауломъ.—И въ званіи „дворянина“, и уже будучи генер. есауломъ, Мазепа вѣскольکو разъ посланъ былъ Самойловичемъ въ Москву съ разными порученіями официальнаго характера. Съ такими же порученіями посылалъ Мазепу Самойловичъ и въ Кіевъ, напр., для участія въ избраніи митрополита въ 1685 г. Г. Уманецъ замѣчаетъ, что при этомъ „въ Москву и Кіевъ Мазепа возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ официально по собственному усмотрѣнію“. А мы скажемъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ Мазепа былъ очень уменъ, чтобы дѣйствовать иначе и затѣнять собою того, въ чьихъ пока рукахъ находилась его карьера... Нигдѣ не выказывая „собственного усмотрѣнія“, Мазепа тѣмъ не менѣе за тринадцатилѣтнюю службу при Самойловичѣ самъ хорошо узналъ Москву и Москвѣ далъ возможность узнать себя. Въ это же время онъ еще лучше изучилъ тотъ персоналъ высшей войсковой старшины, которая и при самовластіи Самойловича не теряла значенія въ направленіи общественныхъ дѣлъ.

Результаты пребыванія Мазепы при Самойловичѣ, сначала—въ маломъ званіи гетманскаго „дворянина“, а потомъ въ генеральномъ чинѣ, обнаружались на Коломакѣ, лѣтомъ 1687 г., когда Самойловичъ былъ низложенъ, а на мѣсто его поставленъ былъ онъ, Мазепа. Кто былъ руководителемъ интриги противъ Самойловича, кто писалъ на него доносъ,—это пока окончательно еще не выяснено. Но результатъ интриги—на лицо. Преемникомъ Самойловича сталъ Мазепа. Г. Уманецъ говоритъ, что Мазепа избранъ правильно, а потому ни въ чемъ и винить его нельзя, кромѣ данной Голицыну десятитысячной взятки. Доказывая *правильность* выборовъ Мазепы, г. Уманецъ указываетъ и на значеніе „козацкаго лагеря“, юридически будто бы представлявшаго Малороссію, и на то обстоятельство, что выборъ Мазепы во всякомъ случаѣ правильнѣе де выборовъ Сомойловича, Многогрѣшнаго... Последнее указаніе едвали правильно. И Самойловичъ, и Многогрѣшный—поставлены на гетманство своею же бра-

тією старшиною, безъ того сильнаго посторонняго вліяннїя, которое имѣло мѣсто на Коломацкой радѣ и которое такъ подробно описано въ дневникѣ Гордона 1). Читая это описаніе, конечно, нельзя согласиться съ г. Уманцемъ, чтобы „избраніе не зависѣло отъ Голицына“. Да и „записка Мазепы“ къ Голицыну, найденная между сокровенными бумагами послѣдняго, о посылкѣ ему 10/т. рублей, *объщанныхъ* раньше 2), видимо говорить, что Голицынъ былъ купленъ за эту сумму раньше избранія, такъ какъ поднесеніе подарка „человѣку своей партіи послѣ избранія“, конечно, сдѣлано было бы въ реальномъ видѣ, а не въ „обѣтницѣ“ 10/т. рублей, т. е. такой суммы, которой даже не могло найтись у дарителя, когда онъ пообѣщавъ его одарить... Тутъ виденъ уже не подарокъ *post factum* (который въ семъ случаѣ и не простирается бы до такой огромной суммы), а заранѣе условленная плата за обѣщанную помощь и плата такого размѣра, что Мазепа на Коломакѣ и собрать ее не могъ 3)... При этомъ, конечно, никто не станетъ спорить съ г. Уманцемъ, что „людей прежнихъ эпохъ нужно брать въ обстановкѣ ихъ времени“, т. е. что Мазепу нельзя де особенно винить за то, что онъ купилъ гетманство взяточкою.—Можно его и не винить, но нельзя видѣть въ немъ „самаго популярнаго человѣка если не во всей Малороссіи, то по крайней мѣрѣ въ лагерѣ подъ Коломакомъ“. Мазепа былъ большой эгоистъ, былъ скупъ, храбрости—совсѣмъ неизвѣстной... Словомъ, не видно у него въ характерѣ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ человѣка популярнымъ. Но былъ Мазепа смышленъ и ловокъ и „во всей Малороссіи, и въ лагерѣ подъ Коломакомъ“—и эта ловкость была единственною причиною, доставившею ему булаву. Ловкость, съ

1) Tagebuch, II, 190.

2) Устряловъ, Истор. царств. Петра В., I, 356, „Записка Мазепы князю В. Голицыну“.

3) Отсюда, вѣроятно, идетъ преданіе, что Мазепа заискивалъ Голицыну взятку деньгами, взятыми въ долгъ у генер. обознаго Борковскаго (Б. Каменск. III, нр. 2) Такъ рассказывали потомки Борковскаго, хвастая богатствомъ предка... Вѣроятноже, что Мазепа просилъ этихъ денегъ на Коломакѣ у Борковскаго, но послѣдній по скупости не далъ... Последующія отношенія Мазепы къ Борковскому такую догадку дѣлаютъ болѣе вѣроятною, чѣмъ преданіе потомковъ.

которую Мазепа обдѣлывалъ свое избраніе, замѣчательна. Главный пріемъ этой ловкости заключался въ томъ, чтобы устранить всѣхъ конкурентовъ, персоналъ которыхъ ограничивался лицами, подписавшими доносъ. Здѣсь значатся: генер. обозный Борковский; генер. судья Вуяхевичъ, генер. писарь Прокоповичъ, пять „заслуженныхъ въ войскѣ особъ“: Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ и Степанъ Забѣла ¹⁾). Изъ числа этихъ пяти безурядныхъ лицъ, четыре—*bywšie* полковники, а пятый, Забѣла, бывший генер. хоружій, сынъ известнаго долгою своею службою генер. обознаго Петра Забѣлы. Лизогубъ былъ полковникомъ у Дорошенка, на правомъ берегу, а остальные три на лѣвомъ, при чемъ Гамалѣя былъ низложенъ еще при Брюховецкомъ, а Солонина и Дмитрашко были низложены Самойловичемъ. При этомъ Лизогубъ, Гамалѣя и Дмитрашко по прежнимъ своимъ похождениямъ были старые авантюристы, хорошо знакомые съ старшинскою интригою. Вотъ эти пять лицъ, слѣдовавшіе за Самойловичемъ въ походѣ въ званіи лишь „значнаго товариства,“ тѣмъ не менѣе были ядромъ вліятельной старшины, при чемъ четыре изъ нихъ несомнѣнно мечтали о возвращеніи прежнихъ полковничьихъ урядовъ, а пятый, Забѣла, по своему знатному родству и богатству ²⁾) и какъ отставной генер. хорунжій, хотя и не былъ до того полковникомъ, но, добиваясь высшаго уряда, могъ мириться, конечно, только на полковничествѣ.

Вотъ этихъ пять человекъ Мазепѣ, главнымъ образомъ, нужно было не только привлечь на свою сторону, но и поставить ихъ при этомъ въ положеніе властное... Такъ, повидному, долженъ былъ рассуждать Мазепа, обдумывая планъ дѣйствій для достиженія булавы...

Несомнѣнно, что самый вѣрный къ этому способъ заключался въ предоставленіи этимъ пяти лицамъ полковничьихъ мѣстъ, но притомъ, конечно, такъ, чтобы мѣста ими были полу-

¹⁾ Источники Малор. Исторія, Бауг.-Кавенск. I, 304. Значится тутъ еще, послѣднимъ въ числѣ подписавшихъ доносъ, и Козубей, безъ указанія его уряда; былъ онъ въ это время „реентомъ“ генер. канцелярши.

²⁾ Описаніе Стар. Малороссіи, II, 133.

чени чрезъ Мазепу или посредствомъ его. Причемъ сдѣлать это нужно было, разумѣется, до рады, т. е. въ тотъ моментъ, когда всѣ полковничьи мѣста были заняты... И тѣмъ неменѣе все это было сдѣлано: *еще названные пять лицъ явились на раду 25 июля уже полковниками*, и притомъ три изъ нихъ—тѣхъ самыхъ полковъ, которыхъ они уже были и прежде полковниками, а Забѣла—полковникомъ того полка, въ которомъ находились его маестности. Кроме того, Прокоповичъ и Кочубей явились на раду 25 июля тоже съ повышенными урядами: бывший передъ тѣмъ генер. писарь Прокоповичъ явился генер. судью (вторымъ), а бывший „реентъ“ Кочубей—генер. писаремъ. Какъ же это сдѣлалось?—Фактъ этотъ до сихъ поръ не былъ отмѣченъ; не могло быть, значить, и его объясненій¹⁾. Изъ свѣдѣній Бант.-Каменскаго, заимствованныхъ имъ изъ „дѣлъ коллежскаго архива“ (III, 5), видно, что 24 июля Голыцынъ собралъ у себя въ палаткѣ „генеральную старшину“, при чемъ прочтены были новыя „статьи“ *будущаю* гетмана и затѣмъ, по одобреніи ихъ старшиною, будто бы условлено было и избраніе Мазепы... Было ли говорено на этой *предварительной радѣ* о завтрашнемъ избраніи Мазепы—точно сказать нельзя, но несомнѣнно, что только въ этотъ моментъ могли быть поставлены *новые* полковники и *повышены* въ рангахъ Прокоповичъ и Кочубей. Другого подходящаго момента для этихъ перемѣнъ, до 25 июля,—не было.

Новые полковники были поставлены слѣдующіе: Лизогубъ въ Черниговъ, вмѣсто Григорія Самойловича, Гамалѣя въ Лубны, вмѣсто Ильяшенка²⁾, Дмитрашко—въ Переяславъ, вмѣсто Леонтія Полуботка³⁾, Солонина—въ Козелець (Кіевск. полкъ),

1) Костомаровъ (Руина, стр. 682) полагаетъ, что эти лица были полковниками уже и въ то время, когда подписывали 7 июля доносъ на Самойловича, но его ошибка тутъ существенна: не могъ быть Лизогубъ Черниговскимъ полковникомъ, когда этотъ урядъ былъ занятъ Григоріемъ Самойловичемъ, Дмитрашко—Переяславскимъ, когда здѣсь былъ Леонт. Полуботокъ, Забѣла—Нѣжинскимъ, когда это мѣсто занималъ Ярема Непракъ, что видно именно изъ той страницы книги Ригельмана (III, 3), на которую Костомаровъ дѣлаетъ ссылку на стр. 691-й „Руины“.

2) Теста гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

3) Сынъ Леонтія Полуботка Павелъ женатъ на дочери гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

вмѣсто (кажется) Коровченка-Вольскаго, и Забѣла—въ Нѣжинѣ, вмѣсто ничтожнаго Яремы Непрака, (неизвѣстно откуда взявшася и неизвѣстно куда дѣвавшася). Наконецъ, поставленъ былъ и шестой—*новый* полковникъ, Тимофей Алексѣевъ, въ Стародубѣ, вмѣсто Якова Самойловича, при чемъ и Алексѣевъ былъ уже и прежде Стародубскимъ полковникомъ и былъ низложенъ Самойловичемъ для очистки мѣста старшему сыну, Семену.

Всѣ эти шесть лицъ значатся полковниками на актѣ объ избраніи Мазепы, происшедшемъ 25 іюля ¹⁾. Кто же могъ распорядиться поставленіемъ *новыхъ* полковниковъ наканунѣ выборовъ новаго гетмана, когда прежніе полковники (за исключеніемъ двухъ сыновей Самойловича) формально еще оставались на своихъ мѣстахъ? Разумѣется, не та *рада*, которая собиралась у Голицына 24 іюля, потому что она состояла изъ пяти-шести лицъ (Борковскій, Вудхевичъ, Прокоповичъ, Кочубей)... не имѣвшихъ значенія... Думается, что никто другой такого важнаго распоряженія, кромѣ Голицына, сдѣлать не могъ. Только власть Голицына могла устранить безъ всякаго суда прежнихъ полковниковъ, поставивъ имъ въ вину близость къ низложенному гетману. Выборы *новыхъ* лицъ на мѣсто устранившихся тоже не могли произойти безъ чьего-либо особаго указанія и ходатайства. А Голицынъ могъ это сдѣлать по ходатайству—или самихъ лицъ, получившихъ полковничьи уряды, или—того, для кого нужны были именно эти назначенія.. Если Мазепа пообѣщаль Голицыну 10/т. рублей за его помощь при выборахъ новаго гетмана, то Голицынъ долженъ былъ эту помощь оказать во всѣхъ тѣхъ ея частностяхъ, которыя нужны были Мазепѣ. А какое же лучшее средство можно было употребить Мазепѣ для привлеченія на свою сторону указанныхъ лицъ и сдѣлать ихъ властными, какъ не давши имъ возможности явиться на выборы—*полковниками* и притомъ желанныхъ ими полковъ... Голицыну дана была дорогая „обѣтница“, а Голицынъ далъ шести вліятельнымъ лицамъ полковничьи мѣста, и на радѣ явилось шесть полковниковъ—несомнѣнно усердѣйшихъ сторонниковъ Мазепы, потому что уряды

¹⁾ Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, IV, 558.

свои получили они посредствомъ этого самаго Мазепы... 1) Повышены были при этомъ въ своихъ урядахъ, какъ сказано выше, еще и Прокоповичъ съ Кочубеемъ и, разумѣется, волею Голицына. Можно думать, что повышение при этомъ Кочубея въ генер. писари сдѣлано было потому, что Мазепѣ онъ былъ желательнѣе въ этомъ рангѣ, чѣмъ Прокоповичъ.—Неужели же не ясно, что „Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ“? (Стр. 75). Поэтому едва ли можно говорить, что козаки, при выборѣ новаго гетмана, не имѣли де никакихъ основаній, чтобы „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, ничѣмъ неизвѣстнаго, имъ незнакомаго, только что потерпѣвшаго поражение и не бывшаго даже военномъ по профессіи“. Какъ будто бы рада 25 іюля происходила въ идеальной обстановкѣ... Всякую иллюзію при этомъ уничтожаетъ описаніе этой самой рады, сдѣланное очевидцемъ: на радѣ участвовало 2000 козаковъ (800 конныхъ и 1200 пѣшихъ), при чемъ это небольшое войско было окружено другимъ войскомъ—московскимъ, нарочно придвинутымъ сюда по распоряженію, сдѣланному наканунѣ вечеромъ 2). Правда, участвовало на радѣ и все остальное козацкое войско, но лишь номинально, при чемъ представлялось оно лицомъ одною генер. писаря Кочубея 3)... Вотъ при какой обстановкѣ Голицынъ спросилъ козаковъ—кого желаютъ они выбрать себѣ гетманомъ?... Козаки сначала молчали, а потомъ ближайшіе къ Голицыну назвали Мазепу, и это имя повторено было другими. Нѣсколько голо-

1) Забѣгаемъ, что изъ шести полковъ, въ которые назначены были новые полковники, пять—были обширнѣйшіе въ Малороссіи, занимая территорію едва ли не въ 2/3 всей гетманщины. См. карту Малороссіи при книгѣ Шафонскаго Опис. Черниг. Намѣсти.

2) Tagebuch Гордона, II, 189.

3) На актѣ избранія, послѣ подписей наичной старшины, значится: „А вмѣсто полковъ, на службѣ монаршей ихъ царскаго пресвѣтл. величества состоящихъ на Запорожьѣ, Чернѣговского, Перелаславского, Прилудкого, Миргородского, охотничьихъ конныхъ Новицкого и Пашковскаго и пѣхотныхъ Яворскаго и Герасимового и сотнѣ Глуховской, а вышей Кодаку на устьѣ Самары—Нѣжинскаго и пѣхотныхъ Ивашеваго и Кожуковскаго, за самими теми полковниками, за старшину изъ полковой, за сотниками и за атаманомъ куренныхъ и за всю чернь, рядовое товариство, я, Василь Кочубей, писарь войсковый генералный, властною рукою подписуюся“. Собран. госуд. грам. и договор., IV, 560.

совъ назвало было Борковскаго, но—sie wurden aber bald zum stillschweigen gebracht... (Гордонъ). Такимъ образомъ Коломацкая рада должна была „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, хотя ничѣмъ неизвѣстнаго и не бывшаго вонномъ по профессіи“, но повелѣвавшаго всѣмъ бывшимъ въ походѣ русскимъ войскомъ, часть котораго окружала тотъ „козацкій лагерь на рѣкѣ Коломакѣ, который, по мнѣнію г. Уманца, въ этотъ моментъ совершенно легально обратился въ „Коломацкую раду“... Если и существовало какое-либо подобіе „теоріи государственнаго права Малороссіи“ (стр. 70) въ формѣ „войсковыхъ обычаевъ“, то ужъ никакъ не могла имѣть эта „теорія“ примѣненія на Коломакѣ, гдѣ властно повелѣвалъ и распоряжался кн. Голицынъ, самый сильный тогда человѣкъ въ Московскомъ государствѣ...

Думается, что всего сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что Мазепа получилъ булаву только при помощи власти Голицына, которую онъ при этомъ такъ ловко эксплуатировалъ. Отсутствие у Мазепы той популярности, которую приписываетъ ему г. Уманецъ, доказывается рядомъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы. Эти событія указываютъ, что народъ считалъ избраніе Мазепы какою-то случайностью и не ожидалъ отъ новаго властелина крѣпкой власти. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда, при смѣнѣ властителей, власть попадаетъ въ руки авторитетнаго и популярнаго избранника, то народъ сразу и всецѣло подчиняется новой власти. Не то бываетъ, когда эта власть достается незаслуженно человѣку сомнительнаго авторитета. Тогда народная масса обыкновенно спѣшитъ воспользоваться случаемъ или для заявленія какихъ-нибудь протестовъ, или—просто для того, чтобы пошуметь и сорвать на комъ-нибудь сердце. Такимъ образомъ заволновалась народная масса въ Малороссіи, когда на гетманство поставленъ былъ при протекціи Московскаго боярина (Великогагина) авантюристъ Брюховецкій, устранивъ народнаго предъизбранника Самка. Заволновалась народная масса и вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Мазепы. Г. Уманецъ приводитъ случаи „поднявшагося волненія“ среди козаковъ, находившихся

въ походѣ, при чемъ „буйство разрослось“ до того, что Прилуцкіе полчане бросили своего полковника (Лазаря Горленка) живого въ печь, а затѣмъ ограбили свою полковую церковь; въ Переяславскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ арестованы были козаками ихъ прежніе полковники. Факты эти приведены въ книгѣ г. Уманца безъ объясненія¹⁾, при чемъ не говорится въ ней о такихъ же волненіяхъ, происшедшихъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о новомъ гетманѣ. Такъ Лизогубовская лѣтопись, послѣ извѣстія о поставленіи Мазепы, говоритъ: „тогда чернь и мужики пановъ своихъ, а паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали, по городамъ и въ Войску“²⁾. Новый властитель спѣшилъ тушить эти волненія не властью, а уступками массѣ, разославъ „универсалы по всей Украинѣ, жебы тую своеволю унимали, а тихъ бунтовщиковъ карали, а ежели кому какая кривда отъ кого есть, жебы правомъ доходили, а сами своихъ кривдъ не мстилися, а также постановили, жебы юже арендъ не было на Украинѣ на горьку, а ни на жадный платокъ, опрочъ индукты“ (Самовид., 1687 г.).

Отвергая подкупъ Голицына Мазепою для полученія булавы, г. Уманецъ говоритъ, что „по духу времени Мазепа не могъ не дарить людей своей партіи послѣ избранія“. Дѣйствительно, Мазепа сдѣлалъ нѣкоторые подарки послѣ своего избранія. Подарки эти выразились въ маетностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гетмана. Но подарки были сдѣланы почти исключительно людямъ незначительнымъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе лишь близкихъ личныхъ къ нимъ отношеній новаго гетмана. Важные люди, какъ мы видѣли, были награждены урядами уже передъ выборами; дѣлать имъ еще подарки Мазепа находилъ ненужнымъ. Кого Мазепа одарилъ послѣ своего избранія, видно изъ слѣдующаго перечня универсаловъ на маетности, выданныхъ въ первыя шесть недѣль послѣ 25 іюля³⁾.

¹⁾ Убитъ былъ еще Гадацкими полчанами и бывшій миргородскій полковникъ Кіашка Тадебушъ Гордона, II, 188.

²⁾ Сборн. лѣтописей, изд. Кіевск. Арх. Ком. 1888 г., стр. 34. См. также Сулин. Арх., 25, Могилж. Арх., 3, Кіевск. Стар. 1889 г., лѣтон. Мгарск. и-ря, стр 8—9.

³⁾ Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—кн.

1687 г., 26 іюня. Генер. судья Савва Прокоповичу подтверждение права на с. Кудровку.

— 17 августа. Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на с. Сосновку. (Универсалъ выданъ на пути изъ-подъ Коломака въ Батуриня, въ г. Ромня).

— 17 августа. Войск. товар. Данилу Лѣсницкому на с.с. Матяшовку и Милюшки.

— 25 августа. Прилуцкому полковому есаулу Ивану Носу на с. Голубовку.

— 25 августа. Черниговскому войсков. писарю Ивану Скоропадскому (будущему гетману) на села Выхвостовъ, Боровицу и слоб. Дроздовку.

— 25 августа. Войсков. товарищу Пантелеймону Радичу на с.с. Буянку и Сахновку.

— 27 августа. Крелевецкому сотнику Ивану Маковскому на с. Подоловъ.

— 28 августа. Войсков. товарищу Карпу Мокривичу подтверждение права на с.с. Сибережъ, Ямище и Гучиня.

— 9 сентября. Вдовъ прилуцъ. полк. писаря Раковича Агафья подтверждение права на с.с. Петровку и Поповку.

Сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя поясненія.

Универсалъ Савва Прокоповичу, выданный хотя и на другой день послѣ избранія, но лишь заключающій въ себѣ подтверждение на имѣвшуюся уже у него маѣтность, показываетъ, что Мазепа считалъ достаточнымъ повышенье Прокоповича въ генер. судьи.

Универсалъ Якову Лизогубу, поставленному на Коломакѣ полковникомъ одного изъ значительныхъ полковъ (Черниговскаго), на с. Сосновку, данный на пути изъ-подъ Коломака въ Батуриня, долженъ указывать, что Лизогубъ, не имѣя въ это время ни одной маѣтности, спѣшилъ выпросить у новаго гетмана универсалъ на село, около котораго онъ, переселившись изъ-за Днѣпра, имѣлъ уже значительное хозяйство ¹⁾. Поэтому Лизогубу важно было получить именно Сосновку, хотя и находившуюся въ чужомъ полку. Никому изъ другихъ пяти новыхъ полковниковъ

¹⁾ Киевск. Стар. 1882 г., № 1. Лизогубы.

Мазепа маестностей не далъ, тоже, значить, находя, что они получили уже хорошую награду въ видѣ урядовъ.

Данило Лѣсницкій, занимая совсѣмъ невидное положеніе въ «Войскѣ», получилъ, однако же, *два села*. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Лѣсницкій былъ насынокъ Степ. Куницкаго, товарища Мазепы по службѣ у Дорошенка ¹⁾).

Носъ, Скоропадскій и Радичъ получили маестности, можетъ быть, въ благодарность за ту или другую услугу, оказанную при избраніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Носъ былъ вообще очень юркій человекъ по своему характеру, а Скоропадскій отличался угодливостью... Кролевецкій сотникъ Маковскій былъ почему-то очень близокъ къ Мазепѣ и въ народѣ извѣстенъ былъ, какъ „кумъ“ послѣдняго ²⁾).

Вдова Раковича могла получить универсалъ по ходатайству Носа, который былъ женатъ на сестрѣ умершаго ея мужа ³⁾).

Трудно объяснить выдачу универсала Карпу Мокріевичу. Мокріевичу приписывается главное руководительство въ интригѣ, низложившей Многогрѣшнаго. Какъ видно, дѣйствія его при этомъ были таковы, что и свои отъ него отвернулись: на радѣ, выбиравшей преемника Многогрѣшному, Мокріевичъ былъ устраненъ отъ инсарства и остался въ ряду «знатныхъ войсковыхъ товарищей». За предательство Мокріевича, Лазарь Барановичъ публично обзывалъ его лудою, какъ объ этомъ рассказываетъ Орликъ въ его письмѣ къ Яворскому. Вотъ этому Мокріевичу Мазепа ввѣрилъ нужнымъ почему-то тоже дать подтверждающій универсалъ въ первые дни своего гетманства.

Изъ всѣхъ этихъ универсаловъ мы видимъ, что Мазепа считалъ достаточною наградою для подписавшихъ доносъ на Самойловича лицъ—повышеніе ихъ урядами. Одинъ остался не повышеннымъ на урядѣ (не было высшаго уряда)—генер. обоз-

¹⁾ Киевск. Стар. 1896 г., іюнь, 453.

²⁾ Опис. Стар. Малороссіи, II, 366, 369.

³⁾ Киевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 369.

ЛЛ. ЛАЗАРЬСКІЙ.

ный Борковскій, и онъ былъ награжденъ маестностями: въ октябрѣ 1687 г. Мазепа далъ Борковскому три богатыхъ села—Орловку, Брусловъ и Тушчевъ.

II. Мазепа гетманъ

Переходимъ къ центральной части книги г. Уманца, къ главѣ „*Быть или не быть*“. Въ ней сосредоточена главная задача автора—выдѣлить свѣтлыя точки политической и частной жизни Мазепы“.

Разсуждая о будущей измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ говоритъ, что „еще Хмельницкій понималъ, что для государственной самостоятельности въ Малороссіи нѣтъ базиса, могъ ли чрезъ тридцать лѣтъ не понимать этого Мазепа? Имѣя, въ случаѣ измѣны, для себя только участь Брюховецкаго, для Малороссіи только новую „Рунду“, могъ ли по убѣжденію не быть „вѣрнымъ“ Мазепа? Такимъ образомъ не только личный расчетъ гетмана, но и польза Малороссіи требовала отъ него тѣснаго союза съ Москвою... Итакъ, скептицизмъ и самохраненіе обезпечивали Москвѣ вѣрность гетмана. Прогрессивное движеніе, охватившее все среды московской жизни, давало этому тяготѣнію къ Москвѣ болѣе широкое основаніе... Затѣмъ, рассказавъ, какъ „въ исторіи Малороссіи и ея гетмана было введено новое лицо—семнадцатилѣтній Петръ“, г. Уманецъ говоритъ, что „въ Малороссіи видѣли, какъ послѣ утренней зари правленія Софьи и Федора, въ лицѣ Петра надъ Москвою возшло яркое солнце прогресса. Здѣсь поняли, что въ Москвѣ—привыкшей давать камень, когда Малороссія просила хлѣба—неожиданно явился идеальный царь... Въ свою очередь Мазепа въ высшей степени раздѣляетъ общее настроеніе... Рассказывая

послѣ этого исторію Петрика, г. Уманецъ полагаетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ настоящемъ случаѣ подозрѣвать участіе Мазепы въ измѣнѣ... Возстаніе Петрика, въ извѣстномъ смыслѣ, было пробнымъ камнемъ для Мазепы. Надо отдать ему справедливость—изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа не держалъ въ умѣ мысли, объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполне стоитъ за Петра и его политику... Большинство упрекаетъ Мазепу въ измѣнѣ родному краю. Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ Малороссію, чтобы вѣрять въ „речь посполитую Украинскую“, и слишкомъ практикъ, чтобы не замѣтить, какъ поднимая Москву на степень цивилизованнаго государства, Петръ тѣмъ же движеніемъ поднимаетъ Малороссію... Вотъ почему отъ представленія Петру въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, до той минуты въ жизни, которую намъ остается еще угадать, Мазепа болѣе поклонникъ Петра, болѣе входитъ въ его планы и рѣшительнѣй идетъ на встрѣчу его желаніямъ, чѣмъ всѣ родные царя, всѣ московскіе бояре... Теперь мы понимаемъ, почему въ первые годы гетманства между строкъ оффиціальной переписки, въ подкладкѣ всѣхъ распоряженій Мазепы, какъ правителя края, видна искра расположенія не только къ дѣлу Петра, но и къ самому Петру. Въ лицѣ Петра Мазепа предвидитъ будущее Россіи. И юноша Петръ покорилъ старую Мазепу“... За этою тирадою, въ которой больше сказано, чѣмъ то позволяютъ историческіе матеріалы, слѣдуютъ страницы, на которыхъ г. Уманецъ старается „угадать минуту“, когда старый Мазепа задумалъ измѣну... Искру ея г. Уманецъ ищетъ вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ за-границы, около 1698—99 года (стр. 162). Первую мысль объ измѣнѣ г. Уманецъ старается уловить въ приписываемой Мазепѣ „думѣ“ („Всѣ покою щире прагнуть“), а затѣмъ останавливается надъ тѣмъ, какъ Мазепа принялъ, въ мартѣ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, дьяка Михайлова, посланнаго къ гетману Петромъ В. за совѣтомъ. При этомъ Мазепа особенно торжественно благодарилъ царя („кляняся до земли трижды“),

что „изволилъ такими государскими велики дѣлами его увѣдомить“... Это утрированная благодарность и эти земные поклонны такъ неестественны!... Зная, что Мазепа ничего не дѣлаетъ наобумъ, приходитъ на мысль: „это не просто“; Мазепа кому то заблаговременно „отводитъ глаза“... Намъ кажется, что основанную на этомъ случаѣ догадку слѣдовало бы подкрѣпить указаніемъ на другіе случаи противнаго характера... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тягостей, вызванныхъ шведскою войною... Пораженія и неудачи развили энергію Петра. Козаковъ тотчасъ потребовали на сѣверъ. Идутъ полки за полками. На смѣну однихъ, являются другіе. Какъ и прежде, козакъ содержится на свой счетъ; но теперь онъ идетъ на край свѣта, въ незнакомую страну, по дѣлу совершенно чуждому мѣстнымъ интересамъ. Теперь онъ не видитъ ни конца войны, ни пользы отъ этой войны... Гетманъ начинаетъ жаловаться на тѣ или на другія обиды малороссіянъ.—Является „странное отношеніе Петра къ Польшѣ и его несправедливости къ Малороссіи“. Вдругъ Петра одолеваетъ фантазія: дѣною Малороссіи купить содѣйствіе поляковъ въ борьбѣ съ Швеціей... Мысль оставить полякамъ правый берегъ Днѣпра, въ разныхъ видахъ, не покидаетъ Петра до самой Полтавской побѣды... „Упорно приобрѣтая на сѣверѣ, Петръ отдаетъ коренныя русскія земли на югѣ... Положимъ, уступка праваго берега Днѣпра полякамъ дѣлалась не серьезно... Въ своей малороссійской политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, Петръ слѣдуетъ узкимъ традиціямъ Москвы. Опасенія усилить малороссійскій элементъ въ Московскомъ государствѣ играетъ здѣсь главную роль... Пока Петръ занесиваетъ у поляковъ на счетъ Малороссіи, гетманъ является болѣе русскимъ, чѣмъ сама Москва. Его занимаетъ грандіозный планъ возвратить Малороссіи правый берегъ, т. е. на три четверти вѣка ранѣе исправить ошибку Андрусовскаго договора*). Тѣмъ хуже для Мазепы. Тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ошибку

*) Какъ далеко былъ Петръ В. отъ мысли отдать правый берегъ Польшѣ—это указываетъ его письмо къ Мазепѣ, писанное 20 сентября 1707 г. и найденное недавно Н. В. Молчановскимъ въ шведск. госуд. архивѣ въ Стокгольмѣ. Вотъ сокращеніе этого письма. „Не могу уступить Украини полякамъ по тремъ причинамъ:

московской политики и несчастье племени, въ которому принадлежалъ и края, въ которомъ провелъ молодость... Мазепа, конечно, понималъ, что человекъ уничтожившій патриаршество, не могъ рано или поздно, не уничтожить гетманство. Остановка только за удобной минутой, когда это можно будетъ сдѣлать не опасаясь народнаго раздраженія... Является на сцену Меншиковъ и слѣдуютъ отъ него гетману обиды, одна за другою (стр. 195—197). Въ тоже время, ближайшая къ гетману старшина твердитъ ему: „яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядского свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ оставишь“. Наконецъ, рассказывается эпизодъ, происшедшій лѣтомъ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, когда Меншиковъ будто бы сказалъ послѣднему: „пора приниматься за враговъ“, разумѣя подъ ними старшину.

Въ такомъ видѣ нарисовалъ г. Уманецъ картину постепеннаго развитія у Мазепы идеи объ измѣнѣ. Засимъ перечисляются „измѣнники“, т. е. сторонники Мазепинаго замысла; тутъ видимъ почти всю высшую старшину (стр. 212), къ сожалѣнію безъ какихъ либо хотя черточекъ ихъ индивидуальности... Этотъ списокъ указываетъ, что вопросъ объ измѣнѣ является какъ-бы общимъ, но Мазепа, повидимому, дѣйствуетъ одинъ:—„спуститесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, на которомъ вы не ошибаетесь,“ говоритъ Мазепа старшинѣ и—дѣйствуетъ... Дѣйствія эти даютъ г. Уманцу полное основаніе сказать: „Правда и ложь въ его рукахъ до того дѣлаются одинаково

1) если уступлю, то потеряю возможность сношеній съ ибритѣйскими друзьями, курьеровъ нельзя послать, поляки народъ легкомысленный и нестойкий; 2) По окончаніи войны съ Швеціей, думаю воевать съ Турціей,—Украина мнѣ необходима для свободнаго движенія войскъ; 3) если уступлю Украину полякамъ, они мнѣ вслѣдствіе будутъ вредить въ сношеніяхъ съ Турціей и Крымомъ.—Постарайся слезать польскихъ посланцевъ, если представать мое писмо“. (Получено отъ Н. В. Молчановскаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность).

неузнаваемыми, что, наконец, дѣлается невозможнымъ отличать укрывательство отъ правды и даже теперь трудно разобрать, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается маска, надѣтая имъ по собственному желанію или вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ. Огъ этого даже теперь многое, что надо толковать въ похвалу Мазепѣ, ставится ему въ укоръ“ (стр. 234). При этомъ г. Уманецъ старается уяснить, напр., мотивъ Мазепиной непріязни къ Палѣю. Защищая Палѣя,— послѣ призыва Петра В. вызвать послѣдняго изъ Бѣлой Церкви и арестовать,—Мазена могъ де „возбудить у Петра подозрѣніе въ подвѣствѣ идеѣ малороссійскаго обособленія...“ Не лучше ли послушаться Петра и, отдѣлавшись отъ Палѣя, сохранить за собою всю арену и полную свободу“ (стр. 238). Другой примѣръ мазепиной хитрости г. Уманецъ видитъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ стародубскому полковнику Миклашевскому. „Еще въ 1703 г. Мазена доносилъ царю о томъ, что Миклашевскій ведетъ тайную переписку съ злонамѣренными поляками. Миклашевскій былъ даже лишень полка“... Для объясненія этого факта г. Уманецъ ссылается на Костомарова, видѣвшаго въ Миклашевскомъ—можетъ быть, подобіе Выговскаго... Мазена для спасенія идеи могъ не жалѣть „своихъ“, говоритъ г. Уманецъ и продолжаетъ: „теперь въ поведеніи Мазены, съ чувствомъ похожимъ на ужасъ, узнается человѣкъ, который съ психологической цѣлью, чтобы заглушить всѣ сомнѣнія въ душѣ Петра, не только покупалъ имѣнія въ Великороссіи, бравилъ свой народъ, сообщалъ царю и Головкину всѣ слухи о себѣ, безъ остатка, говорилъ правду и, какъ природный украинецъ, защищалъ Малороссію, но не остановился передъ притворствомъ и кощунствомъ фальшиваго причастія. Только теперь можно измѣрить всю глубину несчастія этого человѣка, всю бездну униженія этого таланта, который, по собственному желанію или въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, задавшись невозможной, противной историческому теченію цѣлью, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ и расхотаваться на эту достойную изумленія, но недостойную игру... Стынетъ кровь подъ гнетомъ этой строгой артистической игры, передъ холодно выдержанной

ролью... Онъ ставитъ на карту все, даже свое человѣческое достоинство. Это великій актеръ, очаровывающій зрителя и оставляющій въ недоумѣннн потомство, но, вмѣстѣ, это хищный звѣрь, искусно путающій слѣдъ, чтобы сбить съ толку охотника... Это измѣна артистической отдѣлки... Слѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель слѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій." Такъ заключаетъ г. Уманецъ главу—*Быть или не быть*.

Мы нарочно сдѣлали большія изъ нея выписки, чтобы показать—какъ выполнилъ г. Уманецъ свою задачу относительно „выдѣленія свѣтлыхъ точекъ политической жизни“ Мазепы. (О частной жизни будетъ говорено дальше). Читатель видитъ, что нельзя сказать, чтобы положенныя г. Уманцемъ краски на Мазепу-политика были особенно свѣтлы... „Нѣтъ обмана, жестокости и преступленія, предъ которыми онъ остановится“, рѣшившись на измѣну (стр. 242). Послѣ такой характеристики Мазепы, рождается вопросъ: кто же былъ Мазепа—авантюристъ или „патріотъ“? Вопросъ этотъ г. Уманецъ послѣдно рѣшаетъ въ главѣ—*„Шведская инкурсія“*. Тамъ и мы скажемъ объ этомъ вопросѣ, а относительно главы *„Быть или не быть“* слѣдуетъ сказать, что едва ли авторъ ея угадалъ „ту минуту въ жизни Мазепы“, въ которую послѣдній рѣшился на „измѣну“. По крайней мѣрѣ, догадки его не убѣдительны... Быть можетъ, расположеніе къ „измѣнѣ“ у Мазепы, какъ чловѣка выросшаго среди правобережныхъ шляхетскихъ тенденцій, было, такъ сказать, въ крови у него... А поэтому—тѣмъ труднѣе историка угадать искомую „минуту“. Затрудненіе это еще болѣе увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ: война Петра В. съ Карломъ XII, слава послѣдняго и такіе успѣхи, послѣдняго какъ нарвское пораженіе,—являлись для Мазепы большимъ соблазномъ къ проявленію таиннейшей „измѣны“... Является сильное подозрѣніе, что надежда на благоприятный исходъ шведской войны для Карла—могла оказать сильный толчокъ въ области думъ и мечтаній Мазепы объ „измѣнѣ“.

Въ главѣ „Крестыанское дѣло при Мазепѣ“¹⁾ послѣдній оцѣнивается какъ *правитель* въ „гражданской его дѣятельности“. Глава эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ долженъ намъ представить дѣла Мазепы въ фактахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, а характеръ этихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помочь для уясненія личности Мазепы.

Главу о „крестыанскомъ дѣлѣ“ г. Уманецъ начинаетъ очеркомъ соціального положенія Малороссіи до 1687 года, при чемъ, прежде всего, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе сословій. Желая уяснить отношенія „товариства“ къ „поспольшеству“, т. е. козаковъ къ крестьянамъ, г. Уманецъ говоритъ, что при Хмельницкомъ „козаки и посполитые ежедневно мѣнялись ролями“, такъ какъ само „положеніе дѣла (нужда въ народномъ ополченіи) не позволяло при немъ выдѣлнить козачество изъ массы населенія“... Страницей виже (244) самъ г. Уманецъ говоритъ о данныхъ Хмельницкимъ монастырямъ универсалахъ, въ которыхъ гетманъ обѣщаетъ не позволять монастырскимъ крестьянамъ переписываться въ козаки... Наконецъ, если существовали термины для обозначенія сословій („товариство“ и „поспольшество“), то значитъ, что не только существовали самыя эти группы сословій, но при этомъ группы эти были уже и обособлены²⁾. Можно сказать только, что переходъ изъ одной группы въ другую, не былъ затрудненъ, но эта легкость перехода существовала во все продолженіе XVII в., и даже позже, такъ что время Хмельницкаго здѣсь особенно не выдѣлялось. На раннее обособленіе двухъ сельскихъ группъ указываетъ самъ г. Уманецъ, говоря о запрещеніяхъ перехода крестьянъ въ козаки. Здѣсь авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что запрещеніе крестьянамъ переписываться въ козаки происходило не потому, что старшина не желала „дѣлнить на мелкія части

¹⁾ Глава эта, по ош. бѣт, нами пропущена въ нашъ перечень, слѣдующій въ началѣ „Замѣтокъ“.

²⁾ Самъ народъ понималъ это обособленіе двухъ юридическихъ группъ; старожилы одного старорубениго села въ 1729 г. говорили: „по изгнаніи ляховъ, ляхъ остави люди (въ этомъ селѣ), то можѣвшіе пописались въ козаки, а подлѣвшіе остались въ мужикахъ“. Опис. Ст. Малор., I, 381.

кусокъ общественнаго пирога, падающій на долю козаковъ“, а потому, что „лучшіе люди той эпохи старались удержать стремленіе массы мѣнять плугъ на мечъ“ (стр. 253). Такимъ образомъ, г. Уманецъ какъ будто предполагаетъ, что крестьянинъ, переписавшись въ козаки, бросалъ плугъ, замѣняя его мечомъ... Но развѣ козакъ бросалъ плугъ? Разнѣ онъ не былъ такимъ же земледѣльцемъ, какъ и крестьянинъ?—Старшина не могла бояться, что „поля останутся непаханными“, но боялась, что принадлежавшей ей земли некому будетъ пахать... Преслѣдуя переходъ крестьянъ въ козаки въ своихъ маестностяхъ, старшина мало препятствовала такому переходу въ селахъ монастырскихъ и еще менѣе въ селахъ *ратушныхъ*. Московскій воевода естественно интересовался этимъ вопросомъ при Брюховецкомъ (стр. 253), потому что податью въ пользу государя облагалось одно посполство. Впрочемъ, самъ-же авторъ опровергаетъ высказанное имъ мнѣніе. На стр. 255-й, онъ указываетъ на приказъ Многогрѣшнаго любецкому сотнику: „не привлащать любецкихъ мѣщанъ подъ regimentъ“, чтобы тѣмъ не причинить убытка черниговскому войту, которому гетманъ позволилъ владѣть любецкими мѣщанами. Отсюда видно, что не боязнь замѣны плуга мечемъ тутъ была причиною. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ распоряженіи тенденцію Многогрѣшнаго—„поддержать обособленіе мѣщанъ, т. е. ремесленнаго, торговаго и рабочаго класса“ (стр. 256) или—„создать въ мѣщанахъ противѣсъ бурной, все забирающей въ свои руки демократіи козачества“ (стр. 258). Распоряженіе Многогрѣшнаго объ отдачѣ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому войту означало, что гетманъ отдавалъ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату, котораго расходы на разныя общественныя нужды требовали средствъ; вотъ для пополненія ихъ черниговскій магистратъ и получилъ отъ Многогрѣшнаго право на послушенство любецкихъ мѣщанъ, т. е. на ихъ трудъ. Любецкіе мѣщане являлись здѣсь—тѣми же *крестьянами*. Никакой мысли объ „обособленіи мѣщанъ“ тутъ быть не могло, потому что до такихъ цѣлей гетманы XVII в. дорости не могли...

А между тѣмъ г. Уманецъ идетъ далѣе и приписываетъ Многогрѣшному „учрежденіе настоящихъ сословій,“ прибавляя при этомъ, что учрежденіе это послѣдовало „прежде, чѣмъ естественный ходъ жизни выдвинулъ вопросъ о сословіяхъ“... Думается, что приведенный фактъ отдачи любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату не можетъ давать матеріала для такого широкаго заключенія... Притомъ же, Многогрѣшный ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ правителей, которые могли преслѣдовать тѣ или другія соціальныя цѣли... Всѣмъ за такимъ заключеніемъ о дѣятельности Многогрѣшнаго, г. Уманецъ говоритъ, что „первые гетманы старались только о томъ, чтобы не всѣ шли въ козаки. Они вовсе не хотѣли сдѣлать козаковъ панамъ и только думали, какъ удержать возможно болѣе количество населенія при производительныхъ занятіяхъ. Событія повели общество далѣе, чѣмъ гетманы желали. Козакъ именнѣе становится паномъ. Не только козаки дѣлаются малочисленнымъ классомъ, но получаютъ значеніе привилегированнаго сословія. Съ этого времени (послѣ Многогрѣшнаго) ясно выдѣляются два направленія: въ силу перваго, козаки получаютъ значеніе дворянскаго сословія, въ силу втораго—посполитые все болѣе и болѣе приближаются къ будущему крѣпостному праву“... Тутъ авторъ несомнѣнно сильно упреждаетъ событія *)... Далѣе читаемъ: „Итакъ, къ началу 80-хъ годовъ XVII в., въ теоріи уже проводится рѣзкая грань между козаками и посполитыми: козаки освобождаются отъ послушенства, но обязываются личной военной службой на своемъ содержаніи“ и т. д. (стр. 262). Да когда же козаки не были свободны отъ послушенства? Если мы возьмемъ и время Хмельницкаго, то и тогда уже званіе козака указываетъ на обязанность нести военную службу на своемъ содержаніи, при чемъ о какомъ либо послушенствѣ (т. е. о личномъ трудѣ въ пользу того или другаго державца) не могло быть и рѣчи.

*) О томъ, какъ зарождалось въ Малороссіи „дворянское сословіе“, можемъ сослаться на монографію г. Миллера — „О превращеніи старшинъ въ дворянство“. (Кіевск. Стар. 1897 г.) и на наши „Замѣчанія“ на эту работу. (Харьковъ. 1898).

Здѣсь же встаетъ замѣтить, что „Войско“ никогда не пользовалось тѣмъ „послушенствомъ“ (конечно, крестьянъ?), о которомъ говоритъ г. Уманецъ, указывая на водяныя мельницы (стр. 249). Указывая на послѣдствія, какъ на источникъ для заплаты жалованья охотничьимъ полкамъ, г. Уманецъ говоритъ: „случалось, что одно колесо или просто часть дохода съ мельницы принадлежала „Войску“, а другая составляла частную собственность“ и при этомъ приводитъ въ примѣръ универсалъ Брюховецкаго гофск. товар. Годуну, которымъ гетманъ жалууетъ послѣднему „двѣ мѣрочки млишова, приподающія на насъ“, „т. е. въ войсковую казну“, добавляетъ г. Уманецъ. Но дѣло въ томъ, что вся эта мельница, цѣликомъ, принадлежала Годуну; но такъ какъ водяныя мельницы представляли собою вообще одинъ изъ источниковъ для пополненія „войскового скарба“ (войсковой казны), причемъ на „Войско“ шло двѣ трети ихъ мельничкаго барыша (двѣ мѣрочки изъ трехъ), то гетманы очень часто жаловали владѣльцевъ водяныхъ мельницъ *войсковою частью дохода*. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Брюховецкій жалууетъ в. тов. Годуну тѣ „двѣ мѣрочки“ изъ получаемого хозяйномъ мельницы дохода, которыя передъ тѣмъ отбирались въ „скарбъ“. Слѣдовательно, мельницы, съ которыхъ собиралась часть помала въ пользу войскового скарба, *никогда ео владѣннн* „Войска“ не находились, а принадлежали всецѣло тому или другому собственику, который, какъ всецѣлый хозяинъ, заботился самъ и о ремонтѣ мельницы. Ни о какомъ участіи „Войска“ въ веденіи мельничнаго хозяйства и рѣчи не могло быть.

Переходя къ характеристикѣ управленія гетманщиною Мазены, г. Уманецъ говоритъ о его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ „арендахъ“, какъ источникѣ пополненія „войскового скарба“, и наконецъ—о заботахъ Мазены относительно церковно-строительства, которое, по мнѣнію автора, „имѣло столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе“. Очерку „гражданской дѣятельности“ Мазены предшествуетъ нѣкоторая характеристика личныхъ отношеній новаго гетмана къ своимъ сотрудникамъ. „Съ из-

браніемъ Мазепы — переимѣнилось обращеніе въ гетманскомъ дворцѣ. Солдатская грубость Многогрѣшнаго в мелкое высоко-мѣріе Самойловича замѣняется *внушительной обходительностью*. Мазепѣ ли не умѣть заискать? Пирь оглашаютъ батуринскій замокъ. Старикъ пускаетъ въ ходъ свое *обворожительное краснорѣчіе, умѣнье съ каждымъ говорить на его языкѣ*,—гдѣ надо затронуть личные интересы, корыстолюбіе или патриотизмъ“... „Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о „грубости“ Многогрѣшнаго и о „высокомѣріи“ Самойловича, но о „внушительной обходительности“ Мазепы, о „его обворожительномъ краснорѣчій“ развѣ слѣдуетъ лишь догадываться... Впрочемъ, быть можетъ, для заключенія о Мазепиномъ краснорѣчій автору служатъ письма гетмана къ Кочубеевиѣ, о „силѣ выраженія“ въ которыхъ г. Уманецъ такого высокаго мнѣнія (стр. 231). Другихъ историческихъ данныхъ объ указанныхъ выше личныхъ качествахъ Мазепы—нѣтъ.

Обозрѣвая затѣмъ „гражданскую дѣятельность“ Мазепы и не находя въ ней какихъ-либо замѣтныхъ *дѣлъ*, г. Уманецъ полагаетъ, что причина этого заключается въ томъ, что Мазепа „не могъ удѣлять много времени гражданскому устройству Малороссіи“, *будучи занятъ походами*, такъ какъ онъ совершилъ въ первомъ двѣнадцать лѣтъ своего гетманства—одинадцать лѣтнихъ и двѣнадцать зимнихъ походовъ, и имѣя во вторую его половину, благодаря шведской войнѣ, одинъ *силопной походъ*“¹⁾. Не ужели же въ 23 года своего гетманства Мазепа занятъ былъ одними походами?—Несомнѣнно, что Мазепа имѣлъ много времени, чтобы „удѣлять часть его и на гражданское устройство Малороссіи“, но повидимому, этотъ вопросъ его нисколько не заботилъ безъ внѣшнихъ воздействій.

¹⁾ Гдѣсь г. Уманецъ дѣлаетъ ссылку на донесеніе Мазепы въ Москву (1699 г.) о народномъ бѣдствіи вслѣдствіе голода, причемъ Мазепа указываетъ, что такое положеніе народа увеличится отъ военныхъ походовъ „отправящихся лѣто и зиму чрезъ князьковладцать лѣтъ...“ (Костомаръ, Мазепа, 161) О личной заботѣ Мазепы—тутъ нѣтъ ни слова.

Ссылаясь на известный универсалъ Мазепы 1691 г. (Киев Стар., 1891, янв., 3), въ которомъ гетманъ приказывалъ державцамъ „власть свою при владѣннн маетностями выражать мѣрно, не чиня подданнымъ разныхъ умысловъ и тяжестей“, а также на предстательство Мазепы предъ Петромъ В. за посполитыхъ въ двухъ-трехъ случаяхъ, когда царь требовалъ ихъ на равныя военныя надобности, г. Уманецъ говоритъ, что „приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть въ защитѣ посполитыхъ Мазепой не случайность, а систему“ (стр. 287). Кажется, что такое заключеніе сдѣлано послѣшню, такъ какъ никакой системы у Мазепы по этому вопросу не видно. Думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что исторію именно этого универсала рассказываетъ самъ Мазепа въ своемъ донесеніи въ Москву, относящемся къ октябрю 1692 г. Изъ этого замѣчательнаго донесенія (Матер., Бант.-Кам., II, 5—7) видно, что Мазепа въ сентябрь 1692 года получилъ изъ Москвы указаніе на происходящія „межь народамъ вопль и пререканіе“ по поводу аренды и неправильной раздачи маетностей, причемъ добавлялось, что эти народныя жалобы даютъ поводъ и запорождамъ „произносить голоса къ шатости склонныя“. Московское правительство поручило гетману „помыслить и посовѣтывать“—нельзя ли сдѣлать необходимыхъ облегченій. Въ отвѣтъ на это распоряженіе, Мазепа отвѣчалъ подробнымъ донесеніемъ о томъ, что дѣйствительно народъ жалуется на аренды, а запорожцы пишутъ къ нему объ отягощеніи народа — „что многіе села розданы разнымъ особамъ въ подданство“; „предваряя (пишетъ онъ далѣе), чтобы отъ особъ, селами владѣющихъ, какъ старшинъ генеральныхъ, такъ и полковниковъ и товарищества войскового, люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будущіе, отяженія и бремения неудобъ носимыхъ не терпѣли, розослали есмы давно наши универсалы во всю полки и юроды, разглагошя такой нашъ приказъ, дабы никто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымѣшенными людей въ селахъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, стножатехъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды

и насилія и чтобъ владѣти ими въ мѣру, ничею вновь и выше мѣры не налагая..."

Думаемъ, что изъ исторіи универсала 1691 года ясно видно, что онъ былъ результатомъ случайности (запорожскихъ „пареканій“, которыя порождали въ народѣ „шатость“), но никакъ не системы.

Едва ли вѣрно заключеніе г. Уманца и о предполагаемой имъ попыткѣ Мазепы возстановить значеніе ранговыхъ имѣній. Указывая на трудность таковой попытки, г. Уманецъ говоритъ, что однакожь Мазепою она была сдѣлана, причемъ приведенъ слѣдующій примѣръ. „Генеральный обозный Петръ Забѣла передать с. Клишки по завѣщанію одному изъ своихъ сыновей; Мазепа отдалъ Клишки другому и, не смотря на всѣ ходатайства, даже царскій указъ (т. е. грамоту), не возвратилъ. Послѣ паденія Мазепы многіе объясняли неутвержденіе распоряженія прежняго владѣльца взяткой, будто бы данной гетману. Но во 1-хъ, тогда все можно было говорить о Мазепѣ; во 2-хъ, если сохраненіе Клишекъ для „Войска“ было злоупотребленіемъ, то чѣмъ объяснить всѣ распоряженія Мазепы въ видахъ сохраненія ранговыхъ имѣній? *Отобраніе Клишекъ неизбежно при желаніи спасти ихъ, какъ ранговое имѣніе (?), и противодѣйствовать безусловно незаконному дѣйствию покойнаго вліятельнаго чиновника*“. Приводимый здѣсь случай, послужившій г. Уманцу основаніемъ для такого широкаго обобщенія, заимствованъ имъ изъ бумагъ, нами напечатанныхъ (Кіевск. Стар. 1883 г., июль) и тѣмъ яснѣе для насъ, что дѣло было не такъ. Генер. обозный Петръ Забѣла получилъ по царской грамотѣ въ 1656 году пять селъ, въ томъ числѣ и Клишки (Опис. Стар. Малор., II, 136). Умирая, Забѣла распредѣлилъ свои маестности такъ: три села (въ томъ числѣ и Клишки) отдалъ младшему сыну Ивану, а два села—сыновьямъ Степану и Василию. Умеръ П. Забѣла въ 1689 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Мазепа ѣздилъ въ Москву послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ. Мазепа ѣздилъ въ Москву въ сопровожденіи чуть ли не всей первостепенной старшины и множества меньшей¹⁾. Въ это время въ

¹⁾ Перечисленію старшины у Костомарова, „Мазепа“, 32 и слѣд.

Москваѣ произошел тотъ переворотъ, послѣдствіемъ котораго было удаленіе Софіи и вступленіе въ дѣйствительную власть Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ Мазепа стѣмѣлъ по-правиться Петру и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, по-выпрашивалъ царскія грамоты на маестности, раніше розданныя старшинѣ и, кромѣ того, понадавалъ послѣдней еще и новыя. Повидимому, въ этотъ моментъ Мазепа старался закрѣпить за собою пріязнь вліятельной старшины и ея родичей, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти надъ нею большее вліяніе. Надѣляя маестностями старшину, Мазепа нашелъ нужнымъ надѣлить и нѣжинскаго полковника Степана Забѣлу. Послѣдній уже раніше получалъ отъ Мазепы с. Конашевку (подъ Борзною), да по отцовскому завѣщанію владѣлъ онъ с. Лушниками. Пользуясь случаемъ, Степанъ Забѣла самъ распорядился отобрать отъ младшаго брата одно изъ завѣщанныхъ послѣднему селъ—Клишки („село Клишки отъ мене подъ свою власть отобралъ“), а въ Москвѣ обратился къ Мазепѣ съ просьбою узаконить его самоволіе и дать ему свой универсалъ на отнятую у брата маестность. Просьба была удовлетворена и Клишки утверждены были за Степаномъ Забѣлою гетманскимъ универсаломъ. —Что же, значить, Мазепа дѣлалъ при этомъ? — Онъ отобралъ у одного изъ братьевъ наследственную его маестность (которою наследодатель владѣлъ по грамотѣ) и отдалъ другому брату потому, что этотъ другой братъ занималъ важный урядъ нѣжинскаго полковника, а тотъ братъ, отъ котораго отбиралась маестность, былъ человекъ малаго ранга и кромѣ того былъ зятемъ генеральнаго обознаго Борковскаго, котораго Мазепа всегда не любилъ¹⁾. Здѣсь и

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г. Вотъ относительно Борковскаго ;Мазепа дѣйствительно поступилъ такъ, какъ говоритъ г. Уманецъ о случаѣ съ Забѣлами. Не успѣвъ Борковскій умереть, какъ Мазепа отобралъ у его вдовы м. Орловку, подлежащее „на урядъ обозничества“, причемъ впрочемъ мѣстечко было повернуто—„на гетманскій дворъ“. Но здѣсь Мазепа проявилъ актъ пристрастія и не любви къ покойному Борковскому, на что и указываетъ Кочубей. (Матер., Вост.-Кав., II, 103). Тутъ же разсказанный Кочубеемъ случай съ наследствомъ кіевск. полковника Солонныи былъ того же характера. Въ обоихъ случаяхъ причиною отобранія маестностей была не любовь Мазепы.

рѣчи не было о какомъ либо „сохраненіи ранговыхъ маестностей“, а было лишь *одно насиліе, одна несправедливость* по отношенію къ Ивану Забѣлѣ, младшему брату Степана Забѣлы ¹⁾. Вѣдь не отобралъ же Мазепа Клишекъ послѣ смерти Степана Забѣлы, какъ ранговую маестность, а оставилъ ее у сына послѣдняго, незначительнаго войскового товарища (Опис. Ст. Малор., II, 360). Мы остановились на этомъ фактѣ, какъ на примѣрѣ рѣзкаго, несоотвѣтствія между фактомъ и заключеніемъ автора, который затѣмъ продолжаетъ: „Изъ всего этого видна неосновательность предположенія объ исключительномъ сочувствіи Мазепы къ панамъ и будущему дворянству... Напротивъ, если всѣ брались за ближайшія средства, то Мазена въ словномъ вопросѣ заботился о справедливости“. Такую „справедливость“ можетъ указывать одинъ только универсалъ Мазепы 1691 года, но и онъ былъ вынужденною мѣрою для успокоенія „воплей и пререканій“ полтавскаго посольства, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому менѣе смирнаго, чѣмъ посольство, находившееся вдали отъ Запорожья...

Говоритъ г. Уманецъ и объ „арендахъ“. Это былъ откупъ на торговлю виномъ, табакомъ и дегтемъ. Народъ былъ противъ этихъ откуповъ, но они составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“, а доходами послѣдняго оплачивалось жалованье „охотничкимъ“ полкамъ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Мазепы-гетмана была отмѣна „аренды на горѣлку“ и на другіе напитки (Самовид., 79); но затѣмъ, какъ видно изъ полученнаго въ сентябрѣ 1692 г. указанія изъ Москвы, аренды эти были восстановлены. Заботясь объ устраненіи народнаго недовольства, на которое указывалось даже изъ Москвы, гетманъ, послѣ многихъ совѣщаній, повидимому, не нашелъ возможности отмѣнить „аренду“, пока не будетъ найденъ другой источникъ на „собраніе денегъ“.

¹⁾ Самъ Мазена признавалъ за Иваномъ Забѣлою право на Клишекъ и долго воевалъ его обманчиво возвратити ему маестность. Киевск. Стар. 1884 г., июль, 521—522.

При этомъ, сдѣланы были, впрочемъ, нѣкоторыя облегченія, „чтобъ при покупкѣ водки на родины и на свадьбы досады людямъ не дѣлалось“. Изъ этихъ фактовъ, и только изъ этихъ, едва ли можно дѣлать общія заключенія, что „Мазепа, неожиданно, сдѣлавшись гетманомъ, высказывается противъ арендъ“ и что, „стремясь уничтожить аренды, Мазепа встрѣтилъ нѣкое сопротивленіе пановъ (?) и старшинъ“... И еще менѣе можно видѣть въ обложеніи шинковъ и влокурень попытку Мазепы перейти къ акцизной системѣ... Аренды были необходимы въ Малороссіи потому, что тогдашній складъ жизни не давалъ возможности найти болѣе удобный, по способу взиманія, источникъ на заплату наемному войску жалованья.

Разсказывая о построеніи Мазепою многихъ церквей и объ украшеніи ихъ, г. Уманецъ говоритъ, что постройка церквей Мазепою „равносильна учрежденію имъ *цѣлой системы маленькихъ шпиталей и школъ*... Постройка церквей Мазепою и другими жертвователями того времени имѣетъ столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе.... Тогдашній *шпиталь* содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ *шкоть и коллеи*“... И здѣсь, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія фактовъ... Дѣйствительно, Мазепа не скупился на постройки церквей и ихъ украшеніе въ большихъ городахъ и монастыряхъ (причемъ былъ выстроенъ имъ и новый корпусъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ); по этотъ фактъ не былъ какимъ-нибудь исключеніемъ относительно Мазепы. Такъ же точно строили церкви и помогали ихъ украшенію и Самойловичъ¹⁾. Стародубскій полковникъ Миклашевскій строитъ церкви въ Глуховѣ и въ Выдубицкомъ монастырѣ; въ послѣднемъ имъ была выстроена каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменная трапеза съ церковью Преображенія Господня²⁾. Набожное усердіе одушевляло тогда всѣхъ

¹⁾ См., напр., Отрывки изъ лѣтописи Мгарск. м.—ря, въ Кіевск. Стар. 1889 г. Успенская каменная церковь въ Глуховѣ начата постройкою (въ 1686 г.) Самойловичемъ. Опис. Стар. Малор. II, 430.

²⁾ Тамъ же, 430. Соч. Максимовича, II, 251.

Ал. Лазаревскій.

имущихъ людей, что лучше всего видно изъ монастырскихъ земельныхъ актовъ того времени, изъ которыхъ почти каждый свидѣтельствуесть о „жертвѣ“¹⁾. Мазепа, какъ представитель страны, не могъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ. Поэтому едва-ли можно говорить, что „старшина, богатые паны, городскія и сельскія общества самостоительно и изъ подражанія дѣлали то же, что и гетманъ“ (стр. 303). „Старшина и богатые паны“ строили церкви очень усердно, безъ всякаго подражанія, въ своихъ *слободахъ* потому, что Божій храмъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ для привлеченія новыхъ слобожанъ, любившихъ садиться тамъ, гдѣ уже таковой имѣлся. Что же касается до постройки сельскихъ церквей Мазепою, на что указываетъ г. Уманецъ (стр. 302), то здѣсь имъ приводятся случаи постройки церквей лишь на основаніи „церковныхъ лѣтописей“, какъ извѣстно, наполняемыхъ предаваніями не всегда осторожно; притомъ же, м.м. Япоть и Марчихина-Буда, гдѣ Мазепа, по предаванію, построилъ церкви, принадлежали къ числу гетманскихъ маєтностей (Опис. Стар. Малор., II, 486 и 500), слѣдовательно, здѣсь церкви строить Мазепою было выгодно....

Здѣсь же нельзя не замѣтить, что указаніе г. Уманца, будто бы тогдашній шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школь—неверно. Г. Уманецъ ссылается при этомъ на универсалъ, „упрекающій Петрика въ томъ, что его шпиталь полтавскій шпиталь“; но обращаясь къ этому универсалу (Величко, III, 114), мы читаемъ: „все мы знаемъ, же батько твой (Петрика) *жебракъ* (нищій) есть, въ городѣ нашемъ Полтавѣ въ *шпиталь* мешкалъ; а ты *оз школь*, межъ нищими ваялся, и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился“... Изъ этого отрывка мы видимъ, что отецъ Петрика, будучи *нищимъ*, жилъ въ *шпиталь*, т. е. въ богадѣльнѣ, а сынъ его жилъ *оз школь*, но не *оз шпиталь*, причеиъ универсалъ добавляетъ, что Петрикъ, и въ школь будучи, „ваялся межъ

¹⁾ См. цѣлую коллекцію этихъ актовъ, переданныхъ изъ Черниг. казенной палаты въ Кіевск. центр. архивъ.

пищими“, т. е. былъ тѣмъ же пищимъ... Кто жилъ въ шпиталяхъ—это видно изъ описанія въ Румянцовской описи тогдашнихъ церквей и необходимыхъ ихъ принадлежностей—„шпиталей“ и „школь“¹⁾. Въ шпиталяхъ жили только „старцы“, т. е. нищие и калѣки, а школяры жили вмѣстѣ съ „дьячками“ и „попомарями“, въ особыхъ домахъ, называвшихся „школами“. Въ спискахъ обитателей „школь“ такъ постоянно и значителенъ, что живутъ въ ней „молодики“ и „школьники“ такіе-то (имя рекъ), при чемъ возрастъ тѣхъ и другихъ колеблется между 10 и 35 годами.

Обращаясь, послѣ этихъ частныхъ замѣчаній, къ общему заключенію о „гражданской дѣятельности“ Мазепы, въ предѣлахъ разсказа г. Уманца, мы полагаемъ, что положительной стороны этихъ дѣлъ—не видно. Но тутъ же нужно еще сказать, что „гражданская дѣятельность“ Мазепы въ книгѣ г. Уманца далеко не исчерпана. Отведя особую главу *крестьянскому дѣлу при Мазепѣ*, г. Уманецъ вовсе не коснулся вопроса относительно раздачи имъ маестностей, а между тѣмъ мы видѣли, что именно эта раздача порождала въ народѣ „воплъ и пререканія“. Правда, печатный матеріалъ по этому вопросу не великъ, но все же кое-что есть. Изъ одного только печатнаго матеріала можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что для нѣкоторыхъ лицъ изъ свей старшины Мазепа былъ очень щедръ, а для другихъ—жупъ. Видимо, у Мазепы были любимцы и нелюбимцы. Укажемъ на прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, которому Мазепа съ 1694 г. по 1706 г.—далъ пять селъ, а въ 1707 г. далъ село и сыну его, въ то время только знатному войск. товарищу“²⁾. Преемникъ по уряду Дмитрія Горленка, Иванъ Носъ ставилъ намъ любопытную характеристику отношеній своего

¹⁾ Для примѣра укажемъ опись прилуцкихъ церквей въ 1765 году. *Архивъ трички для исторіи Полтавской епархіи* (Полтава, 1897), вым. I, стр. 57—64.

²⁾ Русск. Арх. 1875 г., II, 214.

предшественника къ Мазепѣ. Указавъ на захватъ Горленкомъ множества полковыхъ земель, Носъ говоритъ, что Горленко „много могущимъ будучи властелиномъ, все, что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя протектора своего и отца¹⁾ въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видя обиды людской“, выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунты и маестности, но выдавалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну“ и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, если бы онъ, Горленко, попросилъ о такомъ универсалѣ“²⁾! Черниговскому полковнику Павлу Полуботку за три года его полковничества при Мазепѣ, послѣдній не далъ ни одной маестности³⁾. Затѣмъ, въ практикѣ Мазены при пожалованіи маестностей мы встрѣчаемъ *первый случай* отдачи населенной маестности *мищанину*, будущему стародубскому войту Спиридону Шираю: по универсалу 26 мая 1688 г., „обывателю стародубскому Спиридонови, съ певныхъ респектовъ и причинъ, падено въ завѣдываніе и уживанье, до ласки войсковой, селце Сипивъ“⁴⁾. Ширай велъ обширную заграничную торговлю пенькою и поэтому былъ очень богатъ; Шираево богатство и было, повидимому, причиною „певныхъ къ нему респектовъ“. Такое же покровительство Мазеною было оказано и другому *мищанину*, „обывателю кіево-печерскому п. Максиму“ (родоначальнику Максимовичей), то же „съ певныхъ респектовъ и для частой въ войсковыхъ потребахъ дознанной выгоды“, исшедшей изъ богатства „п. Максима“, у котораго,

¹⁾ Костомаровъ говоритъ (Мазена“, 7), что жена Мазены (рожд. Половецъ) была родственницей прилучному полковнику Горленку. Хотя источникъ этого свѣдѣнія я не указалъ, но не сомнѣваю, что оно взято изъ „Родословной книги“ кн. Лобанова-Ростовскаго, куда свѣдѣніе о родствѣ Мазены съ Горленками попало, какъ догадываемся, изъ бумагъ „историча“ Н. А. Маркевича. Никакого родства тутъ не было и не могло быть уже по одному различію тѣхъ мѣстностей Малоросіи и словъ общества, изъ которыхъ происходили жена Мазены и Горленки. Носъ называетъ Дм. Г—ка „подуфалымъ сыномъ“ Мазены иронически за чрезмѣрное пристрастіе къ нему гетмана.

²⁾ Русск. Арх. 1875 г., II, 246.

³⁾ Тамъ же, 1880 г., I, 189—140.

⁴⁾ Перечень универсаловъ на маестности, рукоп. нащей 6—кн.

значить, не было еще и настоящего прозвища. Здѣсь покровительство богатому мѣщанину выразилось въ томъ, что сыновья его поступили въ войсковую службу и надѣлены были всякими милостями, а въ томъ числѣ и маестностями¹⁾.

Не познакомили читателя г. Уманецъ въ своемъ изслѣдованіи и съ ближайшими совѣтниками или сотрудниками Мазепы. Здѣсь мы бы увидѣли, что Мазепа, будучи правобережнымъ человекомъ, повидимому, предпочиталъ своихъ земляковъ лѣвобережникамъ, можетъ быть по недостаточной еще при немъ культурѣ послѣднихъ. Изъ правобережниковъ Мазепу окружали: Ломиковскій, Зелепскій, Чечель и Мазепины родичи: Обидовскій, Мокіевскій, Трощинскій. Въ числѣ наперсниковъ Мазепы были и чужеземцы: Орликъ²⁾, Кенигсекъ, Згура (гр...). Изъ лѣвобережниковъ въ числѣ Мазепинныхъ присныхъ можно назвать только четырехъ: Дм. Горленка, Дм. Максимовича, Чуйкевича Ант. и Гамалѣю³⁾. Данило Аностоя, хотя и былъ единомышленникомъ въ измѣнѣ, но Петръ В. называлъ его, конечно не безъ основаній, „великимъ непріателемъ Мазепы“⁴⁾. Такой составъ Мазепинныхъ наперсниковъ можетъ указывать, по нашему мнѣнію, что Мазепа болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтнее свое гетманство оставался достаточно стороннимъ человекомъ въ лѣвобережной Малороссіи.

Не можемъ не вспомнить тутъ и того пункта въ доводахъ Кочубея, гдѣ говорится о „гансбной симоніи“ Мазепы за полковничьи мѣста и о его вообще стѣжательности.... Изъ этихъ коротенькихъ указаній можно видѣть, что въ „гражданской дѣятельности“ Мазепы были и отрицательныя стороны...

Но здѣсь же нужно сказать, что, обѣля Мазепу въ гражданской его дѣятельности, г. Уманецъ едва ли не напрасно на-

¹⁾ Опис. Стар. Малор., II, 28.

²⁾ Орликъ родомъ былъ чехъ, какъ видно изъ документовъ Стокгольмскаго госуд. архива. (Сообщено Н. В. Молчановскимъ).

³⁾ Впрочемъ, Максимовичъ и Гамалѣя были сыновьями правобережниковъ.

⁴⁾ Изъ письма Петра В. къ Меньшикову отъ 27 окт. 1708 г. („буде полковникъ миргородскій гдѣ въ близости, то прикажите его прислать... и ч. онъ великій непріатель былъ Мазепы“). Дополн. къ дѣламъ Петра В. (М. 1792) т. VIII, стр. 139.

брасываетъ ужъ черезчуръ темныя тѣни на его политику, до ея сравненія—съ вивисекціей... Можетъ быть нѣсколько темна исторія Мазепы съ Палѣемъ. Хотя и здѣсь можно думать, что Мазепа самолично желалъ устранить съ арены дѣйствія слишкомъ замѣтнаго и при томъ богатаго человѣка, затѣнявшаго Мазепу въ родной ему Бѣлоцерковщинѣ...

Напрасно не вспомнилъ г. Уманецъ, говоря объ отношеніяхъ Мазепы къ Палѣю, народныхъ легендъ, въ родѣ хотя бы, напр., той, гдѣ говорится, что „Мазепа за те хотивъ стратить Палѣя, що народъ звавъ его козацькимъ батькомъ“, и проч. ¹⁾. Мотивомъ Мазепиной неприязни къ Палѣю народъ называетъ зависть и, какъ кажется, не ошибается...

Другой указываемый г. Уманцемъ примѣръ „вивисекціи“—Миклашевскій, по нашему мнѣнію, выбранъ совсѣмъ неудачно. Называть Миклашевскаго человѣкомъ того направленія, „*so glavъ котораю стоялъ гетманъ*“ (т. е. тенденція къ „измѣнѣ“) значитъ—называть вещи не ихъ именами... Стародубскій полковникъ Миклашевскій былъ типическій лѣвобережникъ конца XVII в.—неграмотный козакъ и великій практикъ въ стяжаніи, умѣвшій нажить даже при Мазепѣ огромныя имѣнія. Судя по началу его дѣятельности (Опис. Стар. Малор. I, 28), это былъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый человѣкъ, умѣвшій подлаживаться къ своимъ патронамъ. Мазепа сразу оцѣнилъ Миклашевскаго: въ 1687 г. онъ далъ ему с. Кочерги, въ 1688 г.—с. Волокитинъ, а въ 1690 г. *поставилъ* полковникомъ въ *чужомъ* для Миклашевскаго полку, гдѣ онъ за пятнадцать лѣтъ своего управленія приобрѣлъ много маестностей, отчасти по универсаламъ, а отчасти и безъ нихъ... Въ 1704 году Миклашевскій вдругъ былъ отставленъ Мазепою отъ уряда, причемъ кромѣ того, гетманъ написалъ царю, что Миклашевскій ведетъ какуюто тайную переписку съ поляками. Костомаромъ по этому случаю говорить, что „надобно принимать во вниманіе, что мало-

¹⁾ См. обстоятельный пересмотръ этихъ легендъ—*Палій и Мазепа въ народной поэмѣ*, В. В. Калаша, во 2-й кн. *Этнографическаго Обзорнія* (1889 г.)

россійскихъ старшинъ соблазняла не совсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся, попытка Выговскаго образовати изъ Украины автономное политическое тѣло“ и проч. Эту догадку Костомарова г. Уманецъ приводитъ въ своей книгѣ безъ какого-либо возраженія, а слѣдовательно, какъ будто, раздѣляетъ приведенное мнѣніе. Но дѣло въ томъ, что такіе некультурные стяжатели, какимъ былъ Миклашевскій, ни въ какую „политику“ не мѣшались; она имъ была совершенно чужда уже по одному отсутствію у нихъ какого-либо образованія. „Тайная переписка“ Миклашевскаго съ „литовскимъ паномъ“ Коцѣломъ касалась несомнѣнно хозяйскихъ дѣлъ; съ Коцѣломъ, какъ и съ другими сосѣдами Стародубщины, поляками и русскими, Миклашевскій могъ переписываться о своихъ дѣлахъ торговыхъ, о поташѣ, о пенькѣ, но ужъ никакъ не о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, какъ предполагалъ Костомаровъ... Вѣриѣ всего, что Мазена удалилъ Миклашевскаго отъ полковничества по тому же мотиву, по которому онъ низвелъ съ арены дѣйсгвія и Палія; только тамъ на первомъ планѣ была Паліева популарность, а потомъ уже его богатство, а здѣсь—одно богатство Миклашевскаго... Могло случиться, что, кромѣ того, и стародубское полковничество въ это время потребовалось для кого нибудь изъ присныхъ Мазены; вѣдь въ томъ же 1704 г. племянникъ гетмана Троицнскій посаженъ былъ на гадяцкое полковничество. Впрочемъ, дѣло съ Миклашевскимъ кончилось благополучно: въ слѣдующемъ 1705 г. стародубское полковничество ему было возвращено. Можно догадываться только, что временная отставка Миклашевскаго стоила послѣднему недешево (см. ниже). Повторяемъ, Миклашевскій не могъ быть „человѣкомъ того направленія, во главѣ котораго стоялъ гетманъ“. Напротивъ это былъ несомнѣнный антагонистъ этого направленія..

Подводя итоги „гражданской дѣятельности“ Мазены, можно сказать, что ничѣмъ *особеннымъ* она не отличалась и почти во всемъ была похожа на ту же „дѣятельность“ его предшествен-

ника.. А между тѣмъ у г. Уманца читаемъ: „не имѣя всѣхъ деталей (изъ гражданской дѣятельности), по найденнымъ образцамъ можно угадать всю широту Мазепиныхъ плановъ. Позволительно думать, что *будь у Мазепы болѣе свободнаго времени и свободы дѣйствій, мы имѣли бы въ его лицѣ одного изъ замѣчательныхъ мастеровъ государственнаго дѣла*“ (стр. 304).

Историки бывають иногда пристрастны къ своимъ героямъ...

Главу о „гражданской дѣятельности“ Мазепы (иначе — „крестьянское дѣло“) г. Уманецъ заканчиваетъ отвѣтомъ на тутъ же предложенный вопросъ: „какъ велики (были) богатства Мазепы?“ По этому поводу, говорится, между прочимъ, что изъ предшественниковъ Мазепы крупныя суммы видны только у Богдана Хмельницкаго и Самойловича, при чемъ замѣчается, что послѣдній „одержимъ исключительной стяжательностью“.— Хотя Мазепа лично вѣдалъ „войсковой скарбъ“, но „это еще не значитъ, чтобы онъ собралъ большіе капиталы на гетманскомъ урядѣ“.— Если бы въ Батуринѣ, при его истребленіи 2 ноября 1708 года, „было много золота и серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, его нашли бы расплавленнымъ или зарытымъ подъ непломъ батуринскаго замка. Не случилось ни того, ни другого“.— Оказывается, „что послѣ двадцати лѣтъ гетманства и безконтрольнаго распоряженія войсковою казною, послѣ того, какъ Мазепа много лѣтъ готовился къ государственному перевороту, требующему большихъ денегъ, въ самую критическую минуту, когда надлежитъ двинуть всѣ ресурсы, въ его казнѣ (она же „войсковая“) оказывается не много болѣе тѣхъ 240000 талеровъ, которые Мазепа далъ взаймы Карлу XII“. А Орликъ свидѣтельствуетъ, какъ самъ Мазепа говорилъ ему, что онъ насолько „богатъ“ что можетъ и „Москву“ подкупить... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа въ этомъ случаѣ хвасталъ.... (стр. 313). Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ, говорить пословица и легко говорить о большихъ суммахъ Самойловича, когда все имущество послѣдняго было подсчитано и описано ¹⁾. Но и Мазепа былъ богатъ; такъ слѣдуетъ предполагать

¹⁾ См. Русск. Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком., т. VIII, стр. 989—1204.

потому, что онъ былъ стяжателемъ, а въ его положеніи для стяжаній было широкое поле. Главнымъ свидѣтелемъ о стяжаніяхъ Мазены является Кочубей; въ его доносѣ мы читаемъ: „прежнихъ лѣтъ... полковниковъ по любви вольными голосами обираю, а симоніи грамотной и ганебной не чувати было; а теперъ за полковницкіе уряды (Мазена) великіе беретъ взятки; хочъ бы незнать якъ которій заслужонный товарищъ былъ годенъ того уряду, а не будетъ ли мѣти достатку денегъ, то онога воспріяти не сподобится, а сподобятся тѣи, которіи зъ дябелъ мають грошей и есть що дати въ руки его по достатку“ (Источн., Бант.-Кам., II, 109). Конечно, это свидѣтельство *доносчика*, но читая внимательно *доносъ* Кочубея, въ немъ не находимъ ни одного факта, видимо ложнаго... Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаетъ нѣкоторые факты, но перечень послѣднихъ представляется правдивымъ... Г. Уманецъ, критикуя этотъ доносъ, говоритъ, что въ немъ „важное смѣшано съ мелочами“ и что онъ „въ практическомъ отношеніи обработанъ чрезвычайно плохо“. Да, можетъ быть, это обстоятельство и доказываетъ достовѣрность доноса или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ немъ „ложныхъ сплетеній“, говоря о которыхъ, Орликъ однакожь не указываетъ примѣровъ. Какъ бы то ни было, но о продажѣ полковничьихъ мѣстъ Мазею свидѣніи есть. Напримѣръ. Вдова гадацкаго полковника Бороховича, рассказывая, *о своемъ духовномъ завѣщаніи*, о семейныхъ своихъ дѣлахъ и объ оставляемомъ имѣніи, между прочимъ говоритъ, что по смерти ея мужа, одинъ изъ ея сыновей, „старяючися о полковничество гадацкое у Мазены, просилъ меня, дабымъ позычила ему зъ общаго нашего скарбу недѣленого—тысячу червонныхъ и сколько сотъ талеровъ битыхъ“; деньги были даны, „по онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ, да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазенѣ, *выпросилъ универсалъ на мои маестности*“¹⁾... Едва ли можно подозрѣвать въ этомъ свидѣтельствѣ какую-нибудь неправду. Если Мазена и не взялъ этихъ денегъ, то въ обществѣ существовала увѣ-

¹⁾ Русск. Арх., 1875 г., I, 314.

ренность, что онъ ихъ беретъ. При томъ же въ данномъ случаѣ гадяцкаго полковничества Мазепа не могъ дать Федору Бороховичу потому, что на это мѣсто садилъ своего племянника Трощинскаго, а Федору Бороховичу оказалъ видимое благоволеніе, давши ему одному универсалъ на отцовскія маестности при наличности матери-вдовы и двухъ братьевъ¹⁾. Что Мазепа вообще былъ склоненъ къ стяжанію, на это указываетъ, напр., тотъ фактъ, что лишенный полковничьяго уряда Миклашевскій, выпрашивая универсалъ на свои маестности, долженъ былъ поднести гетману подарокъ: походную палатку („наметъ“) и сто талеровъ. Объ этомъ рассказывала вдова Миклашевскаго, при чемъ „наметъ“ былъ подаркомъ, конечно, всѣми видѣннымъ. Та же вдова рассказываетъ, что когда по смерти мужа, она поѣхала съ своими пасынками къ Мазепѣ просить подтверждающаго универсала на маестности, то поднесла гетману на „покловъ“ „креденсъ сръбскій“ (сервизъ) въ тысячу талеровъ²⁾. Источниковъ для стяжаній было много...

Предложеніе Кочубеевиѣ 10000 червонцевъ (въ видѣ ли „вѣна“ или — обыкновеннаго обольщенія) не можетъ не указывать на обиліе у Мазепы капиталовъ. А замѣчаніе г. Уманца, что при разореніи Меншиковымъ Батурина не найдено де ни золота, ни серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, опровергается свидѣтельствомъ воснаго дневника Петра В., гдѣ говорится: „и тотъ городъ (Батуринъ) совсѣмъ сожгли и разорили до основанія, гдѣ злыло много измѣнника Мазепы богатства взяли“...³⁾

Свидѣнія о богатствахъ Мазепы можемъ дополнить еще и слѣдующимъ новымъ извѣстіемъ, которое г. Уманцу не могло быть извѣстно. Въ шведскомъ государственномъ архивѣ, въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій нашель (въ нач. этого года) донесеніе шведскаго чиновника, которому, по просьбѣ Мазепы, было поручено принять въ охрану богатства послѣдняго, на случай его смерти. Въ этомъ донесеніи значится, что послѣ смерти

¹⁾ См. тамъ же родословную.

²⁾ Опис. Стар. Малор., I, 31—32.

³⁾ Журналъ или подневная записка Петра В. (Саб. 1770.) ч. I, стр. 195.

Мазены у него, между прочимъ, оказалось: два „сѣдельныхъ“ мѣшка (мѣшки, которые привязывались къ сѣдламъ?), одинъ съ драгоценностями, а другой съ золотыми „медалями“, и два „четвертиныхъ“ (viertel-tonnen) боченка съ червонцами ¹⁾.

Поздняя любовь. Рассказывая романъ Мазены съ Кочубевиной, г. Уманецъ рисуетъ сначала портретъ отца ея, какъ и должно быть, человѣкомъ недалекимъ. Относительно біографіи Кочубея г. Уманецъ дѣлаетъ замѣтную ошибку, говоря, что на урядъ генер. писаря онъ былъ назначенъ Самоиловичемъ; при Самоиловичѣ Кочубей, повидимому, былъ только „реентомъ“ гетманской канцеляріи (на доносѣ 7 іюля 1687 г. подпись Кочубея значится безъ обозначенія чина, но генер. писаремъ въ это время былъ Прокоповичъ), а генер. писаремъ онъ назначенъ на „радѣ“ 24 іюля, когда чины были розданы Голлицынымъ по соглашенію съ Мазеною. Отсюда видно, что Мазена самъ выбралъ Кочубея на писарство, а онъ его не могъ не знать, находясь такъ давно вмѣстѣ на службѣ у Самоиловича. „Кочубей не принадлежалъ къ лучшимъ генер. писарямъ Малороссіи“, говоритъ г. Уманецъ. Однакожъ, пробывъ 13 лѣтъ генер. писаремъ при Мазенѣ—что пибудь да значило. Несомнѣнно, что Мазена цѣнилъ Кочубея, какъ усерднаго работника и безличнаго человѣка, а на такихъ мѣстахъ, какое занималъ Кочубей, безличіе есть достоинство, въ глазахъ патроновъ, такіе секретари, какъ Кочубей, не критикуютъ ихъ дѣйствій и охотно имъ льстятъ... Разбирая доносъ Кочубея на Мазену, г. Уманецъ говоритъ, что доносъ „обработанъ плохо въ литературномъ и практическомъ отношеніи“. „Самъ Кочубей, написалъ бы лучше (примѣръ—его „прекрасное“ письмо къ митрополиту Варлааму). Читая доносъ, кажется, что стоящая за нимъ жена настойчиво подсказываетъ: пиши царю вотъ о чемъ... этого не забудь... Почтенный судья слу-

¹⁾ Всѣ эти богатства потомъ были переданы Войнаровскому, какъ видно изъ тѣхъ же шведскихъ свѣдѣній.

шаетъ жену... Условія тогдaшней жизни создали небывалую самостоятельность женщины... на каждомъ шагy встрѣчаются сильныя жепскіе характеры и факты, указывающіе на ихъ общественное значеніе *)". Такимъ сильнымъ характеромъ обладала и жена Кочубея. Она то и „замѣтила въ душѣ дочери нѣчто болѣе обыкновеннаго расположенія къ крестному отцу“. Въ то же время Мазепа полюбилъ свою крестницу и „просилъ ее руки“. „Кромѣ неравенства лѣтъ, бракъ этотъ претилъ Кочубеямъ, потому что между женихомъ и невѣстой было духовное родство... Мазепѣ отказали... Невѣста упорствовала и ночью—уплыла въ гетманскій дворець... *Въ замкѣ гетмана Матрена Кочубей была самое короткое время. Это фактъ чрезвычайно важный* и его надо установить прежде всего. Будь иначе, оставайся она здѣсь, напр., день или недѣлю, враги гетмана, желавшіе сдѣлать его во что бы то ни стало отвѣтственнымъ, въ своемъ обвиненіи такъ и сказали бы... Все это: бѣгство, набатъ, возвращеніе—*было дѣломъ одного, много—двухъ часовъ*“. Затѣмъ подвергая разбору всѣ извѣстные факты изъ отношеній Мазепы къ Кочубеевицѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „отношеніе Мазепы къ его крестницѣ до конца остается корректнымъ... Давно пора болѣе трезво свотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность.“ На цѣлыхъ десяти страницахъ (стр. 329—348) г. Уманецъ старается доказать „корректность“ отношеній Мазепы къ Кочубеевицѣ и невозможность подозрѣнія въ соблазнѣ. Но всѣ доводы автора о „корректности“ этихъ отношеній, на нашъ взглядъ,

*) Приведены примѣры, причемъ прежде всего указываются „ворожки“; указывается мать Мазепы, заслужившая, по преданію, названіе „чаровницы“. Другіе примѣры столь же ясныя и темныя (напр. о разсылкѣ женою полковн. Солонини „универсаловъ“, ср. Соловьевъ, III, 420). Относительно Анны Хмельницкой и Фредоси „Палъевой“ въ исторіи сохранилось по одному факту, указывающему на ихъ „общественное значеніе“. Дневникъ Я. Марковича и П. Ханенка заключаютъ въ себѣ подробное описаніе общественнаго быта Малороссіи почти за весь XVIII-й вѣкъ, но женщины съ общественнымъ значеніемъ тутъ вовсе не видятся. Изъ историческихъ памятниковъ XVII и XVIII вв. (преимущественно изъ „тестаментовъ“) можно сдѣлать одно заключеніе о тогдaшней малорусской женщинѣ, что въ семьѣ она занимала почетное положеніе, какъ домоправительница.

не убѣдительно. Откуда, напр., авторъ беретъ свое заключеніе, что бѣгство Кочубеевны изъ отцовскаго дома къ Мазепѣ, набатъ и возвращеніе—все это продолжалось *не больше двухъ часовъ?*—Вѣдь источникъ для исторіи этого бѣгства одинъ—письмо Кочубея къ Петру В.—„Ноши же едина, яко волкъ овцу огради, тако онъ (Мазепа) *дщерь мою похити тайно*“—говоритъ Кочубей и далѣе прибавляетъ: не зная что дѣлать, онъ приказалъ „ударить въ колоколь“, „да всякъ видитъ бѣдство мое!“ И стало въ домѣ Кочубея „рыданіе о похищеніи и сокрушеніи дщере“.—„Увидавъ же (Мазепа) каковъ въ дому моемъ содѣяся плачь и рыданіе, и вопль многъ... возврати мнѣ дщерь“ при посредствѣ Анненкова, который при этомъ сказалъ такъ: не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену отпяти отъ тебе можетъ *)... Хотя это письмо Кочубей писалъ черезъ три года слишкомъ послѣ событія, но онъ его описываетъ только въ главныхъ чертахъ, которыхъ, какъ отецъ, никогда не могъ забыть... Не смотря на краткость описанія, передъ нами рисуется цѣлая семейная драма... Для ея поясненія нужно представить нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія. Извѣстно, что Мазепа жилъ не въ самомъ Батуринѣ, а верстахъ въ двухъ отъ его центра, въ предмѣстьи Гончаровкѣ, гдѣ дворецъ его помѣщался среди особаго „городка“, существующаго и теперъ **). А Кочубей жилъ въ самомъ Батуринѣ, въ своемъ домѣ, который, будучи пощаженъ при истребленіи Батурина Меншиковымъ, существуетъ (конечно въ взмѣненномъ видѣ) и теперъ. Около этого дома находилась домовая церковь Кочубея, о которой говоритъ монахъ Никаноръ („ходили они къ заутрени въ церковь, что у сво Васильева двора“). Вотъ изъ этого отцовскаго двора и бѣжала „единыя ноши“ Кочубеевна. Повидимому, родители сразу догадались, что бѣжала она къ Мазепѣ, на Гончаровку. Какъ видно, бѣгство это не скрылось и отъ сосѣдей, такъ какъ отецъ и мать въ ужасѣ пришли

*) Источн., Вост.-Кав., II, 127.

***) См. Опис. Стар. Малор., II, 260.

отъ того позора, который долженъ былъ слѣдовать за этимъ бѣгствомъ... И чтоже дѣлаютъ обезумѣвшіе отъ горя родители?—Броситься въ Гончаровку, какъ видно, представлялось имъ бесполезнымъ: разъ гетманъ согласился принять бѣжавшую къ нему дѣвushку, въ рукѣ которой ему отказано, конечно нельзя было рассчитывать, чтобы Кочубеевъ пустили да еще ночью въ гетманскій дворецъ... И вотъ Кочубей (а вѣрнѣе—Кочубей) рѣшается на крайнее средство: онъ велитъ „ударить въ колоколь, да всякъ видитъ бѣдство его“. Что же это значило?—Это значило, что Кочубей приказалъ тогда же ночью, ударить на своей колокольнѣ набатъ („на гвалтъ“), какъ это дѣлалось въ моментъ какогонибудь бѣдствія, напр., въ пожаръ, когда гудѣвшій звонъ, сзывалъ людей на помощь. Извѣстно то впечатлѣніе, которое производитъ ночью въ деревнѣ набатный звонъ во время пожара... Такое же впечатлѣніе произвелъ конечно и раздавшійся съ Кочубеевой церкви ночной набатъ... Сбѣжался народъ, и Кочубей ему объявили о своемъ „бѣдствѣ“... Очень можетъ быть, что это средство придумано было не отцомъ, а матерью, энергической Кочубеихою, потому что средство было настолько сильное, что не могло остаться безъ послѣдствій. Раздавшійся въ Батуринѣ набатъ не могъ не быть услышанъ и въ Гончаровкѣ... А Мазепѣ, конечно, донесли, что „звонъ на гвалтъ“ призываетъ людей не на пожаръ, а на помощь противъ ужаснаго насилія его, гетмана, принявшаго въ свой дворецъ бѣжавшую отъ родителей дѣвushку, равнодушіе къ которой его, гетмана, для батуринцевъ тайною не было. Что же оставалось дѣлать Мазепѣ?—Если онъ не обратилъ бы особаго вниманія на ужасъ семьи Кочубеевъ, то не могъ онъ не беречь своего гетманскаго достоинства... Гудѣвшій въ Батуринѣ колоколь вызывалъ его на судъ народный, и Мазепа это хорошо понималъ!—Такъ или иначе, а приходилось дочь вернуть семьѣ... Отвѣчая на всенародную жалобу Кочубееву, Мазепа и вернулъ ихъ дочь. Несмотря, однакожь на общую тревогу, „прощаніе старому съ молодою“ было, повидимому, очень пѣжное: уходящей былъ данъ перстень діамантовый („надъ которій найлѣпшого и найдо-

рогшого у Мазепы не было) и было условлено: „хоть сакъ, хоть такъ будетъ, а любовь межъ нами не одмѣнится“. Но понимая, какъ встрѣчена будетъ дома бѣжавшая дочь, Мазепа далъ ей въ проводники царскаго чиновника Анненкова. По своему авторитетному положенію, послѣдній являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ „корректныхъ“ отношеній бѣглянки къ гетману. Участіе въ возвращеніи Кочубеевны Анненкова должно было защитить Мазепу отъ явныхъ нареканій на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать извѣстную огласку „случаю“ въ Москвѣ, когда пожаловался бы туда Кочубей.—Такъ мы объясняемъ себѣ фактъ, почему Мазепа выбралъ въ проводники Кочубеевнѣ не кого либо изъ своихъ, а царскаго чиновника... Видно, что этотъ чиновникъ, не смотря на его особое положеніе, былъ очень близокъ къ Мазепѣ. Если вѣрить Кочубею,—а не вѣрить изложенію жалобы скромнаго Кочубея нѣтъ основаній,—то Анненковъ, возвращая дочь отцу, не удержался, чтобы не сдѣлать ему еще и нотации за причиненное безпокойство высокому патрону.—„Что, молъ, ты поднялъ такой шумъ изъ-за того, что дочь твоя ушла?—Вѣдь ушла то она къ гетману, который и самъ бы могъ ее взять да не только, что дочь, а и жену твою можетъ у тебя отнять!“ Могъ, разсердившись, царскій чиновникъ такъ пригрозить Кочубею, особенно зная его приверженность предъ гетманомъ.

И вотъ бѣжавшая дочь возвращена была подъ кровъ отца. Г. Уманецъ настаиваетъ, что въ отсутствіи она пробыла „не болѣе двухъ часовъ“, почему и слѣдуетъ де полагать, что „корректность“ отношеній была соблюдена... А намъ кажется, что тутъ важно не количество часовъ, проведенныхъ Кочубеевною въ гетманскомъ дворцѣ, а тайный ея уходъ ночью къ Мазепѣ, который не задолго передъ тѣмъ се сваталъ и—публичное ея затѣмъ возвращеніе, ночью-же, подъ охраною царскаго чиновника... Вся обстановка этого случая должна была сразу помрачить дѣвичью честь Кочубеевны въ тогдашнемъ общественномъ мнѣніи, у котораго вслѣдъ за тѣмъ явилось полное основаніе шушукать, что *Кочубеевна «ночевала» у гетмана...* Это шу-

шуканье тѣмъ большее кляло пятно на честь дѣвушки, что Мазепа и въ старости слылъ среди батурницевъ—ловеласомъ *).

Изъ писемъ Мазепы къ Кочубеевиѣ („по силѣ выраженія, ихъ можно сравнить, говорить г. Уманецъ, только съ любовными письмами Пушкина“) видно, что Кочубеевна была недовольна за отсылку ея изъ гетманскаго дворца къ отцу. Мазепа оправдывается, что ничего добраго не вышло бы, если бы она осталась у него („мусѣли-би-смо изъ собою жпти такъ якъ малженство кажетъ“), но тѣмъ не менѣе романъ свой Мазепа продолжаетъ: просить свиданія, напоминая объ обѣщаніяхъ любить.. Г. Уманецъ полагаетъ, что съ возвращеніемъ бѣглянки въ отчій домъ, ея любовь кончилась. „Горячія письма, подарки, мольбы о свиданіи и подсылки черезъ прислугу получаютъ надобливый и нѣсколько пошлый характеръ“... Бываетъ и такъ, какъ думаетъ г. Уманецъ, но бываетъ и иначе. Мазепа пишетъ къ Кочубеевиѣ: „уже ты меня засушила краснымъ своимъ личкомъ и своими обѣтницами... Прошу не откладай своей обѣтници...“ Повидимому, „обѣтници“ не исполняются потому, что дома ее „мучили и катовали“. Далѣе въ письмахъ читаемъ: „чого по мнѣ потребуешь, скажи все сій дѣвцѣ“, „коли они, проклятін твои, тебе цураются, иди въ монастырь“. „Тяжко зафрасовалемся почувни, же тая катувка (мать) не перестаетъ в. м. мучити, яко и вчора тое учинила“. Какъ видно, сначала сношенія дѣятельно поддерживаются съ обѣихъ сторонъ. Но затѣмъ дѣйствительно у Кочубеевны является какъ будто сомнѣніе въ дальнѣйшей судьбѣ романа.—„Вижу, же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку мнѣ,“ пишетъ ей гетманъ.—„Бодай того Богъ зъ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ“.—„Впередъ смерти на-себе сподѣвався, нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова... же мене, хочъ будешь за мною, хочъ не будешь, до смерти любити обѣдала.“ Эти напоминанія Мазепы указываютъ, что то чувство, которое несомнѣнно было у Кочубеевны, стало мерк-

*) Опис. Стар. Малороссія, II, 248.

нуть... „Убийственное сомнѣніе запало въ душу“; „уязвлено самолюбіе; разсѣялась иллюзія; парализовано чувство“... Такъ говоритъ г. Уманецъ, и очень вѣроятно, что разочарованіе это поразило Мазепу до того, что онъ замѣтивъ въ дѣвущкѣ угасаніе чувства, совсѣмъ потерялъ голову и сталъ обольщать ее деньгами... Кочубей рассказываетъ, что гетманъ, приславъ ему 4 декабря 1704 г., изъ Бахмача (здѣсь у Мазепы былъ загородный хуторъ—Поросючка) свѣжей рыбы, поручилъ тому же посланцу Демьяну повидаться съ его дочерью,—и выпросить у нея свиданіе съ Мазепою, обѣщая 3000 червнцевъ... А когда дѣвушка отвѣчала молчаніемъ, то Мазепа, вернувшись въ тотъ же день изъ Поросючки въ Батуринъ, снова прислалъ къ Кочубеевнѣ Демьяна, обѣщаетъ уже не 3 т., а 10 т. червнцевъ *). „абы только такъ учинила“... Полагать слѣдуетъ, что Мазепа настаиваетъ на свиданіи. А когда Кочубеевна „отговоривалася“, то посланецъ именемъ „пана“ проситъ у дѣвочки локозъ ея волосъ... Черезъ два дня, въ день св. Николая, Мазепа снова шлетъ посланца, умоляя о свиданіи и добавляя, что гдѣ-то въ оградѣ Кочубеевой усадьбы „проломана дирка“, „до которой дирки абы конечно вечеромъ пришла для якогось разговору“... „Частократне“ прислалъ Мазепа къ своей возлюбленной, при чемъ просилъ то „сорочку ея зъ тѣла, то намисто зъ тѣмъ...“ И посылала ему это намисто бѣдная дѣвушка, по словамъ Кочубея.

Эти частыя посылки гетманскихъ слугъ къ Кочубеевнѣ, какъ видно, ни для кого уже не оставались тайною, потому что по словамъ Кочубея, „крайнія ему учинились обелга (оскорбленіе) и поруганіе, и смертельное безчестіе“. Видимо, что,

*) Г. Уманецъ полагаетъ, что такая значительная сумма предлагалась въ видѣ „тѣла“, т. е. того обезпеченія, которое по литовск. статуту, полагается отъ мужа для обезпеченія жены, причѣмъ и Мазепа обѣщала де такую сумму Кочубеевнѣ на случай ея вдовства послѣ брака съ нимъ... Намъ кажется, что Кочубеевна не могла обладать такимъ практицизмомъ, чтобы съ нею можно было говорить о „тѣлѣ“ (о чемъ говорить съ родителями).. Скорѣе можно предполагать, что Мазепа предлагалъ дѣвушкѣ большую сумму денегъ просто какъ „деньги“, съ которыми жить на свѣтѣ легче, чѣмъ безъ нихъ...

ад. лазаревскій.

„слава“ дѣвухи окончательно помрачалась, а настойчивое продолженіе романа со стороны гетмана все большимъ и большимъ гнетомъ ложилось на сердца отца и матери. Не смотря на свою скромность, Кочубей рѣшается писать Мазепѣ, что нѣтъ болѣе у него силъ имѣть какіе бы то ни было сношенія съ гетманомъ... „Омрачился очей моихъ свѣтъ, обидѣлъ ми мерзевый студъ, не могу право зрѣти на лица людскія и передъ власными близкими и домовниками моими *окриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе*“. Сохранился и отвѣтъ Мазепы на этотъ горкій вопль отца о поруганной „славѣ“ дочери, въ которой онъ видѣлъ „будущую свою утѣху“. Гетманъ отвѣчаетъ, что не на него, гетмана, слѣдуетъ жаловаться, а не жеву Кочубеву. „Она то, а не кто инойъ печали твоей, пишетъ Мазепа, причиною...“ И затѣмъ, разумѣя бѣгство Матрены изъ отцовскаго дома, сравниваетъ ее съ св. Варварой, убѣгавшей отъ отца своего Діоскора... „А що взменкуешь въ томъ же своемъ пашевилномъ писмѣ о якомъ *блудъ, тою я не знаю и не розумью* *)“.

Вотъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ исторія для суда надъ Мазепою за его романъ съ дѣвухой, близкой ему и по отношеніямъ къ ея отцу, и по „духу“, какъ своею крестницей. „Все дѣло, ясное само по себѣ, въ устахъ молвы и поэтовъ получило такой видъ, какъ будто Мазепа соблазнилъ свою крестницу,“ говоритъ г. Уманецъ и пытается доказать, что если Мазепа предлагалъ Кочубеевицѣ 10 тыс. червонцевъ, то тутъ вовсе нѣтъ вопроса о „соблазнѣ“— „Искать мимоветной любви въ то время, когда дѣвуха отказала въ рукѣ!“—воскликаетъ г. Уманецъ и прибавляетъ, что предложеніе денегъ черезъ Демьяна говоритъ не о соблазнѣ, а о легкомысліи Мазепы.“ И далѣе г. Уманецъ продолжаетъ настаивать на „легальныхъ отношеніяхъ Мазепы къ невѣстѣ.“ Сохранилось показаніе

*) Эта фраза можетъ указывать, что Мазепа отвѣчаетъ не на предыдущее письмо Кочубей, въ которомъ нѣтъ рѣчи „о блудѣ“, но можетъ быть, что укоръ за блудъ—Мазепа самъ подразумевалъ въ словахъ Кочубей „о горькомъ срамѣ и поношеніи“.

ніе монаха Никанора о томъ, что ему говорили Кочубен, мужъ и жена, о „соблазнѣ“ („гетманъ ихъ дочь, зазвавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ“), но г. Уманецъ этому показанію не даетъ вѣры и заключаетъ свое изслѣдованіе романа съ Кочубеевшой словами, что давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратитъ ей обыкновенную гражданскую честность, тѣмъ болѣе, что „бывшая его невѣста вышла замужъ за Чуйкевича“ (стр. 346).

Намъ же представляется эта „любовь Мазепы“—послѣ всего рассказаннаго—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какъ увлекъ Мазепа дочь своего стараго помощника—не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ будучи 65-лѣтнимъ (по крайней мѣрѣ) старикомъ, увлекъ эту дѣвушку. Увлекъ, можетъ быть, обѣщаніемъ брака, можетъ быть блескомъ общественнаго своего положенія, или своею стариковскою красотою—этого мы не знаемъ, но увлекъ онъ ее до того, что когда мысль о бракѣ оказалась неосуществимою, то дѣвушка бѣжала къ нему, укрываясь отъ надзора ночнымъ временемъ. Мазепа не образумилъ дѣвушки, а *оставилъ ее у себя...* Только родительское горе могло изобрѣсти такое чрезвычайное и своеобразное средство, какъ ночной набатъ, чтобы вырвать изъ рукъ Мазепы эту дѣвушку... Сколько часовъ пробыла въ домѣ у гетмана эта дѣвушка—это вопросъ не важный, такъ какъ толпа, на глазахъ которой произошла этотъ случай, объ этомъ количествѣ часовъ не справлялась, но видѣла, что дочь генер. судьи бѣжитъ ночью къ отвергнутому во желанному жениху и *остается у него до тѣхъ поръ, пока набатъ, т. е. сила внѣшняя, принудилъ Мазепу отослать дѣвушку домой.* Самый набатъ уже показывалъ, какъ Кочубен смотрѣли на бѣгство своей дочери и чего боялись... Это не было бѣгство дочери хотя бы отъ злой матери къ вѣстному отцу, а это было бѣгство влюбленной дѣвушки къ своему возлюбленному и въ тоже время властелину страны... „Да не подумаетъ читатель, говорить г. Уманецъ, что Мазепа принадлежитъ къ числу людей, созданныхъ для мелкихъ эротическихъ походовъ. Такое заключеніе было бы нѣсколько

послѣднимъ* (стр. 357). А батурицы, живя годы вблизи гетмана, говорили между собою, что Мазепа не чуждъ былъ именно „мелкихъ эротическихъ похожденій“ *). Если всѣ эти обстоятельства взять вмѣстѣ, то намъ станетъ вполнѣ понятенъ ужасъ Кочубеевъ, когда они узнали о бѣгствѣ дочери. Ужасъ явился отъ мысли о связанномъ съ бѣгствомъ поруганіи чести дочери-дѣвушки.. Возвращенная затѣмъ къ отцу дочь уже лишилась въ глазахъ толпы того ореола дѣвичьей чистоты, который принадлежалъ ей наканунѣ, при чемъ толпа не справлялась—была-ли дѣвушка «соблазнена». *Возможность* соблазна была налицо... „Гражданскую честность“ Мазепа, впрочемъ, могъ еще сохранить, объяснивъ бѣгство къ нему дѣвушки порывомъ натерпѣвшейся отъ материнскихъ укоровъ дочери... Но Мазепа—эгоистъ. Стариковская страсть превозмогаетъ надъ „гражданскою честностью“: начинается пересылка писемъ, посылка „Мелашекъ“ и „Демьянковъ“, требованіе отъ дѣвушки присылки ея сорочекъ съ тѣла, коралловъ съ шем, волосъ... При приглашеніяхъ на свиданіе, дѣлается предупрежденіе, что мѣстомъ свиданія назначается нарочно сдѣланная для того дыра въ оградѣ Кочубеевой усадьбы. Слѣдовательно и послѣ возвращенія Кочубеевны, Мазепа продолжаетъ съ ней сношенія и объ этихъ сношеніяхъ, конечно, знаетъ весь Батуричь, а съ нимъ и вся Украина... **). Однимъ словомъ, 65-ти лѣтній Мазепа сдѣлалъ все, чтобы окончательно *обезславить* несчастную дѣвушку, и—должно быть,—изъ-за однихъ лишь „эротическихъ“ побужденій. Обезславленная дѣвушка должна была погибнуть и—погибла. О замужествѣ ея—не могло быть, и рѣчи. Г. Уманецъ повторяетъ рассказъ о выходѣ Матрены К—ны замужъ за Семена Чуйкевича, но послѣдній былъ женатъ на Катеринѣ Кочубей, какъ самъ онъ говоритъ въ официальной бумагѣ (Оп. Стар. Малор., II, 32), слѣдовательно

*) См. примѣч. на стр. 60.

**) Нужно имѣть въ виду, что хотя Мазепа къ Кочубеевнѣ писалъ письма, но отвѣты ея должны были быть устными, п. ч. Кочубеевна писать не умѣла, какъ не умѣла писать и всѣ лѣвобережнія малороссіянки, до полов. XVIII в. за весьма рѣдкими, быть можетъ, исключеніями.

этотъ фактъ къ „зороку преданій“ не имѣетъ отношенія. Къ преданію слѣдуетъ обратиться, разыскивая, что стало съ затѣмъ съ несчастной дѣвушкой. Мѣстное, полтавское преданіе говоритъ, что Матрена К—на кончила жизнь въ Пушкарскомъ монастырѣ (недалеко отъ Полтавы), и это преданіе наиболее вѣроятное *). О ея замужествѣ *нидѣ указаній нѣтъ*. Да и кто-бы ее взялъ въ тогдашней Малороссіи съ ея поруганною «славою». Матрена Кочубеевна погибла, какъ жертва эгоизма и легкомыслія Мазепы... Мы нарочно такъ подробно рассказали всѣ сохранившіеся факты изъ „поздней любви“, чтобы на сколько можно выяснитъ то положеніе, которое при этомъ занималъ Мазепа.—

Думается, что безпристрастный судья, выслушавъ точный рассказъ о романѣ Мазепы съ Кочубеевною, ничего въ немъ не найдетъ кромѣ эгоизма и легкомыслія со стороны этого самаго Мазепы.

„*Шведская инкурсія*“. Эта глава едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Уманца, такъ какъ въ ней рассказывается заключительный актъ политической жизни Мазепы, который собственно и придалъ имени этого человѣка, можно сказать, всеобщую извѣстность.

Рассказывая объ этомъ драматическомъ эпилогѣ Мазепиной жизни, г. Уманецъ ставитъ три вопроса: 1) измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? 2) Почему не удалась измѣна? и 3) Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ? Исходной точкой для разрѣшенія перваго вопроса служатъ автору слѣдующія положенія:

а) „Глубокій старикъ и бездѣтныи вдовецъ, Мазепа, въ случаѣ удачи, не можетъ воспользоваться плодами своей измѣны. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгода, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль“.

б) „Онъ не могъ работать для родственниковъ; будучи знатокомъ Малороссіи, Мазепа, не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства“.

*) Объ этомъ преданіи см. Записки в Полтавск. губ., Н. Арандаренка, III, 85 сл. Лазаревскій.

в) Самъ Мазепа, по свидѣтельству Орлика, такъ выразилъ причины своего замысла, въ рѣчи къ единомышленной старшинѣ: „Присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и не для оныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и regimentомъ моиъ застаючихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего Войска Запорожскаго и народу малороссійскаго, и для подвышеня и розширеня правъ и вольностей войсковыхъ“.. Изъ другихъ словъ Орлика можно предполагать, что Мазепа желалъ полной независимости Малороссіи. Къ этому г. Уманецъ добавляетъ: „да и могло ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй, нѣкоторые шансы успѣха имѣла только идея самостоятельнаго государства“.

Значить, вотъ чего хотѣлъ Мазепа, по миѣнію г. Уманца. Свидѣтельству Орлика, о томъ что Мазепа обращался къ старшинѣ съ этою рѣчью, конечно, не представляющею собою буквального ея содержанія, слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ это обстоятельство во время написанія Орликомъ своего письма, могло быть повѣрено живыми свидѣтелями, хотя бы, напр., Апостолюмъ. Но дѣло не въ томъ. Насколько патріотизмъ Мазепы былъ искрененъ? Насколько Мазепа на самомъ дѣлѣ могъ имѣть въ виду лишь одно „общее добро отчизны“?

Мазепа гетмановалъ двадцать два года,—время совершенно достаточное для того, чтобы можно было познакомиться, какъ съ общественною его дѣятельностью, такъ и съ личнымъ характеромъ этого человѣка. Правда, источникомъ для такого знакомства служить почти исключительно письменный матеріалъ офиціальнаго характера. Мазепинское время бѣдно и чужими, сосѣдными, мемуарами, а своихъ за это время и совсѣмъ нѣтъ; бѣдно оно и другимъ письменнымъ матеріаломъ частнаго характера, напр. частною перепискою. Мало сохранилось бумагъ и мѣстныхъ офиціальныхъ изъ мазепинскаго времени, такъ какъ тѣ архивы, гдѣ хранились бумаги объ офиціальной дѣятельности Мазепы, погибли въ пожарѣ Батурина...

Что же за человекъ былъ Мазепа?—Не смотря на бѣдность матеріала, у историка все же остается извѣстное представление о личности этого гетмана послѣ знакомства съ тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ о Мазеппиномъ времени, который сохранился и извѣстенъ... Достаточно прочтено архивнаго матеріала, касающагося времени Мазепы, и пишущимъ эти строки, при чемъ личность послѣдняго всегда интересовала читающаго, и каждая черта изъ дѣятельности этого гетмана присоединялась къ суммѣ представлений о немъ. Намъ Мазепа представляется, прежде всего, человекомъ, любившимъ власть и умѣвшимъ ею пользоваться. Не имѣя семьи, Мазепа личные интересы сосредоточивалъ въ этой самой власти. Близкое знакомство съ польскимъ аристократизмомъ и его личная тенденція къ этому аристократизму дали основаніе Мазепѣ устроить около себя „дворъ“ не съ одними „дворянами“, но и съ подраждѣніемъ ихъ на *крайчихъ, конюшихъ* и проч. Мазепа скоро усвоилъ себѣ тотъ *юморъ*, который заставлялъ окружающихъ его людей смотрѣть на своего региментаря если не съ уваженіемъ, то съ преклоненіемъ. Затѣмъ, это былъ человекъ холоднаго разсчета, выгоды или не выгоды въ томъ или другомъ дѣлѣ. Природный умъ Мазепы былъ еще изощренъ его жизненными перипетіями и въ особенности частыми сношеніями съ гениальнымъ и сильнымъ *повелителемъ*, въ лицѣ Петра В.—Блиzkихъ людей, не говоря уже о друзьяхъ, у Мазепы нѣтъ. Да онъ въ нихъ и нужды не чувствовалъ, потому что совершенно удовлетворялся своимъ превосходствомъ надъ окружающими. Самымъ близкимъ человекомъ, въ сферѣ официальной дѣятельности, у Мазепы долженъ былъ быть генеральный писарь. Съ перваго дня его гетманства и до 1700 г. должность эту занимаетъ добрый и по своему честный, но вполне безличный (такихъ людей въ Малороссіи называютъ „плохими“) — Кочубей. Никакой оригинальности въ этомъ человекѣ не было, но въ ней Мазепа и не нуждался, потому что свѣтники для него были лишними. Ему нужны были у подчиненныхъ: умѣнье и исполнительность. Качества эти у Кочубея, въ сферѣ его дѣятельности, должны были быть потому, что Мазепа очень долго держалъ его около себя

на писарствѣ. Отношенія съ старшиною у Мазепы были сухія. Кого жаловалъ или кто былъ нуженъ—того онъ щедро награждалъ, а кого не любилъ и за кѣмъ не стояла многочисленная родня,—тѣхъ не миловалъ. Зналъ онъ личныя дѣла своей старшины до мелочей; зналъ, кто богатъ, а кто бѣденъ. Велъ себя съ втою старшиною такъ, что высшіе урядники „Войска“ не смѣли дѣтей женить, „не доложившись“ своему „регентарю“. Уряды раздавалъ и отнималъ по своему усмотрѣнію. Подарки за уряды бралъ несомнѣнно. Непотизму при Мазепѣ было широкое мѣсто. Въ случаяхъ болѣе или менѣе сложнѣхъ, хитрилъ и говорилъ одно, а дѣлалъ другое, какъ это дѣлаютъ вообще умные и разсудочные люди.—Такимъ представляется намъ Мазена.—Для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь чертъ его характера имѣются прямыя доказательства, для другихъ—сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ, а для третьихъ—та вѣроятность, которая является естественнымъ послѣдствіемъ частыхъ встрѣчъ съ человѣкомъ, хотя бы только и на страницахъ разнообразнаго содержанія документовъ...

Могъ ли быть Мазепа тѣмъ патриотомъ, какимъ онъ себя рисуетъ въ рѣчи къ старшинѣ?—Мы бы сказали, что нѣтъ, основываясь на томъ, что Мазепа въ лѣвобережной Малороссіи былъ человѣкъ чужой, и она ему была чужою... Никакихъ воспоминаній, никакихъ симпатій съ лѣвымъ берегомъ у Мазепы не связывалось. На лѣвый берегъ Мазепа пришелъ, имѣя отъ роду во всякомъ случаѣ лѣтъ подъ сорокъ. Нашелъ онъ здѣсь обстановку частной жизни совсѣмъ не ту, къ которой привыкъ съ молодости. Связью съ лѣвобережной Малороссіей у него служило одно—власть. Не будь этой власти, ему не зачѣмъ было бы оставаться на лѣвомъ берегу; онъ удалился бы на правый берегъ, гдѣ вишняя культура у людей была та, съ которою онъ сроднился и отсутствія которой на лѣвомъ берегу онъ, должно быть, не могъ не чувствовать.

Задумавъ отторженію Малороссіи отъ Московскаго государства, Мазепа разумѣлъ конечно одну только лѣвобережную Малороссію, потому что только надъ нею онъ властвовалъ. Правый берегъ онъ могъ имѣть въ виду лишь въ послѣдствіи...

Но могла ли быть у Мазепы какая нибудь прочная связь съ лѣвобережнымъ народомъ?—Вѣдь его же долженъ былъ онъ имѣть въ виду, когда произносилъ свою клятву предъ старшиною, а не одну эту старшину: Ломиковскихъ, Максимовичей, Зеленскихъ и другихъ своихъ болѣе или менѣе близкихъ... Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, какъ почиталъ народъ Мазепу, но есть отголоски уличнаго мнѣнія о Мазепѣ батуринскаго населенія... Мнѣніе это было далеко не въ пользу гетмана: народъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не оставлявшемъ „мелкихъ, эротическихкихъ похощеній“ и въ старости... Были и другіе слухи, что достаточно было съ Мазепою „покумиться“, чтобы „взять власть“ и позволять себѣ насилія... (Опис. Ст. Малор., II, 389). Вотъ этотъ самый Мазепа будто бы задумалъ напречь всю свою духовную мощь, чтобы освободить „отчизну“ отъ габели московской и шведской! Ничего опредѣленнаго мы не знаемъ о той формѣ, въ которую должна была, по мыслямъ Мазепы, преобразиться освобожденная отчизна. Г. Уманецъ полагаетъ, что имѣлась въ виду „полная независимость Малороссіи“. Дѣйствительно, въ письмѣ Орлика находимъ свидѣтельство, что Мазепа, въ случаѣ первыхъ шаговъ уснѣха, предполагалъ писать Петру: „мы, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣе теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго *совершенною нашею освобожденія будемъ ожидать*“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что Мазепа, рассчитывая на затрудненіе Петра В. въ шведской войнѣ и надѣясь на удачу шведовъ, имѣлъ въ виду „отойти отъ Московскаго государства и стать, въ видѣ „свободнаго народа“, подъ протекцію Швеціи... Слѣдуетъ думать, что это былъ лишь временный расчетъ у Мазепы, такъ какъ Швеція отъ Украины, по своему географическому положенію, была слишкомъ далека. Непосредственными сосѣдями у малорускаго народа оставались все таки тѣ же—Московское государство, Польша и Крымъ. Среди этихъ народностей приходилось жить Украинѣ въ случаѣ удачи Мазепаинаго замысла. Но трудно, да пожалуй и совсѣмъ невозможно было Украинѣ прожить среди этихъ сосѣдей, не понавъ подъ протекцію, а то и подъ фериулу, одного изъ нихъ, какъ это было съ Украиной во

всѣхъ предыдущихъ вѣкахъ, начиная съ паденія княжеской Руси. За протекціей Швеціи должна была слѣдовать чья-либо иная. Московская протекція въ этотъ моментъ была уже невозможна, а крымская—и всегда была непрочно и ненадежна. Оставалась протекція—Польши, столь знакомой для Малороссіи по недавнему прошлому, а для Мазепы—по личнымъ къ ней отношеніямъ. Трудно допустить предположеніе, чтобы Мазепа, при его умѣ и опытности, могъ питаться идеей о „самостоятельномъ государствѣ“, такъ какъ исторія не представляла такого примѣра въ судьбахъ Украины. Малорусскій народъ, обособленный этнографически, никогда, повидимому, не выразилъ тенденціи къ политическому обособленію, даже въ наиболѣе благопріятный для того моментъ—въ половинѣ XVII в. Едва ли могло быть мѣсто такой тенденціи со стороны народа и спустя болѣе чѣмъ полвѣка послѣ сего момента. Конечно, популярный властелинъ могъ до нѣкоторой степени развить въ народѣ такую тенденцію, но Мазепа такимъ властелиномъ не могъ быть потому, что онъ не пользовался никакою популярностью и вообще далеко стоялъ отъ народа, по условіямъ прежней своей жизни. Поэтому, намъ кажется, что Мазепа, замисливъ отложеніе отъ Русскаго государства, необходимо имѣлъ въ виду постоянную протекцію другого своего сосѣда. Выбора между Крымомъ и Польшею не было. Онъ долженъ былъ разсчитывать прикрыться тѣмъ же польскимъ крыломъ, какимъ полвѣка назадъ думалъ прикрыться и Выговскій. Программа обособленнаго политическаго бытія Малороссіи въ гадяцкихъ „пактахъ“ была готова. А по доводу Кочубея, Мазепа ихъ читалъ передъ измѣной, и не одинъ, а въ присутствіи единомышленной ему старшины. Протекцію Польши имѣлъ въ виду Мазепа, когда совѣтовалъ Кочубею не торопиться съ выдачею дочери за Чуйкевича, а подождать, пока явится возможность выбрать жепиха изъ числа шляхтичей „зъ лядской стороны“ „якъ будемъ зъ ляхами въ едності“. (Источн. Мал. Ист., Бант.-Кам., II, 101). Въ Польшѣ мы видимъ цѣль Мазепы послѣ того, когда онъ разсчитывалъ, при помощи Швеціи, освободиться изъ подъ ферулы Русскаго государства. Вотъ

чего хотѣлъ Мазепа!—сказали бы мы въ отвѣтъ на первый вопросъ г. Уманца.

Почему же не удалась измѣна?—Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ сначала на первые шаги Мазепинаго замысла въ его дѣйствіи, когда Мазепа 30 октября 1708 г., покинувъ Батурипъ, направился къ шведамъ. Г. Уманецъ видитъ стеченіе дѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, явившихся послѣ того, какъ Мазепа открылъ свой замыселъ. Первая неудача заключалась-де въ томъ, что Карлъ рѣшилъ идти въ Малороссію, и слѣдовательно направлялъ за собою и армию русскую „на послѣднюю Украину руну“. Затѣмъ, будто бы вступленіе шведовъ чрезъ Стародубскій полкъ было роковымъ какъ для шведовъ, такъ и для Мазепы. Это потому-де, что „этотъ полкъ поздиѣ сдѣлался независимымъ отъ польскаго владычества, былъ менѣе проникнутъ козацкимъ духомъ и ранѣе всѣхъ другихъ вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ... Карлъ и Мазепа, разобщенные отъ Запорожья и приднѣпровскихъ полковъ, ограниченные предѣлами одного Стародубскаго полка, сразу очутились какъ бы въ мѣшкѣ. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, прежде всего отпадала вторая часть плана Мазепы—самостоятельное возстаніе южной Малороссіи и Запорожья... Но у Мазепы остается еще одинъ шансъ: быстрый переходъ шведовъ къ Батурину и далѣе, въ Полтавскій полкъ...“ Но Карлъ „почему то медлилъ“. Это обстоятельство было причиною, что „вмѣсто того, чтобы, выждавъ шведовъ (въ Батуринѣ?) въ кругу старшинъ, показавъ имъ на югѣ волнующееся козацкое море и поднимающійся народъ на сѣверѣ, идти далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа, Мазепа долженъ теперь самъ слѣзнуть къ шведамъ на сѣверъ, въ сомнительную Стародубщину, провожаемый отрядомъ *наполювину разбѣжавшихся козаковъ и двусмысленными взглядами населенія*, относительно равнодушнаго къ идеѣ независимой Малороссіи“... Къ доверженію полной неудачи, Меншиковъ обошелъ Мазепу и шведовъ и—истребилъ Батурипъ... „Узнавъ объ этомъ, Мазепа сказалъ: Украина уграшенная Батуриномъ, будетъ бояться

вмѣстѣ съ нами держаться".—Неожиданный приходъ шведовъ въ Малороссію если и нарушилъ планы Мазепы, то все же не долженъ былъ имѣть гибельнаго значенія для его дѣла, такъ какъ для осуществленія этого плана имѣлась въ виду главнымъ образомъ сила шведовъ, ихъ превосходство надъ русскимъ войскомъ. Сила эта осталась въ прежнемъ положеніи. Вступленіе шведовъ въ Малороссію чрезъ Стародубскій полкъ тоже, если и имѣло невыгоду для Мазепы, то не потому, что этотъ полкъ „ранѣ вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ“ (Рославецъ не представлялъ собою полка и никакой солидарности между Рославцомъ и населеніемъ полка—*не было*), а потому, что полковникомъ въ немъ былъ Скоропадскій, въ которомъ Мазепа положительно ошибся: онъ не сомнѣвался въ единomyслии этого полковника, упустилъ изъ виду, что Скоропадскій былъ безличный и всего боавшійся челоуѣкъ; боялся онъ и Мазепы, находясь около него, но еще больше убоялся русскихъ войскъ, когда они явились въ Стародубщину. А тутъ прибавился и другой противникъ для Мазепы—новгородсѣверскій сотникъ Жоравка. Вотъ эти два лица сильно помѣшали Мазепѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе полагать, что послѣ объявленія своего рѣшенія идти на соединеніе къ шведамъ, онъ не встрѣтитъ „двусмысленныхъ взглядовъ населенія“. Г. Уманецъ полагаетъ, что Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу отъ придиѣпровскихъ полковъ и Запорожья, а что еслибы Мазепа, соединившись со шведами въ Батуриинѣ, „въ кругу старшинъ“ и при наличности не „разбѣжавшихся еще козаковъ“, перешелъ на югъ („въ Полтавскій полкъ“), то тогда явилась бы другая картина. Тогда, полагаетъ г. Уманецъ, „заволновалось бы козацкое море на югѣ, поднялся бы народъ на сѣверѣ (т. е. въ той же Стародубщинѣ), и Мазепа пошелъ бы далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волиъ возставшаго народа...“ Никакихъ основаній для подобнаго представленія въ исторіи не имѣется... Если исключить Запорожье и нѣкоторые по-орельскіе городки (входившіе въ составъ Полтавскаго полка), то нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ придиѣпров-

сѣихъ полкахъ, за все время восьмидесячнаго пребыванія шведовъ въ Украинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы въ народѣ раздался хоть какой-нибудь „кликъ“ сочувствія къ Мазепѣ или когда бы хотя незначительная группа того же народа проявила что нибудь похожее на „возстаніе“¹⁾... Дѣйствительно, народъ былъ „равнодушнъ къ идеѣ независимой Малороссіи“, потому что эта идея не помѣщалась въ его сознаніи... Когда народу говорили о возможности освобожденія отъ „московской неволи“, (если только говорили), то онъ, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, могъ видѣть только *неволю* польскую. Послѣдняя ему хорошо была знакома съ ея *панам*. Объ униі мы не говоримъ, потому что униі лѣвобережная Малороссія не знала, но *пановъ*— съ чужою религіей, съ чужимъ языкомъ и главное—съ безграницною ихъ властью, народъ хорошо помнилъ, потому что въ юридическихъ актахъ, при опредѣленіи событія извѣстнымъ временемъ, то и дѣло слышится изъ устъ народа—„то было за пановъ“; не говорили, что то было „за ляховъ“ а именно— „за пановъ“, потому что на лѣвомъ берегу Днѣпра не „ляхи“ дали себя звать (т. е. не преслѣдованія, напр., религіозныя), а „паны“, т. е. гнетъ экономическій. „Панамъ“ опредѣлялось время польскаго владычества. Послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины и послѣ присоединенія послѣдней къ Москвѣ, народъ освободился отъ неограниченной власти *пановъ*—

¹⁾ Къ Днѣпру прилежали слѣдующіе поляки: Киевскій, Переяславскій, Лубенскій, Миргородскій и Полтавскій. Если къ нимъ присоединить небольшой Прилуцкій полкъ и южную часть Нѣжинскаго, то и явится вся степная Малороссія (такъ называемая—*Поля*). Посему указаніе г. Уманца на приднѣпровскіе полки нѣсколько неясно. Не Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу съ *Полями*, а Нѣжинскій. Кромѣ Запорожья, участіе въ „измѣнѣ“ Мазепы принимало отчасти и населеніе По орьска, всегда находившееся въ единеніи съ ближайшими своими сосѣдями—запорожцами. (Это обстоятельство и было источникомъ для замѣчанія извѣстнаго епископа Мефодія, что „запорожцы съ полтавцами живутъ совѣтно, что мужъ съ женой“). Объ участіи по-орельскихъ городковъ въ „измѣнѣ“ ширится два свидѣнія: 1) у Костомарова („Мазепа“, 520), объ „истребленіи всѣхъ жителей“ Малкии и Нехворощи и 2) въ хроникѣ Крестьянска (Библи. для Чтенія 1850 г., т. 97 н., отд. III, стр. 81), гдѣ читаемъ: „изъ Малковъ (Малкии) измѣнники козакъ ушли до Царичинки и тамъ засѣли, и для занятя оного мѣста пославъ бригадиръ Эгейнъ“.

поляковъ. Если, на смѣну ихъ, къ началу XVIII в. и народились новые паны, то разница между ними и поляками была огромная: сколько селъ въ Малороссіи было *ратушнихъ*, вовсе не знавшихъ новыхъ пановъ, и какъ легки были переходы изъ одного села въ другое! Ничего не стоило покинуть жестокаго пана, нужно было лишь пожертвовать *грунтомъ*, а свободныхъ грунтовъ было много. Тяжелы были для народа лѣвобережной Малороссіи гетманскія междоусобицы, когда проходившія войска, свои, русскія, а подъ часъ и татарскія, „выбывали“¹⁾ цѣлыя села. Но съ уходомъ со сцены Брюховецкаго и Дорошенка, эти междоусобицы кончились. Послѣ этого, начиная съ Многогрѣшнаго, тяжела стала народу вопиющая повинность и содержаніе войскъ, какъ своихъ (охотничьихъ), такъ въ особенности русскихъ. Во всякомъ случаѣ, при сравненіи тѣхъ условій народной жизни, которыя имѣли мѣсто при полякахъ и которыя настали послѣ изгнанія ихъ,—нечего было и говорить, что народъ возвращаться къ „ляхамъ“—желать не могъ. Ферула „москалей“ была гораздо легче: во второй половинѣ XVII вѣка народъ далеко отошелъ отъ того своего состоянія, которое давало полякамъ основаніе называть этотъ народъ *быдломъ*.. Вотъ при такомъ то положеніи народа сравнительно съ недавнимъ его прошлымъ, замыселъ Мазепы оказывался дѣломъ чуждымъ этому народу. По этой причинѣ и не могла удалась измѣна Мазепы,—отвѣтныя мы г. Уманцу, думающему иначе. Г. Уманецъ говоритъ, что „надежда найти въ Москвѣ управу на старшину равно заставляеть народъ обратить сюда свои взоры“ и что „украинскій народъ, даже не любя Москвы, тяготѣлъ къ ней и тормозилъ предпримчивость старшины“. Мы думаемъ, что г. Уманецъ ошибается: при Мазепѣ и раньше народъ еще не искалъ въ Москвѣ управы на старшину да и не могъ искать потому, что съ этою Москвою у него почти вовсе не было отношеній, если исключить 1666—68 годы. Народъ не чувствовалъ, повидимому, никакого влеченія къ „москалямъ“ вслѣдствіе ужъ очень большого несходства въ характе-

¹⁾ Выраженіе того времени. См. Дя. Зап. Марковича, II, 10.

рахъ и домашней обстановкѣ, но Польши народъ боялся и къ Польшѣ онъ ни за что бы не вернулся... Вотъ гдѣ нужно искать, повторяемъ, главную причину несочувствія народа къ замыслу Мазепы. Несочувственно относилась къ замыслу Мазепы и старшина. Трудно, чрезвычайно трудно возстановить психологію той старшины, которая слушала присягу Мазепы и на что-то надѣялась, чего-то искала... Намъ кажется, что всѣ эти Ломиковскіе, Горленки, Максимовичи, Чуйкевичи, отцы семействъ и державцы богатыхъ маестностей, всѣ они были какъ бы подавлены своего рода внушеніемъ со стороны Мазепы... Всѣ эти патерфимиліасы жили вполне обеспеченною жизнью, наслаждаясь властью, соединенною съ богатствомъ. Чего они могли опасаться?—что Москва „примется“ за нихъ, какъ за своихъ враговъ“? (разговоръ Меншикова съ Мазепою въ Кіевѣ, въ 1706 г.). Думается, что для этого у „Москвы“ не было никакихъ основаній. Подвыпившій Меншиковъ могъ высказывать свои задупенныя мысли, указывавшія его личную тенденцію возобладать богатою маестностями Украиною, но въ дѣйствіяхъ царя въ это время ничего еще не было видно, что бы указывало его намѣреніе „пріятаться“ за старшину. Намъ кажется, что и старшина не могла искренно внимать Мазепѣ и если не противорѣчила ему, то потому, что почти лишена была способности разсуждать. Одинъ изъ вліятельныхъ людей въ кругу первостепенной старшины, генер. обозный Ломиковскій („лысый чортъ“) относительно замысловъ Мазепы, такъ говорилъ среди собратьевъ: „куды-де его милость добродѣй, туда и намъ треба“. (Источн. Мал. Ист., II, 113). Орликъ говоритъ, что два полковника (Апостоль и Горленко) бывшіе „начальнѣйшими“ и „паче иныхъ большое до Мазепы дерзновеніе имѣвшіе“, особенно настаивали у гетмана на томъ, что дальше-де невозможно оставаться подъ властью „Москвы“ и необходимо перейти скорѣе къ осуществленію замысла. Что касается Апостола, то это былъ своего рода мечтатель, и очень возможно, что онъ былъ искренно расположенъ къ замыслу. Не смотря на свой личный антагонизмъ къ Мазепѣ, Апостоль былъ единомышленникомъ послѣдняго въ

замыслахъ объ измѣнѣ, будучи раздражаемъ тою тяготою, которую народъ испытывалъ отъ московскихъ „консистентовъ“, а съ другой стороны—по личному своему характеру, ничего не загадывая о дальнѣйшемъ будущемъ Украины... Горленко былъ „поддубальнымъ сыномъ“ Мазепы и во всемъ вторилъ патрону... Другая старшина, повидимому, молчала, прійдя къ одному заключенію, что „куда его милость добродѣи, туды и намъ треба“... Но внутреннее разединеніе старшины съ гетманомъ обнаружилось уже черезъ мѣсяць послѣ того, какъ она молча пошла за своимъ регимантаремъ изъ Батурпина къ шведамъ... Съ одной стороны „разбѣжавшіеся козакъ“ (т. е. войско), а съ другой „двусмысленные взгляды населенія“ сразу показали старшинѣ, что замыселъ ихъ гетмана въ народѣ не отозвался ни однимъ откликомъ и явился личною авантюрою стараго гетмана, не хотѣвшаго забыть Польшу...

Способность малорусскаго народа къ политическому самочувствію доказана возстаніемъ Хмельницкаго. Съ одной стороны, тяжесть польскаго ярма, а съ другой стороны, прямая цѣль всѣхъ дѣйствій Хмельницкаго—снять съ народа это ярмо,—воодушевили малорусскій народъ въ половинѣ XVII в., и его возстаніе тогда стало общимъ. Могло ли быть что-нибудь подобное при Мазепѣ?—Съ одной стороны, неясность для народа той цѣли, къ которой стремился Мазепа, а съ другой—полная отчужденность гетмана отъ народныхъ интересовъ,—не могли дать никакихъ положительныхъ результатовъ въ „измѣнѣ“ Мазепы, которая поэтому и является въ исторіи Малороссіи личною авантюрою Мазепы, повторившаго такую же авантюру своего предначинателя Выговскаго.

Объявля Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что „вообще онъ не былъ золъ“ и что „лишняя жестокость не въ его характерѣ“ (стр. 371 и 374). Исторія не сохранила намъ частныхъ ни о добрыхъ, ни о злыхъ дѣлахъ Мазепы. Но можно предполагать, что Мазепа могъ спасти Григорія Самойловича отъ казни и во всякомъ случаѣ могъ устранить ужасную жестокость этой казни („голову оттали, рубяючи разовъ три—задля болшой муки“, Са-

мовид., 79). Есть указаніе на мстительность Мазепы, напр., въ его отношеніяхъ къ Василю Борковскому и Константину Солонивѣ...

Разрѣшая послѣдній вопросъ, касающійся „измѣны“ Мазепы—какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ?—г. Уманецъ говоритъ: „измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концемъ, была необходима для того, чтобы, разъ навсегда, покончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро выработалась новая формула патриотизма“... (стр. 406). Такъ ли это?—Имѣетъ ли историкъ основаніе выводить подобное заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которыми сопровождалась Мазепина „измѣна“?—Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему: „масса“ въ „иллюзіяхъ“ Мазепы и ближайшихъ его наперсниковъ—не участвовала, а потому и не отъ чего ей было отрезвляться; однако и „народному чувству“ не было повода старую дорогу (какая бы она ни была) мѣнять на „новую“. Старшинскія „иллюзіи“ дали народу лишь новыя причины для упрековъ противъ нея, потому что ближайшими результатами Мазепиной „измѣны“ явились: огромная убыль народныхъ силъ, какъ слѣдствіе шведской „руины“ и сильное уменьшеніе автономіи края.

Что же слѣдуетъ сказать въ концѣ концовъ о результатахъ взятаго на себя г. Уманцомъ „пересмотра стараго, забытаго дѣла“ (предисл.)?—Разставаясь съ книгою Ф. М. Уманца, мы лично пожалѣли, что для этого „пересмотра“ авторомъ употреблено, видимо, недостаточно времени, а это не дало ему возможности ближе познакомиться съ социальнымъ бытомъ лѣвобережной Малороссіи въ втор. полов. XVII в.; его изученіе за послѣднія два-три десятилѣтія настолько подвинулось впередъ

что историкъ уже видны главныя черты тогдашней *народной жизни* съ ея положительными и отрицательными сторонами. Намъ кажется, что при большемъ времени г. Уманецъ если и не смогъ бы смыть съ Мазепы „темныхъ красокъ“, то во всякомъ случаѣ представилъ бы намъ его время въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги г. Уманца мы видимъ, что его освѣщеніе не всегда вѣрно.—Возьмемъ для примѣра указаніе г. Уманца на состояніе грамотности въ Малороссіи втор. полов. XVII в. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету.—„Уваженіе пауки и желаніе показаться безграмотнымъ какъ то мирно уживаются въ Малороссіи того времени. Такое странное сочетаніе требуетъ объясненія. Прежде всего, въ Малороссіи какъ будто *бравируютъ безграмотностью*. Даже несомнѣнно грамотные старшины, случалось, поручали за себя росписываться. Такъ, напр., при выборѣ Самойловича, за полковника Дмитрашка Ранча—серба по происхожденію и сербская грамотность котораго видна изъ другихъ актовъ, расписывается козакъ Бувайло. Подобное, но еще въ большемъ размѣрѣ видимъ на Запорожьѣ...“ Примѣръ Запорожья—„городамъ“ не указъ, скажемъ мы. Въ Запорожьѣ жили „характерники“, въ обиходѣ которыхъ дѣйствительно практиковались разныя причуды, съ помощью которыхъ запорожцы хотѣли прослыть хитроумными Улсссами; но въ гетманщинѣ указываемого г. Уманцомъ явленія, повидимому, вовсе не было... Примѣръ Дмитрашка не годится уже и потому, что это былъ *сербъ*, а затѣмъ умѣніе писать сербскія каракули ¹⁾ еще не обозначало той грамотности, съ которою Дмитрашко могъ безъ стѣсненія дать свою подпись на актѣ объ избраніи гетмана. Утверждаемъ, что не было „такой моды“, а слѣдовательно не могло быть и мотивовъ ея. Гетманы и старшины или пишутъ, какъ каллиграфы, или объявляютъ себя неграмотными“, говоритъ г. Уманецъ, при чемъ какъ на объявившаго себя неграмотнымъ указываетъ на гетмана Михайла Дорошенка (1625 г.), не имѣя ни малѣйшихъ дан-

¹⁾ Снимокъ съ нихъ см. въ Киевск. Стар. 1893 г., апрѣль, 28. Этими каракулями написано: „Дмитрашко Ранча рукою свою помиску“.

ныхъ для заключенія о его грамотности ¹⁾. „Однимъ изъ мотивовъ такой моды, читаемъ далѣе у г. Уманца, служить желаніе дать себѣ наиболѣе демократическій отгѣнокъ. Какъ теперь, государственные люди Америки охотно приписываютъ себѣ карьеру черноработчаго, такъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, возникъ запросъ на людей, проложившихъ дорогу безъ книжнаго образованія (?). Другой мотивъ—въ выгодахъ безграмотности. Она давала козаку XVI вѣка (XVII-го?) возможность не подписать такую бумагу, за которую въ недалекомъ будущемъ приходилось отплатить головою (?). Этимъ объясняется поразительное множество подписей „за неумѣющихъ грамотъ“ на актахъ, совершенныхъ во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву. Какъ будто, для поѣздки въ Москву, Брюховецкій нарочно бралъ лицъ, незнакомыхъ со школой! Но люди, сопровождавшіе Брюховецкаго, просто не хотѣли подписывать документъ, которымъ гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ челомъ ударили великому государю всѣми малороссійскими городами и съ уѣзды“, и вдругъ, повально, почти всѣ оказались неграмотными“ (стр. 108). Обращаемся къ этому документу и видимъ, что изъ высшихъ урядниковъ неграмотными значатся: ген. обозный Цесарскій, генер. судья Петръ Забѣла, генер. есаулы Василій Федяенко и Павелъ Константиновъ, генер. бунчужный Иванъ Михайловъ, генер. хоружій Николай Яковлевъ и полковники: перяславскій (наказный)—Романенко, нѣжинскій,—Гвинтовка, зеньковскій—Шиманенко, бывшій стародубскій—Петръ Рославецъ и бывшій полтавскій—Гуджолъ. (Источн. Малор. Ист., Бант.-Кам., I, 189—139). Но тутъ же, на этомъ актѣ, видимъ и грамотныхъ: кіевскаго полковника Василія Дворецкаго, лубенскаго—Григорія Гамалѣю и „посланца“ отъ полка Черниговскаго—Ивана Домонтовича (ошибочно назван-

1) Сдѣлавъ ссыла на то мѣсто „Богд. Хмельн.“ Костомарова (I, 83), гдѣ сказано: „новоизбранный гетманъ Михайло Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Вурчевскій) присягнувъ на вѣрность“. Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ между польскими комиссарами и козаками у оз. Курукова. См. Арх. Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 284—292. Значитъ, по мнѣнію г. Уманца, Мих. Дорошенко долженъ былъ быть грамотнымъ потому только, что онъ былъ гетманомъ...

наго Ромоитовымъ), будущаго генер. судью.—Г. Уманецъ говорить, что повальное неграмотство явилось именно среди лицъ, побывавшихъ съ Брюховецкимъ въ Москву, но на „статьяхъ“ постановленныхъ съ гетм. Брюховецкимъ“ *въ Батуринѣ*, въ ноябрь 1664 г., видимъ тѣхъ же неграмотныхъ: генер. обознаго Цесарскаго, генер. судей Незамай и Петра Забѣлу, генер. есауловъ Афанасьева и Нужнаго и полковниковъ: прилуцкаго Песоцкаго, нѣжинскаго Гвинтовку, лубенскаго Вербицкаго, зеньковскаго Шимана (Шимапенка—тожъ) стародубскаго Плотника и полтавскаго Гуджола, (стр. 129—130). А кievскій полковникъ Дворецкій и тутъ показывается сея грамотнымъ.—Слѣдовательно не въ Москвѣ только являлось „повальное“ безграмотство. Но къ этому мы должны добавить, что изъ ѣздившей въ Москву старшиной *дѣйствительная* неграмотность намъ извѣстна по другимъ актамъ—генер. судьи Петра Забѣлы и полковниковъ Гвинтовки и Рославца, а изъ лицъ, подписавшихъ актъ 1664 г. дѣйствительно неграмотными были полковники Вербицкій, Песоцкій, и Плотникъ. Остальная старшина, показанная неграмотною, конечно таковою и была. Да, трудно было и быть пою старшиной Брюховецкаго, поставленной, по выраженію Грабянки ¹⁾—„зъ гультайства запорожскаго“, па что указываетъ и Самовидецъ, говоря, что эти полковники были назначены Брюховецкимъ вслѣдъ за поставленіемъ его на гетманство: „и выйшовши зъ церкви (послѣ присяги), Брюховецкій того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ зъ *тихъ людей, которые зъ нимъ вышши зъ Запорожа, по усъхъ городовъ*“ (стр. 41). Нисколько не удивительно поэтому, что старшина Брюховецкаго почти „повально“ была неграмотною. Но повторяемъ, что и до Брюховецкаго среди генеральной старшины и полковниковъ *очень часто* были люди неграмотные, а въ средѣ нижней старшины безграмотство было почти „повальное“. Никакого, поэтому „сокрытія грамотности“ въ Малороссіи подозревать нельзя.

¹⁾ Оупущенное въ печати мѣсто на стр. 196. См. Киевск. Стар. 1891 г., томъ. 298.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно добавленіе къ свѣдѣніямъ о матери Мазены, полученное нами уже тогда, когда мы оканчивали наши „замѣтки“. Еще Максимовичъ (Соч., I, 200 п слѣд.) отмѣтилъ, что въ числѣ лицъ, записанныхъ въ пивной „Реестръ“ лужскаго правосл. братства, значится и „Марина Мазенина“, но какая это была Мазенина—не поясляетъ. На дняхъ мы узнали отъ О. П. Ловицкаго, что указанный Максимовичемъ подлинный „Реестръ“ хранится въ библиотекѣ Кіевской Археографической Коммисіи, и обратившись къ этой рукописи, на обор. 11-го листа нашли такую запись: „Марина Мазенина, подьячница черниговска“. Изъ указанія на чинъ ея мужа, мы видимъ, что эта была жена (или вдова) *подьячаго черниговскаго* г. е. Адама Мазены, а слѣдовательно, это была *мать гетмана Мазны*. Записана „Мазенина“ въ „Реестрѣ“ постороннимъ лицомъ потому, что почеркъ записи совершенно отличенъ отъ дѣйствительнаго почерка матери гетмана, снимокъ съ котораго приведенъ у насъ выше, и кромѣ того, запись сдѣлана *русскими буквами*, а такъ какъ въ 1871 году, уже будучи нгуменьей, Мазенина подписывалась польскими буквами, то слѣдуетъ думать, что мать гетмана по-русски писать не умѣла, какъ это тогда было въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ изъ записи лужскаго братскаго „Реестра“ мы видимъ, что мірское имя матери гетмана было Марина.

Предки П. А. Кулиша.

Въ одномъ изъ писемъ къ С. Д. Носу П. А. Кулишъ жалуется, что онъ не былъ допущенъ къ слушанію лекцій въ Кіевскомъ университетѣ будго бы потому, что не могъ представить „дворянскаго протокола на свое, а не на папотцеве имя“, прибавляя къ этому, что его «папотець зоставсь десятилиткѣмъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію»¹⁾,

¹⁾ Кіевск. Стар. 1897 г., май, стр. 295.

А. ЗАГАРЕСКИЙ.

т. е. потому де и не могъ добиться въ герольдіи утвержденія въ дворянствѣ. Но дѣло въ томъ, что предки П. А. К.—ша носили настолько не важныя чины, что потомки ихъ въ дворянство не могли попасть, хотя объ этомъ и очень заботились. Дворянства этого предка Кулиша усиленно искали, наравнѣ со всѣми своими современниками и въ слѣдахъ своихъ поисковъ оставили намъ кое какія о себѣ свѣдѣнія, нелишешныя историческаго интереса. Полагая, что происхожденіе того или другого выдающагося въ сферѣ общественной дѣятельности человѣка можетъ имѣть значеніе, сообщаемъ здѣсь коротенькія свѣдѣнія о предкахъ неутомимаго изслѣдователя бытовой исторіи малорусскаго народа. Кулишъ былъ родомъ изъ глуховскаго мѣстечка Воронежя, гдѣ его предки изстарп жили въ ряду мѣстныхъ козаковъ. Извѣстность этихъ предковъ, по бумагамъ, достигаетъ 1710 года. Послѣ изданія въ 1785 году дворянской грамоты, дававшей возможность и самой меньшей козацкой старшинѣ записаться въ дворянскіе списки и стать такимъ образомъ въ привилегированное положеніе относительно рядоваго козачества, всѣ значковыя и войсковыя товарищи, сотенныя писари, есаулы, хорунжіе—всѣ бросились искать дворянства ¹⁾. А для этого, всѣ эти *полунанки* начали искать по разнымъ домашнимъ *словамкамъ* всическихъ «шнаргаловъ», въ которыхъ только упоминался какой нибудь чинъ какого нибудь предка. Съ этою же цѣлію стали розыскивать свои документы и брать дѣда П. А. Кулиша—Яковъ Ивановичъ *Кульшъ*, уволенный въ 1781 г. отъ службы, по болѣзни, съ чиномъ сотеннаго атамана. Но документовъ найдено было имъ немного,—всего два. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1710 г., заключаетъ въ себѣ «заставное» обязательство «воронежскаго жителя» Ивана Бесовца войсковому товарищу Михайлу Кульшенку, по которому за долгъ «въ сорокъ талеровъ и одну кобу» Бесовець отдаетъ Кульшенку въ «арешть» на одинъ годъ «дворъ свой власный» и «всю свою худобу» (земельную), съ условіемъ, что если онъ, Бесовець, долга своего въ годовой срокъ не заплатитъ, то вся эта худоба поступаетъ въ собственность Кульшенку. Другой документъ представляетъ собою «объявленіе генеральной канцеляріи нѣжинскому полковнику и его старшинѣ 1759 г., о томъ, что за увольненіемъ отъ должности воронежскаго

¹⁾ См. монографію Д. П. Миллера *О малорусскомъ дворянствѣ и наши замѣчанія на эту монографію.*

атамана Семена Торбуша за его «непорядочество» (по представленію сотника Холодовича), на мѣсто его воронежская старшина, куренные атаманы и козаки избрали «атамана надъ выборными той сотни воронежской козаками Ивана Кулѣша», и что выборъ этотъ генер. канцеляріей утвержденъ. За симъ самъ Яковъ Кулешъ имѣлъ у себя указъ пѣжиской полковой канцеляріи объ отставкѣ, выданной ему въ 1781 г.; въ указѣ этомъ значится, что воронежскій куренный атаманъ Яковъ Кулѣшъ «представилъ, что отецъ его, Кулѣша, атаманъ сотенный воронежскій Иванъ Кулѣшъ, чрезъ многіе годы будучи въ той должности, продолжалъ службу безпорочно по смерти своей, а по смерти его, братъ его, атамана, старшій Демьянъ Кулѣшъ служилъ съ нераздѣльныхъ съ нимъ добръ, куреннымъ воронежскимъ атаманомъ и въ томъ званіи умре; онъ же атаманъ Яковъ Кулѣшъ находился вериѣе у иносемныхъ де сотенной воронежской канцеляріи дѣлъ, а потомъ въ 1773 г. опредѣленъ отъ сотенной воронежской канцеляріи куреннымъ воронежскимъ атаманомъ»; съ этой должности Яковъ Кулѣшъ просилъ увольненія за болѣзнію, причемъ полковая канцелярія, имѣя въ виду безпорочную службу Яв. Кулѣша, наградила его «въ абштъ чиномъ сотеннаго старшины».

Такимъ образомъ, отсюда видно, что первый извѣстный предокъ П. А. Кулиша былъ войсковою товарищъ Михайло Кулѣшенко; у этого Михайла было два сына: Демьянъ и Иванъ, занимавшіе послѣдовательно уряды воронежскихъ куренныхъ атамановъ, при чемъ старшій братъ сталъ куреннымъ атаманомъ уже по смерти младшаго. У Ивана Михайловича Кулѣша было также два сына: Яковъ и Андрей; первый, какъ мы видѣли, получилъ при отставкѣ чинъ сотеннаго атамана, а Андрей (дѣдъ П. А. К—ша), какъ значится въ родословной, «безъ чина умре», изъ чего видно, что онъ изъ рядовыхъ козаковъ не выходилъ. Вотъ съ этими «доказательствами» Яковъ К—шъ и обратился въ Новгородѣверское депутатское собраніе съ просьбою объ утвержденіи его съ братомъ Андреемъ въ дворянствѣ. Просьба Кулишей была уважена, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія депутатскаго собранія:

«По указу ея и. величества, новгородскаго намѣстничества губерпскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты разсматривали списокъ съ доказательствами о благородствѣ атамана сотеннаго Якова и брата его Андрея Ивановыхъ сыновъ Кулѣшенъ (sic), изъ которыхъ, какъ по списку значится, Яковъ 34 лѣтъ....»

Авдрій 27 лѣтъ, жепать на дочери значк. тов. Григорія Латыша Ефиміи, имѣеть сыновей Александра 5-ти и Романа 3-хъ лѣтъ; по послѣдней 1782 года ревизіи записанныхъ за ними муж. п.—5 и женск.—7 душъ состоитъ наслѣдственныхъ, Кролевецкаго уѣзда, въ мѣст. Воронежѣ, живутъ въ Воронежѣ. Пзъ нихъ Яковъ чинъ имѣеть атамана сотеннаго въ отставкѣ, а Андрей чина не имѣеть. О предкахъ же своихъ показали, что прадѣдъ былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ ¹⁾ козакомъ, а отецъ Иванъ Кулѣшъ атаманомъ сотеннымъ воронежскимъ, въ доказательство чего представилъ (названными указанными документами 1710 и 1759 г.г.) да свидѣтельство отъ 12-ти человекъ дворянъ 1784 г., показывающихъ, что прадѣдъ ихъ Михайло былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ козакомъ, а отецъ атаманомъ сотеннымъ и, отирая военную службу, вели жизнь благородную, сходственную съ дворянскимъ, что все, по силѣ грамоты о дворянствѣ 92 й ст., 11 и 12 отдѣлений, на дворянское ихъ Кулѣшевѣ достоинство признается неопровержимымъ доказательствомъ и какъ притомъ чинъ войск. товарища, въ коемъ прадѣдъ ихъ состоялъ, есть военный оберъ-офицерскій, а оберъ-офицеры и ихъ дѣти, и ихъ потомки по указу государя императора Петра I-го, 1721 г. января 16-го состоявшемуся, хотябы и не изъ дворянства, суть дворяне. Для того губернской предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты, признавая ихъ, показателей, происходящими отъ поминутаго предка ихъ, отирающаго въ разсужденіи чина его дворянскую службу, единогласно приговорили: по содержанію 78-й статьи оной же грамоты о дворянствѣ, внести ихъ: Якова и Андрея Пвановыхъ сыновъ господъ Кулѣшовъ съ потомствомъ ихъ во 2 ю часть дворянской родословной книги сего намѣстничества и о томъ, въ согласіе 85-й статьи выдать имъ грамоту. Это постановленіе однакожь не было утверждено герольдіей, которая не имѣла основаній признать чинъ войсковаго товарища за «оберъ-офицерскій», и Кулиши могли впоследствии считаться лишь личными дворянами да и то, согласно закону, при наличности у каждаго лица хотя перваго изъ табели о рангахъ чина. По отецъ П. А. Кулиша Александръ (род. 1781 г.) въ официальныхъ бумагахъ называетъ себя «дворяниномъ безъ чина». У Ал. Андр. Кулѣша было два сына: Николай,

¹⁾ Какъ видно изъ представленныхъ Кулишами документовъ, Демьянъ Кулѣшъ былъ не дѣдомъ, а дядею (братомъ отца) Якова Кулиша.

родившійся въ 1803 г., отъ первой жены Марьи, и Паптелеймонъ, родившійся въ Воронежѣ, 1819 г. 26 іюля, отъ второй жены Катерины Ивановны.

Приведенные документы если не доказываютъ дворянства П. А. Кулиша, то во всякомъ случаѣ устанавливаютъ истинную связь его съ тѣмъ народомъ, надъ изученіемъ котораго Кулишъ такъ много и такъ разнообразно потрудился.

„Богданъ Хмельницкій“. Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ ¹⁾.

Настоящая анонимная поэма появилась тогда, когда русская печатная литература о Малороссіи ограничивалась почти исключительно одной *Исторіей Малой Россіи Бант.-Камискаю*, причѣмъ послѣдняя, конечно, и послужила автору основаніемъ для фабулы. — «Богданъ Хмельницкій — освободитель Малороссіи отъ ига ляховъ, виновникъ счастья миллионамъ... конечно достоинъ иъсенъ; и авторъ, избравъ его героемъ своего стихотворенія, не страшится хулы на счетъ разборчивости своего вкуса. Но чувствуя, что не вполнѣ достигъ предположенной имъ цѣли, въ защиту себя можетъ только сказать, что это первый опытъ его въ такомъ родѣ поэзіи». Такое предисловіе предпосылаетъ авторъ своей поэмѣ, фабула которой слѣдующая. Козакъ-путникъ остановился на берегу Дуѣра — отдохнуть и встрѣчаетъ здѣсь —

Въ одеждѣ крымца не простаго,
По виду — ляха молодого,
И по словамъ ему роднымъ —
Украинца.

«Украинецъ» (котораго авторъ далѣе называетъ «познакомцемъ») ѣдетъ изъ Крыма въ Чигиринъ; разговорившись съ козакомъ, онъ узнаетъ отъ послѣдняго подробности тѣхъ притѣсненій, которыми Украина терпитъ отъ ляховъ.

Сарматскихъ ратниковъ толпы
Въ Украинѣ правы развращаютъ,
И униатскіе поны
Благочестивыхъ проклипають;

1) Сиб. 1833. Въ 16-ю д. л. 121 стр.

И ляхъ впрагаетъ козаковъ,
 Возить по селамъ сихъ поповъ.
 Вездѣ горятъ козацьи хаты,
 Святой нашъ величїиный храмъ,
 Поля и рѣки — все ждѣмъ
 На откупъ отдають сарматы...

«Незнакомецъ» упрекаетъ козаковъ за ихъ иперцію относительно «сарматовъ» и патетически восклицаетъ:

Украинець! примирись съ судьбою!
 Богъ жребїй смертнаго блюдетъ.
 Вѣрь: надъ родной твоею страню
 Вновь солнце счастья взойдетъ!

Разсиранивая «козака» о Чигиринѣ, «незнакомецъ» узнаетъ, что «дочь подстарости въ Чигиринѣ», она же и «Марія», — умерла.. Это извѣстіе производитъ страшное впечатлѣніе на Хмельницкаго (читатель, конечно, узналъ въ вѣдущемъ изъ Крыма «незнакомцѣ» Хмельницкаго), и онъ — мчится въ Чигиринъ. Тамъ его сейчасъ узнають —

«Хмельницкій!» песь народъ вопилъ;
 А онъ въ отвѣтъ: — здорово братья!
 «Зиновїй! ты!.. въ какихъ странахъ —
 Въ разлукѣ жилъ съ родимымъ краемъ?..
 А мы, межъ падшими въ бояхъ,
 Тебя въ молитвахъ помнимъ...
 — «Нѣтъ, братья, нѣтъ! Богъ козаковъ
 Хранилъ меня и на чужбинѣ...»

Затѣмъ Хмельницкій узнаетъ о смерти своего отца Михаила, убитаго Чаплицкимъ, слышитъ въ «замокъ убійцы» и уже подымаетъ на него «мечъ», но между Чаплицкимъ и Хмельницкимъ является — «Марія», умоляя пощадить отца... Хмельницкій «свой мечъ съ негодованїемъ бросаетъ», но тутъ же его схватываютъ и отводятъ въ тюрьму. — Изъ тюрьмы Хмельницкаго освобождаетъ, конечно, Марія, при чемъ выѣстъ съ нимъ и бѣжитъ. Огцовская погоня настагаетъ бѣглецовъ, стрѣляетъ — и Хмельницкій палаетъ; погоня его оставляетъ, какъ мертваго, а Марію схватываетъ и везетъ къ отцу... Хмельницкій, разумѣется, отъ ранъ не умеръ... Его прїютилъ какой то «дровосѣкъ», которій, кстати, залѣчилъ Хмельницкому и ı ны...

Этотъ же «дровосѣкъ» рассказываетъ Хмельницкому, что возвращенная къ отцу Марія снова убѣжала и, какъ слышно,—

Пошла къ стѣнамъ монастыря...
 «Она избѣгла мукъ счастливо!»
 Воскликнулъ радостно козакъ (Хмельницкій):
 «Теперь... ты палъ надменный врагъ!
 О родина! теперь Зновій
 Тебѣ одной принадлежитъ;
 Своей послѣдней капли крови,
 Онъ для тебя не пощадитъ!
 Забуду все! отъ сей минуты
 Душа для нѣжности замретъ,
 Доколѣ родина отъ смуты
 Отъ тяжелыхъ бѣдъ не отдохнетъ!

Хмельницкій бѣжитъ въ Запорожье.

И вотъ предъ нимъ—*Никитинъ Розъ* —
 Тамъ—*Сечь*....

Своими рассказами о положеніи дѣлъ въ Украинѣ, Хмельницкій становится на Запорожьѣ популярнымъ, и запорожцы выбираютъ его гегманомъ Украины. Выборы происходили *на радѣ*:

Уже на площади стояли
 Всѣ козаки, по куренямъ,
 И всѣ начала *рады* ждали.
 Вотъ отворился Божій храмъ,
 И *есау* въ выносятся знамя.
 При видѣ спутника въ бояхъ,
 У запорожцевъ мести пламя
 Сверкнуло въ радостныхъ очахъ.
 Въ литавры *довбышъ* ударяетъ,
 Народъ, шумѣвшій, умолкаетъ,
 И появились: кошевой,
 Судья и писарь войсковой.
 Шелъ первый съ *палицей*; съ печатью
 Шелъ войсковой судья за нимъ,
 А писарь важно за вторымъ—
 Съ чернпльвицей...

Изъ этого описанія *рады* видно прилежное изученіе авторомъ мѣстной исторіи. Засимъ слѣдуетъ рассказъ, какъ Хмельницкій съ

запорожцами и союзными татарами идетъ въ Украину, какъ поляки встрѣчаютъ его при *Желтыхъ Водахъ* и чѣмъ кончилось происшедшее тутъ сраженіе—

И свѣжій лавръ—обвилъ чело
Малороссійскаго героя!

Близъ Корсуня происходитъ другое сраженіе; здѣсь повая удача:
Сарматы въ страхѣ побѣжали,
И главные вожди враговъ
Въ шагръ Хмельницкаго стояли...

Хмельницкій прославляется народомъ...
И вотъ молва: что подъ *Пильвой*
Вѣчался гетманъ новой славой;
И что увѣнчанный герой,
На время кинувъ поле битвы,
Сидитъ съ дружиной въ градъ святой
Для благодарственной молитвы.
И Кіевъ ждетъ его...

Народъ хочетъ устроить ему торжественную встрѣчу и обращается къ митрополиту—помочь ему въ этомъ дѣлѣ; митрополитъ раздѣляетъ энтузіазмъ народный и идетъ въ «обитель сестеръ», на совѣтъ съ «игуменьей», чтобы выбрать одну изъ «сестеръ» для поднесенія народному вождю «хлѣба священнаго».

Игуменья избираетъ для этого «бѣлицу» Миподору, которой постриженіе, между прочимъ, назначено на второй день послѣ этого. Узнавъ, что ей предстоитъ поднести отъ имени народа хлѣбъ Хмельницкому, Миподора не можетъ прійти въ себя и при этомъ рассказываетъ одной изъ «сестеръ» свою исторію, изъ которой узнаемъ въ рассказчицѣ Марію Чаплицкую. Вѣжавъ отъ отца, Марія пришла въ Кіевъ и здѣсь обратилась къ помощи настоятеля одного изъ монастырей, который, смирономазавъ и наставивъ Марію въ законѣ пономъ», отправилъ ее въ женскій монастырь.

Теперь, на мигъ
Душа для счастья просіаетъ...
Но, другъ—не тогъ: онъ сталъ великъ,
А я... меня онъ не узнаетъ.

Но вотъ настаетъ день вѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.
Чу!... Огдаленный трубный звукъ!...
И вотъ, съ Софійской башни, вдругъ

Раздался голосъ: *Идутъ!*—

Полный

Высокихъ чувствъ, съ крестомъ святымъ,
Идетъ митрополитъ; за нимъ
Все духовенство, и, какъ волны,
Шумящій движется народъ;
И чистая, какъ голубица,
Въ толнѣ восторженной идетъ,
Съ главою поникшею—бѣлица.
Она Хмельницкому несетъ
Въ даръ отъ народа, хлѣбъ священный,
На немъ: *спасителю—спасенный*.
Завида гетмана вдали,
Митрополитъ остановился.—
Герой—съ коня; и до земли,
Перекрестившись, поклонился.
Пошелъ и рать за нимъ пошла,
Побѣдоносцы въ градъ вступили.—
Вдругъ зашлопсъ колокола,
И кievляне возопили:
Хмельницкій! изложенъ тиранъ!
Ты отъ позора насъ избавилъ,
Ты родину свою прославилъ,
Отсель, да будешь ты: Богданъ!
.....
.....
..... Мужъ знаменитый!
Воззвалъ Сильнестръ: «прими нашъ даръ!
Въ немъ все, что мечъ врага, пожаръ
Оставлялъ для родного края».
И изъ толпы, едва живая,
Бѣлица, трешетной стопой,
Подходитъ къ гетману; рыдаетъ...
И то блѣднѣетъ, то ныкаетъ;
И вотъ, поникнувъ головой,
Она чуть внятно произноситъ:
«Прими нашъ бѣдный даръ, герой!
«Тебѣ народъ его подноситъ,

Прими!... тебя... Марія просвѣтъ
 Хмельницкій поблѣднѣлъ... дрожить..
 Народъ въ смятеніи... Марія—
 На друга смотритъ и молчитъ.

.....
 «Марія! ты-ль?... Какая сила
 Мое блаженство довершила?» —
 Воскликнулъ гетманъ; палъ на грудь
 Къ подругѣ, небомъ возвращенной,
 И долго онъ не могъ вздохнуть,
 Восторгомъ чистымъ упоенный.

 Чувствительный! докончи самъ
 Небесную картину счастья!—

Разказавъ содержаніе поэмы, добавимъ, что авторъ послѣдней пѣль уже предъ собою примѣръ поэтического изложенія одного изъ эпизодовъ малорусской исторіи: за четыре года передъ тѣмъ (1829) была издана *Полтава* Пушкина. Основаніемъ этой поэмы Пушкинъ взялъ романъ стараго гетмана съ юной своей крестницей и казнь отца послѣдней тѣмъ-же гетманомъ. Выбранный Пушкинымъ эпизодъ исполненъ драматическихъ положеній, давшихъ возможность гениальному поэту выказать и въ *Полтавѣ*—весь блескъ своего таланта. Не таковъ эпизодъ, выбранный нашимъ анонимомъ. Онъ остановился на самомъ крупномъ лицѣ малорусской исторіи, у котораго на-лицо всѣ данныя для того, чтобы стать героемъ въ любомъ литературномъ произведеніи: поэмѣ, драмѣ, романѣ... Взявъ для формы, какъ и Пушкинъ, поэму, анонимъ строитъ послѣднюю на фабулѣ о любви Хмельницкаго и о его вѣздѣ въ Кіевъ; здѣсь онъ ввелъ небывалый и едва ли возможный въ исторіи событія фактъ поднесенія вѣзжающему въ Кіевъ Хмельницкому хлѣба какою-то «блѣнцой»... Натяжка автора очевидна, какъ очевидна и скудость его поэтического воображенія. Тѣмъ не менѣе нашему анониму принадлежитъ честь перваго изображенія Хмельницкаго въ литературномъ произведеніи новѣйшаго времени ¹⁾. До этого времени о Хмельницкомъ въ русской литера-

¹⁾ Изъ XVIII в. извѣстно произведеніе Феофана Прокоповича.—„*Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго... свободивша*“. См. Соч. Максимовича, II, 486.

суръ извѣстно было лишь «историческое повѣствованіе» о Хмельницкомъ Федора Глинка, напечатанное въ 1816 г., въ его *Письмахъ къ Другу*; къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности познакомиться съ этимъ произведеніемъ¹⁾.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ изданія этой анонимной поэмы о Хмельницкомъ, стали печататься въ тогдашнихъ журналахъ отрывки изъ другой посвященной тому же герою поэмы («Богданъ»), принадлежащей Гребенкѣ. Вполнѣ эта поэма была напечатана сначала въ *Библ. для Чит.* 1843 г. № 2, а затѣмъ въ собраніи *Сочиненій Е. П. Гребенки*, изд. Литова (Сиб. 1862) т. V, стр. 7—81.

Изъ семейной хроники Берловъ.

(1672—1805).

Когда, послѣ изданія дворянской грамоты въ 1785 г., малорусская козацкая старшина стала записываться въ „списки дворянскихъ родовъ“, то многіе изъ новыхъ дворянъ, недовольствуясь представленіемъ въ доказательство своего „благороднаго происхожденія“ гетманскихъ универсаловъ и другихъ *козацкихъ* документовъ, повѣствовали еще и о своихъ *до-козацкихъ* предкахъ, досиная при этомъ иногда и до римлянъ... При помощи Окольскаго и Нѣсецкаго (авторы польскихъ гербовниковъ), особыхъ затрудненій для такихъ повѣствованій—не представлялось. Такъ, переяславскіе „папы“ Берлы, Иванъ и Пантелеймонъ, правнуки переяславскаго полковаго судьи Ивана Берла, представляя въ к. XVIII в. доказательства своего „дворянства“, не удовольствовались указаніемъ на гетманскіе универсалы о службѣ ихъ пращда, а обратились еще къ Окольскому и Нѣсецкому. Здѣсь въ числѣ гербовъ нашли они *зуброву голову*, признали его своимъ гербомъ и затѣмъ смѣло уже рассказывали о своемъ древнемъ *благородствѣ*, какъ видно изъ слѣдующаго „доказательства“ ихъ дворянства.—„Пишутъ авторы Окульскій и Нѣсецкій въ гер-

¹⁾ Полное заглавіе книжекъ Глинка такое: „Письма къ другу, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: *Зимосей Богданъ Хмельницкой или освобожденная Малороссія*, Федоръ Глинка, сочинитель писемъ русскаго офицера“. Сиб. 1816 года. Три части. Въ 16-ю д. л. „Повѣствованіе“ о Хмельницкомъ напечатано повидному въ 3-й части, такъ какъ въ первыхъ двухъ частяхъ *Писемъ*, упоминается въ нашей бібліотекѣ, его нѣтъ.

бутѣ (sic), что тотъ гербъ (*зубра*) внесенъ отъ старыхъ римлянъ въ 155 году въ Валахію, гдѣ большіе дома въ Валахіи означали фамиліи свои; а когда король польскій и венгерскій Владиславъ Ягеловичъ войну имѣлъ съ турками, за султана Амурата, въ 1440 году, и съ арміею своею, польскою и венгерскою, въ которой присовокупился и господарь волошскій Тымша, съ 15-ю тысячами своего войска, и дошелъ съ тѣми войсками подѣ Бѣлградъ, то турецкій султанъ, узнавъ о семъ и собравши больше ста тысячъ войска, напалъ на короля и разбилъ его; при этомъ одинъ изъ войска волошкаго воинъ выскочилъ и оборонилъ короля, не допустивъ его убить, и—хотя и раненаго—доставилъ его до королевскаго обозу. За это король Владиславъ Ягеловичъ, въ знакъ благодарности, одарилъ того воина золотымъ берломъ*) и оттолъ сему воину дано прозваніе Берла и, кромѣ того, онъ былъ принужденъ къ индигнату шляхетства и рыцарства, а конституціями за нимъ были утверждены всѣ вольности шляхетства и рыцарства польскаго. И тотъ воинъ сей свой гербъ до Литвы принесъ и тамъ домъ ихъ, Берловъ, „состоялъ“, съ которыхъ Берловъ—Федоръ Берло былъ капцеле ромъ литовскимъ, Казиміръ Берло—каштеляномъ виленскимъ Николай Берло—подкоморымъ смоленскимъ, Анастасій Берло—подсудкомъ кіевскимъ. По выходѣ же въ Россію, Иванъ Берло былъ полковникомъ стародубскимъ, Ивановъ сынъ (Василій) Берло сотникомъ воронковскимъ и судьей переяславскимъ, Ивановъ сынъ Андрей—бунчуковымъ товарищемъ, Андреевъ сынъ, просителей (т. е. Ивана и Пантелеймона) отецъ, Иванъ—войск. товарищемъ и судьей полковымъ переяславскимъ“.

Располагая частью фамильныхъ документовъ Берловъ, мы можемъ сказать, что о *мифическихъ* Берлахъ, перечисленныхъ выше, разумѣется никакого упоминанія въ этихъ документахъ, нѣтъ, а свѣдѣнія объ *историческихъ* Берлахъ, „вышедшихъ въ Россію“—невѣрны. Въ к. XVIII в. Берлы многое уже забыли изъ жизни своихъ „дѣдовъ“, а о многомъ не хотѣли вспоминать. Изъ приведеннаго выше „доказательства“ одно несомнѣнно, что Берлы происходятъ изъ *волоховъ*, т. е. изъ Молдавіи; это происхожденіе видно изъ усвоеннаго ими герба *головы чер-*

*) Berlo (in Stock, eine Stange, das Scepter. (*Linde*).

наю зубра (głowy czarnej zubrzej), указывающей на województwo Wołoskie, т. е. Молдо-Валахию ¹⁾. Во второй половине XVII в. въ Малороссію приходило много „волоховъ“ искать службы и счастья; цѣлыя отряды ихъ бродили по гетманщинѣ, предлагая свои военныя услуги тѣмъ или другимъ искателямъ власти. Иногда эти волохи осѣдали цѣлыми селами, какъ это указываютъ: *Волошиновка*, въ Переяславскомъ и *Волосковцы*—въ Сосницкомъ уѣздахъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ и теперь остались прозванія, которыя на первый разъ звучатъ, какъ нѣмецкія, а въ дѣйствительности оказываются молдавскими. Услыхавъ когда то фамилію покойнаго кievскаго профессора В. А. Беца, мы не сомнѣвались въ его нѣмецкомъ происхожденіи; а затѣмъ, познакомившись съ нимъ, мы узнали, что предки Беца были *волохи*, осѣвшіе въ Переяславщинѣ, причемъ покойный профессоръ объяснилъ намъ, что молдавское слово *бемъ* означаетъ *плеть*, *бичъ*. Такими же волохами были конечно и Берлы, помнившіе о своемъ волошскомъ происхожденіи и потому присвоившіе себѣ гербъ Молдо-Валахиі. Нѣкоторые изъ этихъ волоховъ попадали и въ старшину, предварительно связавъ себя бракомъ съ мѣстными людьми. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. братья Русты, Петръ и Яковъ, судя по прозвищу—волохи, попали въ замѣтную старшину: Петръ былъ протопопомъ воронковскимъ, а Яковъ—сотникомъ терехтемировскимъ. Выйдя въ люди, Русты стали называться Рустановичами ²⁾.

Первымъ извѣстнымъ изъ Берловъ становится Иванъ Берло, бывшій сначала воронковскимъ сотникомъ (1696—1706), а потомъ переяславскимъ полковымъ судьей (1707—1711). Онъ оставилъ, кромѣ разныхъ земельныхъ документовъ, еще и очень пространное, *собственноручно* написанное (въ 1717 г.) духовное завѣщаніе, изъ котораго и можно видѣть—кто такіе были родоначальники Берловъ, причемъ, между прочимъ, объясняется

¹⁾ Herby Rus. Polskiego. В. Paprockiego. Изд. Туровскаго, стр. 922.

²⁾ Рустановичи были пасниками воронковскаго сотника Ивана Берла, который ихъ называетъ въ своемъ завѣщаніи то Рустановичами, то Рустами („пасники мои отъ Петръ Руста и Яковъ Руста...“)

и происхожденіе переяславскаго епископа Арсенія Берла, о чемъ печатаемья свѣдѣнія до сихъ поръ остаются невѣрными. Въ началѣ второй половины XVII в. въ Малороссію пришли два брата *волоха*, оба Иваны, прозывавшіеся Берлами. Не знаемъ какимъ образомъ одинъ изъ нихъ, старшій Иванъ, сталъ около 1670 г. мглинскимъ сотникомъ. По всей вѣроятности, тутъ имѣла мѣсто женитьба на дочери какого-нибудь вліятельнаго лица Стародубщины, такъ какъ есть свѣдѣнія, что родичи жены Ивана I-го Берла жили въ Стародубѣ. Младшій Иванъ Берло жилъ въ это время въ Воронковѣ. Старшій братъ рано умеръ, оставивъ малолѣтнюю дочь Анну. Передъ своею смертью, онъ вызвалъ изъ Воронкова во Мглинъ брата, который его и похоронилъ (въ мглинской церкви Воскресенія Христова). Распродавъ оставшееся послѣ брата имущество, кромѣ „скрини въ фантами“ и платьемъ, которую Иванъ поручилъ на сохраненіе теткѣ малолѣтней дочери умершаго, онъ послѣднюю забралъ съ собою въ Переяславщину.—

Младшій Берло, въ это время еще неженатый, повидимому, женился въ эту поѣздку въ Стародубѣ на дочери извѣстнаго Якимя Сомка, казеннаго осенью 1663 г., послѣ его неудачнаго соперничества съ Брюховецкимъ. Кромѣ вдовы Ирины, Сомко оставилъ одну дочь Прасковью. Съ этою дочерью Ирина Сомчиха, *) послѣ смерти мужа, проживала въ Стародубѣ, будучи, вѣроятно, оттуда родомъ. Здѣсь, кажется, познакомился съ нею Берло младшій, послѣ смерти своего брата, причемъ это знакомство могло возникнуть и изъ того обстоятельства, что и Сомко, и Берло—были земляками по м. Воронкову. Сохранился очень интересный универсалъ Б. Хмельницкаго, по которому Сомко получилъ около м. Воронкова и сосѣдняго съ нимъ с. Rogozova—земли, принадлежавшія прежде польскимъ „папамъ“. Мы до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній о томъ—какъ рас-

*) Ирина Сомкова родомъ была *Короновка*, такъ какъ Иванъ Берло въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о „сестрѣ рожовой панен Сомковой именемъ Галки *Короновки* Давидовой“. Въ Галку, Галочку, Галю въ Малороссіи переименовывались Аняи.

порядилось „Войско“ съ тѣми землями лѣвобережной Малороссіи, которыя оставались послѣ убитыхъ и бѣжавшихъ отсюда за Днѣпръ землевладѣльцевъ-поляковъ. Несомнѣнно, что большую часть оставшихся безхозяйными земель тутъ-же захватывалъ народъ, какъ мѣстный, такъ и нахлынувшій сюда изъ за Днѣпра. Но были случаи, когда эти зѣмли раздавались по распоряженію Хмельницкаго. Такъ мы знаемъ, что оставшіяся послѣ лубенскихъ бернардиновъ земли гетманъ отдалъ лубенскому Мгарскому монастырю. Монастырю земли даны были, конечно, безмездно; но встрѣчается случай, когда оставшіяся послѣ „пановъ“ земли „Войско“ *продавало*, и продавало козакамъ. Такой случай встрѣчаемъ именно относительно Сомка, какъ это видно изъ слѣдующаго универсала Б. Хмельницкаго, — „ознамуемъ симъ написаніемъ, кому бы о томъ вѣдать належало, *ижъ отдалъ до скарбу нашего войскового Якимъ Сомковичъ, товарищъ нашъ, сумму певную за всь ґрунта панскимъ*, такъ воронковскіе, яко и рогозовскіе, за которыми нивами сумму отобравши, онии въ посессію и вѣчное заживане помененному Якимовѣ подаемъ, хотячи мѣти, абы заразъ обнявши, яко своими власными диспозовалъ и къ своему наплѣшному пожитковѣ оборочалъ“ *).

Случай продажи оставшейся послѣ „пановъ“ земли именно Сомку тѣмъ интереснѣе, что это былъ шурина Б. Хмельницкаго, который (кажется) первымъ бракомъ былъ женатъ на сестрѣ Сомка. Какъ бы то ни было, Сомко оселился въ Воронковѣ и жилъ тутъ, пока не погибъ въ 1663 г. Послѣ смерти Сомка, вдова его почему то покинула земельное свое имущество въ Переяславщинѣ и удалилась въ Стародубщину. Очень вѣроятно, что она боялась Брюховецкаго, такъ какъ по смерти послѣдняго Сомчина спрашивается, въ 1671 г., у его преемника Многогрѣшнаго подтвердительный универсалъ на земли мужа. Но кажется, что вдова не смогла возстановить свое прежнее владѣніе или не заботилась объ этомъ, продолжая жить въ Стародубщинѣ. Здѣсь пови-

*) Универсалъ написанъ 26 іюня 1655 г., „подъ Бядохъ“ (Барохъ?). Съ копіи.

дному встрѣтился съ нею младшій Берло, сталъ ей затемъ и заспмъ получилъ отъ тещи право на принадлежавшія Сомку земли, которыя затѣмъ поотбиралъ отъ лицъ, ими завладѣвшихъ¹⁾. Сомковскихъ земель, повидному, было не мало, такъ какъ получивъ ихъ въ свое распоряженіе, младшій Берло сталъ замѣтнымъ въ своей сотнѣ человѣкомъ. Съ Сомковной Берло прожилъ недолго: она вскорѣ умерла, оставивъ ему сына Василю и дочь Прину. Умирая, Сомковна отцовскія свои земли завѣщала сыну Василю.—Берло скоро затѣмъ женился второй разъ, на вдовѣ Татьянѣ „Щуровчанкѣ“, у которой, отъ перваго брака съ какимъ то Рустою, было уже два сына—Петръ и Яковъ. Называя свою вторую жену на польскій манеръ *Щуровицанкою*, Берло говоритъ конечно о Щуровской; вѣроятно, это была дочь переяславскаго полковника Афанасія Щуровскаго, казеннаго въ 1663 г., вмѣстѣ съ Сомкомъ, по интригѣ Брюховецкаго. Но и вторая жена Берла скоро умерла, оставивъ ему, какъ и первая, сына и дочь, Арсенія и Софью. На третьей женѣ Берло женился около 1692 г.; звали ее Анною Мазанетовною. Это была дочь, повидному, майора черниговскаго великорусскаго гарнизона Константина Мазанеты, который былъ женатъ на Маринѣ Грязной, дочери ополчившагося русскаго шляхтича Бориса Грязнаго, имѣвшаго богатые имѣнія въ Черниговѣ и потерявшаго ихъ во время Хмельницны²⁾. Съ Мазанетовной Берло прожилъ до своей смерти и оставилъ ее вдовою. Съ этою женою Берло устроилъ свое благосостояніе, нажилъ земли и получилъ войсковыя уряды, сначала воронковскаго сотника (1696—1705), а потомъ переяславскаго полковаго судьи (1706—1711).

Выше уже сказано, что первая жена Берла Прасковья Сомковна всѣ отцовскія земли завѣщала сыну своему Василю, а оставшаяся послѣ ея движимость отдана была самимъ Берломъ рожденной отъ брака съ нею дочери Принѣ. Татьяна Щуровская, повидному, земельнаго имущества съ собою не припесла,

*) См. въ приложеніи духовное завѣщаніе Ивана Берла, которое печатается здѣсь полностью въ виду особаго интереса этого документа.

*) Опис. Стар. Малор., II, 513.

а ея движимость отдана была рожденной отъ брака съ нею дочери Софьѣ. Поэтому, когда Берло женился на Мазанетовнѣ, то, по словамъ его, она не застала въ мужниномъ домѣ „жидной готовизны нѣ зъ сребра, нѣ зъ цѣни (цинковая посуда), а нѣ зъ фантъ покойныхъ первыхъ двухъ женъ, бо люблю,—говорить Берло въ своемъ завѣщаніи,—що зъ сплендоровъ (одежды и другихъ принадлежностей женскаго костюма) покойной жены моей Сомковны было позостало, тое дочери моей Иривѣ, зъ Сомковною сложенной, досталоя; также по небожцѣ Татьянѣ Щуровицанцѣ що было позостало зъ вношенпя (вношене=приданое) небожчиного, тое Софиѣ дочери моей, зъ нею сложенной, оддано усе“...

Нажитыя во время своего старшинства земли Берло, какъ водилось, закрѣпилъ актами властей. Первый утвердительный актъ на маетность Берло получилъ отъ своего полковника Томары, осенью 1711 г., накануне своей отставки. По этому „универсальному писанію“ за Берломъ утверждался нажитые имъ „грунта въ сотнѣ Воронковской, хутора и хаты“, а именно: шинковыхъ домовъ два, хата, прозываемая Ребриковскою, хата Ковтуновская, хата Зелененького, хата Оверковская, хата Бутенковская, хуторовъ два, подъ мѣстомъ (т. е. около Воронкова), прозываемые: Перехристовскій и Горкушевскій; млинь тамъ-же подъ мѣстомъ, вешнякъ, (у котораго млина ставку певодомъ рыбы ловить певольно, а волокомъ вольно ¹⁾). Хуторъ въ с. Рогозовѣ, хуторъ въ селѣ Жеребятинѣ, тамъ же „островецъ“, лозы, гай на Каранѣ, другой гай за селомъ Софиевкою, третій—Лисенковскій. Тутъ же и люди, живущіе въ своихъ хатахъ, но „ко двору“ его п. Берла „наслужувочіе“, которые по именамъ слѣдующіе: Климъ Шолопокъ, жеребятинскій... (и т. д.—еще десять душъ). Утверждая это имѣніе за Берломъ, полковникъ говоритъ: „уважаючи на прислуги его, п. судѣ нашего на тотъ часъ полкового, приватно и публѣчно въ Войску чрезъ *килка десять лѣтъ* значне роненніи, всѣ тии вишь писанніи

¹⁾ Кому же? Вѣроятно, ставокъ былъ чужой, и волокомъ рыбу ловить позволялось Берлу.

грунта, фугорѣ и хати, также и село Rogozovъ (которое онъ, по заслугѣ своей, отъ сорока уже лѣтъ, зъ ласки войсковой, въ своемъ владѣніи мѣтѣ) ¹⁾ подтверждаемъ и повагою сего нашего универсалу пилю варуемъ "... Объявляя объ этомъ подтвержденіи, полковникъ добавляетъ: „люде засѣ въ своихъ хатахъ живучи, а до двору его, пана судѣ, наслуговачичи здавна, тутъ-же описанныи, якъ предъ симъ до двору его належали сами, такъ и потомковѣ оныхъ албо хто въ тихъ хатахъ по ихъ жити будетъ, ему жъ п. Берлу, жонѣ и наслѣдникомъ его *подсутствовати* ²⁾ и наслуговати мѣють, а п. сотникъ, атаманъ и войтъ жебы до ихъ не интересовалися и нѣ въ чемъ не чепали"... Упоминаемыи въ этомъ „универсалѣ“ ³⁾ хаты, разумѣется, были пустыя и наготовлены были для бродившихъ „лѣзныхъ“ ⁴⁾ семей, которыя въ нихъ осѣдали, какъ рой пчель въ ульяхъ, и, сѣвъ, становились *подсосѣдками*. Такими подсосѣдками были и тѣ одиннадцать лицъ, которыхъ актъ полковника называетъ поименно и которымъ полковникъ приказываетъ *наслуговати* Берлу, разумѣется до тѣхъ лишь поръ, пока они будутъ жить въ его хатахъ, при чемъ и упоминаніе о потомкахъ этихъ подсосѣдковъ тоже другого значенія не имѣетъ.—Вслѣдъ за полученіемъ этого акта Берло вышелъ въ отставку, вѣроятно, по старости.

Вмѣстѣ съ отставкою Берло получилъ отъ того же полковника своего Томари другой „универсалѣ“, на с. Панфилы,

¹⁾ По генер. свѣдѣнію Переясл. полка (*Сборникъ Харьк. Истор.-Филол. Общ.*, VIII, 255), с. Rogozovъ сначала „належало до сотнѣ Воронковской, а послѣ больше сорока уже тому лѣтъ, замядѣлъ Иванъ Берло, будучи сотникомъ воронковскимъ“. Это значитъ, что Берло захватилъ Rogozovъ въ свое владѣніе, пользуясь благоприятными обстоятельствами, т. е. добрыми отношеніями съ полковниками...

²⁾ По видимому, въ этомъ словѣ пропущенъ, по ошибкѣ, слогъ съ, т. е. имѣлось въ виду написать малоупотребительное *подсутствовати*. Слѣдовательно, полковникъ приказывалъ живущимъ въ хатахъ Берла людямъ—*наслуговати* ему, какъ вообще „наслуговали“ *подсосѣдки*.

³⁾ Подобные свои акты полковники обыкновенно называли „листами“ и отъ рѣдко—*универсалами*.

⁴⁾ *Лѣзными* (отъ польск. *luźny, lóźny*) назывались правдошатавшіеся крестьяне, свободные отъ какого бы то ни было „подданства“; иногда эти люди въ польскихъ законоположеніяхъ называются *зульцями*. См. у *Линде*.

которое находилось у Берла, повидимому, въ урядовомъ владѣнн по рангу судейства:—„Памятаючи мы, едно, на стародавнн службы въ Войску безпрестанно роненнн п. Ивана Берла, знатного товарища войскового, въ каждомъ неодступне походѣ праці; другое—во всякихъ полѣцвенныхъ ему одѣ насъ интересахъ, совершенно истинную управность, хочай и уряду судейства полковбго перелславского на собѣ не маеть, однакъ самое достоинство велить ему всякій показати ку его жѣ пожиткови респектъ, прето не инное наше ему якое оказуючи респектованне въ совершенствѣ, тилко село Панфили, въ сотнѣ Яготинской лежачое, якое и за уряду судейства мѣль во владѣнн, теперь ему жѣ пану Ивану Берлу подаючи въ область, симъ нашимъ ствержаемъ *универсаломъ*... (Выданъ 24 іюня 1712 г.) Этотъ полковничій универсалъ тогда же былъ утвержденъ и универсаломъ Скоропадскаго. Томара, повидимому, очень благоволилъ къ Берлу, такъ какъ въ іюнѣ 1715 г. выдалъ ему и другой актъ, которымъ увольнялъ крестьянъ Берла, посаженныхъ имъ на *скупль*, отъ общественныхъ повинностей: „Ознаймемъ симъ нашимъ писаніемъ, ижъ просилъ насъ п. Иванъ Берло, знатный товарищъ войсковый, абысмо людей его, въ Панфилахъ на *грунтахъ ео купленныхъ мешкающихъ*, отъ тягостей посполитыхъ, подачокъ и станцій (постоевъ) уволилли; прето мы, не отмовивши его п. Берла прошенію, респектомъ знатныхъ услугъ его жѣ въ полку нашемъ и во всемъ Войску Запорозкомъ ронячихся зъ давнихъ лѣтъ, помянутыхъ оного людей на *власныхъ грунтахъ*, въ селѣ пререченномъ *живучихъ*, уволилемъ, зачимъ, абы п. сотникъ яготинскій зъ урядомъ, а особливе атамайъ и воитъ панфилскіе, пререченныхъ бана Берловихъ людей до жадныхъ повинностей посполитыхъ, поборовъ, работизнъ и подводъ не важлилися потягати и станцій на ихъ наслати и иншихъ трудностей чинити не дерзали“... Хотя это распорядженіе полковника относилось, какъ мы понимаемъ, только къ тѣмъ крестьянамъ, которые жили на *скупль* ¹⁾, и

¹⁾ *Скупль* противопоставалась крестьянамъ, жившимъ на собств. „грунтахъ“.

слѣдовательно относилось далеко не ко всѣмъ павфильскимъ крестьянамъ, но тѣмъ не менѣе и такія распоряженія полковники дѣлали рѣдко, и пастоящій случай указываетъ, что Томара очень милостиво относился къ Берлу, дѣлая для него болѣе или менѣе исключительное распоряженіе.

Познакомившись съ имущественнымъ положеніемъ Берла скажемъ о его семьѣ.

Старшій сынъ Берла Василиій учился, въ „киевскихъ школахъ“, и отецъ его въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что это ученіе сына „не безъ кошту“ обошлось ему, такъ какъ нужно было „госпбды“ (квартиры) нанимать и „инспекторамъ за науки платить готовизиною“, т. е. деньгами, а не продуктами какими. Какъ видно, то обстоятельство, что Василиій получилъ по завѣщанію дѣдовскія земли, не освобождало отца отъ тратъ на его воспитаніе. Женился Василиій Берло на Настасѣѣ Ивановнѣ Сулимовнѣ, отецъ которой, женатый на дочери бывшаго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, сначала былъ воронковскимъ сотникомъ, а потомъ генеральнымъ хоружимъ. Такимъ образомъ старшему сыну Берла высватана была жена изъ знатнаго рода, который связывалъ его съ властными людьми въ гетманщинѣ: жена В. Берла была напр., родною племянницею извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботко. Женившись, Василиій отдѣлился отъ отца, причемъ послѣдній напелъ пужишмъ тогда же дать сыну часть своей земельной „худобы“. Далъ онъ ему изъ недвижимаго имѣнія два двора, одинъ—въ Воронковѣ, въ которомъ тотъ родился, „на плечу половиною Сомковскомъ“ (т. е. дворъ, половина площади котораго принадлежала Сомку), а другой дворъ, въ которомъ самъ Берло когда то жилъ и въ которомъ указаны слѣдующія постройки: „свѣтлица съ комнатою“, „пекарня“ съ сѣнными, коморъ двѣ, „подъ единъ побой, на помостахъ“¹⁾, кухня, погребъ «походящій» (походной), „шона“ (сарай) падъ погребомъ. Данъ былъ Василию еще и „млинь на греблѣ руччинской, объ одномъ ка-

¹⁾ Подъ единъ побой—въ одну связь, а на „помостахъ“ значить—съ дощатыми, а не съ земляными поломъ.

менѣ мучаномъ“. Кромѣ того, отецъ „осадилъ“ для Василя около Воронкова „слободку, человекѣвъ десятковъ килко поданныхъ, на землѣ покойной панѣ Сомковоѣ, “при чемъ,—добавляетъ Берло,—„сотникуючи тамъ (въ Воронковѣ) килко десять лѣтъ, чинилъ тимъ людямъ (жителямъ слободки) дефолгацію и полегкость и оборонялемъ отъ всякихъ тяжарѣвъ иѣскихъ“. Изъ движимости Василя при женитьбѣ получилъ: „коней двое верховыхъ съ седзеномъ (сѣдломъ) и уздечкою гончою“ (верховою), шесть лошадей рабочихъ („клячъ“), плугъ воловъ (т. е. три пары), коровъ пять, овецъ тридцать и пчелъ двадцать ульевъ. Денегъ на Васильеву свадьбу издержано, по словамъ отца, 700 золотыхъ, изъ которыхъ 300 нужно де было занять... Женитьба Василя Берла на Сулимовнѣ можетъ быть дала ему и возможность занять урядъ воронѣобскаго сотника, который передъ тѣмъ занимали сначала тестъ его, а потомъ отецъ.—Послѣ Василя остался одинъ сынъ Иванъ, служившій бунчукъ товарищемъ; у него были только дочери ¹⁾.

Дочь Ивана Берла отъ Сомковны, Ирпна, вышла замужъ за какого то „пана“ Петровскаго „изъ Переяслава.“ Вѣроятно, это былъ Лука Петровскій, писарь Переяславскаго полка (1696—1706), взятый шведами вмѣстѣ съ переясл. полковникомъ Мирвичемъ въ плѣнъ, въ 1706 г., по освобожденіи отъ котораго въ 1712 г., получилъ полковое сотничество ²⁾.

Отъ второй жены, вдовы Рустановича, Берло имѣлъ сына Арсенія и дочь Софью. Арсеній Берло, какъ будущій переяславскій епископъ, обращаетъ на себя особое вниманіе, тѣмъ

¹⁾ Изъ нихъ Татьяна была замужемъ за войск. товари. Дмитріемъ Волевымъ (1775 г.), Наталья—за кievск. бурхистромъ Семеновъ Козелъ сквиъ и Аграфона—за какинъ то Василюмъ Варфоломеевичемъ.

²⁾ Лука Петровскій владѣлъ селомъ Скопцями, даннимъ ему Мазеномъ въ 1696 г. Послѣ Петровскаго остались двѣ дочери: Евдокія, бывшая замужемъ за бунч. тов. Степаномъ Максимовичемъ, и Анна, мужемъ которой былъ Бахчевскій викрестъ изъ евреевъ, служившій у переясл. епископа Шумлинскаго и получившій за эту службу санъ священника. Его сынъ Иванъ Бахчевскій былъ известнымъ дѣльцемъ въ Переяславщинѣ въ к. XVIII в. См. Сулим. Арх., 113.

болѣе, что печатныя свѣдѣнія о его происхожденіи почти всѣ невѣрны ¹⁾).

Арсеній, какъ и старшій его братъ, учился сначала въ тѣхъ же „киевскихъ школахъ“, причемъ и для него нанпмались „инспекторы“, которымъ платилось „готовизною“. Но Арсеній, какъ видно, и самъ къ наукамъ настолько прилежно относился, что не удовлетворился киевскими школами, и послѣ нихъ отправился для дальнѣйшаго образованія во Львовъ, какъ это нерѣдко дѣлали ученики Кіевской академіи въ к. XVII и нач. XVIII в. в.—Выправляя Арсенія во Львовъ, отецъ снабдилъ его „сукнями“ (верхнею одеждою), далъ ему „коня съ возомъ“ и денегъ талеровъ двадцать. Во Львовѣ Арсеній пробылъ нѣскольکو лѣтъ и вернувшись оттуда, сталъ просить отца—позволить ему принять монашество („принять габѣтъ“) въ Печерской лаврѣ. Отецъ не перечилъ сыну, но такъ какъ „въ часъ постригу“ Арсенія отецъ его куда то отлучался изъ дому (вѣроятно, въ какой нибудь походъ), то Арсенія снаряжала въ монашество его матица Мазапетовна. Для этого сдѣлана была ему одежда: пара „суконь“ (верхняя одежда), сутана штаметовая (*стамедъ*—особаго рода сукно) и „реверенда“ (ряса) тонкаго французскаго сукна, подшитая волчьими „шлямами“ (подбрюшина). Кромѣ того, Арсенію дана была пара буланыхъ коней-возовиковъ, съ „колясою“. Принявъ монашество, Арсеній уже въ 1717 году былъ архидіакономъ митрополіи Кіевской. Въ 1722 году онъ ѣздилъ въ Москву съ ризницею и свитою, къ посвященію Вар-

¹⁾ Напр., въ *Историческомъ Очеркѣ Полтавско-Переяславской епархіи*, игум. Поліевита, (Полтава, 1863 г., отд. отвѣкъ въ Полтавск. епарх. вѣд. 1867 г. №№ 18—24), Арсеній называется сыномъ переяславскаго протоіерея на основаніи записи въ синодикѣ напфильской церкви, гдѣ говорится: „Родъ отца Берла протопопа переяславскаго. Помани, Господи, работъ своихъ: Іоанна, Татіану, Анну, Маршну, Марію, іеромонаха Арсенія“. Въ этихъ именахъ слѣдуетъ видѣть отца и мать Арсенія и его сестеръ (Анну двоюродную и Марину родную). Названный въ этой записи—протопопъ переяславскій былъ конечно Андрей Берло, который могъ сдѣлать и самую записъ. Невѣрныя свѣдѣнія игумена Поліевита повторены г. П. Левицкимъ въ его *исторіи Переяславской семинаріи*. Кіевск. Стар. 1889 года, февр., 426.

лаама Ванатовича на кievскую архіепископію. Въ это время Арсеній посвященъ былъ во іеромонаха и вслѣдъ затѣмъ—въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Можетъ быть, въ это время Арсеній обратилъ на себя особое вниманіе Феофана Прокоповича, которое было причиною, что въ 1729 г. Арсеній былъ избранъ епископомъ Могилевско-Бѣлорусской епархіи и утвержденъ въ этомъ санѣ синодомъ и императоромъ¹⁾. Но польскій король не согласился на епископство Арсенія, указывая, что онъ избранъ не изъ знатнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе Арсеній прожилъ въ Могилевѣ около трехъ лѣтъ, именуясь администраторомъ Могилевской епархіи²⁾. Потерявъ надежду получить утвержденіе въ санѣ могилевскаго епископа, Арсеній отправился въ Петербургъ и здѣсь при дѣятельной помощи Феофана Прокоповича, въ 1733 г. былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ. Переяславскіе епископы этого времени считались коадьюторами кievскихъ митрополитовъ, въ область управленія которыхъ входила вся Полтавщина. Вѣроятно, пользуясь тѣмъ, что въ этотъ моментъ митрополитовъ въ Кіевѣ не было, а были лишь кievскіе архіепископы, Арсеній обратился въ синодъ съ представленіемъ объ освобожденіи Переяславской кафедры отъ кievской зависимости и дать ей такія же права, какія имѣла кафедра Черниговская. Представленіе Арсенія было уважено (видимо, при помощи Феофана Прокоповича), и съ августа 1733 г. Арсеній получилъ право самостоятельнаго епископства съ наименованіемъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Впрочемъ предѣлы Переяславской епархіи ограничились однимъ *Переяславскимъ полкомъ* (теперешніе уѣзды Передславскій и Золотопошскій); остальная Полтавщина продолжала находиться въ вѣдѣніи Кіева. Въ 1735 г. Арсеній былъ переведенъ въ Бѣлгородскую епархію, но его болѣзнь (вывихъ ноги) помѣшила этому перемѣщенію, и онъ остался въ Переяславѣ. Изъ общественной дѣятельности Арсенія Берла

¹⁾ См Труды Кіевск. Дух. Акад. 1865 г., т. 3, стр. 604—607.

²⁾ *Свідѣнія о Полт. Переясл. епархіи и ея архимандритѣ*, игуи. Полевка, стр. 38—39.

А. ЛАЗАРОВСКІЙ.

въ его епископствѣ главною является учрежденіе въ Переяславѣ училища, по кругу преподаванія, равнявшагося теперешней семинаріи. Въ 1737 г. сдѣлано было общее распоряженіе объ „учрежденіи во всѣхъ епархіяхъ и въ пристойныхъ мѣстахъ, училищъ, по духовному регламенту, для обученія въ нихъ учениковъ священнаго чина и церковнаго причта дѣтей, на славяно-латинскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ граматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ“, причемъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось опредѣлять въ церковныя чины „неученыхъ людей“. Около этого же времени было ограничено поступленіе козацкой старшины въ духовныя чины тѣмъ, что „въ дьяконы и попы велѣно было принимать не иначе какъ по аттестатамъ мѣстной власти и по позволенію войсковой канцеляріи, понеже многое число духовныхъ не у мѣста суть и дабы козакамъ въ войсковой службѣ уменьшенія не было“. (И. Соб. Зак., № 6614, п. п. 12—13). Въ виду этихъ указовъ высшаго правительства, Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Сначала нужно было устроить въ Переяславѣ домъ для школы; для этого дома намѣстникъ Кіево-печерской лавры пожертвовалъ находившіяся вблизи Переяслава четыре хаты. Заботясь о перевозкѣ ихъ въ Переяславъ, Арсеній писалъ въ іюнѣ 1738 г. золотоношскому протопопу слѣдующее: „намѣрены мы сего лѣта, при домѣ нашемъ, устроить училище, на которое по требованію нашему о. Иларіонъ Негребецкій, Кіево-печерскія лавры архимандритъ съ братією, со-благоволитъ подарити четыре хаты, за рѣчкою (Грубежемъ) стоячія, якія хаты къ катедрѣ нашей въ скорости были бѣ перевезены, со всея епархіи нашей опредѣлили мы выстачитъ подводъ 50. По учиненному отъ насъ распоряженію, съ протопопѣи своей Золотоношской изволь, всячестность твоя, подводъ *поодноконь*, числомъ пятнадцать, прислать въ катедру для перевозу оныхъ хатъ на число сего іюля 10 непременно, собравъ тѣхъ подводъ безобидно: у одного священника возъ, въ другого—лошадь, а отъ третьего—кто къ подводѣ челоуѣка сопредѣлитъ. Въ тѣхъ же училищахъ, якъ дастъ Богъ устроить, священническія и церковно-причетническія дѣти святаго ученія имѣють

обучатся, что будетъ къ большей славѣ и прославленію имени Божія, къ пользѣ же отечества...“ Въ другомъ указѣ (11 сентября) тому же золотовошскому протопопу Арсенію пишетъ: „въ новосооруженныхъ при домѣ нашемъ архіерейскомъ училищахъ имѣютъ быть сего года зачаты ученія—фары и пѣфимы, граматикки, синтаксисмы, поэтикки, риторикки, для якихъ ученій уже и учителя учреждены... А дастъ Богъ слѣдующаго октября на второе число, непременно представлять всей епархіи нашей Переяславской имѣющіе сыновъ своихъ, долженствуютъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія. И тѣмъ ученики, священническіе дѣти, которыя слушали синтаксису, то здѣсь (будутъ слушать?) поэтикки, которыя поэтикки то здѣсь—риторикки и которыя риторикки ихъ слушали бѣ непременно (?)... „Откуда слѣдуетъ догадываться, что въ открытое осенью 1738 г. Переяславское училище были переведены изъ Кіева уже учившіеся тамъ сыновья священниковъ Переяславской епархіи, при чемъ имъ даны были пѣкоторыя льготы. О дѣйствительномъ открытіи осенью 1738 г. Переяславскаго училища говоритъ указъ Арсенія, писанный 6 ноября 1738 г., въ которомъ читаемъ: „за помощію Божіею, при катедрѣ нашей Переяславской (мы) устроили училища и уже въ нихъ собравшіеся ученики славяно-латинскаго ученія обучаются, которымъ искусныхъ учителей учредили и содержимъ въ катедрѣ нашей; особенное же имъ въ дому нашего архіерейскаго опредѣлили пропитаніе“. Указываемое здѣсь „пропитаніе“ отнускалось изъ „катедры“, повидимому, учителямъ, а ученики кормились въ *бурсѣ*, при чемъ пища для нихъ поставлялась со всей епархіи, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста того же указа: „а для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ, по учиненному расположенію, токмо одна пашня (рожь) да мука пшеничная да гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ, пожеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію потребностей не имѣется; а во ономъ расположеніи опредѣлено—безъ чего всячески обойтись невозможно, того для по сему вновь учиненному расположенію, всечестность ваша, опредѣленное выстачить для пропитанія обу-

чающихся учениковъ долженствуетъ "... 1) „Искусныхъ учителей“, о которыхъ говорится въ этихъ указахъ, Арсеній приглашалъ изъ Кіева; еще и въ 1743 г. онъ просилъ тогдашняго печерскаго архимандрита Тимофея Щербацкаго прислать ему, въ Переяславъ, двухъ ученыхъ монаховъ изъ лавры, для преподаванія риторики и шитки 2). Заботы Арсенія объ устройствѣ Переяславскаго училища дали основаніе тогдашнему учительскому его персоналу называть это училище *Берліанскою коллегіей* 3). Позже изъ этой *коллегіи* образовалась Переяславская семинарія.

Заботясь объ устройствѣ переяславскаго училища, Арсеній однакожъ личныя матеріальныя средства отдавалъ преимущественно на украшеніе Кіевской лавры; такъ, онъ дарилъ туда нѣкоторыя церковныя вещи, а въ 1741 г. пожертвовалъ *тысячу червонцевъ* на позолоту главы въ новой лаврской колокольнѣ. Эта огромная для тогдашняго времени сумма указываетъ, что архіерейскіе доходы и въ незначительной малорусской епархіи въ XVIII в. были не малые и что о благолѣши лавры, гдѣ Арсеній „принялъ габѣть“, онъ заботился болѣе, чѣмъ о нуждахъ своей епархіи.

Умеръ Арсеній Берлю 7 іюня 1744 г.

Родная сестра Арсенія, дочь Щуровской. Софья выдана была замужъ за Евстратія Гулака. Гулаки были старше переяславцы, происходившіе отъ переяславскаго обознаго Ивана Гулака (1688 г.); у этого обознаго былъ сынъ Иванъ же, который въ 1699 г. былъ переяславскимъ полковнымъ сотникомъ; сыномъ этого Ивана

1) Всѣ три указа напечатаны г. Павловскимъ въ Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1878 г., № 2. См. также Полт. Ем. Вѣд. 1892 г., № 19, стр. 935—938.

2) *Очеркъ игум. Польвкта, стр. 12.*

3) Недавно имъ встрѣтилъ одинъ изъ учебниковъ этой *коллегіи* 1743 г., озаглавленный такъ: „Volumen continens in se varias occupationes nec non a hostastica ex recitibus recte dicendi lingua latina ad praesentia alvariana traditum in gratiam ac usum roxolanae juventuti studiosae in collegio Berliano-Perciaslaviae professore infimae ac mediae classis Jac. bo Javorski. Anno salutis humanae 1743, in annum 1744“. Здѣсь же кстаті замѣтимъ, что списокъ учениковъ *Берліанской Коллегіи* за 1744 г. напечатанъ въ Кіевск. Стар. 1838 г., ноябрь, 23—26; в. немъ начителъ „учениковъ“—130, въ шести классахъ, начиная отъ „фарм“ до „риторики.“

Ивановича Гулака былъ зять Берла Евстратій Гулакъ, занимавшій въ 1734 г. урядъ своего отца. О данномъ дочери Софьѣ *отмѣ*, при выдачѣ ея замужь, Иванъ Берло въ завѣщаніи говоритъ: „выдавши оную въ станъ малженскій, отвѣнили (Софью) по нашей зможности такимъ вспоможеніемъ: сплендоръ (украшенія) увесь, якъ належить бѣлоголовскій (женскій), манисто перловое (жемчугъ), сребра питнаго судинокъ (сосудовъ для питья)—три, поясъ у пять гривень (вѣсу) сребрній, дощатий (изъ пластинокъ), сутозлоцѣстій. Крімъ того, „подъ часъ веселя Софїиного, дали ей коня зъ колясоу, а потомъ еще: коней два и коровъ четьре.“

Отъ Мазанетовны у Ивана Берла было два сына и три дочери, да еще была на рукахъ у Берла его племянница, дочь старшаго Ивана Берла, Анна, которую онъ взялъ на свое попеченіе послѣ смерти брата. О ней Берло рассказываетъ въ своемъ завѣщаніи, что достигнувъ возраста, Анна влюбилась въ какого-то Антона Тарловскаго, который, выкрывъ ее изъ Воронкова, женился на ней. Эготъ поступокъ „братанки“ (племянницы) очень оскорбилъ дядю, который почелъ самовольный ея уходъ изъ его дому за „встѣдъ себѣ“. Но когда Анна пріѣхала съ мужемъ просить у дяди прощенія, то послѣднее тутъ же было ими получено. Антонъ Тарловскій можетъ быть былъ отцомъ того извѣстнаго „дикаго цона“, который по преданіямъ игралъ такую видную роль въ колонизаціи Екатеринославщины и который будто бы вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну съ Разумовскимъ въ Козельцѣ, на пути ихъ въ Кіевъ ¹⁾. Изъ завѣщанія Ивана Берла видно, что Антонъ Тарловскій уже въ 1717 г. былъ священникомъ. Берло подробно перечисляетъ тѣ подарки, которыми онъ надѣлялъ молодую чету при ея посѣ-

¹⁾ О „дикомъ цонѣ“ о. Кириллѣ Тарловскомъ см. Чернг. Губ. Вѣд. 1887 г. № 63, гдѣ записано преданіе о томъ, что олъ сочеталъ императрицу бракомъ („съ необычайной простотою и таинственностью“) съ гр. А. Г. Разумовскимъ, въ небольшомъ деревянномъ дворцѣ, построенномъ къ пріѣзду, на берегу Остра, въ т. Козельцѣ“. Преданіе записано со словъ глубокаго старика, мѣстнаго протоіерея Ф. Н. Долинскаго (умершаго лѣтъ десять назадъ), почему преданіе это не лишено значенія.

щеніи дяди, при чемъ Тарловскіе дали послѣднему и „квитанцію“, что они не будутъ затѣмъ „турбовати Берла за отцовскую отчизну“. Изъ этой „квитанціи“ слѣдуетъ заключить, что источникомъ для подарковъ служило отцовское наследство, „брантанки“, оставшееся у дяди... Тутъ же Берло упоминаетъ, что, онъ выхлопоталъ мужу племянницы и приходъ („парафію“) въ с. Нехаикахъ, давши за это тогдашнему переяславскому епископу Захарію Корниловичу „червоного золотого“. Отъ Мазанетовны Берло имѣлъ двухъ сыновей—Данила и Андрея, и трехъ дочерей—Марину, Настасью и Елену. Рассказавъ въ завѣщаніи о положеніи своей семьи, Берло далѣе говоритъ, что главная его цѣль заключается въ томъ, чтобы послѣ его смерти старшія дѣти (отъ первыхъ двухъ женъ) не спорили съ своею мачихою Мазанетовной и ея дѣтми и чтобы при этомъ „костями его, Берла, не ворушили“. Къ этому Берло добавляетъ, что если старшія дѣти отъ первыхъ двухъ женъ рожденныя, въ чемъ считаютъ себя обиженными и обдѣленными по этому завѣщанію, то онъ проситъ ихъ заявить свои претензіи теперь же ему лично, пока онъ еще живъ, а онъ обязывается каждому изъ нихъ дать полное объясненіе и исправить то, что окажется неправильнымъ; все это обѣщаетъ онъ сдѣлать, лишь бы они, старшія дѣти, по смерти его, не безпокоили его жену, на которую они „похвалки чинятъ“. Женѣ своей Мазанетовнѣ Берло по завѣщанію назначилъ слѣдующія имѣнія: дворъ въ Переяславѣ, купленный у тамошняго протопопа Николая Мосцицкаго, хуторъ въ с. Папфилахъ и другой хуторъ въ с. Рогозовѣ, а также и всѣ вообще земли. Все это имѣніе завѣщается „самою женѣ“ и меньшому сыну Андрею, „ежели будетъ поволенный матцѣ“ (т. е. если будетъ слушать мать); а если этотъ сынъ окажется непослушнымъ, то завѣщаемое имѣніе должно принадлежать одной женѣ, а жена, во всякомъ случаѣ, „повинна будетъ съ тихъ же набитковъ випосадити дочерей Настусю и Елену, когда Господь Богъ подастъ имъ станъ малженскій воспріяти“; при этомъ самъ отецъ назначилъ этимъ дочерямъ по пять коровъ и по пять рабочихъ лошадей

(„ключей“) и кромѣ того, еще по пять кубковъ „пестрозлоцѣ-
стыхъ“. Сынъ Данило и дочь Марина здѣсь не упомянуты
конечно потому, что они въ это время были уже отдѣлены.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что старый Берло называя въ
завѣщаніи своемъ два хутора въ Панфилахъ и Rogozovъ, какъ
намъ кажется, маскируетъ этимъ названіемъ села Панфилы и
Rogozovъ, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ *завѣщать*,
а между тѣмъ, имѣя въ Панфилахъ и Rogozovъ купленные
земли съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, онъ могъ говорить
и о хуторахъ...

Написавъ завѣщаніе, Берло послалъ его „до вычитанна“
старшимъ двумъ сыновьямъ, которые вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали
сами въ Переяславъ, гдѣ жилъ старый Берло, и тутъ стали
было „домовляться отчизни“, „нажитой съ сеею женою“ (т. е.
Мазепетовною); но отецъ „декларовалъ“, что отдастъ имъ толь-
ко то, что нажилъ съ ихъ матерями, а что нажилъ съ Мазе-
петовною, то все отдастъ дѣтямъ отъ нея рожденнымъ. Споры
отца съ сыновьями продолжались, какъ говорится въ завѣщаніи,
нѣсколько дней, пока наконецъ сыновья уступили, „склонив-
шись, не нарушаячи отцовскаго себѣ благословенія“, и при-
няли то, что кому изъ нихъ тестаментамъ назначено, при чемъ
просили у отца еще „прощенія съ тѣмъ одозвомъ, же уже вовся
не мѣли турбовати жены его и дѣтей съ нею сплоченныхъ“...
Духовное завѣщаніе Берло написалъ въ 1717 г., не обозначивъ
его мѣсяцемъ, а 1-го января слѣдующаго 1718 г. Василій далъ
отцу письменное обязательство, ¹⁾ которымъ, *по совѣту отца*

¹⁾ Року 1718, наварна мѣсяца 1. Я, Василій Берло, будучи на сей часъ
сотникъ воронькувскій, чиню вѣдомо симъ моимъ рукописаніемъ, якъ по благо-
словенію всемілостивого моего патрона и добродѣя его мил. пана Иоанна Берла,
много родителя, чести отчизны трудами и стараніемъ родительскимъ на мене
спадачой, набитой, рѣчей рухомихъ и нерухомихъ, зъ доброй моею волю, и бра-
тамъ моимъ Данилу и Андрѣеви, зложеннымъ зъ нашою Анною Мазепетовною
второю родителкою моею, уступую по согласію и совѣту любимаго отца брата
моего Арсенія Берла, и якъ въ той децисіи кондиція за рукою его преселебности
выражена, на томъ и я рукою свою подписую. Василій Берло, сотникъ варонькув-
скій, рукою власною. (Съ подлинника).

брата Арсенія Берла, уступилъ право свое на слѣдовавшее ему отцовское наслѣдство братьямъ Данилу и Андрею.

Заботы Ивана Берла о соглашеніи старшихъ сыновей на уступку ими своихъ правъ на „отчизну“—младшимъ братьямъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что старшій Берло избобрѣталъ здѣсь способъ—какъ бы маестности свои, Рогозовъ и Панфила, полученные по универсаламъ, передать вдовѣ и младшему сыну помимо Василія и Арсенія, на что онъ не имѣлъ права. Называя эти маестности въ завѣщаніи лишь *хуторами*, Берло, повторяемъ, имѣлъ въ виду *усилить свое право* на распоряженіе ими... Какъ видимъ, Берло достигъ своей цѣли, но едва ли не потому лишь, что Арсеній, будучи монахомъ, не только что самъ согласился отказаться отъ права на „отчизну“, но и старшаго брата къ тому склонилъ.

Иванъ Берло умеръ, оставивъ вдову съ тремя неустроенными дѣтьми: сыномъ Андреемъ и дочерьми Настасьей и Еленой. Время смерти его не извѣстно, но вдова его обратилась къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нею мужниныхъ маестностей въ нач. 1721 года, почему можно думать, что и мужъ ея умеръ около этого же времени. Въ универсалѣ Скоропадскаго, выданномъ (28 марта 1721 года) вдовѣ Берла, читаемъ: „вдова панѣ Анна Мазанетовна презентовала намъ *универсалъ* нашъ, въ року 1712, ему небожчику Ивану Берлу выданный, на село *Рогозовъ* и на футоръ тамошній, прозвасміи Пѣсоцковскій, такожь *листь* покойного п. Стефана Томари, полковника переясловского, ему жъ небожчику Берлу въ року 1715 данный, *зъ уволенемъ людей оз селъ Панфилахъ десяти человекъ*, на власныхъ его покойного купленныхъ грунтахъ *погребцами* ¹⁾ мешкаючихъ, отъ налоговъ, поборовъ ратушнихъ и работнихъ... и просила на *всѣ ти добра* нашей универсальной конфѣрмаціи“. Исполняя эту просьбу, гетманъ

¹⁾ Слѣдуетъ думать, что слово *погребцы* употреблено здѣсь въ смыслѣ *землянокъ*. Въ Прилуцкомъ уѣздѣ есть село *Погребы*, возникшее на мѣстѣ разореннаго татарами села *Держижиря*; можетъ быть и тамъ названіе *Погребовъ* возникло отъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ жились новыя поселенцы стараго селенца.

выдалъ универсалъ, „повагою котораго всѣ вишенписанне добра и грунта въ безперепонное заживане еѣ, паней Берлиной, ствердилъ“, съ обычными оговорками относительно послушанія крестьянъ, которые „безъ всякаго огурства послушенство и повиновеніе отдавати долженствують“.

Одновременно съ матерью обращался къ гетману и старшій сынъ ея Данило, въ то время бунчуковый товарищъ, съ просьбою объ утвержденіи за нимъ маестностей; какихъ именно—неизвѣстно, но онъ получилъ универсалъ, въ томъ же 1721 г., только на дворъ въ Воронковѣ и на хуторъ въ Воронковской сотнѣ. Можно думать, что Данило Берло обратился къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нимъ „отчизны“, по крайней мѣрѣ въ части, по что гетманская канцелярія (т. е. въ дѣйствительности генер. писарь Саичъ) нашла возможнымъ во всемъ исполнить завѣщаніе Ивана Берла, а Данилу—дать универсалъ лишь на то, что, повидимому, отцемъ было ему отдано еще при жизни.

Послѣ смерти мужа, Мазанетовна осталась жить съ младшимъ сыномъ Андреемъ и двумя незамужними дочерями. Андрей скоро устроился, получивъ мѣсто священника въ переславской успенской церквѣ, и мать осталась безъ защитника, тѣмъ болѣе что и старшій сынъ ея Данило вскорѣ умеръ (прежде 1725 г.).—Этимъ положеніемъ вдовы Берлихи воспользовались сильныя сосѣди и начали ее тревожить, захватывая ея земли. Въ это время на младшей дочери Берла посватался канцеляристъ генер. канцеляріи Андрей Володковскій. Одно мѣсто его службы давало уже ему значеніе, почему Мазанетовна имѣла основаніе искать въ немъ защитника своего „дома“. Желая привязать Володковского къ этому своему „дому“, Мазанетовна отдала ему село Rogozovъ. Любопытный объ этомъ актъ вдовы „Берлиной“ гласитъ слѣдующее: „Поневажъ дѣйствіемъ и изволеніемъ Божиимъ сбылося, же п. Андрей Володковскій, генер. войск. канцеляріи канцеляристъ, дому моему уснивился, дщерь мою Елену себѣ за малжонку понялъ, и видячи я его ку себѣ и дѣтямъ своимъ: Андрею Берлу и сыновой моеѣ Даниловой Берлиной удонствуюющей,

звѣчливость и пріязнь, и во многихъ теперь приключаются трудностяхъ и турбаціяхъ, такъ о завладѣніи млина и о отнятіи подданныхъ, и въ прочихъ обидахъ и разореніяхъ помощствующаго своимъ коштомъ и працею, того ради я, *переговоривши съ сыномъ своимъ Андреемъ Берломъ, священникомъ, на испарте его, Володковскаго юсподарства, маетность покойнаго мужа моего село Рогозовъ* заслуженную и отъ пятидесяти пяти лѣтъ владѣемую... *вручаю и уступаю*; да въ томъ же селѣ власній, купленій за гроши мужемъ моимъ прозываемій Пѣсоцковскій хуторъ"... во вѣчность и потомное владѣніе ему, п. Володковскому, дарую... Упомянувъ о передачѣ при этомъ Володковскому всѣхъ документовъ на Рогозовъ и на Пѣсоцковскій хуторъ, вдова затѣмъ добавляетъ: а мѣлъ бы хто его, Володковского, въ дѣтей моихъ, чили зъ впучатъ, чили съ первой и другой жепъ покойнаго мужа моего дѣтей, якихъ духовною за живота своего отдѣлилъ, якъ надлежитъ, вивѣнилъ и квѣтоваль, турбовати, трудности и препятствія чинити въ тихъ грунтахъ, отъ мене Володковскому давшихъ, или ихъ отнимати, то яко тать и хищникъ чужого имѣнія буде зо мною и мужемъ моимъ на страшномъ второмъ пришествіи предъ велицею судою судится и да будетъ апаема проклять" ¹⁾.

Такимъ образомъ по этому акту Мазепетовна отдаетъ зятю *населенную мужпину маетность, помимо сыновей*... Правда, мужъ ея, умирая, далъ ей власть распоридиться селами по своему усмотрѣнію; гетманскій универсалъ какъ бы уерѣплялъ за нею это право; но тѣмъ не менѣе обычное право препятствоваію вдовѣ отдавать полученную по универсалу маетность зятю, хотя на эту уступку и согласился, какъ говоритъ актъ, младшій сынъ Мазепетовны. И мы видимъ, позже, что распоряженіе вдовы всетаки не смогло стать крѣпкимъ, такъ какъ

¹⁾ Подпись: Анна Мазепетовна Берлина, неумѣющая писать сну своему подписать рукою повелѣла. Андрей Берло рукою приложилъ свято успенскій переяславскій... (Ковецъ виторгъ).

Володковскій, не смотря на свое положеніе ¹⁾, удержать за собою Рогозова не смогъ: это видно изъ того, что въ в. XVIII в. владѣльцемъ этого села былъ одинъ изъ внуковъ Андрея Берла.

Выше уже сказано, что младшій сынъ Ивана Берла, Андрей, промѣнялъ козацкую саблю на рясу священника. Вѣроятно, что священство Андрея Берла явилось слѣдствіемъ близкаго его родства съ Арсеніемъ Берломъ, протекція котораго обѣщала младшему брату карьеру и въ духовномъ его званіи, а козацкая старшина иногда предпочитала эту карьеру—воинской, въ виду связаннаго съ ней освобожденія отъ походовъ и другихъ воинскихъ повинностей. Извѣстенъ такой случай: въ 1724 г. передъ походомъ козаковъ въ Сулакъ, сынъ бунч. товарища Якимъ Кулябка, желая избѣжать этого похода, поѣхалъ было въ Кіевъ „для поповства“, но полковникъ послалъ за нимъ въ погоню съ приказомъ, „чтобы отъ того не дерзалъ чинить“. (Зап. Як. Марк., I, 55). Несомнѣнно, что Андрей Берло не проигралъ въ перемѣнѣ общественнаго своего положенія, такъ какъ послѣ священства въ переяславской успенской церкви, онъ сталъ переяславскимъ протопопомъ и оставался на этомъ мѣстѣ до смерти, около двадцати лѣтъ (1735—1755 г.). Священство не мѣшало Андрею Берло получить по смерти матери во владѣніе одну изъ отцовскихъ мѣстностей, с. Папфилы. Кромѣ того, на протопоповствѣ Берло наживалъ всякаго рода „худобу“ такъ-же успѣшно, какъ это дѣлала и старшина. Напр., по купчей 1755 г., „попада“ сосновская, по умертвіи мужа своего священника сосновскаго Герасима Золотухи, съ сыномъ своимъ священникомъ с. Ничипоровки Иваномъ Золотухою, продала отцу Андрею Берлѣ, протопопу переяславскому, ставокъ съ гребелькою и берегами“, около с. Соснова, „*вподовжъ разстояніемъ въ версту*“, за сто рублей. Такое пріобрѣтеніе, какъ „ставокъ“ (прудь, а м. б. и озеро) *длинною съ версту* (образовавшійся изъ заливовъ Суной, при которомъ расположены села Папфилы и Соснова),

¹⁾ О Володковскомъ, А. В., см. Опис. Ст. Малор., II, 45. Изъ генер. канцеляріи онъ получилъ урядъ нѣжинскаго полковаго есаульства (1734—1746), котораго лишился за участіе въ насиліяхъ полковника Божича.

заплоченное столь дорогою для того времени цѣною, было приоб-
рѣтениемъ несомнѣнно крупнымъ ¹⁾).

Послѣ Андрея Берла остался сынъ Иванъ, который въ 1764 г. былъ войсков. канцеляристомъ, а затѣмъ въ отставку, въ 1773 г., получилъ чинъ полков. судьи. У него было четыре сына: Павелъ, Иванъ, Пантелеймонъ и Михаилъ, изъ которыхъ Иванъ и Пантелеймонъ по спискамъ 1805 г. значатся корнетами и владѣльцами: Иванъ с. Rogozova (53 крест. м. п.), а Пантелеймонъ—с. с. Пауфлювъ и Комаровки (108 крест. м. п.).

О потомствѣ старшаго брата Андрея Берла—Данила точныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ; но въ документѣ 1799 г. показаны *троюродными братьями* сыновей Ивана Андреевича Берла—Матвѣй и Пантелеймонъ, называющіе себя сыновьями полковаго писаря Владиміра Берла. Зная, что у старшаго сына Ивана Берла Василія былъ одинъ только сынъ (Иванъ), слѣдуетъ заключить, что Владиміръ Берло былъ сыномъ Данила Ивановича Берла, умершаго раньше своей матери. Гдѣ онъ былъ полковымъ писаремъ—изъ документовъ не видно.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о Берлахъ, найденныя въ обрывкахъ ихъ семейнаго архива. Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но все же въ нихъ находимъ нѣсколько интересныхъ чертъ для исторіи общественнаго быта старой Малороссіи, а при скудости этого рода свѣдѣній слѣдуетъ сохранять и такія черты. Только заботливымъ подборомъ послѣднихъ можно приготовить достаточный матеріалъ для давно ожидаемой книги—о *юридическомъ бытѣ старой Малороссіи*.

¹⁾ По смерти Андрея Берла, младшій сынъ священника Герасима Золотухи Герасимъ Золтковскій возбудилъ противъ Андрееваго сына—Ивана Берла сѣрьгу требу и свою долю доплатить за „ставокъ“, вслѣдствіе чего Берло и доплатилъ ему 25 рубл. Здѣсь интересенъ случай—какъ легко было сыну Золотухи измѣнить отцовское прозвище въ колонизованное Золтковскій...

Приложеніе.

Духовное завѣщаніе переяславскаго судьи Ивана Берла. 1717 года.

Во имя Пресвѣтѣя Животворящія і Нераздѣльнѣя Троицы, Отца і Сына и Святого Духа. Аминь.

Звычай тотъ в людехъ поводитя, когда кто биваетъ болезнию обятій и прирѣнный отъ Бога, яко и я грѣшникъ Иванъ Берло вжду себе часто у слабомъ моемъ здоровю, умислилъ, по доброй волѣ моеи сей тестаментъ моею рукою написать, жебы по моеи смерти дѣти моѣ од первыхъ жон двохъ моѣхъ покойныхъ з теперешнею третею жоною моею Анною Мазанетовною, яко и з дѣтии тожъ моѣми а нею зложенными, не вцинали позвов и турбаціи не заводили, а костюи моѣми ненорошили, лечъ егды кому о що з дѣтей моѣхъ первыхъ жон покойныхъ моѣхъ вдет, покол еще я во живыхъ обрѣтаюся, позволяю мнѣ самому договорити и кому чого не доходит, на мнѣ упоминалися; я повиненъ буду каждому одвѣтовати і справитися, а не жона моя Мазанетовна, на которую похваляи чините неслушне, бо егды она мнѣ пошлюбивши и въ дом мой зо мною прибавши, не застала у мене жадной готовизни, нѣ з срѣбра, нѣ з цени, а нѣ з фантъ покойныхъ матерей вашихъ, бо любо що з плендоровъ покойной жони моеи Сомковни было позостало, тое дочери моеи Иринѣ, з Сомковною жъ зложеною, досталося, некому иному. Также по небожце Татинѣ Щуровщанцѣ, другой жони моеѣ, що было позостало з ношения небожичиноного, то Софиѣ, дочери моеи, зъ нею зложеною отдаю усе. А теперешняя жона Мазанетовна позосталихъ фантъ и силендоровъ од первыхъ жонъ моѣхъ в наименшой рубчице не при-

винна, яких не приймала и непожтковала, которую самъ рукописаннемъ мопмъ одъ турбацѣи и позвов на неѣ одъ дѣтей моѣхъ обваровую и заступаю; а мѣли бы дѣти моѣ, Василій, Арсеній и Софья дочерь моя, і кто ли колвекъ, сей добровольный тестаментъ мой касовати или разоряти, на таковому противникови и разорителеви моему да будетъ вятва святыхъ отцѣхъ триста осмьдесят, іже в Никеѣ, і самъ Всемогущій Господь Богъ разорить душу его во адъ муки вѣчной. Аминь.

Сынови моему Василю Берлови, зложеному з покойною Параскевиею Сомковною, которого уже зъ сею жоною моею Мазанетовкою дружилемъ его, далемъ ему сынови Василюви двурь у Воронковѣ, в которомъ родился а двурь де ново мною фундованный на плещу половинною Сомковкою (sic), на которомъ томъ плещу засталемъ свѣтлицу велии дряхлюю і огорѣлюю, которая до мене еще была занялася. А половину плещу на дворѣ до моего фундовання объ межу купилемъ у Мартина Говорухи, жителя старинского, тотъ дворъ, свѣтлиця з комнатою, цекарня з сѣнями, коморъ двѣ подъ едни побой, на помостахъ, кухни, погребъ проходящій и шона надъ погребомъ. Я самъ у томъ дворѣ жилемъ, такъ зо всѣмъ оддалемъ Василюви сынови. А в часъ женитба сына моего готовизною грошей самихъ розийшлося сѣмъ сотъ золотыхъ, чотприста зобранихъ изъ Мозанетовною, жоною моею, а триста золотыхъ позиченихъ у Прокопья, хоружого чернѣговского полкового, покойного зятя нашего. Млин на греблѣ Ручявской прозиваемой, о едномъ каменѣ мучаномъ, который зъ Мазанетовною жоною моею, фундованный, данъ естъ сынови Василюви; также коней двое верховихъ зъ седзенемъ і уздечкою гунчою, нестро злосцѣтою, влячъ шпистъ, волувъ плугъ, коровъ пять, овецъ тридцатъ, пчулъ двадцатъ улювъ, любо и у себе мало статку мѣлемъ, не безъ кошту и тое било черезъ колко роковъ намъ изъ жоною Мазанетовною господи наймовати, за науки школъ киевскихъ сынамъ Василю и Арсенію, інсекторамъ платити готовизною и кому того часу належало. І о томъ докладяю, же власнимъ стараннемъ моѣмъ і тцаніемъ слободу людми осадилемъ подъ Воронковомъ человекѣа десятковъ килко подданихъ, любо на землѣ покойной паней Сомковоѣ, тилко моѣмъ зобраннемъ, чинячи тилъ дефолкацію и полегкостъ черезъ колко десятъ лѣтъ, миѣ тѣмъ сотникуючи, обороняемъ и одъ всякихъ тяжаровъ мѣскпхъ ихъ заступалемъ, памятуячи же сукъцесиве спадати будутъ тие подданне Василюви, сынови моему. І подтвердителне уиѣверсали рейментарские на сло-

бодку и на всѣхъ грунтахъ Сомковскіе выправляемъ, на которые мене покойная панѣ Сомкова, теща моя, изъ Стародуба поднала, вручивши оныя пожитковати, якихъ много были люди, а найбарзѣй помѣшники завладѣли и присвоѣли в самомъ Воронковѣ и в селѣ Рогозовѣ, и в селѣ Старомъ; которыхъ грунтовъ од давнихъ часовъ людьми завладѣлихъ Сомковскихъ во всѣхъ грохъ тихъ рукахъ одстояемъ плуговъ на тридцать, од ліоуду до леду оранія доволного, которые сынови моему Василиеву тестаментомъ лекговала панѣ Сомкова, черезъ мою поволностъ къ ней и датками употреблючи черезъ колко десятъ лѣтъ, оную од дому моего аж до самой смерти еѣ. О чомъ сына моего Василия упоминаю подъ неблагословеніемъ Божиимъ і новимъ грѣшнымъ отческимъ нейти в заводъ изъ второю маткою и зъ братами Димпломъ и Андрѣемъ, але тими контентоватися грунтами, якихъ я додержалемъ тобѣ зъ благословеніемъ Божиимъ пожитковати и моѣми грѣшными молитвами. А мѣлъ бы еще видѣнати заводъ о грунтахъ и о домъ изъ женою Мазанетовною у Воронковѣ фундованний, да не благословитъ тебе Господь Богъ и буди од мене проклатъ, анаема в семъ вѣдѣ и въ будущемъ. Сына моего од другою женою моею Татьяною Щуровщанкою покойною зо мною зложеного, Божиимъ дарованіемъ Арсенія Берла, архидіакона митрополіи Кіевской, когда по его хотенію, од школъ кіевскихъ до Львова для наукъ выправилемъ, давши ему сукнѣ, у дорогу коня зъ возомъ і вѣтку зъ потребу, грошей таларовъ двадцатъ. А вгди, по колкохъ рокахъ, одтохъ повернулся зъ фурманомъ нанятимъ, якому заплатились за привозъ до насъ сына нашего Арсенія, почасѣ просилъ мене и женою моею, жеби у святой обители Кіевонечерской габѣтъ моглъ пріняти, въ чомъ желанію его сыновномъ стараніемъ моѣмъ и женою моею задоситъ учинилося, бо любо я самъ в домъ в часъ постригу быти не згодился, единакъ жона моя Мазанетовна зъ остатной готовизны всякихъ вещей на постригъ сыновний достатноложила і одиравала: и пару суконъ, сутану штатетовую і реверенду тонкого сукна французского, шляпами волчьими подшитую, сивавили; коней пару буланнихъ возниковъ зъ колясою далась сынови Арсеніеву, свитлицу шпиковую у Воронковѣ, обжежу Лесла Тимченка стоячую, і футоръ в селѣ Жеребятинѣ зъ саломъ, нажитий зъ покойною Татьяною Щуровщанкою, женою моею, а маткою Арсеніевою, ему записую. Який сей мой тестаментъ послалемъ спамъ моѣмъ Василию и Арсенію до вычитанія, Хомою Лупчикомъ, жителемъ рогозувскимъ, по которого вычитанію тестаментъ, спамъ моѣ пріехавши до Переясловля, упоминался у мене

отчизни нажитоѣ із сею жоною моею, ставши при упорѣ, котрымъ оиднуд того ихъ жаданію не позволилемъ, тимъ тилко оныхъ декларовалемъ: що ся з матерями ихъ нажило, тое имъ подѣлилемъ и в тестаментѣ записалемъ, а що из сею жоною Мазанетовною прижишемъ, то симъ дѣтемъ пятерымъ подѣлилемъ. А потомъ, по килкохъ дняхъ, сини моѣ Василю и Арсенію, склонившися, ненарушаючи моего себѣ благословенія и хотенія, що кому тестаментомъ легкую, привляи у мене прощеніе с тимъ одозвомъ, чою я по нихъ потребовалемъ же уже воися немѣли турбовати жони моеи и дѣтей з нею зложенныхъ: Данила, Андрѣя, Марши, Настасиѣ и Елени. И по моеи смерти обѣцуючи кѣтовати жону рукописаніемъ кождий синъ своимъ, Василю и Арсенію, и на той угоду з моею порадюю выдачи склонностъ жона моя синнюю, офѣровали купелъ сѣбѣрипий столовый у гривенъ чотири и в девять лотовъ удѣланный, з власного сѣбѣрипа жони моеи припнесенъ; ного у домъ мой, пояса сѣбѣрипного старосѣвѣцкого и чарокъ и иншого лапаннаго сѣбѣрипа унесеннаго. Тимъ толко уже Арсенію, синъ мой, повиненъ контентоватися, а турбацпий жаднихъ не вщпнати и рукописанія моего не нарушати. А когда би си поважила который синъ мой Василю или Арсенію сей тестаментъ мой дерзнути касовати албо разоряти, такового противника моего милосердія Господь Богъ разоритъ душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ такий проклятъ ававоема, в семъ вѣце и въ будущемъ.

Софью Евстратиеву Гулакову, дочеръ мою, еще з покойною Татіаню Щуровицанкою, жоною моею, а маткою Софиною, выдавши оную в станъ малженскій, одѣтили, по нашої зможности, такимъ вспоможеніемъ: силендоръ увесъ, якъ валежитъ бѣлоголовскій, манисто перловое, сѣбѣрипа лптного судинокъ три, поясъ у пятъ гривенъ, сѣбѣрипий, дощатий, сугозлоцнстий, а тотъ поясъ покойная Татіана, жона моя, легговала пополамъ, з Яковомъ Ростановичомъ, братомъ Софинымъ, за который и позваный билемъ до суду емералного одъ Ростановичовъ, пасникъ моѣхъ, и за инные ихъ дѣдизнее и отчистое зобранне, которое з маткою ихъ же в господарствѣ розейшлое, тое усе платилемъ пасникамъ моѣмъ, который уже и поясъ одиаченный нами и суденца сѣбѣрипе из жоною моею теперешнею Мазанетовною пасникамъ отцу Петру и Якову Ростановичамъ уже самой Софиѣ власне другимъ одѣненнемъ нененно найдуется поясъ и суденца сребрянне под часъ веселя Софиного, еще з маткою Софиною, дали коня з колясою дочеря нашої Софии, а з теперешнею жоною моею Мазане-

точною дали коней двое і коровъ чотири Софіѣ, в чомъ уже дочеръ моя і Евстратій Гулакъ, зять мой, повинни турбовати жони моеї Мазанетовни і дѣтей моїхъ з Мазанетовною зложеннихъ, бо теперешняя жона моя Мазанетовна, якъ первой жони моеї Сомковни, такъ и другой жони моеї Щуровщанки, вѣчному непривинная и до найменшой рубъчинки. А любо было що бялоголового незвелика якого пошеня, по Самковнѣ жони моеї, дочери Ірцаѣ одлано, а по жонѣ Щуровщанде Софиі досталоса. Овшемъ еще долги якне на мнѣ зависали, которыхъ задолжилися з поколюю жоню Щуровщанкою на колко сотъ золотихъ, людемъ полатили з теперешнею жоню Мазанетовною, которую рукописаніемъ моимъ сямъ обваровую и дѣтей моїхъ упоминаю, Василя и Арсенія, и Софию, жебл я по моеї смерти Анни Мазанетовни, жони моеї, и дѣтей з нею зложеннихъ Данила, Андрѣя, Маршии, Настасіи и Елены, вѣ в чомъ не турбовали, а кто би ся поважил з дѣтей моїхъ од первыхъ жонъ моїхъ зложеннихъ жону Мазанетовну и дѣтей з нею зложеннихъ дерзнути надъ волю мою в право удаватися і тестаментъ мой касовати, такового противника моего многомилосердный Господь Богъ да разоритъ душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ проклятъ таковий, ащема, въ семъ вѣце и в будущемъ.

Насниковъ моїхъ в Богу превелебного отца Петра Русту, протопопу воронковского и Павла Русту, насниковъ моїхъ, по наказанію суду емерального войсконого, уконтентовалемъ ихъ и заплатилемъ, і одержалемъ од нихъ кватрадію подъ печатію судіи емерального, которіи уже жадною мѣрою повинни жони моеї Мазанетовни турбовати і дѣтей моїхъ з нею зложеннихъ подъ зарукою, якая есть на кватраціи од суду емерального положенная.

Данилови синови моему двуръ у Воронковѣ з футорами і поля пахарного кушваного изъ жоню моею Мазанетовною, на купленныхъ плечахъ тотъ двуръ фундованный, солодовню и винницу з посудками, опрочъ казапов, пленую і со всѣмъ на чомъ я жилемъ у Воронковѣ і нажилемъ черезъ двадцатъ три роки з маткою Даниловою, а жоню моею, і подданихъ на плечахъ моїхъ живючихъ, покупленныхъ поселенихъ, а пивнихъ нажитихъ, і поважнимъ универсаломъ яснее-вельможного его милости напана гетмана і его милости напана полковника черяславского стверженнихъ, записую ему самому и женѣ его и потомъкамъ его, аще Богъ подасть во вѣчине роды подаю.

Жонѣ моеї Аннѣ Мазанетовнѣ Ивановой Берловой сколко чого працою і старанней вкупѣ нажилисмо: двурѣ у Переяславлю куплений у превелебного господина отца протопопи переяславскаго Николая Мосцѣдкого, футорѣ въ селѣ Панфилах, купленный з жоною моею Мазанетовною, і в селѣ Rogozovѣ тож футор з нею жѣ купленный з пахарным полем и з гаями, все одмала і до велика в кгрунтах з нею покупленных в Переяславлю и в Панфилах, самой жонѣ моеї в меншому синовї моему Андрѣевї, ежели будетъ поволенный матѣ, то имѣ записую и легкую. А ежели в чом би мѣл бити противко матери противним і непослушним, то самой жонѣ моеї одписую і пменую, которая жена моя Анна Мазанетовна повинна будет з тих же набитковъ наших выосадити дочерей наших, якъ matka, Настусю и Елену, когда Господь Богъ подаст им стан малженский воспрїимати, котрым пменую коровѣ по пят обонмѣ і ключей такъ же по пят Настусѣ и Олесѣ. Кубковъ пять Настусѣ нестрозлоцистихъ іменую, якихъ з маткою еѣ нажилисмо, а другую кубковъ пят тоже нестрозлоцистихъ дочери Еленѣ легкую і пменую, і записую. І о сем тут в моем тестаментѣ докладю, же братанка моя Анна Берловна, гдѣ по отцу своему Иванови Берлови, а моему брату рожовому по умертвиѣ zostalas оспротѣвою в лѣтѣхъ семи, тую воспиталем у моем дому за покойной жонї моеї еще Параскевиѣ Сомковнї, а покойного брата моего, од мене старшого Івана Берла, в мѣстѣ Мглинѣ, за Стародубомъ, там живючого, при доконченнї живота его, того часу хоруючого близько полрока бавляемъ ся при немъ, по его прошенїю, поехавши з дому моего з Воронкова до Мглина, ажъ до его небожчиковского умертвїа. А по умертвиѣ брата моего належите, по хрестиянску в церквѣ Воскресенїа храма Господня, в мѣстѣ Мглинѣ погребенъ, и одиомнан. З дубрѣ его братнихъ, по которомъ zostalas била вторая жена его небожчиковская, з якою подѣл худоби братней од нана полковника Рославца зосланняне висланняне особи раздѣляли и тую частку снадающую худоби братней на братанку мою Анну Берловну до рукъ моихъ прїиятую, там же зпродаемъ, бо з готовизни одного шелага братоваи вторая жена братняи, а мачуха Анни братанки моеї, не объявила и не сказала; а братъ мой покойный такъ хоровал тпранско, что и при моем прїибитї до него, слова единого не могъ промовити до мене, до самой его смерти. З которой его подѣленной и на братанку мою худоби расход, того часу рукою моею писалем и щом прїиял и спродал, записалем, якъ

реестр покажет. А по одходѣ сорокоустов и по одноминаннѣ братцем, возвратился со Мглина ку домови своему, взявши з собою Анну братанку осиротѣлую. А скрпню з фантами и з платтемъ матки Анниной братанки моеи, дадем до рукъ тютцѣ рудной у Стародубѣ моеи братанки Цѣмоховой ¹⁾ до вросту, а свести брата моего, которая при мнѣ живучи уже братанка моя за другой жонн моеи покойной Татьян Щуровщаники, безоповѣде, мимо вѣдомост мою, з дому моего з Воронкова утекъши, якъ подехалъ Антоній Тарловскій под Воронкув, з нимъ до Козелца заѣхала и в стан малженскій ему пошлюбилла, чогомъ на братанку мою Анну немало скорбѣлемъ за в стид мнѣ заданныи братанкою. А потомъ кровнюю мою помпловавши, за прибиттемъ их до мене з зятем моимъ, а мужемъ братанки моеи, которне и часто прпеждающе бывало до мене не тцо одезды за покойной жонн моеи Щуровщаники, якъ готовизною, такъ кунми и сукнею датком одъ мене; а на потом, за тоеи же жонн моеи Щуровщаники, просилл мене прпехавши обоє, зят мой Антоній Тарловскій и братанка моя Анна Берловна, о золотих сто двадцат прплѣжно, которм и в себе того часу немѣючому, заножившиися у людей, дадемъ имъ золотихъ сто двадцат, которне обоє зят мой Тарловскій и Анна братанка, доброволе кнптацпю своею рукою писанною зятъ мой Тарловскій и жона его Анна Берловна прплудне дали, же уже а нѣ они сами, а мѣ потомкове ихъ вѣчными часы турбовати за отчизну братанки моеи, так мене самого, як и жонн моеи Щуровщаники, нѣ дѣтей моих во вѣчные роди не будут, такъ договорили и квѣтацпю подали. А же когда Госнодь Богъ уже оддалл од мене жону мою Щуровщанку, по которой понялемъ спю Анну Мазапетовну, з которою, Божнимъ дарованцемъ, живучи зъ нею дѣтъ двадцат пят, зилодилемъ з нею сини и дочери, і за сее жонн моеи цю року ко мнѣ уже іереємъ отецъ Антоній будучи, з понадією своею, а моею братанкою прпеждаючи и насъ навѣжаючи, вспоможенія од нас просили, которми жадного разу при их прпездѣ од дому нашего тцо не отпустили: коней шестеро в корову и на кунтушь штамету и барановъ чорнихъ на подшите, и грошма кождого разу, по талару и по болше давалося,

¹⁾ Можно догадываться, что под именемъ Цѣмоховой разумѣется жена стародубскаго полковника *Тимофея Алексѣева* (1676—78). См. *Опис. Стар. Малороссіи* I, 18. По *литовскому* выговору жена этого полковника должна была называться — *Цѣмоховой*.

червоного золотого покойному святой памяти отцу Захаріѣ Корниловичу, епископови переяславскому, отдаем поклону за благословеніе отцу Тарловскому, зятелю моему, служилъ в селѣ Нехайках, на парафіѣ, и нимъ многимъ вспомоганемъ з темерешнею моею женою Аняю, хлѣбомъ и прочая нѣкогда тѣло не отпускаемъ и непрейзрелисьми. О чомъ крайнимъ мопъ словомъ и рукописаннемъ твержу и упоминаю, жеби уже отецъ Антоній Тарловскій, зять мой, и его потомковѣ жадного не мѣли дѣла до жони моеѣ, а нѣ до дѣтей моихъ з нею зложенныхъ, а не до худоби любо и невеликой з моею женою зобранной, которая жадною мѣрою прошлыхъ моихъ двоихъ жонъ нѣчимъ не користовала и не владѣла, бо самою истинною нѣчимъ было и владѣти, чого небыло; также и внуки моѣ Ирину Петрувской, дочери моеѣ Сомковни дочери Настасія Петрувщанка не повинная жони моеѣ турбовати, а нѣ дѣтей зложенныхъ з темерешнею моею женою, за манисто перловое, которое я отдаю по умергнѣ Заборовской у Чернѣговѣ, якую заручилемъ былъ собѣ за доживотного приятеля, по умертвѣ покойной Параскевиѣ Сомковни, за которое манисто у толко ж шивуровъ каралимъ червоными перенизаное перловое, сестри рожонѣ покойной наеѣ Сомковоѣ, именемъ Галки Короповни Даниловой одкупили, у сына Галчиного Андриѣ Даниловича, сестренца наеѣ Сомковоѣ, и далемъ Ирину того часу дочери моеѣ, якъ в станѣ малженскій отдавалемъ за наиа Петрувского до Переяслава, бо темерешний мужъ внуки моеѣ Настасиѣ Петрувщанки Прокопій домовилъ былъ жонѣ моеѣ в дому прелебного господина отца Іоанна свято воскресенского переяславскаго, на крестинахъ, о томъ манистѣ и о ннихъ вещехъ матки Настасиной, до чого и наименшой рубчинки Анна, жона моя, не знаетъ себе тому бити виновною. Послалемъ челоуѣка годного на другій денъ до Прокопия и до внуки моеѣ Петрувщанки, за тую примовку, ставшуюся одъ Прокопия, а послалемъ Григорія Калениченка, атамана курѣшого значкового, и на тотъ часъ городского наказного переяславского, который унукъ мой Прокопій заразъ з тимъ же Григориемъ Калениченкомъ в домъ мой пришедши, просилъ мене и жони о прощениіе моеѣ, тимъ вимовляючися, же люде побудкою ему до тоеѣ примовки подпустили, которому я выливъ мовилемъ, ежели о що кому идетъ, мнѣ самому договорити и доходити позволимъ и позволю поволъ во живихъ още обрѣтаюся, чого уже под влатьвою впрекался Прокопій и жона его настасія, внука моя, во вѣчные роди не вспоминати и жадною мѣрою жони моеѣ и дѣтей не-

турбовати; такое слово подали при Григорию Калениченкови, на тот час атаманови наказному переясловскому.

І о семъ тутъ в семъ тестаментѣ моемъ докладаю же, задолжился людямъ полторы тысячи грошей золотыхъ, явхъ позичалемъ в интересомъ на скупованне воловъ въ дорогу шліонскую ¹⁾, тотъ увес долгъ мой повинна будетъ жона моя Мазанетовна в тих же дубрѣ моѣхъ в нею нажитихъ людямъ поплатити і уѣститися.

А когда Божие повеленіе роскажет і миѣ грѣшному од сего временного житія преставитися, повинна будетъ жона моя Мазанетовна о души моеѣ грѣшной старатися, христьянскимъ похорономъ погребѣ одиравити п одиопнати сорокоустами грѣшную мою душу. На семъ тестаментѣ моею рукою писанномъ подписуюся Иван Берло, рука власная. 1717.

А сорокоустов сколько зможетъ жона моя по моеѣ души у Переясловѣ зплатити. А похороненъ мѣю бити при храмѣ Воскресенія Господня.

Александръ Сулима, судія полковій переяславскій. Роман Юрченко, атаманъ городовни переяславскій. Лаврентій Ошовичъ, войтъ мастрату переяславского. Евстафій Щирп, райца старши и на сей часъ бурмистръ рочный. Григорій Баргошевичъ, писарь маѣстратовіп переяславскій.

А	М. П.	С	Р	М. П.	Ю	Переяславъ.	Печатъ
С	М. П.	П	А	М. П.	А		
			П				

Весь «тестаментъ» написанъ на пяти листахъ плотной бумаги и писанъ весь собственноручно завѣщателемъ, при чемъ первые три листа (до словъ: «і о семъ тутъ в моемъ тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна») написаны крупнымъ четкимъ почеркомъ, а послѣдующая часть завѣщанія писана ускореннымъ уже почеркомъ, но тою же «власною» рукою Ивана Берла.

¹⁾ Т. е. для продажы (воловъ) въ Сызани.

ад. ЛАЗАРЬСКОІЙ.

Рисунокъ Новопетровскаго укрѣпленія

Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Приложенный къ этой книжкѣ рисунокъ Новопетровскаго укрѣпленія сдѣланъ Т. Г. Шевченко въ время его здѣсь жизни, продолжавшейся около семи лѣтъ (1850—1857 гг.). Пустынный видъ мѣстности требуетъ объясненія. Новопетровское укрѣпленіе находилось на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангышлакъ. Мангышлакъ состоитъ изъ двухъ полуострововъ: Бузачи и собственно Мангышлака, раздѣленныхъ горами Акъ-Тау. Этотъ полуостровъ Мангышлакъ выдается въ море гористымъ мысомъ (Тюкъ-Караганъ), на оконечности котораго и находилось Новопетровское укрѣпленіе. Исторія послѣдняго такова. До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря представлялъ собою совершенную пустыню, въ которой только кочевали киргизы и отчасти туркмены. Мѣстность эта входила въ составъ оренбургскаго губернаторства, и въ 1832 г. оренбургскій губернаторъ гр. Сухтеленъ поручилъ офицеру Корелину обозрѣть сѣв.-восточн. берегъ Каспійскаго моря и выбрать тамъ мѣсто для постройки крѣпости. На избранномъ Корелинымъ мѣстѣ, при заливѣ *Мертвый-Култукъ*, въ 1833 г. было устроено *Новоалександровское укрѣпленіе*. Мѣстность послѣдняго скоро оказалась почему-то неудобною, и въ 1839 году капитану, генер. штаба Широкову и капит.-лейтен. Бодиско поручено было поискать тамъ-же, на сѣв.-вост. берегу Каспійскаго моря, лучшее мѣсто для перенесенія туда укрѣпленія. На этотъ разъ выбрана была *Николаевская гавань* у мыса *Тюкъ-Караганъ* и въ 1845 году на этомъ мѣстѣ, „на высотахъ *Курианъ-Ташъ*“, и было устроено укрѣпленіе, получившее названіе *Новопетровскаго*, а Новоалександровское укрѣпленіе тогда же было упразднено ¹⁾.

¹⁾ *Топограф. и стат. ист. описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря, И. Ф. Бларамберга. Записки Русск. Геогр. Общ., кн. IV, (Сиб. 1850), стр. 104—105.*

Возведенное на мысѣ Тюкъ-Карагапъ укрѣпленіе одной стороны прилегало къ морю, а другой—къ степи, по которой отъ Мангышлака шла дорога на Хиву ¹⁾. Видъ укрѣпленія съ этой стороны и нарисовалъ Т. Г. на прилагаемомъ рисункѣ. Пустыней вѣтъ отъ этого рисунка... Да пустыня, пустыня безжизненная—туть и была... Это была песчаная степь съ характерною своею растительностью: полынь, саксаулъ, солянка, верблюжья колючка—вотъ тѣ травы, которыя тутъ только и растутъ. Дѣйствительно это была *пустыниѣйшая пустыня*, какъ выразился о Новопетровскомъ укрѣпленіи ротный командиръ Т—са Гр—ча Косаревъ въ своемъ разсказѣ о возникновеніи этого укрѣпленія ²⁾.

Я имѣлъ возможность близко знать Ш—ка въ послѣдній годъ его жизни въ Петербургѣ. Въ первый разъ я увидѣлъ Т. Гр—ча, когда онъ пріѣхалъ весною 1858 г., изъ ссылки, въ Петербургъ. Пріѣхавъ сюда, онъ поселился въ квартирѣ у брата Мих. М—ча Л—аго, на Мойкѣ, въ домѣ графа Уварова. Въ этомъ-же домѣ жилъ и я, въ особой квартирѣ, рядомъ съ „музеемъ“ гр. Уварова, такъ какъ и музей этотъ, и петербургская библіотека ¹⁾ гр. А. С. Уварова находилась тогда въ моемъ *смотрительствѣ*. Живи съ младшимъ братомъ—студентомъ въ этой *музейной* квартирѣ, мы имѣли обѣды, или какъ говорятъ въ Кіевѣ—„столовались“, у М—ла М—ча. У него же обѣдалъ и Т. Гр—чъ. Каждый день за обѣдомъ сходились мы съдѣловательно съ Шевченкомъ и каждый день приходилось слушать намъ его одушевленную бесѣду, большею частью, впрочемъ, вертѣвшуюся на событіяхъ *дня*, на встрѣчахъ Ш—ка съ его старыми пріятелями и жалобахъ на цооголинное пріобрѣтеніе повыхъ, снѣшившихъ знаменоватъ свое знакомство съ цѣлотою дорогими обѣдами у разныхъ Доцоновъ. Въ это время ежедневно почти встрѣчался я съ Т. Г. до лѣта 1858 г., когда, по окончаніи университета, переселился, вмѣстѣ съ му-

¹⁾ Ср. Кіевск. Стар. 1859 г., февраль, 299. Повидному, Новопетровское укрѣпленіе описано здѣсь неврѣно, такъ какъ оно выходило на берегу моря, (а не въ трехъ верстахъ отъ него), что подтверждаетъ и командиръ роты, строившей это укрѣпленіе: „море съ одной стороны, а пустыниѣйшая пустыня—съ другой“.

Т. ж., мартъ, 570.

2) См. выше вриятъ.

земъ и библиотекою гр. Уварова, въ Москву. Сколько помню, въ эти первые мѣсяцы петербургской своей жизни Т. Гр—чь велъ жизнь довольно разсѣянную, чему главною причиною было, повидному, *неимѣніе своего угла*. Совсѣмъ другую жизнь повелъ Т. Гр—чь, когда переселился въ Академію Художествъ, гдѣ ему отведена была въ длинномъ корридорѣ большая комната (съ антресолямъ), при чемъ на дверяхъ этой комнаты поэтъ написалъ мѣломъ—крупныхъ размѣровъ монограмму—Ш. (понимай: Т. и Ш.). Въ Академіи Художествъ засталъ я Т. Г—ча въ 1860 г., когда вернулся въ Петербургъ. Тогда же и братъ Мих. М—чь перемѣнилъ уваровскую свою квартиру и поселился въ пятой (кажется) линіи В. О—ва, въ домъ Вороница, какъ разъ противъ Академіи Художествъ. Вотъ въ это время мы опять стали ежедневно сходитьса съ Т. Г—чемъ за обѣдомъ у Мих. М—ча, у котораго „столовался“ и Т. Г—чь, и я съ младшимъ братомъ—студентомъ. Помню хорошо это время, какъ бывало мы, съ младшимъ братомъ, голодные, ждали возвращенія старшаго брата со службы, чтобы приняться за ѣду... Вотъ въ эти моменты приходилъ къ обѣду и Т. Г—чь. Входилъ онъ въ комнаты, обыкновенно, распѣвая какую-нибудь пѣсню; чаще всего пѣлъ онъ въ это время:

По-надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хитае,
Витеръ яворъ хитае,
Маты сына пытае:
Ой сыну мій Иване,
Дитя мое кохане.
Якъ я тебе родыла

Свитомъ важко пудыла и т. д.

Возвращался со службы братъ и вслѣдъ, затѣмъ, вынималась изъ буфета водка; наливались двѣ рюмки, одна для хозяина, а другая для Т. Г—ча. Мы съ братомъ „столовались“ *безъ водки*, что давало поводъ Т. Гр—чу, выпивая водку, замѣчать: „кто пьет, той крывается, а кому не даютъ, той дывится“ и при этомъ бросать лукавый взоръ на *дывящихся*... Иногда Т. Г—чь

¹⁾ Вила у гр. А. С. Уварова и другая, отцовская библиотека, эта послѣдняя тогда находилась въ известномъ его Порѣчьи.

при этомъ представлялся за послѣднихъ и обращаясь къ хозяину, говорилъ: „слухай, Михайло,—нехай уже и хлопци выпьють по чарочци“... За обѣдомъ обыкновенно начиналась беседа, въ которой перенесовалъ поэтъ, благодушно доказывая, напр., что А. Гумбольдъ не болѣе, какъ придворный угодникъ и напрасно-де его такъ прославляютъ... Мы, „хлопци“, начинали спорить, а этого, позидному и хотѣлъ бывало Т. Г—чь. Беседа оживлялась; „хлопци“ возвышали голосъ, а Т. Г—чь, благодушно улыбаясь, подзадоривалъ...

Очень нерѣдко Т. Г. приходилъ къ обѣду съ листкомъ бумаги изъ рукъ; это были какіе-нибудь новыя его стихи, написанныя на оборотѣ пробнаго его-же офорта. Вотъ этотъ листокъ отдавалъ онъ обыкновенно одному изъ „хлопцивъ“ для переписки, оставляя имъ за трудъ свой автографъ. Большею частью Т. Г. отдавалъ при этомъ стихи для переписки младшему изъ „хлопцивъ“, потому-ли что онъ яснѣе писалъ, или потому, что онъ былъ благодушнѣе—не знаю...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ ежедневныхъ встрѣчъ съ поэтомъ, но у меня и до сихъ поръ сохранилась ясная память о тогдашнемъ благодушнѣ Т. Г., о его живости, о его любвеобилнѣ... Какъ то легко и свѣтло было впечатлѣніе отъ общенія съ этимъ человѣкомъ... Живой человѣкъ, а не мертвый—былъ Т. Г. III—ко!

Новопетровское укрѣпленіе въ 1858 г. было переименовано въ *Александровскій фортъ*¹⁾, ставшій впоследствии административнымъ центромъ Мангышлакскаго уѣзда, въ которомъ и теперь осѣдлыхъ поселеній находится всего *два*: Александровскій фортъ да село Николаевское. Населеніе Ал—аго форта въ 1894 г., т. е. черезъ 50 лѣтъ послѣ его основанія, состояло только изъ 800 душъ.

¹⁾ Г. Заряко, записавшій воспоминанія Н. Ш. Усковой о Т. Г. III—кѣ, говоритъ, что Новопетровское укрѣпленіе, переименованное въ 1858 г. въ Александровскій фортъ, было въ 1865 г. упразднено и срыто... „К. Ст.“ 1899 г., февраль, 312. Очевидно, что это ошибка, основанная на какомъ-то неутѣнномъ сообщеніи. Очень хорошій рисунокъ *Александровскаго форта* приложенъ къ книгѣ *Галлея—Этнографич. и Историч. матеріалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*. (Сиб., 1868 г., стр. 50).

Нарисовавъ Новопетровское укрѣпленіе „съ хивинской дороги“, Т. Г-чъ нарисовалъ его и со стороны моря. Оба рисунка находятся въ богатой *Шевченковіанъ* В. В. Тарновскаго; объ этихъ рисункахъ, повидимому, говоритъ Кулишъ въ 1857 г., въ письмѣ къ ихъ теперешнему владѣльцу, совѣтуя купить рисунки: „Тарасъ у Ныжнѣму Н—ди... Приславъ сюды 17 аква-релей, которыя представляютъ *уси тѣи стороны, по которымъ винъ блукавъ неволиныкомъ...* Душа Тарасова въ тыхъ видахъ такъ и сыяе“... ¹⁾ По словамъ В. В. Тарновскаго, рисунки эти тогда же были куплены его отцомъ и Г. П. Галаганомъ, по-поламъ.

Чепѣга, Головатый и Котляревскій на Кубани ²⁾.

(1795—1798 гг.).

О первыхъ трехъ томахъ этого интереснаго *Сборника* мы подробно говорили годъ тому назадъ. Теперь появился въ печати четвертый томъ, по интересу напечатанныхъ въ немъ документовъ не уступающій первымъ тремъ. Содержаніе этого тома касается той же дѣятельности трехъ главныхъ устроителей запорожскаго «товариства» на берегахъ Кубани: Чепѣги, Головатого и Котляревскаго. Главное вниманіе этихъ дѣятелей обращено было на устройство козачьяго хозяйства, причемъ старшина старалась расширить сельскую промышленность во всѣхъ ее видахъ возможныхъ, для данной мѣстности. Не забыты были, напр., и «виноградные сады». Въ іюль 1795 г. Головатый пишетъ гр. Зубову: «Поселившіесь на островѣ Фанагоріи вѣрнаго войска Черноморскаго старшины и козаки, слава Богу, обзаводятся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но при томъ желаютъ, въ разсужденіи *плодотивой здѣсь земли*, обзавести виноградные сады. О семъ вашему высокографскому сіятельству донеся, прошу пеходатайствовать у милосердной нашей матери Великия Екатерины, ради такова размноженія, Таврической области, въ Судакѣ виноградный *садокъ въ хозяйственное наше распорядженіе* (стр. 47). Выгодно было запорожцамъ заняться тутъ хозяйствомъ потому, что

¹⁾ Киевск. Стар. 1899 г., янв., 81.

²⁾ Рецензія на книгу: «Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козачьяго Войска. Томъ IV-й. Собранны и изданы П. И. Дмитренко». Сиб. 1898. 8 д. л. XX+497 стр.»

земля дѣйствительно была *плодотива*; тотъ же Головатый и тогда же писалъ тому же Зубову: «*египетская* пшеница съ помощію Божию выросла въ полтора аршина и поспѣваетъ...» Насколько земли были *плодотивы*, настолько же и кубанскія воды были рыбообильны: «Кубань рѣка отъ частыхъ въ годъ дождей, вскрывъ свои берега, разливается... Черезъ сіе разлитіе водъ за берегами показалось рыбы корона такъ довольно, что козаки, содержащіе стражу, во время ихъ разъѣздовъ, *никами и кіями бьютъ* и употребляютъ въ пищу совместно съ *тетерею* казацкою, да и не голодны... Это опять пишетъ Головатый гр. Зубову ¹⁾ (49). Изобиліе всякаго рода рыбы давало возможность черноморской старшинѣ дѣлать крупныя посылки рыбныхъ приготовленій въ Петербургъ и надѣлять ими и на мѣстѣ пужинныхъ людей, какъ видно, напр., изъ слѣдующаго письма къ Головатому подполковника Кираева ²⁾: «Прибылъ я въ Царское Село 14-го минувшаго іюня (1795 г.). Репорты явилъ къ гр. Платону Ал-чу (Зубову) и *два колоса пшеницы* отдалъ исправно чрезъ Андреяна Мойсеевича Грибовскаго ³⁾... Ибра ваша сколь много принесла мнѣ удовольствій, а наче тѣмъ, которые ѣли оную, и повѣрять трудно. Я почтисья оную графу Александру Андреевичу Безбородку, Василию Степановичу Попову, другу вашему Голуцину (?), Андрею Ивановичу и многимъ, даже и женскимъ особамъ, въ *царскихъ чертогахъ пребывающимъ*... Всѣ спрашивали, каково вы поживаете, а Василій Степановичъ весьма доволенъ, что земли ваши вамъ весьма полезны и что вы бл гоустройствомъ неусыпно занимаетесь. ...Я, исполненный къ вамъ и къ Черноморскому войску непрерывнымъ усердіемъ моимъ... Тутъ не обинуясь говорю тоже самое, что и съ вами разсуждалъ описательно до государственныхъ пользъ, отъ Черноморскаго войска происходящихъ. Говорилъ и о томъ еще,

¹⁾ Объ изобиліи на Кубани всякаго рода животныхъ (кабаны, олени, козы), птицъ, рыбы, о разнообразіи растительнаго царства (персики, абрикосы, каштаны, миндаль...) см. подробный перечень предметовъ фауны и флоры на Кубани—стр. 68—72. Отсюда видно, что на Кубани тогда водились и бобры, и какія то еще «видныя» (лидры?), кожа которыхъ продавались по 7 р.—въ разсужденіи блѣдной на ихъ шерсти», т. е. такъ дешево...

²⁾ Кираевъ командовалъ егерскимъ батальономъ, стоявшимъ въ «старой» Тамактѣ, вѣроятно, на всякій случай.. Стр. 108.

³⁾ Два колоса пшеницы (вѣроятно египетской) посланы были Голуцинымъ какъ видно для поднесенія императрицѣ чрезъ А. М. Грибовскаго, который «состоилъ при особѣ» Екатерины II, и былъ потомъ изгнанъ въ мавлю стать-секретаря. См. *Записки А. М. Грибовскаго*, напечатанныя въ янтарской книгѣ Русск. Арх. за настоящій годъ.

что вы желаете до того еще, чтобъ по покореніи сопредѣльными вамъ народами, приводить ихъ въ христіанскій законъ, чему иной по легкомыслию смѣется, а иной съ добрымъ вниманіемъ жалеетъ успѣха (48). Какъ видно изъ этого письма, Головатый и козацье хозяйство устранивалъ, и полѣвку велъ, указывая на «государственныя пользы», которыя должны де произойти отъ Черноморскаго войска... Объя устроениіи кубанскихъ колонистовъ въ это время (1795 г.) Головатый послалъ подробные отчеты «батьку» кошовому Чешѣгѣ, тогда находившемуся въ польскомъ походѣ, какъ видно, хотя бы в изъ слѣдующаго письма (сентябрь, 1795 г.)— «Слава Богу въ городѣ Екатеринодарѣ, и во всѣхъ войсковыхъ предѣлахъ благополучно. Хлѣбъ по малой части въ урожаѣ. Размежеваніе войсковой земли кончилось сего лѣта съ пользою нашею. Церковь скоро золожится. Кирпичный заводъ устроенъ, кирпичъ уже дѣлается на церковь, куренныя и войсковыя дома. Сосѣди ваши, большею частью набережныя, слѣдлалсь очень дружелюбными. Изъ нихъ князь Ботырѣ-Гирей Щербатый поѣхалъ въ С.-Петербургъ и теперь тамо. Куренныя селенія порядочно заселяются въ своихъ мѣстахъ. Флотилія и пограничная стража благодеиствуютъ. Балыковъ, икры и чего потребно, ровно обстоятельный со дня отсутствія вкисело въ Польшу журналъ ¹⁾ пришлю вамъ въ скорости съ нарочными. По возвращеніи посланнаго мною съ балыками, щуками и икрою изъ С.-Петербурга ²⁾, съ полученными на просьбы мои резолюціями и святостями, милостивою монархинею въ соборную церковь пожалованными, я вижу, что вы моихъ двухъ писемъ не получили»... (62). Изъ этого же письма видимъ, что «соборная церковь» въ Екатеринодарѣ построена была каменная, хотя каменныхъ зданій въ Сѣчи и не было. Така же каменная церковь построена была и въ Таманѣ: «выстроена на Тамани свято-покровская церковь каменная съ желѣзною крышею, съ одною банею (куполомъ), бѣлою жестью покрытою, обнесена вокругъ каменною оградой, колокольная сж (?) и въ ней монументъ надъ мраморнымъ камнемъ, свидѣтель-

¹⁾ Этотъ въ высшей степени интересный журналъ, заключающій въ себѣ любопытныя черты житейской мудрости Головатого, напечатанъ тутъ же, стр. 109—106.

²⁾ «Прошлаго 1795 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, отправлено ко двору ея императорскаго величества и мноному генералитетству балыковъ 220 паръ, икры 10 пудъ, щуки 215, которые приняты съ удовольствіемъ...» Стр. 104.

ствующимъ ¹⁾ дѣлїя князя Глѣба» (104). Въ 1797 г. церкви были построены уже во всѣхъ (болѣе 20-ти) «куревяхъ» (279). На устройство церквей въ новыхъ мѣстахъ было обращено особое вниманіе: запорожцы любили благолѣвіе церквей и благолѣпное въ нихъ служеніе. Чепѣга очень хлопоталъ, предъ своимъ епископомъ, чтобы екатеринодарскаго священника Якова Барвинскаго посвятить въ протоіерея, но у Барвинскаго не было никакихъ «аттестатовъ», почему епископъ (екатеринославскій) не имѣя права исполнить просьбу Чепѣги, совѣтовалъ какъ обойти это формальное затрудненіе (117).

Потерявъ на Запорожьи свой знаменитый Самарскій монастырь, запорожцы на первыхъ же порахъ своего кубанскаго жительства стали заботиться объ устройствѣ здѣсь новаго. Въ маѣ 1796 г. запорожцы уже устранили у себя «монашескую пустынь», какъ видно изъ слѣд. письма есодосійскаго епископа Іоны къ Чепѣгѣ (26 мая 1796 г.): «по требованію вашего преосвѣщенства подѣ вновь заводимую поиска Черноморскаго монашескую пустынь, наименованную Екатеринопольскаго Святоиколаевскою, заложить мѣсто и на немъ на первый случай трапезную, во пменованіе великомученицы Екатерины церковь, дать я повелѣніе означенной пустыни отцу архимандриту Феофану» (118). О состояніи этой пустыни архимандритъ Феофанъ писалъ въ іюль 1798 г. тогдашнему кошевому Котляревскому: «О постриженіи монаховъ я позволенія никакого не имѣю и нужно просить вамъ у его в.преосвѣщенства... Къ постригу имѣется до 15-ти человекъ, живутъ въ ожиданіи безвыходно третій годъ. Въ пустынь вьстроено, по плану вамъ извѣстному, а пменно: 1-е, на большичномъ мѣстѣ, на востокъ южной стороны построена келія о 6-ти покояхъ, длины 8 саж. и 1 арш. Для церкви большичной и къ прибавленію келіи мѣсто оставлено по пропорціи. 2-е, на востокъ съ сѣверной стороны трапезная церковь длиною 11 саж. и 1 арш. и ширины 4 сажени, въ одной связи; на сѣверъ трапезоповарни пекарни и келарни. 3-е, особливо на сѣверъ же амбаръ длины 9 сажень, для содержанія разнаго хлѣба и всякой монастырской рухляди. 4-е, погребъ походной. 5-е, ледовня. 6-е, съ проѣзду отъ запада

¹⁾ Рѣчь идетъ о знаменитомъ тмутараканскомъ камнѣ. О перенесеніи его къ таманской церкви Головатымъ см. стр. 25; здѣсь онъ былъ помѣщенъ во распорженіи того же Головатаго, „на четырехъ каменныхъ столбахъ, съ порядочномъ крышею откровенно, дабы вся надпись дьякій князя Глѣба безъ трудности любоя и втствующимъ видна была...

на сѣверъ настоятельскій келіи. Все вышеозначенное строеніе покрыто шелевою сосноюю. 7-е, сградюю вся пустынь досками сосновыми кругомъ по плану ограждена, съ двумя вратами: 1, съ приѣзду отъ запада на востокъ, противъ соборной церкви (имѣющей бытъ) врата украшены святыми иконами и 2, съ востока на западъ для въѣзда и привозу разныхъ надобностей. Нынѣшнюю весну не строился, а просидѣлъ въ ушнѣи, наконецъ скупилъ в началѣ. 8 е, сего іюля 8 дня, за Божіей помощію, заложилъ по чиноположенію церковному в началѣ строить братскія рядовыя келіи, длиною въ 30 сажень отъ запада на востокъ, на сѣверной странѣ, в надѣжсь на зиму достроиться, только будетъ установка въ кирпичѣ для трубъ. Нѣту того милостивца, у котораго можно бы было выпросить, а у остающихся правителями и за деньги не отпустить. Сіи келіи по одному вмѣстятъ 16 человекъ. *Ризница Кіево-Межпгорская со всею бібліотекою при описи отдана покойнымъ княземъ Потемкинымъ покойному преосвященному Амвросію и нынѣ хранится у новороссійскаю и днѣпровскаю митрополита Гаврііла.* Я совершенно знаю (?) которую я, ежемѣсячно будучи въ Полтавѣ, нарочито смотрѣлъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ. Постарайтесь, Бога ради, выпросить, ибо она тамъ вовсе не надобна и лежитъ подъ снудомъ. Явите ея на свѣтъ. Митры я в нынѣ не люблю и надѣюсь, что она отдѣлана, прошу покорно черезъ оказію прислать...» (347). Это письмо устроителя Лебязкей пустыни дало поводъ Котляревскому обратиться въ синодъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ: «Извѣстился я, что ураздненнаго Кіево-Межпгорскаго Преображенскаго монастыря ризница и бібліотека находятся подъ сохраненіемъ новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гаврііла безъ употребленія, а какъ нынѣшнее Черноморское войско, составленное изъ Запорожскаго войска, которое во время существованія Сѣчи было оному монастырю укладывкомъ, на вновь пожалованной ему землѣ по высочайшему соизволенію Екатерино-Лебязскую Николаевскую монастырскую пустынь сооружаетъ, то для вспоможенія оной пустыни объ отдачѣ войску тѣхъ ризницы и бібліотеки святѣйшаго правительствующаго синода покорнѣе прошу учинить милостивое разсмотрѣніе» (349). Синодъ удовлетворилъ ходатайство Котляревскаго, но только относительно той части ризницы сѣченой церкви, которая хранилась въ Невской Лаврѣ, и объ остальной ризницѣ предложилъ Котляревскому представить болѣе точныя свѣдѣнія—гдѣ она находится. Наведенныя справки указали,

что большая часть съчевой ризницы хранилась въ Новомиргородскомъ монастырѣ ¹⁾; тутъ же оказалась и ризница межигорская, между вещами которой оказались, между прочимъ, сабля и перначъ Семена Палия (268). Изъ съчевой церкви въ Н. Миргородѣ оказалось: «евангелій 11, ризъ болѣе ста, книгъ церковныхъ болѣе 300». Многія вещи изъ этой ризницы были розданы Потемкинымъ въ другія церкви; часть оныхъ подарилъ въ Николаевъ, въ соборную церковь: «съчевое евангеліе одно, крестъ золотой одинъ и десять ризъ парчевыхъ богатыхъ». Послѣ многихъ стараній «Черноморскому войску» удалось выхлопотать возвращеніе, повидимому, значительной части бывшей съчевой ризницы; подробный списокъ предметовъ этой ризницы напечатанъ на стр. 269—273. Между евангеліями обращаетъ на себя вниманіе евангеліе, пожертвованное въ съчевую покровскую церковь въ 1763 г. тогдашнимъ войск. судьей Петромъ Казиншевскимъ (позже—кошевымъ). Евангеліе это «съ серебромъ, камнемъ и позолотой» оцѣнено въ 1025 рублей. Тутъ же въ списокъ показаны: «шотиръ, тарелочка, звѣзда, лжца и коніе, оказавшіяся въ 1793 году при экипажѣ покойнаго князя Потемкина». На устройство «пустыни» «войска» отпустило изъ своей казны тридцать тысячъ, кромѣ мельницъ, рыбныхъ заводовъ, пчель и разваго скота. Въ 1799 г. Котляревскій очень заботился объ упрядоченіи монастырскаго хозяйства и сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ точную извѣстность монастырскаго имущества (384 и 390) ¹⁾.

Устройство кубанскихъ колонистовъ шло нормальнымъ путемъ до января 1797 г., когда почти въ одно время умерли столпы «войска» — кошевой Ченѣга (16 января) и судья Головатый (28 января). Несомнѣнно, что оба эти лица положили много труда на устройство запорожской колоніи на берегахъ Кубани и будущій ея историкъ подробно опишетъ эти заслуги. Здѣсь же скажемъ, что Ченѣга и Головатый, преслѣдуя одну цѣль, принадлежали къ совершенно различнымъ типамъ Ченѣга сохранилъ черты запорожца старыхъ временъ; онъ, повидимому мало заботился о личныхъ своихъ

¹⁾ Замѣтанный городъ Новомиргородъ находится въ Елизаветгр. уѣздѣ. Монастырь, кажется, теперь не существуетъ.

¹⁾ О телеграфнѣ состояніи Дебизей пустыни см. Ставроп. Епарх. Вѣдом. 1839 г., № 21. Какъ извѣстно, съ 1849 г. у кубандцевъ существуетъ и живскій монастырь—*Маріинская пустыня*. О ней см. тамъ-же, стр. 1237—1240.

дѣлахъ, можетъ быть потому, что остался неженатымъ, въ то время какъ Головатый, ревнуя объ устроеніи «войска», не забывалъ и личныхъ интересовъ.—Чепѣга очень хорошо характеризуется изъ его письма, писаннаго въ мартѣ 1796 года, къ Головатому ¹⁾, послѣ польскаго съ Суворовымъ похода. Приводимъ здѣсь полностью это письмо. «Благодарствую вамъ покорно за добрыя желанія ваши и за поклонъ отъ почтеннѣйшей супруги вашей Ульяны Григорьевны, любезныхъ сыновъ и дочерей вашихъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 февраля изъясняемая. Миѣ пріятно, что Богъ послалъ вамъ такихъ любезныхъ дѣтей, дай Боже, щобъ здоровы да долгодѣтны были.

Походъ въ Польшу былъ, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпусъ нашъ подъ начальствомъ генерала Дерфельдена шелъ до Слонима и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми небольшихъ сраженіяхъ, гнали ихъ, какъ зайцевъ ажъ до самой Праги, что наспротивъ столичнаго города Варшавы, и тутъ уже, по соединеніи съ баткомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, обступивши, доклали воза и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выволокли, а рѣшкву (решту?) вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали, такъ какъ мосту. На Варшаву, какъ учили съ гармать стрѣлять и влучать ²⁾ по короленскихъ будничкахъ, такъ вона заразъ и слалась. Послѣ сего все ихъ людское воинство истреблено, а жители обезоружены, для лучшаго же увѣренія прилагаю у сего конію съ письма ихъ польскаго короля Станислава, писаннаго къ государынѣ въ 1794 году. Батко нашъ грифъ Александръ Васильевичъ, также, бачу, по нашему ляховъ не любить, и я думаю, ихъ (нжъ?) Польша сего гостя повѣкъ не забуде. *Вы рекомандуете дочку Лидію въ невѣсты.* Благодаренъ Вамъ, пусть буде здорова и премногодѣтна. Жаль, что изъ Польши пришовъ, такъ доси не оживився, все тымъ, що нема счастья. Особливо въ Польшѣ хотѣлось поличку забрать, такъ нкого было въ старости взяты. Не знаю, какъ дале уже буде. Я и тутъ надвляюся

¹⁾ Въ текстѣ „Сборника“ письмо это означено адресованнымъ какому-то Петру Михайловичу NN, но, повидяному, адресатъ здѣсь обозначенъ ошибочно, такъ какъ женою его называется Ульяна Григорьевна, а это была жена Головатого, какъ видно изъ словъ его невѣстки, приводимыхъ на стр. 285.

²⁾ *Влучать* значитъ мѣтить, поведать. Видно, что слово это и теперь живуще происходитъ отъ слова *лукъ*, стрѣламъ котораго влучали въ цѣль.

сватать княгинь черкесскихъ у горскихъ князей. Во время слѣдованія моего съ полками, въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ Польши, имѣлъ случай въ почтенной матушки вашей Булацельшѣ быть, гдѣ и съ нхъ любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отменно, и не только мы всѣ камчавіемъ, но и кони наши были довольны, что мнѣ чрезвычайно пріятно было, за что и вамъ, равно и Ульянѣ Григорьевнѣ усерднѣйше благодаренъ ¹⁾ (116).

Головатый имѣлъ большую семью и старательно заботился о ея обезпеченіи. При описи имущества Головатого, послѣ его смерти, оно было оцѣнено въ 215 тысячъ рублей. При его дер. Веселой значилось земля 35 тыс. десятинъ и крестьянъ 49 д. об. п. ²⁾ Любопытно, что когда въ январѣ 1796 г. Зубовъ приказывалъ Чепѣгѣ отрядить въ персидскій походъ «тысячу самыхъ отборныхъ молодцевъ съ добрыми старшинами» (163), то въ то же время извѣстный Грибовскій писалъ Головатому: «его с—во гр. Пл. Ал—чѣ пишетъ къ вамъ (т. е. передаетъ черезъ Грибовскаго) чтобы вы, *если хотите*, шли съ командою въ Астрахань (т. е. въ персидскій походъ), но сіе предоставляетъ собственно на волю вашу и отнюдь вамъ въ вину не поставится, *если вы останетесь дома*. Я говорю вамъ то, что знаю». (163). Не смотря на это письмо, Головатый «за особенное счастье и долгъ поставилъ самъ себя къ сему походу приготовить и въ февралѣ 1796 г. повелѣ въ походъ два полка «отборныхъ молодцевъ». Почти годъ пробылъ Головатый въ этомъ походѣ и «имѣя

¹⁾ Отсюда можно думать, что жена Головатого была рожденная Булацель.

²⁾ Слѣдуетъ думать, что эта д. Веселая находилась гдѣ нибудь въ Херсонской губерніи, въ которой съ этимъ названіемъ селъ существуетъ не меньше десятка. Часть крестьянъ изъ Веселой Головатый перевелъ на Кубань и здѣсь ихъ «отпустилъ свободно», какъ это видно изъ сообщенія Котляревскаго, который въ 1798 г. писалъ, что «Головатый за жизнь при разговорахъ съ покойнымъ кошовымъ Чепѣгомъ о удерживаемыхъ многими помѣщиками людяхъ, сему войску (Кубанскому) принадлежащихъ, многократно напоминалъ объ оныхъ людяхъ тако: „я же своихъ людей, по желанію ихъ, вышедшихъ въ Черноморское войско на службу государеву, не только бывшихъ запорожцевъ, но какіе бы они не были, за ихъ усердіе къ службѣ, отпустилъ свободно. Чему соотвѣтствуя и кошовый Чепѣга про своихъ подданныхъ людей тоже самое говорилъ“. (337). Изъ этого любопытнаго свидѣтельства, видно, что послѣ разоренія сѣчи многіе запорожцы были сначала заключены въ „подданные“, а потомъ, конечно, и закрѣпощены. Какъ видно и у Головатого были „подданные“ изъ запорожцевъ.

командированіе каспійскимъ флотомъ на Кизиль-Агадкой рейдѣ и войсками на полуостровѣ Камышелани состоящимъ, генваря въ 28, день скончалъ жпвотъ свой, а 29 съ отличною церемоніей отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ погребенъ (223).

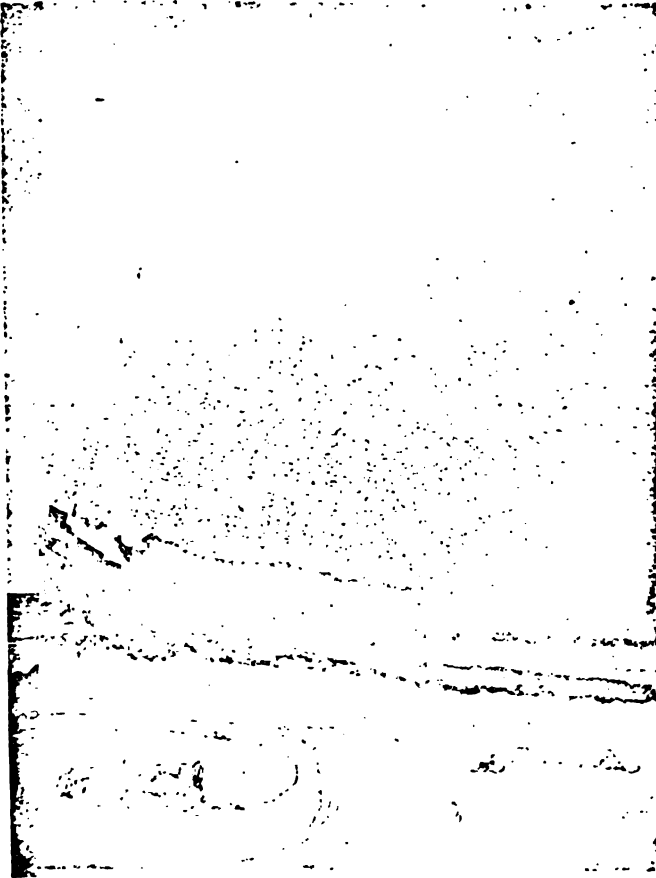
Такимъ образомъ основателю Кубанской колоніи запорожцевъ пришлось сложить голову на далекомъ и пустынномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ могла его, конечно, сразу была потеряна. Вѣсть о смерти Головатаго дошла до Петербурга не скоро, такъ какъ 21 марта 1797 г. подписанъ былъ указъ сенату о пожалованіи воеводскаго судьи бригадира Головатаго кошовымъ атаманомъ войска Черноморскаго. (243). Какъ видно, назначеніе это послѣдовало въ силу той извѣстности, которою Головатый пользовался не только дома, но и въ Петербургѣ. Но конечно вѣсть о смерти Головатаго въ столицу дошла вслѣдъ за симъ, и кошовымъ былъ пожалованъ войск. писарь Котляревскій. При немъ положеніе общественныхъ дѣлъ въ Кубанскомъ «войскѣ» круго измѣнилось. Котляревскаго не любилъ вообще, не любилъ его умершіе Ченѣга и Головатый; не любило его и все «войско». Повидимому, склонность къ интригѣ Котляревскаго была главною причиною этой нелюбви. Котляревскій назначенъ былъ кошевымъ лѣтомъ 1797 г., а черезъ годъ, лѣтомъ 1798 г. «черноморское войсковое правительство» донесло между прочимъ этому кошевому: въ первомъ стѣсненіи сего войска, которое за прежнихъ начальниковъ кошового Ченѣга и судьи Головатаго разными обстоятельствомъ претерпѣло въ состояніи своемъ великое разореніе такъ что и ввѣренныя ему границы въ разужденіи малаго его (войска) количества и брашней скудости защищаегь съ нуждою, о чемъ вамъ в. благородіе, будучи извѣстны, и его и. величеству всеподданнѣйше донесли, какъ и сіе правительство уведомимъ... (319). Видно, что донесеніе это писано по внушенію Котляревскаго, который при всякомъ удобномъ случаѣ набрасывалъ тѣнь на дѣятельность умершихъ Ченѣга и Головатаго (426), а иногда указывалъ факты будто бы несомнѣнныхъ ихъ преступленій (441). Неприязнь «войска» къ Котляревскому рѣзко выразилась при волненіяхъ козаковъ, вернувшихся пзъ персидскаго похода, которые претендовали за какія-то «обиды, претерпѣнныя въ персидскомъ походѣ» (409). Котляревскій не смогъ усноковать этого «буита» именно вслѣдствіе не популярности среди козаковъ, которые, вовсе не хотѣли признавать его кошевымъ.

Когда для усмиренія «бунта» прибылъ въ Екатеринодаръ полковникъ Пузыревскій (присланный изъ Петербурга собственно для инспектированія на югъ кавалерійскихъ полковъ), то, по словамъ самаго Котляревскаго, „бунтующихся козаковъ благоразумными совѣтами смирилъ; а когда на другой день, при собраніи у войсковой церкви, тотъ полковникъ объявилъ козакамъ, что его, Котляревскаго, его и величество пожаловалъ войсковымъ атаманомъ, то они первѣе всего громко, единогласно и многократно кричали такъ: «не хотимъ, чгобъ онъ, Котляревскій, былъ намъ атаманомъ!... За что же они намъ ревали меня не принять начальникомъ, а стремились убить, а знать не могу»... (Стр. 425—27). Объ этомъ событіи подробно потомъ доносило «войсковое правительство» въ военно-судную комиссію (въ апрѣлѣ 1798 г.), при чемъ народное недовольство противъ Котляревскаго выражалось въ такой формѣ криковъ: «шущайде уже Котляревскій нануе, покуда мы его кое-какъ избудемъ, ибо онъ у насъ не будегъ долго пповати» (455). «Тѣсно стало Котляревскому въ войскѣ отисюду» (427) и онъ уѣхалъ въ Петербургъ «для испрошенія о войсковыхъ нуждахъ высочайшей милости» (428). Въ Петербургѣ же Котляревскій писалъ свои объясненія противъ жалобъ на него «бутовщикоувъ» (331). Въ Петербургѣ Котляревскій нашелъ благопріятелей въ лицѣ такихъ ловкихъ царедворцевъ, какъ, напр., гр. Морковъ, (457) и вернулся на Кубань въ декабрѣ 1798 г. съ большими полномочіями, при чемъ, для особой помпы этого возвращенія, въ Екатеринодарѣ устроена была такая истрѣча возвратившемуся «атаману»: «Командиры войска честь ему отдали, семь разъ выстрѣлено изъ пушекъ, съ знаками и знаменами, церковными знаками, войсковымъ то-жъ, и священники съ полнымъ церковнымъ уборомъ его Котляревскаго встрѣтили, да еще по повелѣнію священника войсковые дьячки пѣли воскресный тропарь Котляревскому— «днесъ спасеніе міру бысть, поемъ воскресшему изъ гроба и начальнику жизни нашеи, разрушивъ бо смертію смерть, поѣду даде намъ и велию милость» (485). «Велия милость» между прочимъ заключалась и въ томъ, что Котляревскому дано было въ столицѣ право «упнчтожить въ войскѣ великое разстройство и безпорядокъ» и «исправить оное на истинный путь повновеніемъ власти» (457). Для этого Котляревскій рѣшилъ прежде всего перемѣнить куренныхъ атамановъ и избрать новыхъ изъ «честнаго и самонадежнѣйшаго об-

щества». «Для чего почитаю за нужное быть въ каждомъ куренѣ атаманомъ, примѣрно бывшимъ въ войскѣ запорожскомъ, вѣжливымъ, расторопнымъ, разумѣющимъ страхъ Божій, страхъ государевъ и грозящія его законы, также воинскую службу и хозяйственное распоряженіе» (340). Но «войско» и тутъ заявило свой протестъ противъ Котляревскаго, называя его «самозванцомъ и бѣглецомъ», такъ какъ не повѣрило тому, что онъ по высочайшему повелѣнію «пожалованъ войску Черноморскому въ войсковые атаманы, произведенъ генераль-майоромъ и отправленъ для управленія своимъ войскомъ» (458). Такъ писалъ самъ Котляревскій въ январѣ 1799 г. Впрочемъ «благосмыслящее общество» козаковъ должно было покориться Котляревскому, и онъ началъ безпрятственно «уничтожать въ войскѣ разстройство и безпорядокъ». Но кажется, что усердіе Котляревскаго перешло пужную мѣру, такъ какъ въ февралѣ 1799 г. на его имя данъ былъ слѣдующій рескриптъ императора Павла: «Господинъ генераль-майоръ Котляревскій! По полученному мною донесенію вашему отъ 14 февраля, повелѣваю вамъ никакихъ перемѣнъ не дѣлать во избранныхъ вамъ Черноморскихъ войскахъ, которыхъ хочу оставить въ томъ же положеніи, какъ былъ при востшествіи моемъ на всероссійскій престолъ» (255).

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, какія научно-интересныя свѣдѣнія для исторіи Кубанской колоніи запорожцевъ заключаются въ четвертомъ томѣ «Сборника матеріаловъ». Издатель послѣдняго кювечно, заслуживаетъ полной благодарности за обнаруженіе такихъ важныхъ матеріаловъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что г. Дмитренко и въ теперь изданномъ томѣ, какъ и въ первыхъ трехъ, опускаетъ *надписи* и *подписи* въ напечатанныхъ бумагахъ. Эти опущенія затемняютъ значеніе нѣкоторыхъ бумагъ и являются причиною недоразумѣній, какое встрѣчаемъ, напр., въ письмѣ Чепиги (№ 125) которое, повидному, писано было вовсе не къ Петру Михайловичу N. N., какъ значится въ книгѣ.

Будемъ ожидать послѣдующихъ томовъ „Сборника“, такъ какъ кубанскій войсковой архивъ, повидному, хранитъ въ себѣ богатый запасъ «матеріаловъ».

son japon.

ЗАМѢТКИ О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

(По поводу Ворбленовской гравюры).

Какъ бы странно, но мы до сихъ поръ не знаемъ достовѣрнаго портрета Мазепы. Обыкновенно мы видимъ *настоящую* Мазепу на томъ портретѣ, который былъ приложенъ къ первому изданію (1822 г.) Истории Малой Россіи Бант.-Каменскаго. Портретъ этотъ взятъ изъ собранія Бекетова ¹⁾.—Гдѣ же свидѣтельство, что называемый здѣсь портретъ Мазепы дѣйствительно изображаетъ Мазепу?—Мы не знаемъ, а можемъ лишь привести слѣдующія соображенія. Въ *Иллюстраціи* за 1847 г. напечатана гравюра НК. (Куренкова?) Мазепинаго портрета того самаго, который напечатанъ и у Бекетова, и у Бант.-Каменскаго (кафтанъ на груди украшенъ позументами), но съ добавленіемъ, что это копія съ портрета, находящагося въ академіи художествъ. Какой же портретъ Мазепы находится въ академіи художествъ?—Вотъ справка по этому вопросу г. Кибальчича. Въ запискахъ академіи объ этомъ портретѣ значится: „императорская академія художествъ. Галлерей русской живописи № 2. *Портретъ напольнаго гетмана малороссійскихъ войскъ. Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицомъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда и разстегнутый коричневый кунтушъ, обложенный золотымъ позументомъ. Грудное изображеніе.—Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы.*—Портретъ работы Ив. Макс. Никитина, род. не позже 1690 г., а ум. послѣ 1744 г.“ ²⁾.*

¹⁾ Бекетовское собраніе малорусскихъ портретовъ издано въ 1844 г. подъ заглавіемъ: „Изображенія людей знаменитыхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ, принадлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи“. М. 1844. 4 д. л. Предисловіе къ этому изданію состоитъ изъ двухъ строкъ: „Эти портреты заимствованы изъ собранія покойнаго П. П. Бекетова, также какъ и портреты именитыхъ мужей російской церкви“.

²⁾ Киевск. Стар. 1883 г., № 7, 595.

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ портретъ якобы Мазепы, который наиболѣе распространенъ со страницъ трехъ изданій „Исторіи Малой Россіи“—вовсе не портретъ Мазепы, а только лишь слылъ за таковой. По крайней мѣрѣ, онъ никогда не имѣлъ надписи или подписи, указывающей на Мазепу. Значить, дѣйствительнаго Мазепу нужно искать въ другихъ изображеніяхъ. Прежде, чѣмъ говорить о другихъ портретахъ Мазепы, скажемъ, что о нихъ заключается въ классической книгѣ Ровинскаго—*Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*¹⁾. Ровинскій различаетъ пять типовъ Мазепинныхъ портретовъ:

1. *Тарасевича*, въ гравюрѣ его 1696 г., посвященной Шереметеву. Ровинскій полагаетъ, что имѣющееся на этой гравюрѣ изображеніе рыцаря въ латахъ изображаетъ Мазепу, а не Шереметева; съ этимъ трудно согласиться, имѣя въ виду, что „Вирши“ поднесены Тарасевичемъ Шереметеву, а не Мазепѣ, почему вѣроятнѣе здѣсь видѣть Шереметева, а не Мазепу (У Ровинскаго—*Мазепа 1*).

2. *Виуры*, на кievской его гравюрѣ 1706 г., въ латахъ и шлемѣ, съ бородою. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 2*, а въ *Матеріал. для русск. иконографіи*, № 33).

3. *Бекетовскій*, тотъ, что у Бекетова и Бант.-Каменскаго, о которомъ сказано у насъ въ началѣ.

4. «*Съ рисунка 1796 г.*», въ латахъ, съ булавою въ рукѣ. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 7*, а въ *Матер. для русск. иконографіи*—№ 221).

5. *Норбленовскій*. У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 13*, а въ *Мат. для русск. икон.*—№ 222.

Къ этому списку портретовъ прибавимъ еще два: а) тотъ, который приложенъ къ № 1-му Киевск. Стар. 1887 г., святой съ рисунка, находившагося на одной изъ стѣнъ большой церкви Киевской лавры, [объ этомъ портретѣ Ровинскій упоминаетъ лишь вскользь] и б) портретъ Мазепы, имѣющійся на иконѣ

¹⁾ Слб, 1887. Четыре тома. О портретахъ Мазепы—во 2-мъ томѣ, стр. 1209--1217.

Покрова Божьей Матери, находившейся прежде въ Покровской Переяславской церкви, а въ 1886 г. принесенной преосв. Иоанномъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу.

Мы не будемъ говорить о портретѣ Тарасевича, потому что нѣтъ достовѣрнаго свидѣнія о томъ, что здѣсь изображенъ именно Мазепа, а не Шереметевъ.

Изображеніе Мазепы на гравюрѣ Вигуры не можетъ представлять дѣйствительнаго портрета, потому что здѣсь имѣлось въ виду изобразить апофеозъ гетмана, какъ покровителя Кіево-братской школы, зданія которой на гравюрѣ занимаютъ главы ее мѣсто. Но въ гравюрѣ Вигуры для насъ важно, что она отпечатана въ Кіевѣ, въ 1706 г., т. е. при живомъ Мазепѣ, которому гравюра несомнѣнно была и поднесена. На этой гравюрѣ Мазепа изображенъ съ бородою.

Есть еще подобное Вигуринаскому изображеніе Мазепы—на рѣдчайшей гравюрѣ—Галаховскаго, 1708 г. [См. Кіевск. Стар., 1890 г., янв., 57]. Мы видѣли карандашную копию этой гравюры у Е. Н. Скаржинской; оказывается, что это опять таки апофеозъ, а не портретъ; борода у Мазепы и здѣсь ясно видна.

Переходя къ портрету, обозначенному у Ровинскаго—„съ рисунка 1796 г.“, мы должны сказать, что оригинала это о рисунка Ровинскій не знаетъ, а между тѣмъ онъ извѣстенъ. Портретъ этотъ напечатанъ въ первый разъ въ 1704 году, въ тогдашнемъ, повидимому, политическомъ ежегодникѣ—*Die Europäische Fama*, откуда былъ перепечатанъ въ извѣстномъ польскомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ *Przyjaciel Ludu* [1835 г., № 22] ¹⁾. И этотъ портретъ Мазепы для насъ очень важенъ потому, что онъ паданъ при живомъ Мазепѣ и изображенъ съ бородою.

Норбленовская гравюра изображаетъ Мазепу въ совѣтъ особомъ видѣ: въ шапкѣ съ перьями, безъ усовъ и съ бородою, раздвоеншеюся на два длинные клипа. Норбленъ, бургундецъ по рожденію [род. 1745 г. † 1830 г.], живописецъ по занятію,

¹⁾ Слѣдуя Ровинскому, О. М. Уманецъ (стр. 419) думаетъ, что этотъ портретъ Мазепы писанъ въ 1796 г., Вуел'емъ.

выѣхалъ въ Польшу въ 1770 г., поселился здѣсь въ Варшавѣ и сталъ рисовать картины для короля и польскихъ магнатовъ. Срисовывалъ онъ при этомъ и разные костюмы польскіе ¹⁾. Въ-стѣ съ тѣмъ Н—нъ былъ и граверомъ. Къ числу его гравюръ принадлежитъ и прилагаемый здѣсь портретъ Мазены. Вернулся Н—нъ изъ Польши во Францію въ 1804 г. Такимъ образомъ гравюра прилагаемаго портрета сдѣлана была приблизительно въ концѣ XVIII в.

Копія норбленовской гравюры въ первый разъ была издана, сколько намъ извѣстно, въ перв. книжкѣ *Ateneum'a* Крашевскаго за 1842 г., какъ иллюстрація къ небольшой статейкѣ о Мазенѣ польскаго ученаго Ал. Шездѣцкаго (25—41). Перерисовалъ гравюру Норблена и Де-ля-флизи; его рисунокъ имѣется какъ въ томъ его альбомѣ, который хранится въ Церк.-арх. музеѣ при Кіевск. дух. акад. ²⁾, такъ и въ другомъ, имѣющемся въ нашей библіотекѣ ³⁾.

Переходимъ къ лаврскому портрету Мазены, изданному покойнымъ редакторомъ Кіевск. Старины *Ө. Г. Лебединцевымъ*.

Въ поясненіи къ этому рисунку издатель его говоритъ, что это „современное стѣнное во весь ростъ изображеніе Мазены, писанное масляными красками, уцѣлѣло въ великой церкви Кіево-печерской лавры на заломѣ стѣны противъ лѣваго клироса“. Далѣе издатель продолжаетъ: „принадлежность Мазенѣ этого портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостоверяется подписью: *Юлія Степановичъ Мазена гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи... О близости портрета къ подлиннику можно заключить

¹⁾ Къ числу картинъ Норблена принадлежитъ и „Битва при Берестекѣ“ неизвестно гдѣ нынѣ находящаяся. Въ 1833—41 гг. издалъ (въ Страсбургѣ) его альбомъ— „*Les costumes du peuple polonais suivis d'une description exacte de ses moeurs, de ses usages et de ses habitudes*“.

²⁾ См. Опис. рукоп. церк.-археол. музея при кіевск. дух. ак. Н. И. Петрова I, стр. 138.

³⁾ Въ нашемъ рисункѣ Де-ля-флизи подпись такая: „Юлія Мазена въ 1711 году“.

какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображеніями, какія дала *Щирскій* для поднесенія *Мазепѣ*... Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ *Мазею* и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анафемагствованія, а также и послѣ пожара 1718 г., истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія *Мазепы*: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огнь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе *Мазепы* можно разглядѣть при шаропомѣ освѣщеніи“ (январь, 100). Въ этомъ поясненіи наибольшее подозрѣніе возбуждаетъ свѣдѣніе о будто бы существовавшей подъ портретомъ подписи—*Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая, „по свидѣтельству начальствующей лаврской братіи“ уничтожена въ 1883 г. или около того... Въ какомъ бы „мракѣ“ ни находился этотъ портретъ, но существованіе при немъ подписи съ именемъ *Мазепы* послѣ его изгнаны—фактъ невѣроятный, а пожалуй и совсѣмъ невозможный... Извѣстно, съ какою ревностью истреблялось имя *Мазепы* даже въ тѣхъ церковныхъ книгахъ, гдѣ оно помѣщалось гдѣ-нибудь на мало замѣтномъ мѣстѣ, на послѣдней страницѣ¹⁾. А то бы позволили остаться этому подписанному пол-

¹⁾ Очевь часто въ лаврскихъ издаваніяхъ церковныхъ книгъ, въ концѣ, печаталось: „за счастливого владѣнія въ царскаго пресвѣтлаго величества гетмана обоихъ сторонъ *Днѣпра*, благороднаго *Иоанна Стефановича Мазепы*, тиномъ совершися“. См. напр., *Апостолъ* 1695 г. Но всѣ эти мѣста въ книгахъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, при церковномъ напр. богослуженіи, тщательно вычищались; для примѣра можемъ указать на евангеліе, находящееся въ ахтырской усненской церкви, въ которомъ печатное упоминаніе о *Мазепѣ* тщательно выскоблено. Это послѣднее свѣдѣніе сообщено мнѣ ахтырскимъ жителемъ, П. А. Филиповымъ, въ отвѣтъ на вопросъ—дѣйствительно ли на этомъ евангеліи ищется собственноручная надпись *Мазепы* о пожертвованіи книги въ церковь, какъ объ этомъ говорить напечатанная въ прошломъ году въ *Южномъ Краѣ* (№ 5960) замѣтка. Отвѣтъ полученъ, что никакой собственноручной надписи *Мазепы* на этомъ евангеліи—нѣтъ. Да едва ли она могла и быть, если въ этой книгѣ выскоблено и печатное имя *Мазепы*.—Объ уничтоженіи надписей съ именемъ *Мазепы*.—см. также *Умидца Гетманъ Мазепѣ* стр. 417.

нымъ именовъ портрету Мазепы въ лаврѣ!.. Намъ могутъ замѣтить, что сохранился же до к. XVIII в. портретъ Мазепы, нарисованный въ Братскомъ монастырѣ, возлѣ дверей,⁴ о которомъ любопытное свидѣтельство Берлинскаго сохранилъ г. Цимбалистовъ (К. Ст. 1887 г., янв., 371). Но вѣдь еще вопросъ что это былъ за портретъ, описанный такъ: „съ бороною и усами съдыми, съ густыми и большими бровями, въ зеленой шинели съ небольшимъ воротникомъ, собою очень прекрасенъ...“ Вѣдь легко могло случиться, что этотъ портретъ, потомъ „разбитый“ митропол. Самуиломъ, только слылъ за Мазепинъ... Ни о какихъ атрибутахъ его власти здѣсь не говорится и дѣйствительнаго гетмана въ немъ не видно.. Не говоритъ г. Цимбалистовъ, чтобы этотъ портретъ имѣлъ и подпись. А лаврскій портретъ будто-бы сохранилъ подпись до недавнихъ дней... Мы не вѣримъ, чтобы эта подпись дѣйствительно существовала, и думаемъ, что она явилась со словъ людей, которые, имѣя о Мазепѣ и о его времени *слишкомъ смутныя понятія*, не затруднились удостовѣрять предъ О. Г. Лебединцевымъ и существованіе той подписи, которая подкрѣпляла ихъ личное свидѣтельство о портретѣ... Наконецъ, почему же на этомъ портретѣ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, указывающихъ на „высокое положеніе лица, съ котораго писанъ портретъ?“ Вѣдь этихъ атрибутовъ не имѣетъ только Бекетовскій портретъ, но это же и не Мазепинъ... а то или булава, или какая-то медаль, украшающая Норбленовскій портретъ, несомнѣнно служатъ указаніемъ на „высокое положеніе лица“, съ котораго писанъ портретъ. Фактъ возможности найти портретъ Мазепы на стѣнахъ великой лаврской церкви былъ слишкомъ замалчивъ, и покойный редакторъ Кіевской Старины поддавался искушенію явить такой портретъ на страницахъ своего журнала... Для убѣдительности въ автентичности портрета издатель его указываетъ на сходство этого портрета съ *известными* «изображеніями Щирскаго»¹⁾. Мы тогда же возра-

¹⁾ Гравюры Щирскаго указаны въ словарѣ гравюровъ, прилож. къ книгѣ Ровинскаго — „Русскіе гравюры и ихъ произведенія“ (М., 1870), стр. 353. Никакихъ „изображеній“, указывавшихъ бы на Мазепу, въ перечнѣ гравюръ Щирскаго — нѣтъ.

жали покойному *Θ. Г. Лебединцеву* прстивъ печатанія этого якобы мазепинаго портрета, указывая на то, что никакимъ образомъ портретъ Мазепы не могъ сохраниться на стѣнахъ лаврской церкви, да и *гетмана* не видно на этомъ портретѣ... По редактору видимо хотѣлось украсить свой журналъ...¹⁾ Такимъ образомъ, никакой достовѣрности этотъ лаврскій портретъ Мазепы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ²⁾.

За симиъ еще есть одинъ портретъ Мазепы, сохранившійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, нынѣ принадлежащей вел. князю Николаю Николаевичу, а прежде находившейся въ Покровской Переяславской церкви. Объ этой иконѣ извѣстный *А. Терещенко* записалъ, лѣтъ около 50-ти назадъ, такое преданіе, что эту икону заказывалъ переяславскій полковникъ *Мировичъ*, близкій родственникъ Мазепы, для Покровской переяславской церкви, которую онъ строилъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. По записи *Терещенка*, на этой иконѣ, по заказу полковника, изображены: *Петръ В.*, супруга его *Екатерина Мазепина*, *Феофанъ Прокоповичъ* и друг. неизвѣстныхъ лицъ³⁾, *Петръ В.* на этой иконѣ изображенъ въ латахъ; рядомъ съ нимъ—*Екатерина I*, съ вѣромъ въ рукахъ; сзади *Петра* долженъ быть *Мазепинъ*—подстриженъ вкругокъ, съ усами; за *Екатериной*—двѣ придворныя дамы, а сзади ихъ—двѣ *паніи* въ ко-

да ихъ и не было. Не хотѣлъ ли покойный издатель портрета назвать здѣсь *Тарасевича*?

¹⁾ Изданіе этого портрета вызвало тогда же возмущеніе въ Кіевлянинѣ (1887 г., № 6), принадлежавшее, какъ намъ извѣстно, покойному проф. *В. А. Бену*. Возражая редактору *К. Старини*, Бенцъ указывалъ на другой, болѣе достовѣрный портретъ Мазепы, именно на гравюру *Норблена*, находящуюся въ коллекціи проф. *Чугаевича*, а потомъ доставившася ему, Бену. Покойный профессоръ очень желалъ имѣть фототипный снимокъ съ этой гравюры и уже было приготовилъ для этого негативъ... Съ этого негатива, любезно переданнаго намъ вдовою профессора *Д. П. Бенцъ*, мы и сдѣлали прилагаемый здѣсь снимокъ. *Г. Уманецъ* говоритъ, что на этой гравюрѣ видѣна надпись: „*Мазера aetatis 78*“. Обозначенія лѣтъ на нашемъ негативѣ нѣтъ, вѣроятно не отпечаталось.

²⁾ Того же мнѣнія объ этомъ портретѣ и *Θ. М. Уманецъ*. См. его монографію о *Мазепѣ*, стр. 417.

³⁾ См. „*Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божьей Матери и паленіи гетмана Мазепы предъ Покровскою церковию въ Переяславѣ*“. *А. Терещенка*, Русск. Арх. 1866 г., стр. 316—322.

рабликахъ. Эти кораблики собственно и указываютъ на мѣстное происхожденіе иконы, такъ какъ фигура предполагаемаго Мазепы заслонена царемъ и поэтому одежды гетмана почти не видно ¹⁾. Говорить о какомъ либо сходствѣ этого портрета мы не будемъ уже и потому что трудно что-нибудь сказать и о сходствѣ нарисованнаго здѣсь Петра В., который представляется ужъ очень молодымъ... Хотя, напр., портретъ Екатерины I сдѣлавъ мастерски: мы видимъ несомнѣнно красивую жепщину, нарисованную опытною рукою. Относительно этого Мазепинаго портрета можно сказать только, что Мазена здѣсь безъ бороды. Борода Мазепы на его портретахъ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе... Такъ, напр., и Ровинскій готовъ заподозрить сходство съ оригиналомъ Норбленовской гравюры—только изъ-за бороды. Намъ кажется, что борода Мазепы потому вызываетъ у насъ сомнѣніе или недоумѣніе, что мы очень привыкли къ его *Бекетовскому* портрету, гдѣ этой бороды нѣтъ. Нѣтъ бороды и на портретахъ гетмановъ Скоропадскаго и Аюстола, которые оба умерли глубокими стариками... Но есть бороды на вполне достоверныхъ портретахъ: генер. обознаго Василя Душинъ-Борковскаго (К. Ст. 1894 г., № 3), генер. судьи Ивана Домонтовича (въ Батуринск. монастырѣ), лубенскаго полковника Максима Пляшешка (К. Ст. 1891 г., № 1). Все это люди к. XVII в., а Борковскій такъ и совсѣмъ современникъ Мазепы. Отсюда видно, что борода вовсе не была рѣдкостью въ старой Малороссіи на лицахъ людей „высокаго положенія“, но носили бороду только старые люди. Поэтому совершенно естественно видѣть бороду на изображеніяхъ Мазепы заграничной гравюры 1704 г. („die Eugoräische Fame“) и Вигуринской—1706 г. Никакихъ сомнѣній не представляетъ борода и [на гравюру] Норблена, на которой гетманъ изображенъ дѣйствительнымъ старцемъ...

¹⁾ Описываясь лица на покровской передславской иконѣ, имѣя передъ собою фотографію ея копію (вышнюю въ 12 верш.), подаренную намъ покойнымъ В. А. Бедомъ.

Какой же изъ описанныхъ здѣсь портретовъ Мазепы можно признать за наиболѣе достовѣрный? ¹⁾ Мы бы сказали, что тотъ, который изображенъ на порбленовской гравюрѣ... Это дѣйствительно *мастерской портретъ*, а не полуфантастическіе рисунки 1704 и 1706 г. г., а затѣмъ—это портретъ, который гравированъ въ к. XVIII в., *заграницей*, гдѣ Порбленъ могъ найти пастоящій портретъ Мазепы, потому что польскіе вельможи сохранили портретъ этого болѣе или менѣе близкаго имъ человѣка... Не далеко отъ Бродовъ, въ Злочовскомъ „обводѣ“, есть историческое село Подгорцы, сначала, въ XVII в., принадлежавшее Конечпольскимъ, а потомъ королевичу Якову Собѣскому. Въ Подгорцахъ имѣется великолѣпный палацъ, въ которомъ любилъ жить и отецъ собственника Янъ Собѣскій. Вислѣдствіи (1725 г.) Подгорцы перешли къ Ржевусскимъ, а теперь принадлежатъ Сангушкамъ. Подгорецкій палацъ, заключающій въ себѣ множество дорогихъ картинъ и разныхъ предметовъ искусства, подробно описанъ извѣстнымъ польскимъ книжникомъ и археологомъ Шниленскимъ и его описаніе напечатано въ львовскомъ сборникѣ „Dniestrzanka“ (Lwów, 1841, стр. 9—33). Среди портретовъ польскихъ магнатовъ, украшающихъ стѣны замка, есть и рап Мазера, *hetman kozacki*, портретовъ котораго здѣсь показано два (стр. 11 и 17). Въмѣстѣ съ Мазепою здѣсь помѣщаются: Конечпольскій, Ходкевичъ, Ржевускіе, *Богданъ Хмельницкій*, Карлъ XII, Августъ II, Августъ III и друг. ²⁾ Вотъ гдѣ нужно

¹⁾ Мы не упомянули здѣсь о портретѣ Мазепы, который описанъ г. Горленкомъ въ К. Спар. 1892 г. (Янв., 603), такъ какъ очевидно („растегнутый кунтушъ“) что это копія *бекетовскаго*. Тѣ „гетманскіе портреты, которые встрѣчаются, по словамъ г. Уманца, (стр. 419) на постоялыхъ дворахъ, въ домахъ поѣздниковъ купцовъ“—все это очевидно снимки съ портретовъ Бант.-Каменскаго.

²⁾ По рѣдкости книжки, гдѣ запечатано описаніе подгорецкаго палаца, упомянемъ, что тутъ находятся еще и слѣд. картины, касающіяся Малороссіи „*Przejście przez wojsko polskie jakieg. hetmana kozackiego, Zygmunt August w senacie na tronie siedzi, a kozacy przysięgę mu składają.—Koniec polski z kozakami*. Есть тутъ и рукописи для насъ интересныя, напр. *Regestr pułkowników wojska Zaporozskiego na ekspedycję turecką 1620; Inwentarz zamku kijowskiego, spis. r. 1616 po polsku, Pasz ort Iwanowi Bohunowi wolnego przejścia przez wojsko Zaporozkie, w ktorem tenże był pułkownikiem, 1631, po rusku.*“

искать достовернаго портрета Мазепы!.. Очень вѣроятно, что оригиналомъ и для Норблена служилъ одинъ изъ сохранныхъ у поляковъ портретовъ Мазепы ¹⁾. Интересно бы найти этотъ портретъ для провѣрки гравюры Норблена, во всякомъ случаѣ представляющей типичное лицо... Быть можетъ О. М. Уманецъ и правъ, говоря, что въ такого старика могла влюбиться Кочубеевна...

¹⁾ Въ К. Ст. на 1890 г., № 1. помѣщена статья — „Старинная южнорусская гравюра“; авторъ ея говоритъ здѣсь (стр. 58) между прочимъ, что въ б—къ Кра-
снискскихъ, (въ Варшавѣ) находится старинный портретъ Мазепы, писанный масля-
ными красками, „съ котораго сдѣлана гравюра Норблена“. Лицо очень схоже съ
гравюрой Галляковскаго, но въ немъ Мазепъ, вмѣсто короткой подстриженной бо-
родки, имѣетъ длинную бороду въ видѣ космы „которой Мазепа никогда не но-
силъ“. Изъ этой выписки не видно—знакомъ ли авторъ лично съ этичь подлинни-
комъ гравюры Норблена и откуда ему извѣстно, что Мазепа длинной бороды „ни-
когда“ не носилъ. Свидѣніе объ указываемомъ здѣсь „оригиналѣ“ норбленовской
гравюры требуетъ большихъ подробностей, чтобы дѣлать какое нибудь прочное заклю-
ченіе, а относительно бороды могло и такъ быть, что Мазепа всегда носилъ (въ ста-
рости) длинную бороду, а тѣ „подстриженныя бороды“, которыя мы видимъ на
аптекозныхъ картинахъ, являлись тутъ изъ угодническаго желанія художниковъ
облагодѣлать лицо влассетина... Повидимому, приведенное замѣчаніе автора ста-
тьи „Стар. Южнор. грав.“ о сходствѣ аптекозы Галляковскаго съ гравюрой Норблена
дастъ основаніе г Уманцу уже для заключенія, что гравюра Галляковскаго слу-
жила прототипомъ гравюры Норблена..

